Русская эмиграция в Югославии

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ
КАФЕДРА СЛАВИСТИКИ БЕЛГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Русская эмиграция в Югославии

«ИНДРИК»
Москва 1996

Сборник статей югославских и российских исследователей посвящен описанию научной, педагогической, культурной и хозяйственной деятельности представителей русской послеоктябрьской эмиграции в Югославии. В него вошли статьи, освещающие различные аспекты феномена русской диаспоры в Югославии: общие статистические данные, сведения о прибытии и размещении беженцев, жизнь эмиграции в рамках созданных ею общественных организаций, культурные связи с местной интеллигенцией, вклад ряда видных представителей эмиграции в экономику, науку и искусство Югославии. В сборнике помещена избранная библиография книг и статей на общие темы жизни и деятельности русской эмиграции в Югославии, включающая 416 названий.

Редакционная коллегия:

А. Арсеньев, О. Кириллова, М. Сибинович

Перевод О. Кирилловой

Подготовка текста к печати:

В. Сречкович («Информатика»), *Р. Булатова*, *М. Леньшина*

Корректор:

Л. Соколова

Институт славяноведения и балканистики РАН
и Белградский университет
благодарят сербскую фирму «Информатика» за разностороннюю помощь
и финансовую поддержку в осуществлении настоящего издания

ISBN 5-85759-043-4

От редколлегии

Настоящая книга посвящена научной и культурной деятельности представителей русской послеоктябрьской эмиграции в Югославии. После октября 1917 года из России хлынула огромная армия беженцев [1]. В Югославию до 1921 года прибыло — по одним источникам около 29 тысяч российских беженцев, по другим — до 40 или даже 70 тысяч. Большинство из них имело среднее, высшее, незаконченное высшее образование, среди них были видные историки, правоведы, филологи, архитекторы, художники, литераторы, работники театра, инженеры, военные летчики, топографы, врачи и т. д.

Ни в одной из западных стран не было столь благоприятного сочетания факторов, облегчавших жизнь русской диаспоры, как в Югославии. Исключительность югославской ситуации объясняется прежде всего традиционными, историческими, религиозными, культурными связями России и Сербии. Кроме того, Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев отдавало дань признательности России за союзническую поддержку в Первой мировой войне. Немалую роль играли официальные и кровные связи придворных кругов Королевства СХС с династией Романовых, русофильские настроения в политических партиях — демократической и радикальной, иерархов Сербской православной церкви, а также влиятельной части интеллигенции.

Отношение югославских властей и общества к беженцам из России определялось и практическими интересами. Стране, разоренной мировой войной, утратившей большую часть своей интеллигенции, имевшей 79,5% неграмотного населения (в Сербии), были жизненно необходимы культурные люди, высококвалифицированные специалисты, лояльно настроенные и готовые довольствоваться относительно скромными условиями жизни.

Превозмогая утрату родины и близких, сознавая себя преемницей дореволюционного духовного наследия, русская интеллигенция сумела в эмиграции сохранить и приумножить это наследие. Значителен ее вклад и в науку, и в культуру тех стран, в которых она нашла приют.

История русского зарубежья — это часть российской истории; русская культура, созданная за рубежом, неотделима от культуры России. К такому выводу приходит большинство современных исследователей этой проблемы [2]. На Западе изучение наследия русской эмиграции имеет давнюю историю [3], в России же вплоть до конца 80-х годов эта тема была фактически запретной. В последние годы наряду с исследовательской и публикаторской деятельностью [4] ус-

танавливаются непосредственные связи с эмиграцией. В 1991 году в Москве и в 1992 году в Санкт-Петербурге прошли конгрессы соотечественников. С 1991 года Отделение языка и литературы Российской академии наук проводит круглые столы «Российское наследие. Разделенные архивы», осуществляя программу по формированию фондов русской зарубежной культуры XX века. В сентябре 1993 года Российская АН провела в Москве международную конференцию с участием ученых из семнадцати стран «Культурное наследие российской эмиграции. 1917—1940» [5].

Важным импульсом к изучению русской эмиграции в Югославии стала инициатива Ассоциации друзей Югославии (ее президента В. П. Гудкова). В 1992 году АДЮ выступила с предложением отметить 60-летие деятельности Русского дома в Белграде. Призыв этот одобрили и поддержали Общество сербско-русской дружбы, министерство культуры и информации Югославии и Сербии, Белградский университет и ряд других учреждений науки и культуры. Устроителями юбилейных празднеств стали Почетный и Организационный комитеты, куда входили видные деятели сербской науки и искусства, принц Томислав Карагеоргиевич, настоятель Подворья Русской православной церкви в Белграде о. Василий Тарасьев и представители трех поколений русской эмиграции.

Доступность архивных материалов и близость к самим персонажам истории несомненно способствуют активизации в Югославии исследований по русской эмиграции. В апреле 1993 года в Белграде прошел симпозиум «Вклад русской эмиграции в развитие сербской культуры XX века» (руководитель проекта М. Сибинович), был проведен ряд мероприятий, посвященных 60-летию Русского дома имени императора Николая II в Белграде. К сожалению, в них не смогли принять участие ученые из России, хотя они и были приглашены [6].

Материалы симпозиума легли в основу двухтомника, изданного в 1994 году в Белграде [7]. В него вошли 54 статьи, составившие следующие разделы: I. Методологическая и культурно-историческая проблематика; II. Наука, техника, здравоохранение, образование и архитектура; III. Литература, живопись, искусство театра, музыка. Издание снабжено выборочной библиографией трудов о русской эмиграции в Югославии и указателем, включающем более восьмисот имен упомянутых в сборнике деятелей русской эмиграции (составитель А. Арсеньев).

Отметим великолепное белградское издание 1994 «Русские без России. Сербские русские» (отв. редактор Д. Яничиевич) [8].

Составители настоящего сборника исходили из значимости и актуальности этой проблематики для русского читателя. Книга издается по инициативе научного сотрудника Института славяноведения и балканистики РАН О. Л. Кирилловой и профессора Белградского университета М. Сибиновича при финансовой поддержке сербской фирмы «Информатика» (Белград — Москва). В нее вошли избранные статьи белградского двухтомника и работы московских исследователей. Здесь представлены различные аспекты феномена русской эмиграции в Югославии: общие статистические данные, сведения о прибытии и размещении беженцев, жизнь эмиграции в рамках созданных ею общественных организаций, культурные связи с местной интеллигенцией, вклад ряда видных представителей эмиграции в экономику, науку и искусство Югославии.

Сборник завершает публикуемая впервые в столь большом объеме «Избранная библиография книг и статей на общие темы жизни и деятельности русской эмиграции в Югославии», составленная А. Арсеньевым — перечень работ, опубликованных за 75 лет на разных языках и на четырех континентах. В библиографию не вошли сотни работ, относящиеся к отдельным русским ученым, общественным деятелям, артистам и т. д., которые жили и творили в Югославии (византологу Г. А. Острогорскому, театральному режиссеру Ю. Л. Ракитину, математику Ан. Д. Билимовичу, художнику С. Ф. Колесникову, летчику В. И. Стрижевскому, журналисту А. И. Ксюнину, митрополиту Антонию Храповицкому, ген.-лейт. Б. В. Адамовичу и многим другим). Это задача на будущее. Особый раздел библиографии содержит перечень опубликованных мемуаров и известных составителю художественных произведений, в которых судьбы русских эмигрантов представлены в восприятии югославских и советских писателей.

Несколько слов о проблеме, возникшей при переводе на русский язык статей югославских авторов. В сербском, также, как и в ряде других языков, прилагательное *руски* покрывает спектр значений русских прилагательных *российский* и *русский*. При переводе сохранены исторически сложившиеся в дореволюционной России понятийные определения, традиционно принятые и в русской диаспоре: «русская эмиграция», «русская музыка», «русская литература», «русская церковь», «русская наука» и т. п.. В синонимичном контексте вслед за сложившейся традицией предпочтение также отдавалось прилагательному *русский*. В случаях, где речь шла о явлениях многонационального характера, и вне традиционного контекста употреблено прилагательное *российский*.

Тематический разброс, разноликость и неравноценность статей явля-

ется отражением начального этапа разработки указанной проблематики значительным числом исследователей. Полагаем, однако, что предлагаемый вниманию читателей сборник внесет свой вклад в важное дело изучения культурного наследия русской эмиграции XX века.

Примечания

[1] О количественном составе русской эмиграции в 1917—1921 гг. см. в статье: *М. Йованович.* Россия в изгнании. Границы, масштабы и основные проблемы исследования.— Наст. сб., с. 32—36.

[2] См., например: *Струве Г.* Русская литература в изгнании. Опыт исторического обзора зарубежной литературы. Нью-Йорк, 1956; 2-е издание исправленное и дополненное. Париж, 1984; *Эткинд Е.* Русская поэзия XX в. как единый процесс// Одна или две русские литературы. Лозанна, 1981; *Афанасьев А.* Неутоленная любовь//Литература народов русского зарубежья. Антология. Т. I, кн. 1. М., 1990; *Чагин А. И.* Противоречивая целостность//Культурное наследие российской эмиграции, 1917—1940. Кн. 2. М., 1994, с. 17—24. и др.

[3] См., например, *Hans von Rimscha.* Russland jenseit der Grenzen. 1921—1926. Jena, 1927; *W. Chapin Huntington.* The Home sick Millions Russia-out-of Russia. Boston, 1933; *Sir John Hope Simpson.* The Refugee Problem: Report of a Survey Royal Institute of International Affairs. London; New York, 1939; *Пио-Ульский Г. Н.* Русская эмиграция и ее значение в культурной жизни других народов. Белград, 1939; *Ковалевский П. Е.* Зарубежная Россия: история и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920—1970). Париж, 1971; Русская литература в эмиграции. Сборник статей под ред. Н. П. Полторацкого. Питтсбург, 1972 и др.

[4] Отметим публикации сотрудников Института славяноведения и балканистики РАН по данной проблематике: *Писарев Ю. А.* Российская эмиграция в Югославии 1919—1945//Новая и новейшая история. 1991, № 1; подборка статей и архивных материалов по русской эмиграции в Югославии (авторы В. И. Косик, В. Д. Козлитин, К. В. Никифоров), Чехословакии (Е. Ю. Борисенок, М. А. Робинсон, Л. П. Петровский), Болгарии (А. Н. Горяинов), а также о евразийстве 1921—1931 (Л. Е. Горизонтов)//Славяноведение, 1992, № 4. с. 3—104. Начиная с этого номера, журнал «Славяноведение» ежегодно (см. № 4 за 1993, 1994, 1995) публикует статьи и материалы, посвященные русской эмиграции в славянских странах.

[5] Материалы конференции изданы в двух томах: Культурное наследие российской эмиграции. 1917—1940/Под общ. ред Челышева Е. П., Шаховского Д. М. М., 1994 (кн. 1 — 520 с.; кн. 2 — 519 с.).

[6] О программе юбилейных торжеств см.: *Арсеньев А. Б.* Дни русской культуры в Белграде: 60-летие Русского дома//Русская мысль. Париж, 7 мая 1993; Русская жизнь. Сан-Франциско, 4 июня 1993; Наша страна. Буэнос Айрес, 10 июля 1993; Единение. Сидней, 18 июня 1993, а также: *Ураков М. А.* Шестьдесят лет Русскому дому в Белграде//Славяноведение, 1994, № 4, с. 59—61 (здесь же — и о причинах, не позволивших приехать в Белград российским ученым и деятелям культуры).

[7] Руска емиграција у српској култури XX века. Зборник радова. I, II. Београд, 1994 (т. I — 314 с.; т. II — 326 с.). Перечень статей, составивших сборник, см. в публикации: *Сибинович М.* Научные чтения, посвященные русской эмиграции в Югославии//Славяноведение, 1994, № 4, с. 126—127. Рецензия на сборник Вагаповой Н. М. см.: Славяноведение 1995, № 4. С. 106—107.

[8] Руси без Русије. Српски руси. Дунај. Ефект. 1994. 359 с.

Миодраг Сибинович

Значение русской эмиграции в сербской культуре XX века — границы и перспективы исследования

Жизнь русских беженцев, изгнанников и эмигрантов в Сербии и Югославии с весны 1919 года, когда начинается массовое переселение, и до последнего времени была насыщена событиями, полна блистательных взлетов, но вместе с тем новых тягот и утрат.

Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев оказалось единственным европейским государством, которое открыло свои границы не только беженцам из России, но и целым формированиям Русской армии.

Нелегко было Королевству СХС, Сербии, измученной войной, принять огромное число переселенцев. По приблизительным данным, через нашу страну прошло от 50 до 70 тысяч, а задержалось на время или осталось здесь жить более 40 тысяч бывших подданных Российской Империи. О численности русских беженцев говорит ответ председателя Государственной комиссии по делам русских беженцев от 1923 года на запрос Министерства иностранных дел за № 720 от 20 января 1923 года (копия документа стала доступна общественности недавно): «Согласно переписи населения, начатой по распоряжению Государственной комиссии в апреле 1921 года и законченной к ноябрю того же года, на территории нашего государства зарегистрировано 28.946 русских беженцев. В этот же период и до января 1923 года в Королевстве родилось или вновь прибыло 1.669 человек. Одновременно из страны выбыло 2.360, а умерло 265 человек. Таким образом, по состоянию на январь 1921 года в списках Государственной комиссии значатся 27.990 беженцев.

В это число не входят добровольцы, принятые по договору сроком на один год в пограничную службу (так как к настоящему моменту этот срок истек, то значительная часть их перешла в

категорию беженцев), контингент армии Врангеля, используемый на специальных работах, а также беженцы, имеющие средства к существованию и не получающие материальную помощь от комиссии. Общая численность беженцев составляет около 45.000 человек» [1]. Эту цифру нельзя считать абсолютно надежной, хотя она и содержится в официальном документе, поскольку председатель Государственной комиссии приводит ее в качестве довода к тому, что не следует уменьшать размеры помощи, выделяемой беженцам из государственного бюджета на следующий год. Тем не менее число русских беженцев, сообщаемое Министерству иностранных дел не могло значительно расходиться с фактическим, поскольку оно фигурирует в связи с составлением такого серьезного и требующего точности документа, как государственный бюджет.

Российский исход сыграл важную роль в истории сербской культуры. Русская эмиграция принесла с собой широкую культуру, развитую науку и оказала неоценимую всестороннюю помощь близкому славянскому народу (судя по некоторым документам, для правительственных кругов Королевства СХС не совсем неожиданную) [2]. В 1922 году русский беженец А. Маклецов пишет: «Мы располагаем сведениями, полученными из статистического отдела Государственной комиссии по делам русских беженцев в Белграде, о том, что 75% русской эмиграции в Югославии составляют лица с высшим и средним образованием. К остальной части относятся в основном люди, имеющие начальное или домашнее образование. Число тех, кто не получил никакого образования, незначительно — не более 3% общего количества. При этом не следует забывать, что в самой России процент неграмотных велик. Таким образом, эмиграционная волна вынесла из России наиболее образованные слои» [3]. Переселенцы из России, нередко ученые и деятели культуры, дали сильный импульс развитию сербской, черногорской и в целом югославской культуры. Трудно найти в Сербии какой-либо населенный пункт, где русские учителя, врачи, инженеры, музыканты, агрономы, лесоводы или ветеринары не оставили бы по себе добрую память.

Приводимый ниже список официально признанных общественных и профессиональных объединений, которые появляются на страницах еженедельной печати уже в 1921 и 1922 годах, свидетельствует о значительных профессиональных возможностях русской эмиграции и ее разносторонней деятельности в Королевстве. Вот некоторые из этих организаций: Общество русских юристов в Королевстве СХС,

Общество русских ученых в Королевстве СХС, Союз русских инженеров в Королевстве СХС, Союз русских агрономов, лесоводов и ветеринаров, Союз русских педагогов, Сербско-русское общество врачей, Союз русских торговых, промышленных и финансовых деятелей, Союз русских деятелей искусств, Литературно-художественное общество, Общество славянской взаимности, Русское общество взаимопомощи, Объединение русских производителей вина и др.[4].

Более подробный обзор литературной, издательской и научной деятельности представлен в книге О. Джурича «Русская литературная Сербия», изданной в 1990 году, поэтому на этом вопросе мы не будем останавливаться [5]. Отметим, что в картотеке Министерства внутренних дел Королевства СХС, или Югославии, находящейся сейчас в Архиве Югославии, зарегистрировано в период между двумя мировыми войнами 85 научных, культурных, художественных, спортивных, сословных обществ и объединений, название которых включает прилагательное «русский» [6].

Напомним, что в Белградском и других сербских и югославских университетах работало много российских ученых, которые вырастили учеников и обогатили науку своими трудами. В сборнике «Университет в Белграде, 1838—1988 гг.» В. Прпа-Йованович в статье «Преподаватели университета, 1919—1929 гг.» приводит таблицу численности русских преподавателей, работавших в Белградском университете с 1922/23 по 1928/29 учебный год.

	1922/23			1926/27			1928/29		
факультеты	число русских преподавателей	остальные преподаватели	процентное соотношение	число русских преподавателей	остальные преподаватели	процентное соотношение	число русских преподавателей	остальные преподаватели	процентное соотношение
философский	7	42	14,2%	5	54	8,4%	5	52	8,7%
юридический	5	18	21,7%	3	25	10,7%	4	20	16,6%
технический	13	29	30,9%	12	32	27,2%	13	35	27%
сельскохозяйственный	6	10	37,5%	6	19	24%	7	26	21,2%
богословский	3	9	25%	3	19	13,6%	2	16	11,1%

В таблицу не включены медицинский факультет в Белграде, юридический в Суботице и философский в Скопле, так как число российских преподавателей там незначительно. Исключение составляет Суботица, где в 1924/25 учебном году было четыре российских преподавателя, но поскольку отсутствуют данные за остальные годы, сравнительный анализ произвести невозможно [7].

Опера и балет в Сербии созданы непосредственно русскими эмигрантами. Они же — зачинатели нашей кинематографии, сценографии, искусства графической коммуникации (комикса), клинической медицины. Кроме того, россияне плодотворно трудились в различных отраслях промышленности, сельского хозяйства, на транспорте, в архитектуре, спорте, в школьном и дошкольном образовании, много переводили и т. д.

Естественно, что столь активная деятельность стала возможной благодаря бурному росту сербской культуры того времени, обусловленному существованием у нас собственной традиции. Испытывая жестокое военное, экономическое и духовное давление, сербское общество в своем культурном наследии имело уже «Славяно-сербский журнал» Орфелина (1768) — первый журнал на Балканах, литературное и культурное общество «Матица сербская» (1826), Общество сербской словесности (1842) с его разнообразной научной деятельностью, Сербское научное общество (1864) и Сербскую Королевскую академию наук (1886). Столетняя музыкальная и театральная жизнь увенчалась созданием театров: Сербского Народного театра в Новом Саде (1861), Народного театра в Белграде (1868). В 1853 году было основано Сербское певческое общество, в 1899 году открыта музыкальная школа. С развитием науки создавались новые учебные заведения: Высшая школа (1808), Лицей (1838), Высшая школа (1863), Белградский университет с его филиалами в Суботице и Скопле (1905). Сербская культура, вскормленная византийской цивилизацией, основанная на славянской традиции с ее богатым фольклором, средневековыми памятниками, стала большим подспорьем для сербской и русской интеллигенции, объединившей творческие усилия как в науке, так и культуре.

В начале 20-х и в 30-е годы под эгидой правительства и Двора созданы условия для деятельности многих русских и смешанных, русско-сербских, светских, церковных и военных институций, располагавшихся главным образом на территории Сербии, а также в других частях тогдашнего Королевства. Приведем некоторые на-

звания этих организаций, взятые из периодики и свидетельствующие об их разнообразном характере: Правление государственных уполномоченных по размещению российских беженцев в Королевстве СХС, Управление российского военного агентства в Королевстве СХС, Управление Русского морского флота, Собрание представителей эмиграционных организаций в Королевстве СХС, Правление уполномоченных представителей Российского общества Красного креста, Правление уполномоченных представителей Всероссийского областного союза в Королевстве СХС, Правление уполномоченных представителей Союза городов, Российское паспортное бюро при Управлении российского военного представителя, Дом Российского общества Красного креста, поликлиника Российского общества Красного креста, зубоврачебная клиника Российского общества Красного креста, Управление белградской колонией российских эмигрантов и др.[8] Открывались русские начальные и средние школы.

Подобная система, обеспечивающая статус «государства в государстве», имела и положительные, и отрицательные стороны. Это была своего рода защита от ассимиляции, которая, по крайней мере на первом этапе, поддерживала моральный дух и укрепляла надежду на скорое возвращение в отечество. Однако у некоторой части местного населения это вызывало отрицательную реакцию. Любопытный текст, опубликованный в 1922 году в журнале «Нова Европа» и подписанный инициалами двух авторов, помогает составить более полное представление о той жизни: «С появлением русской эмиграции в нашем обществе с новой силой воспряло давнее русофильство. Сами испытывая нужду, мы охотно протянули руку помощи несчастному брату, чтобы как-то облегчить тяжесть его положения. Конечно, всем и в той мере, в какой это было необходимо, мы помочь не могли. Но не следует забывать, что и для нас это сложное и трудное время. Русские эмигранты, по крайней мере основная их часть, держались отлично. Кто знает, что значит оказаться в изгнании, оторванным от родины и без средств к существованию, тот, без сомнения, согласится с этим. Поэтому наши люди по возможности, но охотно и от всей души шли им навстречу. Так было поначалу. Однако на этот раз мы продемонстрировали, что легко воспламеняемся и столь же быстро остываем. Послевоенное время оказалось не самым лучшим для проявления гостеприимства и сентиментальности. Вскоре потерпела поражение армия Врангеля, которую правительство встретило не

как эмигрантскую, а как действующее военное формирование. Это внесло смятение в ряды россиян и местных жителей. Среди широких слоев населения по отношению к русским стало возникать недоверие. Исчезали теплота и сердечность, появлялись холодность и настороженность. Более того, местные жители, особенно в небольших населенных пунктах, стали относиться к русским неприязненно и даже враждебно. Причем подобные настроения отмечались не только в отдельных местностях, но с небольшими вариациями распространялись по всей стране[9]. Несмотря на проблемы, связанные с социальной психологией, политическими отношениями и религиозными различиями внутри Королевства СХС, общение с русской культурой для межвоенной Сербии имело большое значение. Культурная общественность Сербии получила возможность шире познакомиться с достижениями русской научной мысли. Ход исторического развития и географическое положение способствовали тому, что сербские научные и технические кадры, за исключением церковных, формировались на Западе и в Центральной Европе.

Преподаватели Белградского университета, открытого в 1905 году, изучали технические науки на германоязычной территории, а юридические, естественные науки и математику — на франко- и германоязычной. На русскоязычной территории на филологическом и факультете общественных наук обучалось всего 8,7% студентов, в то время как на германоязычной территории их было 37%, а на франкоязычной — 13%. Свои докторские диссертации они защищали в университетах Вены (пять диссертаций), Мюнхена (четыре), Лейпцига (три), Парижа (три), Женевы (две), Тюбингена (две), Ростока (одна), Лозанны (одна), Фрайбурга (одна), Будапешта (одна) и Кракова (одна)[10]. По данным, которыми мы располагаем, в Белградском университете (исключение составляют медицинский факультет в Белграде, юридический в Суботице и философский в Скопле, по которым отсутствует полная документация) в 1922/23 учебном году работали 34 преподавателя из числа русских эмигрантов (по отношению к 108 остальным преподавателям это составляет 31,48%), в 1926/27 году — 29 человек (к 149 — 26,17%), в 1928/29 году — 31 человек (к 149 — 27,5%). Без сомнения, роль славянской, русской науки в сербской культуре 1-й половины XX века значительно возросла. В период между двумя мировыми войнами в неоднородной эмигрантской среде продолжались распри, начатые еще на родине, которые привели к усилению

конфронтации, расколу церкви, более жесткому разделению на республиканцев и монархистов. Эмиграция раскололась на тех, кто выступал за установление связей с отечеством, и тех, кто полностью отрицал советскую действительность. Раскол достиг апогея после нападения Гитлера на СССР. Это стало одной из причин того, что в конце Второй мировой войны на территории Сербии и Югославии были распущены все организации и учреждения русской эмиграции. Под самый конец войны пропали многие русские библиотеки и архивы. После резолюции Информбюро 1948 года и прекращения межгосударственных отношений с СССР остро встал вопрос гражданства. Многие русские беженцы были высланы из страны.

После Первой мировой войны в силу исторических обстоятельств (разрыв связей с Советской Россией и восторженное отношение к союзнической Франции) сербская культура была полностью ориентирована на западную. В учебных программах по литературе для гимназий периода 1930—1941 годов больше всего было французских авторов, меньше немецких, очень мало английских и ни одного русского [11].

Русская интеллигенция способствовала восстановлению равновесия и возврату к славянской традиции, ибо для нее не существовало ложной дилеммы: национальная культура или европейская. Для русских и сербских деятелей культуры было очевидно, что единственный путь исторического развития и процветания — неразрывная связь национальной (славянской) культуры с европейской и мировой. Такая ориентация определялась международными связями русской эмиграции, которая внимательно следила за достижениями науки и искусства и в Европе, и во всем мире. С другой стороны, русская эмигрантская интеллигенция никогда не ставила знак равенства между официальной советской и общерусской культурой. Эти положения можно кратко проиллюстрировать на примере журнала «Руски архив», с 1928 года выходившего на сербском языке в Белграде в рамках Объединения гласных российских земских и городских органов управления в Королевстве СХС (1924). За первые пять лет существования этого журнала читатель мог составить полное представление о творчестве и литературной деятельности всех значительных русских и советских писателей. Среди них были: Н. Асеев, И. Бабель, К. Бальмонт, А. Белый, А. Блок, В. Брюсов, М. Булгаков, И. Бунин, А. Веселый, М. Волошин, Ф. Гладков, М. Горький, Н. Гумилев, И. Эренбург, Е. Замятин, М. Зощенко,

Вяч. Иванов, Вас. Иванов, С. Есенин, В. Каверин, В. Казин, В. Катаев, В. Лавренев, Л. Леонов, В. Маяковский, А. Митрофанов, А. Неверов, Н. Никитин, Ю. Олеша, Б. Пастернак, Б. Пильняк, А. Ремизов, П. Романов, Л. Сейфуллина, Ф. Сологуб, Ю. Тынянов, Н. Тихонов, А. Толстой, С. Третьяков, И. Уткин, А. Фадеев, К. Федин, О. Форш, Д. Фурманов, М. Цветаева, В. Шершеневич и др. Тем самым «Руски архив» последовательно осуществлял свою программу, заявленную в первом номере: в то время, когда Европа «за большевистским фасадом не видит больше Россию с ее огромным числом народов и племен, среди которых ведущее место принадлежит гению русского народа», мы хотим «показать подлинную Россию в сиянии славы ее гения, определить направления ее развития, дать представление о её огромной творческой силе, изучить ее исторические пути, найти вечные ценности, приблизить иностранного читателя к России, русскому народу» [12].

В 1930 году редакция журнала, хорошо принятого югославской и сербской культурной общественностью, сообщает своим читателям, что: «По решению Главного совета просвещения господин министр образования приказом за № 4164 от 12 февраля 1929 года разрешил включить журнал „Руски архив" во все школьные библиотеки. Господин министр по делам религий решением за № 17049 от 14 декабря 1928 года также рекомендовал использовать журнал „Руски архив" в учебных целях, дабы ученики как можно лучше узнали и полюбили братскую Россию» [13]. Идея славянской взаимности, нашедшая в Королевстве Югославии яркое воплощение в русско-сербских межвоенных связях, с начала 50-х годов XX века могла бы стать источником новых совместных творческих достижений. В нашей стране всегда с пониманием и сочувствием относились к русским и советским диссидентам, как и к тем, кто покинул родину, так и к тем, кто остался в СССР. Мы через призму достижений русского современного искусства воспринимали развитие многообразных направлений мировой культуры [14].

Судьба неоднородных групп беженцев, изгнанников, перемещенных лиц и эмигрантов из России, которых для простоты принято называть «русской эмиграцией», стала сегодня актуальной темой. Актуальна трагедия отдельных людей и трагедия, пережитая на-

родом. Актуален и опыт, который вновь может быть востребован в сегодняшних исторических обстоятельствах, рассеивающих по свету русский, сербский и другие славянские и неславянские народы. Изучение вклада русской эмиграции в развитие сербской культуры — отдельная область в богатой истории куда более древних и обширных сербско-русских культурных и иных связей. Ускорить эти исследования заставляет сознание ограниченности человеческого века — нужно торопиться собирать драгоценный материал от самих эмигрантов или свидетелей их деятельности в нашей среде. Вклад русской эмиграции в сербскую культуру XX века представляет несомненный интерес для научного исследования, в том числе и с методологической точки зрения. Сношение отечественной культуры с иноземной, имеющее, как правило, контактный, ограниченный временем характер, в данном случае более активно и разнообразно, ибо жизнь поставила представителей разных культур в одни и те же социальные и культурные условия. А поскольку русская эмиграция представляла собой сложный многослойный общественный организм, русско-сербские связи на территории Сербии стали более широкими и разнообразными. Характерно прежде всего, что они осуществлялись почти во всех видах культурной деятельности, хотя в отдельных случаях их результаты, по гамбургскому счету, не всегда были на должной высоте; поэтому изучение интенсивного взаимопроникновения сербской и русской культуры в обозримый период и при наличии множества сохранившихся письменных и прочих источников может дать драгоценный материал по методологии исследования взаимодействия и взаимовлияния национальных культур тех периодов истории, которые скудно документированы. В работах, посвященных проблеме влияния русской эмиграции, нередко высказывается мысль о ее закрытом характере, нежелании смешиваться с местным сербским или югославским населением.

Хотя русские колонии действительно пытались сохранить свою целостность и компактность, в чем нередко и преуспевали, мнение это, с точки зрения компаративиста, глубоко ошибочно. Ибо люди, прибывшие из России, хотели они того или нет, вынуждены были решать проблемы своего существования в рамках сербского и югославского государства — иных условий для проявления и реализации их знаний и способностей, для удовлетворения их материальных и духовных потребностей не было.

С другой стороны, коренное сербское и югославское население не могло не оценить того, что делала русская интеллигенция. А если принять во внимание традиционную симпатию сербов и черногорцев к русским — большому братскому славянскому православному народу,— становится понятно, почему местная среда была психологически подготовлена к восприятию культуры, которую несли россияне. Неудивительно, что в те годы создавались многие общества смешанного типа или чисто эмигрантские, программы которых предусматривали знакомство с представителями родственных народов. Для лучшего понимания содержания и концепции этих программ приведем некоторые примеры.

Из отчетов Объединенного комитета Российского общества Красного креста, Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов в Королевстве СХС узнаем, что с апреля по август 1921 года на территории Сербии были организованы двухмесячные курсы обучения сербскому языку русских эмигрантов в Неготине, Заечаре, Аранджеловаце, Княжеваце, Лесковаце, Нише, Алексинаце, Парачине и Яготине [15].

Русские эмигрантские газеты в июле 1921 года объявили, что на философском факультете Белградского университета будут читаться лекции для русских по истории сербской литературы [16].

Федор Тарановский в письме Александру Беличу от 9 февраля 1921 года сообщал, что Общество русских ученых в Королевстве СХС готовит проект создания Сербско-русского славянского института по образцу соответствующего научного учреждения в Париже [17]; первый пункт программы общества «Русская библиотека» в Прилепе, который в то время находился в составе Сербии, гласил: «Общество имеет целью сближение русских и сербов на основе изучения культурных достижений двух народов» [18].

И, наконец, в письме известных русских интеллигентов председателю Русско-сербского клуба в Белграде (1929) говорится, что «сейчас много тысяч русских живут вместе с сербским народом... совместный труд и ежедневное общение способствуют более глубокому, чем это возможно в других условиях, ознакомлению друг с другом». Далее следуют некоторые программные положения: «В развитии и укреплении русско-сербских отношений, имеющих огромное значение, заинтересована не только русская общественность в Белграде, но и широкие слои русской эмиграции в Париже, Берлине, Праге и других городах, а также, что представляется

особенно важным, русское общество на родине. Из писем, других источников и статей г-на В. Рибникара, опубликованных в „Политике“, известно, что вопреки немалой и все более распространяющейся в России ксенофобии русские люди сохранили к сербскому народу теплые братские чувства, и в будущей — Новой — России наша задача состоит в том, чтобы эти чувства воплотить в конкретные дела»[19].

Исследование влияния русской эмиграции на сербскую культуру XX века в методологическом отношении интересно также с точки зрения международных (европейских, европейско-азиатских и европейско-американских) связей представителей русской культуры из эмигрантских кругов, поскольку импульсы, которые мы восприняли от русской эмиграции, были порой более многозначны, чем европейское или иное влияние. Подобное происходит в отношении эмигрантской русской культуры (философская мысль, литература, искусство, специальные национальные науки) к культуре «отечественной» — она возвратной волной приносит на родину «русские вопросы» тщательно отобранными, переосмысленными, либо сформулированными более резко, либо обогащенными опытом, традицией, современным содержанием общественных проблем, характерных для западноевропейской культуры (и прежде всего для нее). Вопрос связи русской с западноевропейской культурой представляется интересным с двух точек зрения: необходимо выяснить, во-первых, усиливается или, наоборот, ослабевает европейское начало в системе ценностей у эмигрантов первого и второго поколений (становятся ли «западные» славяне, оказавшиеся в европейских и других странах, «славянофилами» или же растворяются в новой среде?); во-вторых, как протекает процесс европеизации представителей последующих волн эмигрантской интеллигенции, особенно покинувшей страну после Второй мировой войны и в последние годы,— какую роль в их сознании играют современные западноевропейские ценности и какова здесь динамика.

В связи с этим возникает существенный вопрос — в какой мере содержание и направление культурной деятельности новой русской эмиграции является продолжением того, что культивировалось российской дворянской и разночинной интеллигенцией в предшествующей, по сути, билингварной культуре (личные связи, поездки в Европу как источник вдохновения) в XVIII и особенно в XIX столетиях, начиная с Петра Великого и Т. Прокоповича, Кантемира,

Тредиаковского и Ломоносова через Карамзина, Гоголя, Герцена, Тютчева до Бунина, Мережковского, Белого, Гумилева и Цветаевой? Влияла ли и в какой мере эта традиция на выбор русских эмигрантов — где жить, в православной Сербии или в других районах Югославии, в Центральной Европе или в Западной? Есть ли какая-то закономерность в том, что раскол русской церкви произошел именно в сербской мультинациональной, и мультиконфессиональной Воеводине?

Остановимся на некоторых моментах, которые могут стать отправной точкой для размышлений в этом направлении. В 1928 году Зинаида Гиппиус опубликовала в варшавской газете русских эмигрантов (на русском языке) интересную статью «Письмо о Югославии», где она утверждает, что с начала раскола русской эмиграции «правые» избрали своей «главной резиденцией» Сербию. Где же, если не в Сербии — стране «славянской православной монархической, которая (по их мнению) чтит память о русских царях, которая дала пристанище доблестным воинам Белой армии»,— их ждут «великие дела, высочайшая поддержка и веский политический авторитет?». Указывая на необоснованность подобных ожиданий, ибо сербская православная монархия при всей схожести с русской, по ее мнению, значительно отличается, Гиппиус тот же «успех» предсказала противникам «правых» — «левым», многие из которых с конца 20-х годов «все чаще переезжали из Праги в Белград». У «левых», по ее мнению, также нет шансов добиться весомого политического влияния, если принять во внимание специфику сербского православия и сербской монархии, а также особый характер сербской демократии, которая не является заведомым антиподом монархии. Однако, по оценке З. Гиппиус, и тем, и другим послевоенное Королевство предоставило широкие возможности для творческой и профессиональной деятельности. Причины этого русская поэтесса видит, с одной стороны, в традиционной любви сербского народа к русским братьям и русской культуре, а с другой — в том подъеме общественной, культурной и научной жизни, который происходил в Королевстве СХС после Первой мировой войны. Показательно, что свои впечатления о пребывании в Югославии на Съезде русских писателей в 1928 году Гиппиус заканчивает таким замечанием: «Не совсем точно, что это письмо „О Югославии“. Я касаюсь, в основном, лишь одной ее части — Сербии, одного ее города — Белграда. Поезжайте из Белграда в

Загреб (Хорватия). Несколько часов пути — и какая смена впечатлений! Даже первых, визуальных и чувственных. О людях говорить не берусь (о „политике“ — и не помышляю). Другой город — иной культуры и совсем иных подспудных токов» [20]. Эти выводы беспристрастного наблюдателя полезно дополнить сведениями из архива А. Белича о том, что к 16 февраля 1921 года на территории Королевства СХС было 215 колоний русских беженцев [21]. В том же архиве имеется список Государственной комиссии по делам русских беженцев, согласно которому к 21 июня 1922 года в Словении и Хорватии находилось всего 30 русских колоний [22].

Провести объективный научный анализ темы русской эмиграции XX века затрудняет общественная, политическая и эмоциональная актуальность конфликта, который в 1917 году привел к эмиграции русский и другие народы Российской Империи, позднее народы СССР, а ныне СНГ. Часто в псевдонаучных работах продолжается идеологическое, политическое и другого рода сведение старых счетов. При этом иногда в аргументации не делается различия между историческим документом и художественным произведением исторического жанра.

При изучении культурных и других связей русской эмиграции с сербской средой необходимо обратить внимание на существование, помимо идеологического, также философского, эстетического, религиозного и национального расслоения русского общества, которое нашло отражение и в характере расселения российских граждан на неоднородной югославской почве, в их культурной и иных видах деятельности. В этом отношении характерен выход из Общества русских ученых серьезного авторитетного ученого, историка славянского и сербского права Ф. В. Тарановского. В. Плетнев в письме 1923 года дает этому такое объяснение: «Я вышел из Общества русских ученых вместе с другими семнадцатью его членами, большинство из которых были его основателями, ибо деятельность этой организации далека от научной и сводится к острой политической полемике самого реакционного толка. Наше коллективное письмо о выходе, отмечая именно такой характер Правления общества и небольшое число его членов в Белграде, свидетельствует о невозможности пребывания в этой обстановке людей, действительно желающих заниматься наукой». Для историка культуры представляет интерес тогдашняя обстановка, обрисованная Плетневым:

«В последние три года в полную силу проявились два противоположных течения среди русских, живущих в Королевстве СХС. Первое верит в одну лишь силу единую как конечный результат истории, отрицая право на свободное прогрессивное развитие личности и народа. Для его последователей и школа, и ученики — лишь средство утверждения своей исключительности и форма выражения презрения к чужому праву и иной вере, если они не подчиняются катехизису их насильственной воли. Моя вера другая. Для меня юдоль человеческой жизни заключает в себе историческую потребность в бесконечном движении человека и общества к идеалу общественной и личной морали, которая в ходе истории свободно развивается и приобретает благородные черты» [23]. Здесь следует вспомнить мнение З. Гиппиус о том, что наибольшим авторитетом в Белграде пользовались последователи «старой русской профессуры», реакционно настроенной, но, по традиции XIX века, не чуждой некоторой дозы либерализма, которые, сторонясь политики, посвящали себя науке [24].

Дальнейшее исследование предполагает охватить и деятельность эмигрантов из России, связанных с белорусской и украинской культурой. О существовании белорусской организации эмигрантов в Белграде говорит белорусский славист, компаративист, переводчик Иван Чарота. В своем интервью сербской поэтессе Любице Милетич, касаясь сербско-белорусских связей, Чарота утверждает, что существует «еще один непроясненный аспект — это белорусы как часть эмиграционной волны из России после 1917 года, которые селились в Белграде и в других частях Сербии. По некоторым предположениям, в Белграде существовал белорусский комитет. Известно, что в Белграде нашли убежище видный юрист, участник белорусского национального возрождения Гаврила Царик и писатель Михайло Запольский, который на сербском языке издал два сборника рассказов и писал для детей» [25]. В картотеке организаций и объединений, зарегистрированных в Министерстве внутренних дел Королевства, белорусского комитета нет. Это не значит, что его в Белграде не было, а лишь указывает на необходимость дальнейших поисков. В картотеке Министерства внутренних дел, значатся, однако, пять украинских организаций и обществ [26]; украинское общество «Просвіта» (начало работать в Белграде в 1925 году, а распущено на основании решения Министерства в 1932 году), «Украинская громада» (основана в 1928 году, устав общества принят

в 1936), Союз украинских организаций в Королевстве Югославии (зарегистрирован в Белграде в 1929 году), украинское художественное драматическое общество (сведений о годе основания и регистрации нет) и Украинский драматический театр (зарегистрирован в Белграде, но нет данных о времени его основания).

Газета «Политика» свидетельствует, что в начале 30-х годов украинское общество «Просвiта» в сербской и югославской столице вело достаточно активную деятельность. Так, 15 марта 1931 года в Большом зале Белградского университета прошло торжественное собрание, посвященное 80-летию со дня рождения Тараса Шевченко: выступил украинский хор, речь на украинском языке произнес Иван Буда, заместитель директора агентства путешествий «Путник» (председатель общества «Просвiта»); слово о великом поэте сказал и выдающийся сербский писатель Бранислав Нушич [27].

Тема вклада русской эмиграции в развитие сербской культуры практически не изучена. Результаты такого исследования могут стать полезными во многих областях культуры, и прежде всего при изучении политических и социальных отношений, сложившихся в народе, который, во-первых, оказался оторванным от родной почвы, и, во-вторых,— среди народов, вынужденных в силу обстоятельств создавать новую модель совместной жизни. (Необходимо более подробно изучить и судьбу русских эмигрантов у нас между двумя мировыми войнами, во время и после Второй мировой войны, а также после 1948 года, когда решался вопрос об их гражданстве и т. п.)

Эта тема имеет важное значение и для истории литературы, живописи, пластических, музыкальных, музыкально-сценических искусств, драматического театра, архитектуры и строительства, транспорта, образования, религии, науки и научных учреждений. Все эти области общечеловеческой культуры самостоятельно развивались в рамках национальных культур, находясь в процессе взаимодействия и взаимообогащения восточно- и южнославянской, русской и сербской культур. Процесс межнационального общения культур, начатый много веков назад, продолжается до сих пор и, помимо двусторонних, имеет более широкие связи с европейскими,

а также с евроазиатскими и евроамериканскими культурами. Современная ситуация вынуждает выделять на территории бывшего Югославского государства юго-западную (католическую) и юго-восточную (православную) культуры. В этой связи было бы интересно выяснить, имелись ли различия и какие в характере и содержании связей с русской культурой в разных частях Королевства Югославии. Все сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что тема русской эмиграции дает обширный материал для социологических и комплексных культурологических исследований русской и сербской культур, рассматриваемых как автономно, так и в комплексе — в общеславянском, межнациональном европейском и мировом взаимовлиянии культур.

Пускай сейчас мы еще далеки от решения этих фундаментальных проблем, все-таки сказать, что наша наука данной темы совсем не касалась, нельзя. Наши ученые главным образом занимались сравнительным изучением литератур и литературных явлений (литературные связи, переводы и влияние русских писателей — Лермонтова, Достоевского, Чехова, Маяковского и других) [28]; обзором исторического развития отдельных научных дисциплин, видов искусства; историей некоторых сербских научных, образовательных, профессиональных и художественных организаций. В этом плане примечательны работы Б. Драгутиновича «Введение в историю Оперы и Балета Народного театра» (1968), Д. Миладиновича «Развитие оперной режиссуры в Белграде и Новом Саде с 1920 г.», магистерская диссертация (защищена в 1976 году), О. Миланович «Белградское сценическое искусство и костюм 1868—1941 гг.» (1983), М. Йованович «Балет Народного театра в период между двумя войнами» (1976) и В. Петрович «Драма, Опера и Балет в белградском Народном театре 1918—1941 гг.» (1968).

В этих работах рассматривались частные вопросы, причем деятельности русских эмигрантов в сербской культуре отводилась второстепенная роль. Первым современным систематическим исследованием жизни и деятельности русских эмигрантов на сербской почве можно считать докторскую диссертацию О. Джурича «Литературная и литературно-издательская деятельность русской интеллигенции в Сербии в период между двумя мировыми войнами», защищенную на филологическом факультете Белградского университета. Позже появилась книга О. Джурича «Русская литературная

Сербия», написанная на основе этой диссертации. Сюда же относится и работа А. Арсеньева, опубликованная в 1987 году, «Жизнь, культурная и издательская деятельность русских эмигрантов в Новом Саде» [29], собравшая богатый материал. К ним необходимо добавить две магистерские диссертации: «Творчество театральных деятелей русской эмиграции в Народном театре Белграда, 1918—1941 гг.» С. Топич, защищенную в 1992 году на факультете драматических искусств в Белграде, и «Переселение русских беженцев в Королевство СХС, 1919—1924 гг.» М. Йовановича, защищенную в 1993 году в Белграде на философском факультете (историческое отделение). Нам также известно, что в Белграде готовится к печати книга М. Стойнич «Русско-сербские литературные взаимоотношения», сотни страниц которой посвящены жизни и деятельности русских эмигрантов в сербской среде (книга вышла в 1995, см. сн. 2). В Новом Саде завершена рукопись книги А. Арсеньева о русской эмиграции в Воеводине, которая ждет заинтересованного издателя.

В наших и зарубежных архивах, фондах, в частных собраниях имеются интересующие нас рукописные и другие материалы, совсем неизученные или изученные недостаточно. Так, в Архиве королевского двора нами обнаружены сведения о численности русских колоний, от имени которых в 1931 году были направлены поздравления королю Александру в связи с 10-летием его правления [30]. Поздравления поступили из 30 крупных колоний в Сербии, Черногории, сербской части Боснии и Герцеговины и из Хорватии. Каждая из этих колоний (Велики Бечкерек, Сремска Митровица, Стари Бечей, Нови Бечей, Босанска Дубица, Бачка Топола, Крушевац, Котор, Крагуевац, Нови Сад, Шабац, Дарувар, Панчево, Нова Градишка, Сомбор, Заечар, Горни Милановац, Врнячка Баня, Земун, Смедерево, Сремски Карловци, Чуприя, Херцег Нови, Велико Градиште, Бор...) имела свою историю, свои человеческие судьбы, так или иначе причастные к культурным и прочим русско-сербским связям, воплотившим тесное взаимодействие русской и сербской культур в XX веке. Основой для дальнейших исследований материалов из газет, журналов, сборников и книг является «Библиография русских беженцев в Королевстве СХС с 1920 по 1945 гг.» И. Н. Качаки, изданная в 1991 году в Голландии [31]. Интересно было бы провести сравнительный анализ публикаций русских эмигрантов на русском и сербском языках и соответству-

ющих изданий в других центрах русской эмиграции. Давая оценку работам о русской эмиграции, опубликованным у нас, необходимо отметить, что даже самые серьезные из них не охватывают в достаточной мере весь необходимый материал. Они имеют большое значение как первые разработки по данной тематике, однако частные вопросы, которые в основном находятся в их поле зрения, изучены не полностью. Многие факты, отраженные в этих трудах, требуют более глубокого и всестороннего истолкования. В последнее время опубликовано много серьезных работ о русской эмиграции таких авторов, как В. А. Маевский, О. Миланович, И. Лукшич, В. А. Тесемников, П. Маркович, В. Кастратович-Ристич, Л. Димич, В. Д. Козлитин, В. И. Косик, К. В. Никифоров и другие [32], что дает основания ожидать от славистов, занятых проблемами славянской взаимности, еще более значительных научных результатов.

Примечания

[1] Архив САНУ (далее: АСАНУ). 14386/III, несигнирани материјал.

[2] Об этом пишет М. Стойнич в книге «Руско-српска књижевна преплитања» Београд, 1995.

[3] Нова Европа. Загреб, 1922, бр. 8. С. 239. В архиве Александра Белича хранится табельный обзор «Сумарни подаци о професионалном саставу руских избеглица», в котором говорится о том, что из 17.905 опрошенных оказалось 61,7% военных, 9,2% работавших в промышленности, 9,1% административных служащих, 9% крестьян, 3,1% медиков, 3% юристов, 2,6% педагогов, 1,2% духовных лиц, 0,8% представителей творческих профессий, 0,3% литераторов (АСАНУ, несигнирани материјал).

[4] Новое время. Белград, 1921, № 9; 1922, № 233.

[5] *Ђурић О.* Руска литерарна Србија. Горњи Милановац, 1990.

[6] Архив Југославије (далее: АЈ), 14—248.

[7] Универзитет у Београду 1838—1988. Београд, 1988, с. 152 (далее: Универзитет...).

[8] Новое время, 1921, № 2. С. 4.

[9] Нова Европа, 1922, бр. 8. С. 234—235. В соответствии с указом № 3806 Министерства иностранных дел Королевства СХС от 5 апреля 1922 года все русские беженцы передавались под юрисдикцию соответствующих югославских властей, и одновременно прекращались полномочия всех организаций по делам беженцев при Российском посольстве и вне его (АСАНУ, 1486/III, несигнирани материјал).

[10] *Трговчевић Љ.*. Студије у иностранству прве генерације универзитетских наставника//Универзитет... С. 86.

[11] Источники, из которых взяты эти данные, и комментарий к ним: Национално и универзално у средњошколској настави књижевности//Живи језици. Београд, 1991, бр. 1—4. С. 7—9.

[12] Руски архив. Београд, 1928, I. С. IV.

[13] Руски архив, 1930. С. VII.

[14] Подробнее об этом: Однос аутохтоног књижевног процеса и преводне књижевности (на материјалу рецепције руске модерне поезије у српској књижевности XX века). Прилози проучавању српско-руских књижевних веза//Зборник радова. Матица српска и Институт за славистику и балканистику РАН. Нови Сад, 1993. С. 23—26; Словенска узајамност у другој половини XX века//Савременик плус. Београд, 1994, бр. 9—10—11. С. 2—8; Допринос Б. Миљковића и С. Раичковића рецепцији Мандељштамове поезије у српској књижевности//Књижевна историја. Београд, 1993, XXV, бр. 91. С. 349—358.

[15] Доклад Объединенного комитета Российского общества Красного Креста, Всероссийского земского союза и Всероссийского Союза городов в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев. Белград, 1922. С. 14.

[16] Новое время. 1921, № 67. С. 4.

[17] АСАНУ, 14386/III, несигнирани материјал.

[18] АСАНУ, 14386/III-2452.

[19] АСАНУ, 14386/III, несигнирани материјал.

[20] *Гиппиус З. Н.* Письмо о Югославии//За свободу. Варшава, 1928, № 228. Продолжение в одном из следующих номеров. Вырезка этой газетной статьи находится в архиве председателя Государственной комиссии по делам беженцев А. Белича (АСАНУ, 14386/III-2541).

[21] АСАНУ, 14386/III-2479.

[22] АСАНУ, 14386/III, несигнирани материјал.

[23] AJ, 66—1111—1442.

[24] *Гиппиус З. Н.* Письмо о Югославии.

[25] Погледи. Крагујевац, 1994, бр. 145. С. 41.

[26] AJ, 14-248, бр. 1448, 816, 1201, 1211, 1438.

[27] Политика. Београд, 1931, бр. 8208, 8210.

[28] *Бабовић* М. Достојевски код Срба. Титоград, 1961; *Сибиновић М.* Љ ермонтов у руској књижевности (до Другог светског рата). Београд, 1971; *Костић* С. В. В. Мајаковски на српскохрватском подручју. Докторска дисертација, 1984. Филолошки факултет у Београду; *Божовић З.* Чехов као драмски писац код Срба. Београд, 1985; Чеховљеве приповетке у српској књижевности, Београд, 1988.

[29] *Arsenjev A.* Život, kulturna i izdavačka delatnost Rusa-emigranata u Novom Sadu//Književna smotra. Zagreb, 1987, br. 65—66. S. 39—56.

[30] AJ, 74—20, 148—171.

[31] *Katchaki J. N.* Bibliography of Russian Refugees in the Kingdom of SHS. (Yugoslavia) 1920—1945. Arnhem-Kampen (Holland), 1991.

[32] *Маевский В. А.* Русские в Югославии 1920—1945//Взаимоотношения России и Сербии. Нью-Йорк, 1966; *Милановић О.* Београдска сценографија и костимографија 1868—1941, *она же.* Владимир Жердински — сценограф и костимограф. Београд, 1987; *Lukšić I.* Ruski emigranti u Jugoslaviji između dva rata. Beograd i Zagreb kao središta organizacije kulturnog života.//Književna smotra. Zagreb, 1987, br. 65—66. S. 57—65; *Лукшић И.* Руска емигрантска периодика у Југославији између два

рата//Прилози за историју српске књижевне периодике. Споменица Д. Витошевићу. Нови Сад—Београд, 1990. С. 223—238; *Тесемников В. А.* Деятельность Русского научного института в Белграде (1928—1941)//Развитие общественной мысли в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Москва, 1991; *Марковић П.* Европски утицаји на Београдски универзитет између два светска рата//Идеје и покрети на Београдском универзитету од оснивања до данас. Књ. I. Београд, 1989. С. 181—191; *Ристић-Кастратовић В.* Руски професори на Београдском универзитету, 1919—1925//Идеје и покрети на Београдском универзитету од оснивања до данас. Књ. II. С. 51—55; *Димић Љ.* Руска емиграција у културном животу грађанске Југославије. Историја XX века, 1990, бр. 1—2. С. 7—38; *Козлитин В. Д.* Российская эмиграция в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев 1919—1923//Славяноведение, 1992, № 4. С. 7—19; *Косик В. И.* Русская Югославия. Фрагменты истории 1919—1944// Славяноведение, 1992, № 4. С. 20—32; *Никифоров К. В.* Русский Белград. К вопросу о деятельности русских архитекторов-эмигрантов//Славяноведение, 1992, № 4. С. 33—34.

Мирослав Йованович

Россия в изгнании

Границы, масштабы и основные проблемы исследования

I. Терминологическая дилемма: беженцы или эмигранты

В литературе существует три подхода к проблеме, как называть население, покинувшее Россию после Октябрьской революции:

— слова «беженцы» и «эмигранты» выступают как синонимы;

— слово «беженец» и само понятие «бег» характерны для описаний ранней стадии исхода россиян (начало двадцатых годов XX века), при этом словом «эмигрант» пользуются при описании последующих стадий процесса (разные авторы границу этапов связывают с разными событиями) [1];

— советские авторы отдают исключительное предпочтение одному из двух терминов — выбор термина выражает суть явления через его наименование [2].

В последние годы некоторые авторы (И. Н. Качаки, А. Арсеньев, и отчасти М. Раев) терминологическую дилемму обсуждают подробно. Действительно, эта проблема может быть рассмотрена с различных точек зрения — лексической, социологической, правовой, политической, исторической...

С лексической точки зрения нет причин для сомнений. В основном значении слова «эмигрант» (во всех языках заимствованное из латинского) и «беженец» (во всех языках самобытное) означают

группу лиц, которая переселилась с одной территории на другую или из одного государства в другое. Однако более детальный анализ различных справочников и словарей показывает, что понятие «беженец» шире понятия «эмигрант». Суть различия в мотивации: причины эмиграции более конкретны и носят экономический, политический, религиозный или иной характер; в то время как определение «беженец» подразумевает более широкий спектр мотиваций,— кроме политических и военных причин, сюда относят стихийные бедствия, катастрофы и т. п.

Что касается социологии, то она с этой дилеммой не знакома. Внутри общей категории «миграция», т. е. физическое перемещение населения в географическом пространстве, приводящее к сравнительно длительной перемене места жительства, выделяются два более узких понятия — «эмиграция» как процесс выхода из одной среды (государства) и «иммиграция» как процесс адаптации к иной общественной среде.

Правовой аспект проблемы может быть рассмотрен в двух ракурсах — историческом и современном.

Появление большого числа российских подданных в европейских странах после Октябрьской революции подняло целый ряд принципиальных и практических вопросов их правового статуса: активизировало поиски решения этой, до тех пор не часто возникавшей и не столь глобальной проблемы конвенциональным путем на международном уровне. Право в этой области начинает развиваться и совершенствоваться лишь с появлением на мировой арене русских и армянских беженцев. Наиболее полные, компетентные и подписанные наибольшим числом стран конвенции о беженцах (эмигрантах) приняты лишь после Второй мировой войны [3].

Благодаря развитию правовой науки сегодня различают три категории населения, проживающего вне родины: эмигранты, переселенцы и репатрианты [4]. В основу деления положены мотивы выезда из страны, в соответствии с которыми право предусматривает и признает за каждой из этих групп различный правовой статус и различные механизмы правовой защиты.

При строгом следовании установленным правовым категориям перед современными авторами встает вопрос: как называть население, покинувшее Россию после 1917 года,— эмигранты, т. е.

беженцы (ибо с правовой точки зрения эти понятия синонимичны), или репатрианты, настаивая на исторически и юридически сомнительной точке зрения о том, что государство, в котором они жили, перестало существовать.

В историческом плане очевидно наличие трех факторов, которые влияли на формирование представления о группе в целом и тем самым — на ее название: восприятие беженцами самих себя как определенной группы; отношение к ним окружающей среды и отношение к ним официальных институций (государственных и международных).

Сложные отношения среди россиян, оказавшихся в изгнании, обусловленные политическими отношениями дореволюционного периода, помноженные на неопределенность будущего, разные планы и устремления, нерешенный статус всей группы беженцев и др. привели к появлению идеи называть одну группу россиян, покинувших родину, беженцами, а другую — эмигрантами. На этом делении настаивали авторы, занимавшиеся историей Русской армии. Сами же беженцы первой волны относились к разделению этих терминов достаточно равнодушно, пользуясь ими как синонимами. Так, в одной из первых ежедневных русских газет зарубежья, в белградской «Русской газете», первая статья рубрики «Жизнь беженцев» называлась «Среди эмигрантов» [5].

Авторы, занимавшиеся историей армии после поражения в Гражданской войне и ухода из России, по политическим мотивам даже военную эвакуацию Крыма под началом генерала Врангеля рассматривают как нечто особое в общем исходе из Советской России. При этом они выделяют три волны исхода компактных групп населения: сразу после революции в конце 1917 года; после поражения генерала Деникина и эвакуации Новороссийска в марте 1920 года и после окончательного поражения на Юге и эвакуации Крыма в ноябре 1920 года. Началом русской эмиграции они считают ноябрь 1920 года, т. е. эвакуацию Крыма. Все еще используя как синонимы термины «беженцы» и «эмигранты» (называя отдельных представителей, покинувших страну сразу после октября 1917, «эмигрантами-буржуями», а вторую волну — «беженцами», уход которых «еще не стал началом русской эмиграции»), они придают особое значение связи термина «эмиграция» с отступлением из Крыма [6].

Со временем эта идея эволюционирует, и деление упрощается, а употребление терминов становится более избирательным. Появляется деление на «цивильную часть» (до эвакуации Новороссийска, март 1920) и «военную часть», включающую две волны (первая — после эвакуации Новороссийска и вторая — после ухода из Крыма в ноябре 1920 года). В основе такой периодизации российского исхода, лежит политическая позиция авторов [7].

В начале тридцатых годов спор о терминах из газет и книг перемещается в повседневную жизнь. Отдельных представителей второго поколения беженцев обижало принятое в обществе, где они проживали, определение «беженец». Они считали его обидным для группы в целом и настаивали на закреплении в международном и внутреннем обиходе определения «эмиграция» [8]. Однако споры об употреблении терминов, которые велись среди второго поколения русских беженцев, не слишком обременяли общественную среду, в которой они оказались, покинув родину. Спорные термины употреблялись прежде всего как синонимы, причем местные коммунисты, скажем, следуя строгой партийной дисциплине, пользовались только определениями, на которых настаивала Москва (встречающимися в текстах В. И. Ленина),— «белогвардеец», «эмигрант», «контрреволюционная эмиграция»... [9].

Международные организации и власти отдельных стран не уделяли особого внимания терминологическим расхождениям вокруг определения российского населения, которое в интересующий нас период оказалось на их территории и фактически в их власти. Тогдашние сложные, далеко не однозначные международные отношения находились к тому же на ранней стадии международной верификации. Поэтому ради сохранения исторических масштабов процесса в целом представляется целесообразным проследить, как менялись названия организаций, на международном уровне занимавшихся делами россиян и созданных специально для этих целей. Правовые проблемы, возникавшие в связи с различными обстоятельствами исхода россиян [10], в ряде стран разрешали специальные организации, создаваемые в помощь местным властям. Как правило, эти организации использовали в своем названии термин «беженцы» [11].

Международные организации достаточно быстро начали заниматься вопросами, связанными с проблемой российских беженцев. Лига Наций еще в 1919 году, согласно одним [12], и в феврале 1921 года, согласно другим авторам [13], по предложению Междуна-

родного комитета Красного Креста назначила Верховного комиссара по делам беженцев (Haut Commissaire pour les Refugies), прежде всего русских и армянских. Вопрос перемещения беженцев из одного государства в другое, вызывавший наибольшее число недоразумений, был первым, который предстояло решить известному норвежскому полярному исследователю Фритьофу Нансену на посту Верховного комиссара Лиги Наций. Эту задачу, выдвинутую перед ним Советом Лиги Наций в 1921 году, Нансен решил введением «беженских паспортов», известных под названием «нансеновские паспорта», узаконенных международными соглашениями от 5 июля 1922 года и от 31 мая 1926 года [14].

Нансеновские паспорта не могли решить все спорные вопросы, которые возникали в связи со статусом беженцев, и поэтому очередная Ассамблея Лиги Наций на заседании от 26.IX.1927 года приняла резолюцию, согласно которой на основании отчетов Верховного комиссара и Международного бюро по труду (которое также занималось проблемами беженцев) Верховному комиссару было предложено созвать Международную конференцию, призванную сформулировать предложения по проблеме статуса беженцев. На основании этой резолюции 31 января 1928 года Верховный комиссар разослал всем заинтересованным государствам анкетный лист о правовом положении беженцев [15]. По получении ответов, 31 марта 1928 года, Фритьоф Нансен назначил конференцию на 30 июня 1928 года. Конференция прошла в Женеве под эгидой Международного бюро по труду с 28 по 30 июня 1928 года под названием «Конференция о правовом статусе беженцев» (Conference intergouvernementale pour le Stutut juridique des réfugies). В ней приняли участие представители 15 заинтересованных стран, российский и армянский юристы-эксперты, а также помощник Верховного комиссара М. Ф. Джонсон и помощник директора Международного бюро по труду Б. Г. Балтер.

По результатам Конференции 30 июня 1928 года опубликовано «Соглашение о правовом статусе русских и армянских беженцев» (Arrangement du 30 juin 1928. Relatif au statut juridique des réfugies russes et armeniens), которое подписали с теми или иными замечаниями в его адрес или без них двенадцать из пятнадцати стран-участниц [16]. Только после этого в крупных центрах русской эмиграции были открыты представительства Нансеновского комитета.

Договор от 30 июня 1928 года вместе с ранее принятыми соглашениями, в более полном объеме решавший проблему беженцев, однако не до конца (и не лучшим образом), открывал возможности для решения большинства спорных вопросов. Прежде всего потому, что все эти договоры и соглашения не имели обязательного характера — их выполнение зависело от решений, принимаемых правительством каждой отдельной страны.

Поэтому международные акции были продолжены. В Женеве 28 октября 1933 года принята «Конвенция о правовом статусе русских и армянских беженцев», которая, однако, могла вступить в силу только после того, как ее подпишут правительства определенного числа стран. Несколько лет после этого велась так называемая «борьба за Конвенцию» (Франция, скажем, подписала ее лишь в декабре 1936 года) [17].

Суммарный обзор ясно показывает, что международное сообщество официально называло российское население, оказавшееся после 1917 года за пределами своей родины, «беженцами». Мы не располагаем данными, подтверждающими или опровергающими то, что во внутренних документах соответствующих организаций термин «эмигрант» употреблялся как синоним термина «беженец».

Опираясь на вышеизложенное, представляется методологически более уместным называть российское население в Европе (а вместе с тем и в Королевстве СХС), тем термином, которым пользовались международные и государственные организации того времени, хотя синоним «эмигрант» также вполне корректен.

II. Обманчивость цифр

Многие авторы, историки, статистики, политики, представители государственных институций разных стран, международных и благотворительных организаций во главе со специальными комиссиями пытались установить точное число людей, которых в годы после Первой мировой войны считали русскими беженцами. В результате появилось несколько цифр, которые, дополняя друг друга, должны были дать представление о величине и значении этого исторического явления мирового масштаба.

Несколько факторов повлияло на то обстоятельство, что ни одна

из предлагаемых цифр не стала общепризнанной. Вопрос правового статуса беженцев многие годы оставался открытым, вызывая споры относительно того, кого вообще следует считать беженцем или эмигрантом. Отсутствие не только точных, но порой каких бы то ни было документов о количестве людей, покинувших Россию и затем скитавшихся по Европе и миру, технически затрудняет или делает невозможным любые достоверные подсчеты.

Беженцами манипулировали и как орудием политической борьбы, и как средством политической пропаганды. Психологически же и среди самих беженцев, и среди большевиков, и в странах, которые приняли беженцев, существовало иррациональное, ошибочное представление о мощи колоний беженцев и их влиянии на планируемые или ожидаемые политические события.

Правовой статус беженцев долгие годы зависел от решений государственных администраций тех стран, в которых они оказались, и часто различался в зависимости от страны проживания. Оставалось, однако, несколько вопросов принципиального характера, общих для всех стран.

На первый план выдвинулась проблема подданства, или гражданства. В связи с ней возникла проблема различного правового статуса, который имели граждане России, покинувшие свою страну до начала Первой мировой войны, во время войны, после войны, и те из них, кто оказался на аннексированных территориях, ставших в силу международного договора частью вновь сформированных после Первой мировой войны государств, и кто вскоре покинул и эти обжитые места, оказавшись среди представителей трех выше названных категорий, разбросанных по всему свету.

Немногие легко получали и охотно принимали гражданство той страны, где жили, другим получение гражданства облегчалось длительным проживанием в стране, некоторые группы получали статус национальных меньшинств, и международные договоры не решали эти принципиальные спорные вопросы, так что, обобщая, можно утверждать, что со временем сформировались две категории россиян — те, которые рассматривались и учитывались статистикой как россияне в изгнании, и те, которые признавались беженцами, но, имея гражданство той или иной страны, в переписях населения не числились таковыми. Поэтому некоторые авторы прибегли к

2 Заказ 4337

компромиссному решению, говоря о беженцах как о «не ассимилированных россиянах» [18].

Административный хаос в России во время Гражданской войны сделал технически невозможным какой бы то ни было учет населения, которое по тем или иным причинам покидало страну. В то же время частая смена места жительства как среди беженцев, так и среди всех россиян, оказавшихся за пределами своей страны, не давала возможности периодически охватывать их переписями населения, проводимыми теми или иными организациями.

Политические и идеологические противоречия, которые существовали между СССР и Коминтерном, с одной стороны, и их политическими противниками и оппонентами, с другой,— сделали численность беженцев аргументом в этой борьбе, средством для обычных в таких случаях политических манипуляций. Все стороны в этом споре — и большевики, и беженцы, и страны, где они проживали,— либо в силу политико-пропагандистских, либо порой экономических причин, руководствуясь своими интересами, округляли (увеличивали или преуменьшали) численность беженцев, искажая тем самым данные о действительном положении дел.

Целый ряд психологических факторов, включая отношение к изгнанию как к чему-то временному, восприятие диаспоры как определенной целостности (что в свою очередь влияло на ее отношение к межгосударственным административным границам),— все это, а также причины политического, технического и принципиального характера — делали почти невозможными более или менее серьезные попытки идентификации и подсчета российских беженцев. Если добавить к этому, что все замешанные в конфликте стороны по-разному подходили к проблеме статуса беженцев (большевики считали эмигрантами только своих политических противников, беженцы же — всех тех, кто оказался за пределами своей страны, полагая одновременно, что все они естественным образом являются противниками большевизма; тогда как страны, где проживали беженцы, этим именем чаще всего называли группу населения, обустройство которой требует выделения определенных средств), то разброс цифр, которыми мы располагаем, станет более понятым.

По своему происхождению все цифры, связанные с русскими беженцами, могут быть поделены на две группы: а) приводимые

советскими авторами и б) те, которые публиковали организации и отдельные авторы за пределами СССР (включая Лигу Наций). Все эти цифры в сущности являются приблизительными, округленными, ибо не подтверждены документами статистического характера. Среди расчетов такого рода выделим: а) расчеты отдельных авторов; б) расчеты, которые в некоторой степени документированы; в) комбинацию указанных методов и г) частичные расчеты по отдельным странам или регионам, которые иногда рассматривают вместе, чаще всего — это Европа и Турция.

Советская историография, чья аргументация в большинстве случаев исчерпывается ссылками на цитаты из произведений В. И. Ленина, приводит данные о численности беженцев из СССР, которые основываются на ленинских подсчетах. Впервые о численности «врагов большевистской власти», оказавшихся за пределами Советской России, В. И. Ленин говорил после ухода из Крыма армии на Всероссийском съезде транспортных рабочих 27 марта 1921 года. Тогда он заявил, что речь идет о 700.000 человек [19]. Спустя лишь три месяца в докладе о тактике РКП(б), прочитанном 5 июля 1921 года на III конгрессе Коминтерна, Ленин назвал цифру от 1.500.000 до 2.000.000 эмигрантов [20]. Почему в его оценке появилось столь большое расхождение? Хотел ли он придать больший вес успехам большевиков, основывался ли на новых данных или существовали иные причины, ни тогда, ни впоследствии разъяснено не было. Официальная советская историография приняла эту цифру на веру [21], и она вошла во все энциклопедические и справочные издания [22].

Отчеты же различных организаций и оценки отдельных исследователей в отличие от труднообъяснимого единомыслия советских авторов, дают исключительно широкий диапазон цифр, ни одна из которых до сих пор не стала общепризнанной. Первые данные о перемещенных из России лицах опубликовал американский Красный Крест в отчете от 1 ноября 1920 года. Речь шла о 1.963.500 беженцах [23]. Верховный комиссар Лиги Наций по делам беженцев Фритьоф Нансен в отчете, представленном в Совет Лиги на III Ассамблее Лиги Наций 24 марта 1922 года, определил численность беженцев из России как 1.500.000 человека [24]. Четырьмя годами позже, в сентябре 1926 года, Лига наций официально опубликовала данные о наличии 1.600.000 беженцев [25]. На основании официальных данных, которые публиковали Комитеты по делам российских бе-

женцев в разных странах, американский историк Марк Раев приводит свои подсчеты, согласно которым в 1930 году в мире находилось 829.000 российских беженцев [26]. Последовательное снижение со временем численности беженцев, очевидное из приведенных отчетов, не отражает истинного положения вещей и объясняется рядом факторов: принятие гражданства, изменение некоторыми странами правового статуса беженцев и др.

Знакомство с подсчетами, которые появлялись независимо друг от друга, убеждает, что они достаточно произвольны и никак не могут быть признаны правильными. Так, один из независимых исследователей утверждает, что на 1 января 1921 года было 1.020.000 беженцев [27]. Немецкий историк Ганс фон Римша считает, что в течение 1921 года в мире находилось 2.935.000 российских беженцев [28]. 1 января 1921 года опубликованы результаты еще одного независимого подсчета, где приводятся значительно меньшие цифры — от 635.000 до 755.200 [29]. Выдающаяся эмигрантская журналистка Екатерина Кускова в одном из своих текстов в апреле 1930 года представила результат ее личного подсчета, согласно которому численность беженцев равнялась 1.000.000 человек [30].

Относительно однородны данные, касающиеся численности русских беженцев в Европе. Бюро русской прессы в Константинополе в марте 1921 года опубликовало данные о размещении русских беженцев в Европе, подытожив, что их примерно 747.800 [31]. В следующем месяце белградский Русский комитет подготовил выставку о русских беженцах, обнародовав данные о том, что в европейских странах находятся 1.219.500 беженцев [32]. Согласно одной из двух таблиц, которые приводит в своей книге Марк Раев, на 1 января 1922 года в Европе (включая Турцию) находилось от 668.000 до 772.000 беженцев из России [33]. По другой таблице, в течение 1922 года в Европе было 718.000 беженцев [34], что приблизительно равно среднему арифметическому данных, приводимых в первой таблице. Комиссия Лиги Наций, по данным за 1924 год, заявила, что в Европе находится приблизительно 500.000 беженцев [35]. Та же комиссия в 1932 году опубликовала данные о том, что в Европе проживает около 744.000 российских беженцев [36].

Приведенные цифры отражают беспорядки и административный хаос, охватившие Россию и мир в годы, когда возникла и нарастала волна беженцев.

III. Россия за ее рубежами

В 1922 году мир в Европе стал реальностью. Германии и Венгрии больше не грозили революционные перевороты, вступили в силу мирные договоры, подписанные в Париже в 1919—1920 годах, представители Советской России приглашены на Женевскую конференцию, прошел IV съезд Коммунистического Интернационала, в Италии к власти пришли фашисты... Педантичные летописцы и энциклопедисты отмечали, что в то время в Европе было 32 государства — от наиболее крупных и влиятельных (Советская Россия, Великобритания и Франция) — до небольших (Сан Марино и Монако).

Лишь редкие авторы в свободной интерпретации добавляли к этому числу еще одну страну — «Зарубежную Россию» [37]. Она не значилась ни на одной географической карте. Однако за пределами Советской России жило более 8.000.000 человек, которые, согласно различным переписям, называли себя русскими. Эти люди в подавляющем большинстве не хотели, а многие и не могли вернуться в Советскую Россию. Они преодолевали границы Европы с удивительной легкостью, ибо владели ее культурой. А также благодаря прессе, искусству, личной переписке, сословным, военным, политическим организациям, школам, знанию языков... Зарубежная Россия представляла собой самодостаточный мир. Возможно, мир вне времени и пространства, но мир, который сознавал свою суверенность, у которого был свой Святейший Синод и свой Верховный главнокомандующий, словом, мир цельный, живущий своими идеями, обладавший внутренним единством и иерархией, мир с необходимыми институциями, с неизбежными распрями и страстями... Любой российский рабочий или мелкий собственник, живя в Болгарии, Турции или Королевстве СХС, через эмигрантскую прессу имел представление о размерах оплаты труда на предприятиях, принадлежавших крупнейшим европейским магнатам, например, на заводах Рено во Франции. А любой российский школьник в Праге, Париже или Берлине знал об условиях приема в Русский кадетский корпус в Билече, Сараево или Белой Церкви.

30 декабря того же 1922 года название Советская Россия было заменено на Союз Советских Социалистических Республик, процесс формирования которого в основном завершился. На огромной тер-

ритории, равной 21.355.520 кв. км., была установлена и признана новая абсолютная и безграничная власть Всероссийской Коммунистической партии [38]. В сравнении с никалаевской Россией 1914 года Советский Союз в период от Октябрьского переворота до завершения войны с Польшей потерял огромные территории — 868.866 кв. км., что приблизительно на 40.000 кв. км. больше территории всех Балканских государств (Румынии, Болгарии, Королевства СХС, Албании, Греции и европейской Турции) или примерно настолько же больше, чем территория, занимаемая такими среднеевропейскими государствами, как Германия, Венгрия, Австрия, Чехословакия и Швейцария.

Потеря территорий сопровождалась бедствиями и исходом массы людей из этой гигантской страны. Приводимые ниже статистические данные, как правило, весьма ненадежны, однако дают некоторое представление о масштабах катастрофы. После войн, которые Россия вела с 1914 по 1921 год, она продолжала оставаться самой многонаселенной европейской страной. Согласно переписи 1921 года, в стране проживало 130.707.000 жителей [39], но за период с 1914 по 1923 год страна потеряла почти 40.000.000 человек (по самым низким подсчетам), что составляет приблизительно четверть популяции. Согласно этим статистическим данным, Россия в Первой мировой войне до подписания в Брест-Литовске сепаратного мира с Германией потеряла 1.700.000 человек [40]. Гражданская война и война с Польшей унесли еще около 3.000.000 жизней [41], а голод 1922—1923 годов, наступивший непосредственно после этих войн,— еще минимум 5.000.000 жизней [42]. Большевистская власть, по ее собственным данным, погубила еще 1.764.775 человек [43]. Собрав все эти цифры, мы получим невероятное, ошеломляющее число — более 10.000.000 человек, которые погибли или умерли с 1914—1923 год.

Та же ненадежная статистика дает нам приблизительное представление о числе жителей царской России, которые после всех этих событий оказались за пределами СССР. На территориях, которые Советская Россия покинула или потеряла с 1917 по 1921 год, проживало свыше 27.600.000 человек [44]. Наряду с этим за пределами России по разным причинам оказалась еще одна большая группа населения. Ее численность (как мы уже пытались показать), установить весьма трудно, но, по грубым подсчетам, она составляла от 800.000 до 2.500.000 человек.

Таким образом, смерть и исход из страны стали причиной того, что около 40.000.000 подданным Российской империи не удалось увидеть или пришлось покинуть первую страну коммунизма. Среди тридцати миллионов подданных Российской империи, оказавшихся в начале двадцатых годов за пределами СССР, кроме русских или тех, кто определялся как русский (согласно переписям населения), были представители и других национальностей [45].

По данным переписей, на территориях, аннексированных у Советской России (Финляндия, Эстония, Литва, Латвия, части Польши, Румынии и Турции), в течение 1920 и 1921 годов, из 27.600.000 жителей 7.000.000 в графе «национальность» указали «русский». Считается также, что в Китае, Северной Америке и Европе до 1917 года проживало около 700.000 русских [46]. Эти данные вместе с данными об эмиграции — от 800.000 до 2.500.000 человек — дают приблизительную цифру русских, которые в начале двадцатых годов жили за пределами Советской России,— от 8.500.000 до 10.000.000 человек. Иллюзорная, Вторая или Зарубежная, Россия могла бы по числу жителей в то время составить европейское государство, более многолюдное, чем, скажем, Бельгия или Венгрия, Голландия, Австрия, Португалия, Швеция, Греция, Болгария, Швейцария...

Среди российского населения, которое в начале двадцатых годов оказалось за пределами СССР, ясно различимы две группы. В первую, более многочисленную, входят те, кто за пределами Советской России, в пограничных с нею государствах, оказался не по своей воле, а в результате целого ряда перемен, вызванных подписанием международных договоров. Применительно к началу двадцатых годов эту группу — около 7.000.000 человек — целесообразнее называть русским национальным меньшинством.

Вторую группу составляли те, кто сам решил покинуть Совдепию или не возвращаться туда. Таких было более 1.000.000 человек. Представителей этой группы, находящихся за пределами отечества вследствие личного решения, мы называем беженцами. Первые признаки международного признания большевистской России вызвали широкую миграцию внутри этих групп и между ними. До некоторой степени это объясняет трудности в подсчете беженцев и выявляет специфику самой категории беженцев.

Кроме того, относительно однородная, рассеянная по всему миру группа беженцев, которую принято считать единой, формировалась

в силу различных обстоятельств, различными путями и даже в разное время. Тем не менее вся масса беженцев может быть поделена на две основные группы: тех, кто во время революции находился за пределами своей страны и решил в нее не возвращаться; и тех, кто покинул страну после Октябрьской революции.

Во время Октябрьской революции за пределами страны находились две группы, представители которых решили в страну не возвращаться: офицеры и солдаты Русской императорской армии, которые из-за революции либо в силу иных обстоятельств оказались за пределами своей страны как военнопленные Австрии и Германии [47] или как представители российских регулярных военных формирований, сражавшихся в составе армий союзников во Франции и на Салоникском фронте [48]; эмигранты, покинувшие страну еще до начала войны по экономическим, религиозным или политическим соображениям (часть довоенных политических эмигрантов, которые продолжали находиться в разладе с большевиками).

Единицы и группы людей, которые после Октябрьской революции 1917 года стали беженцами в узком смысле этого слова, и составили подавляющее большинство всей массы беженцев. В рамках этой группы по мотивации отъезда из страны мы выделяем четыре подгруппы:

1) граждане, уехавшие из-за идеологических разногласий и конфликтов с советской властью сразу после революции (в одиночку или, как правило, с семьями);

2) офицеры и солдаты, сражавшиеся в Гражданской войне против большевиков и Красной армии и которые после поражения и отступления Белой армии оказались за пределами страны (в одиночку, реже с семьями);

3) граждане, покинувшие страну по экономическим соображениям и составлявшие сравнительно небольшую группу;

4) граждане, по разным причинам высланные из страны в первой половине двадцатых годов (группами или в одиночку, как правило, представители интеллигенции).

Все эти люди жили, творили и принадлежали душой миру русских людей вне России, той воображаемой, но для них вполне реальной — России за ее рубежами.

IV. Русские в Королевстве СХС — к постановке проблемы

Прием многочисленных российских беженцев и поддержка, которой пользовалась русская колония со стороны Королевства СХС, объяснялись не только желанием оказать помощь обездоленным и несчастным людям, но и благодарностью сербской короны и сербского народа Российской империи за политику помощи и поддержки в Первой мировой войне. Такое отношение считалось в те годы долгом, который должен быть возвращен, несмотря на тяжелое положение, в котором находилась страна. Эти отношения определялись и союзническими российско-сербскими обязательствами 1914—1918 годов, и славянской общностью [49].

Открытое признание Королевством СХС легитимности органов управления беженцев в качестве официально уполномоченных представлять народ России дало возможность сформировать в Сремских Карловцах своеобразный центр беженцев, в котором разместились Святейший Синод Русской православной церкви за границей и Штаб Главнокомандующего вооруженными силами Юга России, влияние которых признавалось всей эмиграцией. Позиция открытой поддержки русских беженцев способствовала созданию на территории Югославии российской системы образования (начального и среднего) и одновременно являлась демонстрацией неприятия режима, установившегося в СССР.

Вклад беженцев в самые разные сферы жизни межвоенной Югославии очевиден. Рассмотрим его, остановившись на четырех областях деятельности.

Само присутствие целого ряда личностей в культурных учреждениях и культурной жизни нашей страны в значительной мере облагораживало, обогащало и просвещало среду, в которой они оказались. Их появление можно рассматривать как дату основания нашего балета, как переломный момент в развитии нашей оперы, как время закладки основ нашей византологии... Причем надо иметь в виду, что здешняя среда не затратила никаких средств на образование и усовершенствование этих ученых и художников.

Большое влияние на нашу науку и культуру оказали периодические посещения известных российских ученых и артистов, которые вряд ли бы вышли захолустные балканские сцены и кафедры, если бы не присутствие большой русской колонии.

Русско-сербские (и югославские) культурные связи переживали в эти годы истинный подъем благодаря концентрации в нашей стране многочисленных представителей российской интеллигенции. Более близкое знакомство с русской педагогической школой, с теоретическими работами в разных областях науки, знакомство с русской культурой через эмигрантскую печать (здешнюю и мировую, поступавшую в наши края), широкая издательская деятельность: публикации критических статей и теоретических исследований (на русском и сербском языках), публикации переводной литературы, издавать которую у нас было значительно проще,— все это опосредованно повлияло на развитие местной науки и культуры.

Русские внесли немалый вклад в развитие хозяйства межвоенной Югославии. Выдающиеся российские архитекторы, инженеры и врачи принесли много пользы, работая в различных министерствах и ведомствах над осуществлением глобальных проектов. Заметную роль сыграли и воинские части армии генерала Врангеля, направленные Королевством на тяжелые и технически сложные работы по строительству магистральных дорог Вране—Босильевград, Кралево—Рашка, железнодорожных путей Ормож—Лютомер и др.

Сотрудничество югославских ученых с российскими коллегами, посещение нашей научной среды учеными с мировым именем значили для нас очень много. Помимо преподавания, которым много занимались русские, их знания государство использовало при осуществлении конкретных научных проектов. В нашей стране впервые опубликованы многие новаторские проблемные научные труды, прочитаны многочисленные лекции. Словом, дух российской науки и русская научная школа сыграли немалую роль в общественной жизни Королевства СХС.

Прибытие многочисленных россиян в Королевство СХС после Первой мировой войны имело особое значение еще с одной точки зрения. Большое число образованных людей в различных областях знания (среди которых 9 ученых в тридцатые годы были избраны членами Сербской Королевской академии, а более 600 работали как учителя или профессора, что, может быть, куда важнее)

заполнило огромный вакуум, который образовался прежде всего в сербском обществе, да и в Югославии в целом после недавно закончившейся войны. Появление российских беженцев способствовало возрождению изнуренного войной общества, особенно в начале двадцатых годов, пока не появилось первое поколение отечественных специалистов.

Примечания

[1] *Даватц В. Х.* Годы. Очерки пятилетней борьбы. Белград, 1926. С. 9—12; *Fedorov N.* Ruska emigracija. Historija, suština, rad, značenje 1919—1939. Zagreb, 1939. S. 1—3 (перепечатано из: Hrvatska smotra, 1939, № 7 i 8. S. 367—389); *Raeff M.* Russia Abroad. A Cultural History of the Russian Emigration, 1919—1939. New York — Oxford, 1990. P. 16.

[2] Эта по сути политико-идеологическая идея возникает впервые в речи В. И. Ленина на Всероссийском съезде транспортных рабочих 27 марта 1921 года, когда термину «эмиграция» придается отрицательное значение, а все эмигранты приравниваются к врагам Советской России. (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. М., 1963, т. 43. С. 138—141). Подобную точку зрения приняли советские авторы, вместо термина «беженцы» пользовавшиеся исключительно термином «эмигранты» или такими ленинскими определениями, как «белоэмигранты», «белогвардейцы» (*Шкаренков Л. К.* Агония белой эмиграции. М., 1986; *Афанасьев А. Л.* Полынь в чужих полях. М., 1987; *Тесемников В. А.* Из истории русской эмиграции в Югославии (1919—1945) (рукопись) и др.). Вполне понятно, почему подобный подход вызвал у некоторых авторов, работавших (и работающих поныне) в изгнании, потребность настаивать на противоположной крайности.

[3] Конвенция ООН 1951 года, дополненная Протоколом 1967 года.

[4] Согласно правовым категориям, «эмигрантами» считаются лица, которые покинули страну своего гражданства, вступив в конфликт с ее властями по политическим, национальным, расовым или религиозным мотивам. Эмигрировав, они имеют право на международную защиту. Лица, покидающие страну своего гражданства по иным, не политическим мотивам (экономическим, семейным и пр.), считаются «переселенцами», а не «эмигрантами». Категория «репатрианты» применяется к лицам, которые не имеют гражданства ни одной из существующих стран. Таково современное положение вещей: Правна енциклопедија. Београд, 1985. С. 53, 347.

[5] Русская газета. Белград, 1920, 06.05.

[6] *Даватц В. Х.* Годы. Очерки... С. 9—12; *Даватц В. Х., Львов Н. Н.* Русская армия на чужбине. Белград, 1923. С. 20.

[7] *Fedorov N.* Ruska emigracija... S. 1—5.

[8] Письмо Р. В. Полчанинова А. Б. Арсеньеву от 04.05.1986 (архив А. Арсеньева).

[9] III Земаљска конференција КПЈ. Београд, децембар 1923. Резолуција о политичкој ситуацији и непосредним задацима НРПЈ//*Петрановић Б., Зећевић М.* Југославија 1918—1988. Тематска збирка докумената. Београд, 1988. С. 262.

[10] Чаще всего речь шла об отсутствии документов, удостоверяющих личность, подтверждающих заключение брака, профессиональную квалификацию и т. п., или о попытках воспользоваться для этих целей имеющимися в наличии документами, как то: удостоверение о льготном проезде по внутренним железнодорожным линиям России для доказательства профессиональной квалификации, а иногда и для удостоверения личности владельца. (*Бартош М.* Доказивање односа руских избеглица// Архив за правне и друштвене науке. Београд, 1930, бр. 5. С. 376—379; *Таубер Л. Я.* Лига наций и юридический статус русских беженцев. Белград, 1933. С. 2).

[11] «Offices des réfugies russes» (в Бельгии и Франции); «Комитет по делам русских беженцев» (в Болгарии); «Russian Reffugees Relief and Travelling Permit Office» (в Великобритании); в Королевстве СХС — «Делегация по делам русских беженцев», которая в тридцатые годы некоторое время в своем официальном названии вместо термина «беженец» использовала термин «эмигрант»; «Bureau d'enregistrement» (в Египте); «Organisation pour la sauvegarde des intérêts des réfugies russes» (в Греции); «Service de secours des réfugies russes a Berlin» (в Германии) и др. См.: *Таубер Л. Я.* Лига наций... С. 2.

[12] *Ковалевский П. Е.* Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920—1970). Париж, 1971. С. 17.

[13] *Шкаренков Л. К.* Агония белой эмиграции... С. 99.

[14] Согласно международному соглашению от 12.05.1926, российскими беженцами считались только лица «российского происхождения, которые не находились под защитой или которым отказано в защите со стороны государства СССР, и которые не получили гражданства какой-либо иной страны». См.: Архив Югославии, MUP KJ 334, Политичко одељење, ф. 35. Вообще говоря, вся предварительная работа по введению «нансеновских паспортов» была проведена Центральной правовой комиссией в Париже, в которую входили выдающиеся юристы-беженцы, россияне и армяне, возглавляемой бароном Нольде. До октября 1929 года эти паспорта признали 39 стран. См. *Таубер Л. Я.* Лига Наций... С. 4—5. «Нансеновские паспорта» имели силу в течение года. См. *Сладек З.* Русская и украинская эмиграция в Чехословакии//Советское славяноведение, 1991, № 6. С. 32.

[15] «Repones des Gouvernements au questionnaire du Haut Commissaire en date du 31 janvier 1928 relatif au Statut juridique des refugies russes et armeniens». *Таубер Л. Я.* Лига Наций... С. 6.

[16] *Таубер Л. Я.* Лига Наций... С. 6—7, 29—32. Соглашение подписали представители Германии, Австрии, Бельгии, Болгарии, Франции и Литвы, приняв его полностью. Представители Польши, Румынии, Королевства СХС (Константин Фотич) и Швейцарии, подписав соглашение, не приняли его первую статью. Представители Греции и Эстонии приняли соглашение лишь частично с большими ограничениями. Представители Египта, Финляндии и Чехословакии вообще отказались подписать соглашение.

[17] *Ковалевский П. Е.* Зарубежная Россия... С. 18.

[18] *Raeff M.* Russia Abroad... P. 202—203.

[19] *Ленин В. И.* Речь на Всероссийском съезде... С. 138.

[20] *Ленин В. И.* III конгресс Коммунистического Интернационала. Тезисы доклада о тактике РКП(б) *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч. Т. 44. М., 1963. С. 40.

[21] Л. К. Шкаренков, наиболее известный из советских авторов, занимающихся проблемами русских беженцев, называет цифру около 2.000.000 эмигрантов в первой половине 1921 года. (*Шкаренков Л. А.* Агония русской эмиграции... С. 25).

[22] Эмиграция белая. Большая советская энциклопедия. М., 1978, т. 30, с. 163.

[23] *Raeff M.* Russia Abroad... P. 24.

[24] *Митковић*. Трећа Скупштина Лиге Народа//Нова Европа. Књ. VI, бр. 8. 11.11.1922. С. 248.

[25] *Ковалевский П. Е.* Зарубежная Россия... С. 13.

[26] *Raeff M.* Russia Abroad... P. 24.

[27] *Raeff M.* Russia Abroad... P. 24.

[28] *Raeff M.* Russia Abroad... P. 24.

[29] *Raeff M.* Russia Abroad... P. 24.

[30] *Кускова К.* Судбина руске емиграције//Нова Европа. Књ. XXI, бр. 4, 16.04.1930. С. 236.

[31] Епоха. Београд, 02.03.1921.

[32] Политика. Београд, 18.04.1921.

[33] Речь идет прежде всего о Константинополе и его пригородах. (*Raeff M.* Russia Abroad... P. 202).

[34] *Raeff M.* Russia Abroad... P. 203.

[35] *Raeff M.* Russia Abroad... P. 24.

[36] *Миљуков П., Сењобос Ш., Езенман Л.* Историја Русије. Београд, 1939. С. 968.

[37] П. Е. Ковалевский и М. Раев, помещающий ее во временные границы с 1917 до 1945 г. Другие авторы называют ее по-разному: «Россия в малом» (*Даватц В. Х.* Годы. Очерки... С. 9—12). Советские и другие исследователи межвоенного периода часто используют название «Россия номер 2» (*Меньший А., Вишняк М.* и др. Цит. по: *Афанасьев А. Л.* Полынь... С. 17, 48; автор этой книги и сам пользуется названием «Россия номер 2» см. также: *Ковалевский П. Е.* Зарубежная Россия. С. 76—108).

[38] *Муљуков П.* Историја Русије... С. 970. Партия называлась РКП(б) (*Прим. ред.*).

[39] По сравнению с переписью 1920 г. Советская Россия только за один год потеряла 5.923.000 человек. (Русија. Број становништва//Ратник. Београд, 1922, бр. 5. С. 115—116).

[40] Губици савезника у светском рату 1914—1918//Ратник, 1926, бр. 11. С. 117; *Томац П.* Први светски рат 1914—1918. Београд, 1973. С. 676.

[41] *Митровић* А. Време нестрпљивих//Политичка историја великих држава Европе 1919—1939. Београд, 1974. С. 330.

[42] *Миљуков П.* Историја Русије... С. 973.

[43] Часть этих людей, вероятно, рассматриваются как жертвы Гражданской войны. (Русија. Људске жртве у грађанском рату//Ратник. 1922, бр. 8. С. 153).

[44] *Миљуков П.* Историја Русије... С. 970.

[45] «Представители всех национальностей, входивших в Российскую империю до 1917 года, называли себя (sic! во время переписи населения) русскими. Исключение составляли только армяне, которые по международным актам входили в отдельную категорию лиц беженцев из Турции». *Ковалевский П. Е.* Зарубежная Россия... С. 13).

[46] *Ковалевский П. Е.* Зарубежная Россия... С. 13.

[47] Архив Югославии. MUP KJ 14, 224/799; *Ковалевский П. Е.* Зарубежная Россия... С. 13.

[48] *Ковалевский П. Е.* Зарубежная Россия... С. 13.

[49] *К. и М.* Наше руске избеглице//Нова Европа. Књ. VI, бр. 8. 11.11.1922. С. 233—234; *Ђ.* Руски емигранти//Нова Европа. Књ. XII, бр. 6. 21.08.1925. С. 162; Архив САНУ. АБ. 14386-III-2491.

Алексей Арсеньев

Русская диаспора в Югославии

I. Культурные организации русской интеллигенции в Югославии 1920—1944 гг.*

Исследователь развития общества и хозяйства пореформенной России Карл Романович Кочаровский, проживавший в 30-е годы в Белграде, писал: «В духовном и общественном смысле зарубежников можно разделить на четыре основные группы. 1) Часть их доживает век без всяких духовных и общественных интересов. 2) Множество мелких группок кипятится в политиканстве, думая куда-то „вести" Россию. 3) Есть несколько групп, более даровитых и культурных, с более серьезными установками, стремящихся „служить" России. 4) Некоторые, быть может многие, зарубежники носят в душе немало „ума холодных наблюдений и сердца горестных замет", но хранят их про себя, хотя и живут Россией и думают о ее будущем" [1].

Постараемся сжато представить культурную деятельность 44 тыс. россиян [2], осевших в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев (с 1929 года — Королевство Югославии).

До Крымской эвакуации (до ноября 1920 года) в составе беженцев были почти исключительно интеллигенты: представители науки и

---

* Работа написана на русском языке для намечавшегося выступления автора на семинаре «Русская культура XX века: метрополия и диаспора», который состоялся в октябре 1994 года при кафедре русской литературы Тартуского университета (Эстония). Публикуется с незначительными сокращениями.

практических знаний, государственные деятели, духовенство [3]. Согласно ряду статистических данных, из прибывших в разное время беженцев около 75% имело среднее или высшее образование при более 50% (в некоторых районах 80%) неграмотного населения приютившей их страны. Королевство СХС во главе с королем Александром Караджорджевичем, воспитанником Пажеского корпуса в Петербурге, оказало русским не только братское гостеприимство, но охотно устраивало их на государственную службу.

Восточные и южные (православные) районы страны в культурном и экономическом отношении были отсталыми и в течение Балканских (1912—1913) и Мировой войн пережили большие потери и разорения, оказались без учителей, врачей, священников. Русские в большой степени возместили эти утраты. Северо-восточные сельскохозяйственные районы (до осени 1918 года в составе Австро-венгерской монархии) были охвачены миграционными процессами — страну покидали венгры, немцы, чехи. К молодому Королевству СХС там относились с недоверием, настороженно. В начале 20-х годов поселившиеся на этих территориях 8—10 тыс. русских сыграли значительную роль в поддержании хозяйства и пополнении административного аппарата на местах, в особенности в отсталых краях или селениях с чистым этническим (неславянским и неправославным) населением. В лице русских беженцев страна получила лояльно настроенные и квалифицированные кадры.

В центральных промышленных районах Боснии и Сербии легко нашли себе работу инженеры и офицеры — на шахтах, заводах, на строительстве дорог и промышленных объектов. Ряд горных дорог проложен руками бойцов Русской армии, казаками. Бывшие части Кавалерийской дивизии несли пограничную службу на опасных рубежах страны, примыкавших к Австрии, Италии и Албании.

Около 10 тыс. русских осело в Белграде. В благоприятных условиях оказались профессора, инженеры, врачи, топографы, педагоги, оперные певцы, артисты и художники театра. Благодаря им ряд югославских культурных организаций смог возобновить свою работу. На качественно более высокий уровень поднялось университетское образование, возникли научные институты, были созданы оперные и балетные труппы в Белграде и Новом Саде, факультеты в Суботице и Скопле. Русские содействовали стремительному строительству и европеизации патриархального одноэтаж-

ного Белграда (в 1920 году — до 200 тыс. жителей), упорядочили законодательство молодой страны, способствовали духовному и хозяйственному возрождению православных монастырей.

Культурная жизнь провинции протекала под сильным влиянием русского исполнительского искусства. На службу в военную и гражданскую авиацию были приняты русские летчики, инструкторы и конструкторы. В сельскохозяйственных исследовательских институтах и на полевых опытных станциях работали русские — пионеры югославской генетики, агрокультуры, почвоведения. Своей «второй родине» они дали много и в медицине, геодезии, архитектуре, киноискусстве, балете, исторических исследованиях, фольклористике, издательской деятельности, а также в плане своих непрофессиональных видов деятельности — в археологии, шахматах, переводах художественной и научной литературы.

После Второй мировой войны (вплоть до недавнего времени) вклад русской эмиграции в развитие науки, экономики и культуры Югославии систематически замалчивался. Объективные исследования сегодня затруднены из-за плохой сохранности архивных и печатных данных, а также недостаточно изученной культурной истории страны, в особенности ее провинции. Большое число русской интеллигенции покинуло Югославию в 1944—1955 годах или испытало неприятности, связанные с неустойчивыми югославско-советскими правительственными и партийными отношениями. К 1955 году русских в Югославии осталось не более десяти тысяч из трех поколений эмиграции.

Однако русская эмиграция в Югославии оставила заметный след в жизни самой диаспоры, протекающей в «русском Белграде» и в примерно трехстах «русских колониях». Самыми крупными они были в Загребе, Новом Саде, Панчево, Земуне, Великом Бечкереке, Белой Церкви, Сараево, Мостаре, Нише, Крагуеваце. В Сремские Карловцы расквартированы Штаб главнокомандующего Русской армией во главе с генералом П. Врангелем и Архиерейский Синод Русской православной зарубежной церкви, предводимый митрополитом Антонием (Храповицким). По всей стране в 1923/24 учебном году действовали 24 русские начальные школы и средние учебные заведения, в которых обучалось около трех тысяч детей и подростков [4].

В колониях сложилась система местного самоуправления — возникли русские церковные приходы, библиотеки и детские сады,

артистические кружки, офицерские собрания и филиалы многочисленных русских политических, военных, спортивных и культурных организаций, центры которых находились в Белграде. По одному подсчету, в Югославии была зарегистрирована ровно 1001 русская эмигрантская организация. Как и число проживавших в стране граждан России, число организаций постоянно изменялось — они угасали или объединялись. Многое зависело и от эволюции беженцев в эмигрантов, осознавших, что не близок возврат на родину.

В первые годы неоднородную массу русских волновали вопросы: судьба России и оставшихся там близких, розыск родственников и друзей, устройство на новом месте. Постепенно идейные единомышленники, земляки, люди одинаковых профессий объединяются, вступают в кружки и организации, нередко погрязая в политических распрях. Насыщенная общественная и национально-культурная жизнь облегчала жизнь интеллигенции, в первую очередь проживавших в провинции.

Приводим нами составленный неполный перечень русских объединений, уже по одним названиям свидетельствующий о многогранной деятельности русской эмиграции в Югославии.

Гуманитарные, благотворительные и социальные организации

Всероссийское общество помощи жертвами Гражданской войны и террора
Всероссийский союз городов — ВСГ
Всероссийский земский союз — ВЗС
Комитет помощи русским воинам и их семьям
Русское благотворительное общество в Белграде
Русское общество Красного Креста — РОКК
Здравница баронессы Врангель в Топчидере под Белградом
Амбулатории РОКК в Белграде, Скопле, Враньска-Бане, Нише, Земуне
Русский хирургический госпиталь в Панчево
Туберкулезная санатория в Вурберге (Словения)
Приют для инвалидов в Игало (Бока-Которска)
Приют для русских военных инвалидов в Белой Церкви
Дома престарелых в Кикинде, Панчево, Новом Саде, Белой Церкви

Дамский комитет памяти вел. кн. Татьяны Николаевны
Союз русских инвалидов в Югославии
Ссудо-сберегательное общество русских чиновников и торгово-промышленников

Церковные и духовно-просветительные организации

Собор Русской православной церкви за границей
Архиерейский Синод РПЦЗ в Сремских Карловцах
Общество попечения о духовных нуждах русских православных в Югославии
Мариинское церковное сестричество в Белграде
Лесненский женский монастырь в Хопово
Русские церковные приходы в Белграде, Земуне, Панчево, Новом Саде, Сараево, Белой Церкви, Кикинде, Сремских Карловцах
Церкви при русских гимназиях, девичьих институтах, кадетских корпусах и в ряде городов — Суботице, Сомборе, Великом Бечкереке, Црквенице, Загребе...
Религиозно-философские братства: Св. Серафима Саровского, Св. Владимира, о. Иоанна Кронштадского, Св. Креста
Православно-миссионерское книгоиздательство в Белой Церкви
Русская православная миссия в Словении
Кружок по изучению эзотерических наук Востока в Белграде
Русское теософское общество

Военные организации

Совет объединенных российских офицерских обществ в Королевстве СХС
Общество галлиполийцев (17 отделов)
Союз участников Первого кубанского (ледяного) похода
Объединение офицеров Генерального штаба
Общество кавалеров ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия
Русский национальный союз участников войны — РНСУВ
Четвертый отдел Российского общевоинского союза — РОВС
«Русское народное ополчение» — РНО (5 дружин)

Лига русских офицеров и солдат запаса за границей
Корпус Императорской Армии и Флота — КИАФ (6 филиалов)
«Братство русской правды» — БРП (подпольная организация)
Кружок военного самообразования
Общество ревнителей военных знаний — ОРВЗ
Русские военно-научные курсы ген. Н. Н. Головина (13 филиалов)
Русская охранная группа («Русский корпус») в Сербии
Около сотни объединений: гвардейских Преображенского, Кирасирского, Драгунского, гусарских, уланских полков, военных академий, училищ и кадетских корпусов, военных юристов, артиллеристов, топографов, саперов, офицеров военно-воздушного флота, радио-телеграфистов, интендатских служб, пехоты, кавалерии, гардемаринов...

Политические и общественные организации

Парламентская группа
Объединение городских гласных и председателей городских дум
Объединение гласных земских органов самоуправления
Окружной совет Объединения монархических организаций в Югославии (представительство Высшего монархического совета в Мюнхене — Париже)
Русский комитет (объединял около 80 общественных, научных, профессиональных и проч. организаций монархической ориентации)
Эмигрантский комитет (аполитическое, внепартийное объединение)
«Союз восстановления Родины» (монархисты-парламентарии, позднее присоединились к монархистам-легитимистам)
«Фонд спасения Родины» — ФСР (монархисты-конституционисты)
«Русское согласие» (монархисты-легитимисты)
Русский кружок в Загребе (евразийская организация) «Молодая Россия»
Союз русской национальной молодежи — СРНМ (9 отделов и ряд представительств в провинции)
Союз младороссов (Младоросская партия)

Национальный союз нового поколения — НСНП, позднее — Национально-трудовой союз нового поколения — НТСНП
«Лига Обера» (Югославский филиал с отделами)
Русское трудовое христианское движение — РТХД (42 филиала)
Новосадское русское правление верноподданных
Русский национальный монархический союз (Нови Сад)
Русское центральное объединение (центристы-монархисты парламентского типа; более 10 отделов)
Комитет монархического единения
Русский национальный комитет (либералы, кадеты правого уклона)
Объединение прогрессивной и демократической русской эмиграции «Крестьянская Россия» (Трудовая крестьянская партия)
Республиканско-демократическое объединение — РДО
Земгор (белградское представительство пражской центральной партии эсеров)
Железный союз долга и чести (фашистского уклона)
Национальное общество русских женщин
Общество распространения русской национальной и патриотической литературы

Казачьи организации

Объединенный совет Дона, Кубани и Терека — ОСДКТ
Представительства: Донского, Кубанского и Терского казачьих войск
Общеказачий сельскохозяйственный союз
Общеказачья трудовая организация
Бюро труда «Казак»
Общество «Вольная Кубань»
Делегация по охране кубанских регалий
Вольноказачий округ в Югославии
Белградская общеказачья студенческая станица
Рабоче-крестьянская казачья партия в Скопле
Калмыцкая казачья колония в Белграде
Союз свободных казачек им. Галины Булавиной

Около 60 казачьих станиц, хуторов и куреней

Студенческие организации

Союз русских студентов Белградского университета (касса взаимопомощи, амбулатория, библиотеки, кружки, отделы по факультетам)
Союз русских студентов-галлиполийцев в Белграде
Союзы русских студентов — в Загребе, Любляне, Суботице, Скопле
Загребский студенческий казачий хутор
Кружок студентов-богословов им. Св. Анастасия и Св. Иоанна Богослова

Спортивные организации

Краевой союз Русского сокольства в Королевстве Югославии (22 отдела)
Русский спортивный клуб в Белграде (много секций)
Русский яхт-клуб им. Петра Великого в Белграде
Русское филателистическое общество
Организация российских юных разведчиков — ОРЮР
Национальная организация русских скаутов — НОРС
Общество рыболовов-любителей в Белграде

Профессиональные организации

Объединение чиновников Министерства внутренних дел России
Союз русских педагогов в Югославии
Русско-сербское общество медиков
Союз русских писателей и журналистов
Союз русских инженеров
Общество русских агрономов, лесников и ветеринаров
Общества и объединения: сенаторов, правоведов, лицеистов, пажей, помещиков, торгово-промышленников, пчеловодов, таксистов, артистов эстрады и др.

Научные организации

Общество русских ученых в Королевстве СХС
Русская академическая группа

Русское археологическое общество в Югославии
Русский научный институт в Белграде
Институт изучения России
Институт изучения России и Югославии (при Земгоре)
Кружок изучения России и Курсы обобщающего научного изучения России
Донская историческая комиссия
Высшие научные курсы современной полицейской техники
Русский военно-научный институт в Белграде
Институт им. Н. П. Кондакова (в 1939 г. из Праги переехал в Белград)

Культурные организации

Общество славянской взаимности
Русский народный университет в Белграде
Русская матица в Любляне (с филиалами)
«День русской культуры» — Объединение русских организаций
Союз ревнителей чистоты русского языка
Русская публичная библиотека в Белграде
Русский дом им. императора Николая II в Белграде
Юбилейный комитет к празднованию 950-летия крещения Руси
Комитет русской культуры (Руски културни одбор)
Юбилейный Пушкинский комитет

Литературные и художественные общества и кружки

Литературно-художественное общество в Белграде
Лига искусств в Белграде
Новосадское русское литературно-музыкальное общество
Общество русских дилетантов в Новом Саде
Белградское русское драматическое общество
Общество русских художников в Югославии
Русское объединение художников «Круг»
Русское музыкальное общество в Белграде
Русский хор им. Глинки в Белграде

Русский хор Придворной капеллы
Театральная студия А. Черепова в Белграде
Русская студия искусств (при Земгоре)
Литературно-издательское общество «Будущая Россия» в Загребе
Русская Драматическая студия в Загребе
Русские клубы и хоры в десятках колоний
Белградские литературные и поэтические кружки: «Гамаюн», «Книжный кружок», «Новый Арзамас», Кружок молодых поэтов, «Беседа», «Поэзия и проза», «Литературная среда».

Русская эмиграция в Югославии развернула богатую издательскую деятельность. В Белграде выходили газеты: «Русская газета», «Новое Время», «Возрождение», «Старое Время», «Царский вестник», «Русский голос», «Русское дело», «Русский народный вестник», «Новый путь» и др. Включая провинциальную периодическую печать, выходило более 220 наименований газет и журналов, опубликовано около 1200 книг и брошюр [5]. Издательская комиссия при Комитете русской культуры выпустила в свет 43 книги серии «Русской библиотеки» — литературных сочинений И. Бунина, Б. Зайцева, А. Куприна, Д. Мережковского, Е. Чирикова, К. Бальмонта, А. Ремизова, Н. Тэффи, И. Шмелева, И. Северянина, М. Алданова и других, а также 12 книжек «Детской библиотеки» и «Библиотеки для юношества».

16—23 сентября 1928 года в столице Королевства СХС состоялся IV съезд русских академических организаций за границей при участии видных ученых, а 25—30 сентября 1928 года — Съезд русских писателей и журналистов за рубежом, на который съехалось более сотни делегатов и гостей из многих стран. Весной 1930 года в Белграде прошла Большая выставка русского искусства, явившаяся событием в культурной жизни столицы. Было представлено свыше 400 работ живописцев и скульпторов. Наряду с работами И. Репина, А. Бенуа, И. Билибина, Н. Гончаровой, Б. Григорьева, М. Добужинского, К. Коровина, М. Ларионова, Н. Рериха, К. Сомова экспонировались произведения 38 русских художников, проживавших в Югославии [6]. В Белграде состоялись персональные выставки Ф. Малявина и Н. Богданова-Бельского. Югославию навещали Анна Павлова, Тамара Карсавина, Федор Шаляпин, Сергей Прокофьев, Иван Бунин, Борис Зайцев, Аркадий Аверченко, Николай Бердяев,

Игорь Сикорский. На Балканы шли письма от Вячеслава Иванова, Владислава Ходасевича, Николая Евреинова...

Культурная история Югославии межвоенного периода не отмечает значительных акций по сближению местной и русской интеллигенции, какие имелись в Праге и Париже. Чаще всего контакты осуществлялись на уровне профессиональной работы — при Сербской академии наук, учебных заведениях, театрах, издательствах и проч. В литературном плане таких попыток сближения было несколько. В 1923 году на русском и сербском языках вышел в свет первый (и единственный) номер литературно-художественного журнала «Медуза» — «орган пропаганды русского искусства в Югославии и ознакомления с сербским творчеством русских». В нем помещены заметки о современных поэтах Югославии, переводы стихов Ахматовой, Блока, Ремизова и репродукции картин Л. Браиловского. Русская студия искусств при Земгоре в 1927 году выпустила общественно-литературный сборник «Ступени», в котором приняли участие русские и югославские поэты и литераторы.

Уникальным изданием во всем русском зарубежье можно считать «Руски архив», журнал, освещавший вопросы политики, культуры и хозяйства России, выпускаемый в 1928—1937 годах на сербском языке научным отделением белградского Земгора (по 6 номеров в год). Основной его целью было объективное, без эмигрантского озлобления и пристрастий, ознакомление югославской общественности с положением и изменениями в Советской России, а также с новинками литературы и искусства русской эмиграции. Сотрудниками журнала были и русские из Праги, Парижа (Марк Слоним, Марина Цветаева, Алексей Ремизов), представители сербской интеллигенции.

Писатель Ирина Ефимовна Кунина-Александер в 30-е годы собирала в Загребе хорватскую интеллигенцию левой ориентации, писателей и художников кружка «Земля», оказывала им материальную помощь. В белградском культурно-литературном журнале «Бизанта», а также в лучших сербских журналах: «Мисао», «Српски књижевни гласник», «Летопис Матице српске» и других сотрудничали русские. В Белграде было устроено несколько выставок русских и югославских художников и архитекторов, а в 1937 году во многих городах совместными силами торжественно и широко отмечено 100-летие со дня кончины Пушкина.

Русские театральные труппы в Белграде

Эмиграция с собой за границу привезла не только достижения русской культуры, но и традиции — праздники, обычаи, культ хорового пения и сценического искусства. Объединяясь около Русской церкви, учебных заведений, столовых, библиотек и артистических кружков, во многих колониях возникают и любительские драматические труппы — в Дубровнике, Герцегнови, Суботице, Нише, Новом Саде, Загребе.

Первые русские спектакли в Белграде давались в начале 20-х годов в постановке Юрия Львовича Ракитина, в прошлом актера МХАТа, режиссера Александринского театра в Петербурге, с 1920 г. режиссера белградского Народного театра. Труппа кружка «Ассамблея» формировалась стихийно из профессиональных актеров и любителей. В Белграде существовали и русские кружки актера и певца Шумского, дилетанта Манглера.

В 1925 году возникло Белградское русское драматическое общество, объединившее более 80 артистов сцены. Спектакли этой труппы отличались серьезной подготовкой и энтузиазмом всех участников. Ставили их опытные режиссеры А. А. Верещагин, А. Д. Сибиряков, Ю. Л. Ракитин, Ф. В. Павловский. Репертуар составляли и произведения сербских, эмигрантских и советских авторов. Одновременно Драматическая студия Союза русских писателей и журналистов давала спектакли преимущественно русского классического репертуара (постановки Ю. Л. Ракитина, А. Ф. Заярного). При эсеровском Земгоре существовало Студенческое артистическое русское театральное общество (САРТО).

Вскоре после переезда Феофана Павловского из Белграда в Литовский оперный театр в Ковно (в 1928 году) Белградское русское драматическое общество распалось на Русскую студию драматического искусства (режиссер В. П. Загорднюк) и Театр русской драмы (актрисы Ю. В. Шацкой-Ракитиной). Последний просуществовал дольше и ставил пьесы русского, современного мирового и советского репертуара.

В начале 30-х годов возникли Театральная труппа «Комедия» (режиссер Я. О. Шувалов) и Театр миниатюр «Ягодка» (основал его молодой художник театра В. И. Жедринский под влиянием успешных гастролей русского театра «Синяя птица» из Берлина).

С большим успехом в 1929 году прошли выступления актера Александра Черепова, прибывшего из Риги и обосновавшегося в Белграде. Очень скоро ему удалось создать новую театральную труппу, при материальной поддержке Комитета русской культуры открыть Школу-студию драматического и киноискусства, а в 1933 году вместе с известным в России антрепренером И. Э. Дуван-Торцовым — Русский общедоступный театр в только что построенном Русском доме им. императора Николая II с великолепным концертно-театральным залом. Труппу этого театра, самого известного в «Русском Белграде», составляли опытные актеры и любители. В нем гастролировали знаменитые артисты и режиссеры: М. Ведринская, О. Гзовская, М. Крыжановская, Е. Полевицкая, В. Греч, П. Павлов, Н. Массалитинов.

С 1937 года в зале Русского дома шли и спектакли театральной труппы Союза русских артистов в Белграде (созданной Т. Н. Яблоковой). Иногда актеры разных театральных группировок объединялись и готовили один спектакль. На сцене Русского дома спектакли шли почти еженедельно. Исполнялись и пьесы местных авторов — В. В. Хомицкого, Н. З. Рыбинского, Ю. В. Офросимова, А. Н. Жернаковой-Николаевой, а также «парижан» — Н. Н. Евреинова, И. Д. Сургучева, Н. Н. Берберовой.

В феврале 1941 года возник Злободневный юмористический театр «Белая ворона». Вскоре немецкая бомбардировка и оккупация Белграда приостановили всю общественную жизнь столицы, но уже в мае 1941 года популярный актер, любимец русских театралов, Олег Миклашевский создал Общество русских сценических деятелей в Сербии, которое вопреки трудностям военного времени непрерывно давало спектакли в переполненном зале Русского дома — вплоть до 3 сентября 1944 года, уже при союзнических бомбардировках и перед самым наступлением на Белград Третьего Украинского фронта Советской армии с югославскими партизанами.

Союз русских писателей и журналистов в Югославии

Возникновение этого союза в Белграде и вся его деятельность протекали в условиях менее благоприятных, чем в Берлине, Париже и Праге, где было гораздо больше журналистов и литературных сил. Однако вокруг него стали группироваться русские интеллигенты — люди пера, науки и искусства.

Инициатива его создания принадлежит журналистам А. И. Ксюнину и Е. А. Жукову. Белградский союз основан 1 октября 1925 года. На первом собрании почетными членами были избраны Е. В. Аничков, И. А. Бунин и Вас. И. Немирович-Данченко [7]. Своей главнейшей задачей союз считал работу против коммунистической пропаганды и идейную работу за освобождение России. Он содействовал распространению и публикации актов, которые вскрывали сущность большевизма в России: письма писателей из Советской России, резолюции протеста-митинга в Париже в 1929 году против бессудных казней в СССР, открытого письма графини Александры Львовны Толстой «Не могу молчать» и др.

Союз принял участие в деле издания и распространения журналов и газет. При нем было книжное представительство, связанное с виднейшими русскими зарубежными издательствами. Он начал выпускать серию книг на сербском языке «Словенски класици». В связи с финансовыми трудностями удалось опубликовать лишь два тома произведений Н. С. Лескова и М. Е. Салтыкова-Щедрина. На русском языке вышел сборник рассказов В. Н. Челищева и ценная «Антология новой югославянской лирики» — подвиг молодых поэтов белградского круга: Ильи Голенищева-Кутузова, Екатерины Таубер и Алексея Дуракова. В 1926 году союз выпустил пять номеров литературно-общественного журнала «Призыв», в котором сотрудничали видные зарубежные писатели, а в 1926—1927 годах выходила еженедельная газета «Россия» (закрыта также из-за нехватки средств).

Белградский союз располагал библиотекой, в которую поступил весь фонд русской библиотеки в Карлсруэ, основанной Тургеневым. Особый интерес представлял отдел газетных вырезок — тетрадей по различным вопросам со специальным на них каталогом.

Профессиональная деятельность союза имела своей задачей: объединение русских писателей и журналистов, оказание им моральной и материальной поддержки; защиту авторских прав; чтение произведений авторами с последующим обменом мнениями; предоставление возможности выступать публично на общественно-политические темы в «Устной газете».

Благодаря его инициативе и подготовительной работе в 1928 году в Белграде состоялся Съезд русских писателей и журналистов за рубежом, завершившийся организацией Зарубежного союза с Советом в Париже и Правлением в Белграде. Белградскому союзу

удалось добиться официального признания полномочий в деле защиты авторских прав русских писателей зарубежья.

Постепенно он сделался культурным центром, вокруг которого объединились и русские профессора, артисты, художники. Через списки его членов прошло свыше 200 человек. В своих помещениях союз приютил Кружок молодых поэтов, кружок «Беседа», драматическую студию, редакцию журнала «Бизанта», кружок «Поэзия и проза» и Союз ревнителей чистоты русского языка (как автономного филиала союза). Он организовал три литературных конкурса, выставки художников А. А. Вербицкого и В. Я. Предаевича (копии фресок древних сербских монастырей и «Старый и новый Белград»), ряд любительских спектаклей, концертов русской музыки, литературно-художественных и балетных вечеров, балов.

Чтение авторами своих произведений проводилось на «интимных вечерах», а публичные лекции, собрания и «устная газета» дали ему обширную аудиторию. До 1937 года всего было устроено 68 публичных собраний, на которых выступили осевшие в Югославии русские (в том числе В. В. Шульгин, П. Б. Струве, М. П. Чубинский, Е. В. Аничков, С. В. Штейн) или приезжие — А. А. Кизеветтер, В. А. Мякотин, Д. С. Мережковский, А. И. Куприн, И. А. Ильин и многие другие.

Каждый номер устной газеты готовил «выпускающий», в задачу которого входило предварительное пояснение прочитанных статей и председательствование на собрании. За десять лет состоялось 77 «интимных собраний» и выпущено 42 номера устной газеты. Приводим содержание одного из номеров:

№ 8—19 января 1932 года

С. В. Дмитриевский. Глаза и уши красного Кремля. *Н. Н.* Же сюи парту (русский номер о Советах). *Л. П. Терешкевич.* Россия и ее новое поколение. *А. Ю. Вегнер.* Почему принимаются Европой советские заказы. *Н. И. Жухин.* Правая рука Сталина. *С. В. Штейн.* Мои встречи с Блоком. *Т. Н. Яблокова.* Рассказ. *Е. М. Гауг.* Декламация. *С. С. Страхов.* Татьянин день (стихотворение). Последние новости — советские и иностранные. Объявления. — Выпускающий Н. З. Рыбинский.

За 16 лет своего существования, вплоть до немецкой бомбардировки Белграда 6 апреля 1941 года, не все в союзе протекало

гармонично, не обходилось без политических разногласий и интриг, однако многим русским он предоставлял объективную, своевременную, исчерпывающую информацию и давал возможность принять участие в общественной жизни, сохранить себя русским.

Союз ревнителей чистоты русского языка

Как своеобразное культурное явление в русском зарубежье этот союз возник в 1928 году в Белграде. К началу 1937 года в нем было 110 членов. Его бессменным председателем состоял Евгений Александрович Елачич.

В год празднования 100-летия со дня кончины Пушкина союз издал свою Памятку — «скромную попытку собрать воедино наиболее часто встречающиеся искажения нашей разговорной речи» [8]. В разные годы он выпускал воззвания, в которых отмечалось: «Одним из первых условий сохранения своей национальности является родной язык. Человек, плохо говорящий по-русски, едва ли русский, ребенок, думающий не по-русски, вероятно, уже утерян для русской культуры». Основной целью союза было всемерное содействие охране чистоты русского языка. В Памятке приведены многочисленные примеры его порчи на чужбине:

Засорение иностранными словами: абстрактный — отвлеченный; дегенерация — вырождение; претендовать — притязать; позитивный — положительный.

Неправильные выражения: «займите мне» — вместо: «дайте мне взаймы»; «все ж таки». Следует говорить: или «все же», или «все-таки»; ошибочное нововведение «проработать вопрос».

Опошление языка: «Мне ужасно хочется спать».

Употребление слов в неправильном значении: «Я обязательно приду» — вместо: «Я непременно приду».

Ошибки от смешения с родственным сербским языком.

Об ударениях. Русские дети за рубежом часто произносят, читая по книге: «Мальчик побежал по по́лю», тогда как в России грамотные прочтут, а неграмотные уверенно скажут: «бежал по́ полю» (ударение на предлоге). Дух языка вряд ли можно привить книжным путем.

Для достижения поставленных целей союз устраивал встречи и собеседования, содействовал углублению познаний русского языка и лучших образцов художественной литературы, призывал безотлагательно приняться за работу по сохранению родного языка. Поэтесса Лидия Алексеева (Девель), состоящая одно время секретарем союза, вспоминала: «Мы ядовито ловили друг друга на употреблении ненужных иностранных слов и неправильных оборотов. Евгений Александрович был высок, худ, педантичен, вегетарианец и держал нас всех в повиновении» [9]. В богатом архиве Союза ревнителей чистоты русского языка хранились газетные вырезки с примерами засорения языка — ценный материал для исследований [10].

Русский научный институт в Белграде

Событием в истории русской эмиграции явился IV съезд русских академических организаций за границей, состоявшийся в 1928 году в Белграде. В отличие от предыдущих трех, проведенных в Праге (преимущественно организационных), белградский съезд имел научный характер. Под председательством профессора В. Г. Коренчевского, члена Листерова института в Лондоне, на съезде было прочитано 104 доклада (из Югославии — 58), принят ряд резолюций и учрежден постоянный центр для развития свободной русской науки — Русский научный институт в Белграде, открытие которого было провозглашено 16 сентября, в день открытия съезда. В связи с основанием института в Белград переехал академик П. Б. Струве, экономист и социолог с мировым именем.

С 1920 года в Белграде уже существовало Общество русских ученых, а с 1921 года — Русская академическая группа (как более либеральная, выделившаяся из этого общества). Примерно 70 профессоров российских университетов, занявших кафедры в трех университетах страны, занимались не только профессиональной деятельностью и наукой, но и образованием русских людей на чужбине — преподавали в русских гимназиях, читали лекции в Русском народном университете в Белграде или по приглашению русских культурных кружков ездили в провинцию. Они составляли и ядро Русского археологического общества, Союза русских инженеров, публиковали свои труды в русских периодических изданиях, принимали участие в международных научных конференциях.

До основания Русского научного института в Белграде подобные институты возникли в Праге и Берлине, однако благодаря материальной поддержке югославского правительства новый институт вскоре стал ведущим во всей эмиграции. Число действительных членов (лиц, занимавших прежде кафедры в высших учебных заведениях России, или профессоров югославских университетов) было достаточно устойчивым (40—60), а число членов-сотрудников постоянно росло (в 1929 году — 12; а в 1938 году — 48). В работе института принимали участие и югославские ученые. В Белград приезжали известные ученые: из Праги — И. И. Лаппо, И. И. Лапшин, Н. О. Лосский, А. А. Кизеветтер, Е. А. Ляцкий, А. В. Флоровский; из Парижа — С. И. Метальников, В. В. Зеньковский, Н. Н. Головин; из Лондона — Д. П. Рябушинский, М. А. Иностранцев; из Берлина — С. Л. Франк, И. А. Ильин; из Рима — Е. Ф. Шмурло; из США — Н. В. Ипатьев, И. И. Сикорский. Институт устраивал «Беседы» и выступления писателей Е. Чирикова, З. Гиппиус, Д. Мережковского, поэтов К. Бальмонта и И. Северянина, шахматиста А. А. Алехина.

Согласно уставу, главными органами института были Совет (все члены) и Правление (исполнительный орган). Председателями института (до его вынужденного закрытия в 1941 году) состояли: бывший ректор Киевского университета Е. В. Спекторский, академик Ф. В. Тарановский, бывший профессор Новороссийского университета А. П. Доброклонский и бывший профессор Донского университета А. И. Игнатовский. Институт имел специальные отделения — гуманитарных наук (философия, язык и литература, социальные и исторические науки с военным отделом), естественных и математических. Корифеями науки в Югославии являлись: математики Ант. Д. Билимович, Н. Н. Салтыков, В. Х. Даватц, механики и машиностроители В. З. Жардецкий, Я. М. Хлытчиев, Г. Н. Пио-Ульский, В. В. Фармаковский, медики — хирурги Вс. Н. Новиков, С. К. Софотеров, интернист А. И. Игнатовский, патологи Н. Е. Акацатов, С. Н. Салтыков, Д. М. Тихомиров, Е. Н. Салымов, анатом И. Ф. Шапшал, гинеколог А. А. Редлих, отоларинголог С. А. Попов, эпидемиолог С. К. Рамзин, психиатр Н. В. Краинский, невропатологи М. Н. Лапинский, А. С. Кульженко, бальнеолог А. И. Щербаков, бактериолог Д. Ф. Конев; минералоги Н. А. Пущин, А. И. Косицкий; гидролог С. П. Максимов; агрономы А. И. Стербут, Н. И. Васильев, Т. В. Локоть, И. П. Мар-

ков; лесовод А. И. Шеншин; биологи В. Э. Мартино, Ю. Н. Вагнер, геодезисты И. С. Свищев, Д. В. Фрост; экономисты А. Д. Билимович, Л. Я. Таубер; богословы, историки и юристы — А. П. Доброклонский, С. В. Троицкий, Е. В. Спекторский, М. П. Чубинский, Ф. В. Тарановский, А. В. Соловьев, К. М. Смирнов, М. А. Георгиевский, Л. М. Сухотин, византолог Г. А. Острогорский, палеославист В. А. Мошин, филологи и литературоведы — С. М. Кульбакин, Е. В. Аничков, А. Л. Погодин, археолог Д. Н. Сергеевский...

Работа института проявлялась в устройстве научных заседаний, курсов и семинаров, в чтении докладов (с прениями) и публичных лекций, в издании научных трудов, оказании помощи молодым ученым (стипендии и введение в методику научной работы), в обмене изданиями со всеми славянскими академиями и важнейшими западноевропейскими университетами. При институте имелась собственная научная библиотека.

За первые десять лет своего существования им было организовано 23 конференции, подготовлено около 670 сообщений и докладов [11]. Особое внимание институт уделял изучению всех аспектов прошлого и настоящего Югославии, сбору данных о деятельности русских ученых за границей и публикации их научных работ на русском языке.

Издания Русского научного института в Белграде:

≡ Труды IV съезда русских академических организаций за границей. Ч. 1 — Гуманитарные науки; Ч. 2 — Естественные науки. Белград, 1929. 479 с.+ 390 с. (79 докладов).

≡ Записки Русского научного института в Белграде. Вып. 1—17. Белград, 1931—1941. (180 трудов).

≡ Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом. Вып. 1 (1920—1930); Вып. 2 (1930—1940). Часть 1. Белград 1931—1941. 394 с.+ 384 с. (Около 14 тысяч библиографических единиц! Вторая часть второго выпуска не вышла из печати и погибла при оккупации Белграда).

Русское археологическое общество в Югославии

Общество зародилось летом 1921 года в Белграде из небольшого научного кружка. Его составляли М. А. Георгиевский, С. Р. Минцлов, Н. В. Мятлев, Е. А. Пасыпкин, А. Л. Погодин, С. Н. Смирнов, А. В. Соловьев и В. Н. Халаев. Начав со скромных экскурсий, изучения фресок в монастырях Сербии и Македонии, кружок во

главе с председателем профессором А. Л. Погодиным быстро окреп и превратился в общество, насчитывающее свыше 70 членов.

До своего роспуска в апреле 1941 года Русское археологическое общество находилось под высоким покровительством княгини Елены Петровны (сестры короля Александра, вдовы убитого великого князя Иоанна Константиновича Романова). Оно тесно сотрудничало с сербскими учеными, исследовало архивы, устраивало научные экспедиции и чтение публичных лекций не только по археологии, но и по истории, искусству, славянской культуре.

Особенную ценность до наших дней сохранили три объемистых тома «Сборника Русского археологического общества» (1927, 1936, 1940 — всего 776 с.). В них опубликованы труды о хазарах (В. А. Мошина), о происхождении глаголицы (С. М. Кульбакина), о памятниках ассирийского законодательства (М. А. Георгиевского), о провинциальном римском искусстве (Д. Н. Сергеевского), о славяно-финских древностях (А. Л. Погодина), о византийском роде Ангелов (Г. А. Острогорского), о сербских святых в русских рукописях (С. Н. Смирнова), о русских навигаторах среди южных славян (А. В. Соловьева) и т. д.

Профессор Белградского университета Д. Анастасиевич в своей приветственной речи по поводу десятилетия работы общества, удивляясь результатам его деятельности, учитывая недостаток средств, объяснил этот успех исключительно тем идеализмом, который присущ русским представителям науки [12].

Русский дом им. императора Николая II в Белграде

С учреждением в 1928 году Комитета русской культуры (Ру́ски културни одбор) под председательством слависта Александра Белича, выпускника Московского университета и впоследствии президента Сербской академии наук, русским культурным организациям были выделены значительные денежные ассигнования. В круг забот комитета вошли Русский научный институт, Русское музыкальное общество, объединения хорового пения и драматические труппы, Общество русских художников и «Русский сокол» в Белграде. Комитет помог пополнению фондов Русской публичной библиотеки, поддержал белградские съезды русских ученых, писателей и инженеров, помог устройству Большой выставки русского искусства. В 1931 году комитет приступил к осуществлению постройки

3 Заказ 4337

Русского дома, уникального в те годы мероприятия в среде российской диаспоры, рассеянной по свету, — апофеоза отношения югославского правительства к русской эмиграции. На его торжественном открытии 9 апреля 1933 года академик А. Белич сказал: «Этой части нашей земли, в которой мы живем, старому Королевству Сербии, полуразрушенной, замученной, лишенной многих сотен тысяч лучших своих сынов, павших на войне, русские эмигранты оказали действительно существенную культурную помощь. Пройдет еще очень много времени, и в строительстве новой культурной жизни нашей страны все еще будет заметно участие в ней русских интеллигентов, у нас живших... Его Величество король Александр I, вдохновитель мысли о его постройке, как глубоко ценящий огромное значение духовных нужд русского народа, усмотрел, что помощь народа русским людям не будет исчерпывающе полной, если мы не позаботимся и об этой стороне их жизни» [13].

Величественное здание, возведенное в стиле русского ампира (архитектор В. Ф. Баумгартен), являлось центром научной, просветительной и художественной жизни, приняв под свои своды: Русский научный институт, Военно-научные курсы, Русскую публичную библиотеку (после Тургеневской библиотеки в Париже самую ценную в русском зарубежье), русско-сербские мужскую и женскую гимназии, начальную школу, общество «Русский сокол», два музея, театральные труппы, Русское музыкальное общество, Союз русских художников и другие организации. В нем были концертно-театральный зал, ателье для художников, кабинеты, гимнастический зал, бильярдная и т. д.

Русский дом, как и русский храм Св. Троицы (1924), были едва ли не единственным местом общения русской эмиграции в суровые военные годы германской оккупации Белграда.

Послевоенная судьба Русского дома («Дома советской культуры») и его архивов по многим причинам полностью еще не исследована.

Новосадское отделение «Русской матицы»

(Пример культурной работы русской интеллигенции в провинции)

«Слово „матица“, употребительное в древнерусском книжном языке, означает в прямом смысле пчелиную матку. В древнерусской

письменности «матицы» — сборники религиозных, философских и нравственных статей, составляли одно из излюбленных чтений. В практике славянских народов матица есть национально-культурное объединение, собирающее духовные силы народа для борьбы с утратой национального лица и культурных традиций. Согласно с этим, Русская матица есть культурно-национальное общество, целью которого является: поддержание и развитие национального сознания среди русских людей; содействие народному просвещению; объединение русских людей на почве национально-культурной работы.

Русская матица зовет в свои ряды всех национально мыслящих русских людей во имя спасения священных традиций, передачи культурных богатств русской науки, искусства и жизни, ради содействия религиозному, национальному и нравственному воспитанию русских детей» — читаем на обложке одного из выпусков Новосадского отдела Русской матицы [14].

Идея учредить на чужбине Русскую матицу возникла с учетом столетнего опыта и деятельности остальных матиц — Польской (1822), Сербской (1826), Чешской (1831), Иллирийской, т. е. Хорватской (1842), Лужицко-сербской (1847), Галицко-русской (1848), Словацкой (1862), Словенской (1863), Далматинской (1863). 30 апреля 1924 года в Любляне русские беженцы создают свою Русскую матицу и принимают ее устав. Председателями ее были профессора А. Д. Билимович и с 1931 года — Е. В. Спекторский. Для плодотворной работы и выполнения намеченных целей Русская матица не могла ограничиться лишь Любляной, в которой осело сравнительно мало русских. Очень скоро возникают отделы в остальных колониях — Загребе, Баня-Луке, Бечкереке, Новом Саде, Црвенке, Храстоваце, Кралево, Бачкой Тополе, Ужице, Сомборе, Мариборе, даже в Брюсселе.

Отделение Русской матицы в Новом Саде основано 5 апреля 1925 года. В него влился возникший еще в 1922 году Русский национальный кружок. До ноября 1927 года председательствующей состояла Александра Анатольевна Розеншильд-Паулин, преподаватель французского языка в женской гимназии, а после нее, до роспуска отдела в апреле 1941 года, — Дмитрий Васильевич Скрынченко, преподаватель истории и латыни. Вместе с председателем в Правление входили: секретарь, казначей, библиотекарь и Ревизионная комиссия. В 1929 году в отделении числилось 222, в

1933 году — 275, а в 1941 году — 152 члена [15]. Все годы отделение вело разнообразную и плодотворную деятельность. Были открыты курсы обучения русскому языку, устраивались торжественные заседания, приуроченные к юбилейным датам: 50-летию Русско-турецкой войны, годовщинам Л. Толстого, Глинки, Гоголя, ген. Скобелева, Тургенева; читались лекции о Достоевском, Писемском, Анне Павловой; была проведена научная сессия, посвященная Острожской библии; ежегодно проводились праздники «День русской культуры»; отмечалось 100-летие Матицы сербской, Пушкинский юбилей в 1937 году. Театральная секция ставила спектакли, устраивала концерты, рождественские елки. Особой популярностью пользовались лекции, читать которые, помимо новосадцев, приглашались русские ученые-профессора из других городов.

Новосадское отделение Русской матицы поощряло и организовывало лекции и на сербском языке, которые читались в ее помещениях. В 1928 году отделение собрало данные о российских военнопленных, погибших в этих краях в 1915—1918 годах и на принятые по подписным спискам средства соорудило на двух кладбищах памятники-склепы. Им финансировалось издание на сербском языке воспоминаний бывшего австро-венгерского военнопленного в России, словенца Рудольфа Трушновича, который лишь в 30-е годы возвратился из СССР. Отделение материально помогало нуждающимся учащимся.

Помимо существующих уже в Новом Саде Русской публичной библиотеки Союза городов и Библиотеки русских военных летчиков, была создана третья — Новосадского отделения Русской матицы. К 1941 году ее фонд вырос примерно до 7 тыс. томов. Для бесплатного пользования в читальный зал выписывались русские газеты и журналы: белградские — «Русский голос», «Военный журналист», «Галлиполийский вестник», «За Родину!», «Пути русского сокольства», берлинское «Новое слово», прикарпатская «Православная Русь», парижские — «Возрождение», «Россия и Славянство», «Иллюстрированная Россия», «Часовой» и др. В 1934 году отделение открыло филиалы своей библиотеки в городах Сремска Митровица и Винковцы, снабжало книгами приют и начальную школу русских сирот при монастыре Хопово, школы на шахтах г. Бор (Восточная Сербия), в Ужгороде и даже русскую колонию в африканском местечке Курригха.

Издательская деятельность Новосадского отделения была скромной. Из пяти публикаций первая является самой значительной и известной — сборник «Благовест», 1925. Выпуск 1 (единственный). Редактор А. А. Розеншильд-Паулин и секретарь В. Ф. Григорьев привлекли к сотрудничеству видных представителей эмиграции: митрополита Антония (Храповицкого), А. Д. Билимовича, В. В. Шульгина, Е. В. Спекторского, Н. С. Арсеньева. А. Розеншильд-Паулин опубликовала свою драму «Совершенная любовь», в сборнике нашли место и патриотические стихотворения молодежи. В. Григорьев составил хронику Русской матицы. Через весь сборник проходит идея сохранения на чужбине русских культурных ценностей, религиозного и национального сознания. В рецензиях на «Благовест» это отметили софийская «Русь» и парижское «Возрождение».

В пользу «Благовеста» был устроен сбор средств. Журнал предполагалось выпускать поквартально. Однако вторая тетрадь так и не вышла. На оставшиеся средства в 1926 году были выпущены две брошюры скромной Библиотеки «Благовеста», задуманной как периодическое нумерованное издание для детей и юношества, — «Сказка о рыбаке и рыбке» Пушкина и «Стих о Егории Храбром».

В первом выпуске редакторы так обосновывают идею своего издания: «С каждым годом, с каждым днем множатся и пополняются ряды детей, не понимающих и не видавших России. В суете нашей жизни, неутомимо поглощающей все наши силы, все время, оскудевает русская душа и рвется родная традиция. Растут и множатся разбросанные в целом мире представители новой интернациональной породы — русские иностранцы. Долг наш — препятствовать этому. И если лично каждый отец и каждая мать не в силах окружить ребенка уютом родного быта, дать ему няню, они должны и могут дать ему русскую книгу».

Второй выпуск предназначался детям старшего возраста. На его обложке приведены патриотические и педагогические «Заветы Русской матицы русской молодежи»:

1. Знать родной язык, всегда употреблять его в разговоре с русскими, изучать родную страну.

2. Быть терпеливым и настойчивым, не оставлять дела, не доведя его до конца.

3. Быть честным и не посрамить имя русского.

4. Сделать из себя человека, чтобы служить России.
5. Стремиться русской молодежи к объединению.
6. Возлюбить Родину свою и Веру.

Третий выпуск Библиотеки «Благовеста», увидевший свет в 1927 году, по всей вероятности финансировался самостоятельно. Опубликован труд «Душа Православия» Н. С. Арсеньева, доктора богословия, видного деятеля экуменического движения, профессора Кенигсбергского и Берлинского университетов.

Лишь в 1936 году вышло в свет последнее издание Новосадского отделения Русской матицы, скромный сборник «Зарницы», содержащий 16 стихотворений новосадцев — судьи В. И. Майбородова, В. Н. Дорофеевой и лейтенанта флота А. Г. Бальца. Сборник открывает предисловие: «Прошло уже 16 лет нашего изгнанничества. Постепенно вымирает старшее поколение, принесшее за границу остатки великой русской культуры. Далеко не все в нашем прошлом было плохо и далеко не все среди эмиграции было мелочно и безнадежно... Главное, чем жила и живет эмиграция, это Родина, ей отдаются все мысли, все надежды, ей посвящаются и искры поэзии, которая всегда живет в русской душе. И Новый Сад имеет эти искры...»

Как культурно-просветительное общество Новосадское отделение пользовалось покровительством короля Александра, но на просьбы Правления Дворцовая канцелярия откликалась редко, в особенности после убийства короля в 1934 г. в Марселе. Финансовые проблемы все более обострялись. И все же Новосадский отдел Русской матицы оставался самым деятельным. Работа люблянского центра шла по другому руслу — организационному и научному.

* * *

В рамках одного очерка нам не удается отразить еще многие объединения русской интеллигенции в ее югославской диаспоре — Общество ревнителей военных знаний, Курсы обобщенного научного изучения России; представить единственный в зарубежье филателистический журнал «Россика» (номера которого редактировались в городке Белая Церковь, а печатались в Новом Саде, Белграде, Таллине, Риге, Шанхае); представить деятельность русских учебных заведений, в особенности Константиновский кружок, музей и публикации Русского кадетского корпуса (его директором был гене-

рал-лейтенант Б. В. Адамович, брат парижского литературного критика и поэта); ближе познакомиться с русскими книгоиздательствами, сатирическим журналом «Бух!», белградскими поэтическими сборниками...

«Русская интеллигенция — это класс или круг, или слой (все слова не точны)... Слой по сравнению со всей толщей громадной России очень тонкий, но лишь в нем совершалась кое-какая культурная работа. И он сыграл свою, очень серьезную историческую роль», — писала З. Н. Гиппиус [16].

В традиционном, западном употреблении «интеллектуал» понятие скорее профессиональное, у русских — духовное, нравственное. Русская интеллигенция такой осталась и в эмиграции.

Примечания

[1] *Кочаровский К. Р.* Зарубежье и отечество. В чем мы согласны — что нам делать? Белград, 1937. С. 1.

[2] *Jovanović M.* Doseljavanje ruskih izbeglica u Kraljevinu SHS 1919—1924. (Magistarski rad. Filozofski fakultet). Beograd, 1993. S. 134.

[3] *Манакин В.* Русские в Югославии//Алманах Краљевине Срба, Хрвата и Словенаца. Св. 1. 1921—1922. Загреб, 1922. С. 236—237.

[4] Зарубежная русская школа, 1920—1924. Париж, 1924. С. 26—27.

[5] *Katchaki J. H.* Bibliography of Russian Refugees in the Kingdom of SHS (Yugoslavia) 1920—1945. Arnhem (Holland), 1991.

[6] Велика изложба руске уметности у Београду. Каталог. Београд, 1930.

[7] На страже России. Десять лет Союза русских писателей и журналистов в Югославии. 1925—1935. Белград, 1935. С. 7.

[8] В защиту русского языка. Памятка Союза ревнителей чистоты русского языка. Белград, 1937. С. 7.

[9] *Алексеева Л.* Из воспоминаний о Белграде//Русский альманах. Париж, 1981. С. 367.

[10] После войны архив Союза ревнителей чистоты русского языка из Русского дома был вывезен в СССР и сегодня хранится в Москве (В ЦГАЛИ и в ЦГАОР).

[11] *Спекторский Е. В.* Десятилетие Русского научного института в Белграде//Записки Русского научного института. Белград, 1938. Вып. 14.

[12] *Осведомитель.* Десятилетие Русского археологического общества в Югославии//Россия и Славянство. Париж, 1931. 5 декабря.

[13] Русский дом им. императора Николая II. Белград, 1933. С. 33, 37.

[14] Стих о Егории Храбром. Библиотека «Благовеста». Вып. 2. Новый Сад, 1926.

[15] Историјски архив Новог Сада. Фонд 13866/1931; Русский народный вестник. Белград, 1941. 6 апреля.

[16] *Гиппиус З.* История моего дневника//Русская мысль. Прага, 1922. Т. 3. Кн. 4. С. 140.

II. Русская интеллигенция в Воеводине *

Как политико-территориальная единица Воеводина сформировалась только в 1945 году, но в историческом сознании она связана с великим переселением сербов с юга в Паннонскую низменность. Сербское Воеводство и Тамишки Банат, выделенные в 1849 году в отдельную область Австрийской империи, охватывали лишь часть территории нынешней Воеводины. После основания Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев и присоединения к нему этих земель многократно проводились административное деление и перенос границ.

В период между двумя мировыми войнами Банат, Бачка и Баранья считались наиболее пестрыми в национальном и конфессиональном отношениях областями в Европе. Общины с преобладанием немецкого населения славились сельским хозяйством, промышленность же, торговля и банковское дело находились в руках венгерского и австрийского капитала, который преимущественно использовал интеллектуальный и физический труд национальных меньшинств. Северные, наиболее богатые части Дунайской бановины весь межвоенный период находились под влиянием последствий экономического союза с бывшей Австро-Венгрией. Королевство Югославии не испытывало необходимости выделять значительные финансовые средства в эти районы с уже развитой хозяйственной инфраструктурой.

Трудолюбивое и мирное население Воеводины представляло собой консервативную земледельческую среду. После объединения сербы начали в массовом порядке покидать деревни, становясь государственными служащими. Старосербское гражданское общество было охвачено политической апатией и экономическим застоем. Ослабевают их прежние тесные связи с западной культурой, с университетскими центрами Средней Европы. Одновременно идет процесс возрождения национального самосознания немецкого, русинского, словацкого и еврейского меньшинств, освобожденных от сильного

* Перевод статьи «Руска интелигенциjа у Воjводини. Културни, просветни и привредни оквири делатности»//Руска емиграциjа у српскоj култури XX века. Т. I. Београд, 1994. С. 71—92.

венгерского контроля и влияния. Культурная жизнь среднего класса развивалась в рамках национальных объединений (сербских сокольских и певческих обществ, немецкого Культурбунда, славянских матиц), в организованных задругах торговой молодежи, женских благотворительных организациях и т. п.

Первая мировая война изменила этническую картину этих мест. Часть населения эмигрировала в соседние страны и Америку, но последовал и приток населения из отсталых экономических районов (Боснии). Здесь осело и определенное число российских военнопленных, среди которых были и поляки, и евреи, и татары, и представители других наций. Позже из России группами или в одиночку стали возвращаться люди, находившиеся там в плену, в основном представители славянского населения Воеводины; большинство возвращалось со своими новыми семьями — женами и детьми. Картину дополняли беженцы с юга России. Гонимые Гражданской войной, они прибывали в нашу страну тремя основными волнами — весной 1919, весной и в ноябре 1920 года. Последнюю, так называемую «Крымскую эвакуацию», составили представители потерпевшей поражение Добровольческой русской армии под командованием генерала Врангеля и гражданское население — преимущественно семьи офицеров, административных служащих из южных городов России, целые школы, вдовы, сироты, военные инвалиды. Часть этих настрадавшихся людей продолжила свой путь в Среднюю и Западную Европу. Отсталое и разоренное войной Королевство СХС гостеприимнее, чем любая страна Европы, приняло до 50 тыс. российских беженцев [1] и в рамках своих скромных возможностей предоставило им прибежище и помощь.

В июне 1920 года была создана Государственная комиссия по приему и устройству русских беженцев, которая, постепенно расширяя объем деятельности и увеличивая свое влияние, в 1924 году переросла в Делегацию по защите интересов русской эмиграции в Королевстве СХС, стала своеобразным государственным министерством.

Наиболее многочисленная группа россиян поселилась в Белграде, где в основном и был сконцентрирован ее интеллектуальный потенциал. Жизнь русской диаспоры регулировалась «Предписанием о колониях российских беженцев в Королевстве СХС». Таких колоний в стране насчитывалось около трехсот [2]. Выборное правление представляло колонию в Государственной комиссии, поддерживало

связь с местными органами власти, распределяло помощь среди беженцев, выдавало соответствующие документы и контролировало соблюдение порядка и достойного образа жизни в своей колонии.

В Бачке, Баранье, Банате и Среме поселилось 7—8 тыс. российских беженцев [3]. Большие колонии размещались в крупных населенных пунктах — Новом Саде, Панчево, Суботице, Великом Бечкереке и др. В Сремских Карловцах был расквартирован Штаб главнокомандующего русской армии — генерала Врангеля и Святой Архиерейский Синод Русской зарубежной церкви во главе с митрополитом Антонием (Храповицким). В Великой Кикинде, Новом Бечее и в Белой Церкви обосновались три девичьих института, в Белой Церкви — Николаевское кавалерийское училище, Крымский кадетский корпус, Приют русских военных инвалидов, в Панчево открылся Русский хирургический госпиталь. В Кикинде, Панчево и Новом Саде находились также русские дома для престарелых; в крупных населенных пунктах сформировались русские церковные общины, библиотеки, художественные кружки, начальные школы, детские сады, любительские театры, а также филиалы многочисленных русских политических, профессиональных и культурных организаций, центральные органы которых находились в Белграде. И вся эта деятельность русских гармонично влилась в жизнь многонациональной Воеводины.

Своеобразным явлением в деревнях и на хуторах были компактные селения казаков, прибывших в страну в составе расформированных частей Русской армии, но продолжавших состоять в подчинении своих атаманов. Кубанских, донских, терских и смешанных «казачьих станиц» по 10—50 мужчин обосновалось в здешних местах более тридцати (в Томашевце, Сакулах, Жабле, Чуруге, Господжинцах, Каче, Надале, Куцуре, Дебеляче, Црепае, Србобране, Белом Монастыре и др.) [4]. Все они занимались ремеслами и сельским хозяйством, в основном производством молока; женились в большинстве своем на представительницах национальных меньшинств — венгерках, немках, словачках. Браки эти были прочными и многодетными, детей крестили по православному обряду. Удаленность от культурных центров и сравнительно низкий уровень образования обусловили быструю — уже в первом поколении — ассимиляцию и денационализацию их потомков.

В городах и пригородах Воеводины поселилась также русская

интеллигенция с высоким уровнем профессионального образования и большим стажем работы, а также не столь многочисленная группа аристократии, принесшая с собой широкую европейскую культуру, но не обладавшая профессиональным опытом. Начало жизни в эмиграции всех этих людей нельзя назвать легким, в особенности потому, что они не всегда встречали одинаково радушный прием среди национальных меньшинств. Так, на севере Бачки, в Бараньи и округе Бая расселение русских по частным домам нередко совершалось принудительно. Крестьяне считали всех образованных россиян аристократами, что приводило порой к комическим недоразумениям [5].

Беженцы жили в ожидании падения большевизма и скорого возвращения домой. Однако, положение Советской России укреплялось в том числе и за счет ее признания ведущими мировыми державами. Деятельность Государственной комиссии по делам беженцев вскоре была переориентирована с помощи отдельным людям на помощь русским гуманитарным организациям [6]. У русской интеллигенции, в силу обстоятельств оказавшейся в провинции, было два пути — либо благодаря своим образовательным и профессиональным возможностям приспособиться к новой среде, либо, воспользовавшись помощью родственников или друзей, пробираться дальше в Европу, где труднее было найти соответствующую работу, но где такая работа гораздо лучше оплачивалась.

Лучше всех к жизни в Воеводине приспособились люди, привычные к физическому труду в сельском хозяйстве или владевшие ремеслом (портного, парикмахера и т. п.). Многие пошли работать в местные административные учреждения или становились бухгалтерами, почтовыми, железнодорожными служащими. Во многих деревнях с приходом россиян впервые появились врачи, агрономы и учителя. Однако из-за нерешенной проблемы подданства все эти землемеры, счетоводы, налоговые служащие, учителя, ветеринары и пр. на государственную службу принимались лишь временно, почасовиками или так называемыми «чиновниками по контракту», отчего жалованье им полагалось меньшее, чем подданным страны.

Уже к началу двадцатых годов российские эмигранты начинают играть весьма заметную роль в хозяйственной жизни и работе административного аппарата Королевства СХС, преимущественно на территории, еще недавно принадлежавшей Австро-Венгрии, в

экономически отсталых или этнически однородных районах. В их лице государство получило лояльно настроенные и квалифицированные кадры. Подавляющее большинство имело среднее и высшее образование, владело иностранными языками.

Оставляя в стороне вопрос общественной жизни более или менее замкнутых в себе русских колоний, объединенных прежде всего национально-патриотической идеей, в настоящем очерке мы остановимся на основных сферах профессиональной деятельности россиян, которая оказала влияние на развитие культуры, просвещения и отдельных отраслей хозяйства в Воеводине.

Православная церковь

Конец освободительных войн и воссоединение южнославянских земель позволили объединить сербские епархии, которые веками располагались на территории балканских государств и Средней Европы. В октябре 1920 года в Королевстве СХС восстанавливается Сербская православная патриархия. Разоренные двумя балканскими и одной мировой войной сербские земли потеряли свою интеллигенцию — педагогов, врачей, духовенство. Монастыри в Сербии и в Старой Сербии, церковные приходы в Далмации, Краине и Боснии находились в крайне запущенном состоянии.

Поэтому, помимо оказания сестринской помощи и предоставления убежища Собору русских епископов и Св. Архиерейскому Синоду Русской православной церкви в изгнании, Сербская церковь охотно приняла и большое число русских священнослужителей. В лоне Сербской православной церкви они направлялись в деревенские отдаленные приходы. Церковнославянский язык и практически идентичные церковные каноны позволили им легко приспособиться к новой среде.

Не только на богословском факультете в Белграде, но и во всех духовных семинариях преподавали русские профессора, которые оказали большое влияние на развитие югославской православной мысли и науки. В духовной семинарии Св. Саввы в Сремских Карловцах преподавали о. Иоанн Сокаль, о. Василий Виноградов, о. Тихон Троицкий, о. Борис Волобуев, о. Нил Софинский, о. Борис Селивановский, о. Нил Малахов, Николай Дориомедов, Владимир Халаев, Федор Балабанов, Николай Акаемов, Владимир Розов и Сергей Муратов [7].

Русских монахов расселяли по сербским монастырям. В некоторых монастырях сформировались чисто русские братства, а кое-где русские назначались старейшинами. Так, игумен Сергий был старейшиной монастыря Манасии, архимандрит Кирилл — монастыря Св. Прохора Пчинского [8], епископ Митрофан — монастырей Раковицы и Дечаны, он также многие годы был управителем монашеской школы в Дечанах [9], игумен Вениамин — монастыря Св. Наума в Охриде [10].

Фрушкогорские монастыри также пребывали в упадке. Русские монахи были приняты в братства монастырей Беочин, Врдник, Гргетег, Язак и др. В ноябре 1920 года в Ново Хопово размещено около восьмидесяти монахинь Святобогородичного женского монастыря Лесна бывшей Холмско-Варшавской епархии во главе с основательницей этого известного в Западной России монастыря игуменьей Екатериной (в миру графиней Ефимовской). Спасая жизнь и чудотворную икону Богородицы, монахини бежали в Сербию из Бессарабии вместе с последовательницей матери Екатерины — игуменьей Ниной (Косаковской). В октябре 1923 года в обновленный монастырь Кувеждин из Хопова переселилось около двадцати из этих монахинь [11], которые вместе с сербскими сестрами и игуменьей Меланией сыграли ключевую роль в восстановлении и развитии женского монашества в лоне Сербской православной церкви, способствуя духовному и экономическому возрождению фрушкогорских монастырей [12].

Просвещение

Многонациональное население Бачки, Бараньи, Баната и Срема поставило перед Министерством народного просвещения Королевства СХС задачу не только проведения школьной реформы, но и необходимости обучения детей на государственном языке особенно там, где отсутствовали квалифицированные кадры. В первые годы эмигрантам удалось облегчить положение. По-видимому, их знание сербского языка не было достаточно полным, тем не менее в статистических данных, в частности за 1924 год, встречаются десятки фамилий русских учителей в воеводинских селах (Куписина, Бегеч, Кисач, Фаркаждин, Пригревица, Верушич-Салаш, Севкерин, Дарда, Бачки Моноштор, Дорослово, Баранда, Стари Лец, Павловац-Салаш, Неузине, Добановци) [13].

Россияне внесли значительный вклад в развитие преподавания в средних школах. Эта их деятельность продолжается и в послевоенный период. При проведении исследования нами обнаружено около трехсот фамилий русских преподавателей, работавших в воеводинских классических и реальных гимназиях, торговых академиях, педагогических и сельскохозяйственных училищах [14]. Они вели все предметы, включая и сербский язык, однако чаще всего это были классические, иностранные языки, точные науки и творческие предметы. Благодаря широкой образованности, случалось, один учитель преподавал несколько самых разнообразных предметов. Так, один эмигрант в Вршаце одновременно вел социологию, геологию, экономику, гигиену и гимнастику; а Александр Костюк в Сенте — математику, историю, географию, немецкий язык, чистописание, пение и рисование. Руководили они и школьными библиотеками, или становились дирижерами ученических хоров и оркестров.

Просмотрев послужные списки за несколько десятилетий, мы пришли к выводу, что преподавателям-россиянам часто приходилось много переезжать с места на место. У большинства не было югославского гражданства, поэтому их принимали только на временную работу сроком на один год; договор мог быть продлен, но это закрывало возможность продвижения работающего в разряд более высокооплачиваемых государственных служащих.

В некоторых местах Воеводины в средних школах преподавали молодые доктора наук, чьи имена со временем стали широко известны и в нашей стране и за рубежом: Анатолий Шпаковский (Кикинда, Бечкерек, Новый Сад), Владимир Работин (Новый Сад), Ростислав Плетнев (Вршац), Владимир Мошин (Панчево) и другие.

Особый вклад в развитие югославской системы образования межвоенного периода внес Василий Александрович Пейхель (1888, Вознесенск — 1964, Новый Сад), выпускник философского факультета Новороссийского университета. Проведя на фронте военные годы, он в 1919 году оказался в Сербии, где преподавал в гимназиях в Прокупле и Аранджеловаце, а позднее — в педагогических училищах Крагуеваца и Нового Сада.

Выдающийся преподаватель и методист, В. А. Пейхель принадлежит к наиболее известным нашим педагогам. В 1929 году он опубликовал книгу «Новая школа», которая знакомила работников просвещения с новейшими достижениями мировой педагогической теории и практики. Книга пережила два издания. Учебник Пейхеля

«Общая педагогика» (1934, 1940) считается образцом изложения сложных проблем в доступной форме. Радомир Макарич так пишет о Пейхеле: «Вслед за социологом Диргхаймом Пейхель определяет цель современного воспитания с социальной точки зрения как формирование личности, способной жить активной общественной жизнью. Особое внимание он уделяет самостоятельной работе ребенка, школьному самоуправлению, созданию учительских организаций, самовоспитанию. Что касается дидактики, то здесь он критикует метод формальных ступеней Гербарта — Цилера, выступая в защиту преподавания по рабочим ступеням»[15]. Кроме приведенных выше, профессору Пейхелю принадлежат также исследования «К вопросу о психологии экзамена» (1934), «Переживание как средство обучения» (1938), а также переводы наиболее значительных педагогических трудов Б. Бехтеева, Н. Левитова, К. Ушинского и статьи по педагогике и психологии, выходившие в специальных журналах.

После Второй мировой войны он недолгое время работал в Белграде, а затем перешел в Педагогический институт в Новом Саде, где преподавал до выхода на пенсию в 1953 году и написал ряд ценных методических пособий по преподаванию русского языка.

Литературная и издательская деятельность

Помимо педагогической деятельности, российские школьные и университетские преподаватели выступали в югославской периодике с научными статьями, рецензиями на новые книги, издававшиеся в Европе и в Советской России, занимались переводами.

В межвоенных номерах новосадского журнала «Летопис Матице српске» примерно двадцать русских авторов опубликовали более двухсот статей и рецензий, посвященных проблемам литературы, славянской культуры, русско-сербских связей, социологии, праву, экономики. Среди них известные профессора А. Л. Погодин, Ф. В. Тарановский, Е. В. Спекторский, А. В. Соловьев, Л. Я. Таубер, М. П. Чубинский, Р. В. Плетнев, А. К. Елачич, А. В. Маклецов и другие. Россияне сотрудничали также и в «Литературном севере» (Суботица), в «Гласнике Сербской православной патриархии» (Сремски Карловцы), и в других воеводинских изданиях.

Среди наиболее интересных публицистов, осевших в Воеводине, необходимо выделить двух гимназических преподавателей — Александру Сердюкову и Анатолия Шпаковского.

Наряду с работой в «Матице передовых женщин» и новосадском отделении «Русской матицы» Александра Анатольевна Сердюкова, урожд. Розеншильд фон Паулин, (1893, Омск — 1978, Новый Сад) опубликовала около пятидесяти работ во многих периодических изданиях Югославии. Она в основном занималась анализом произведений русской классики, однако в своих объемных очерках «Современность и христианство» (1936—1939), а также в «Апологии критики» (1939) она углубляется в проблемы этики, социологии и эстетики, подвергая резкой критике современную европейскую цивилизацию, подчиняющую культуру и мораль воле коллектива — государства, класса или партии [16].

Анатолий Игнатьевич Шпаковский (1895, Петербург — 1988, Хантсвил, шт. Алабама, США) получил образование в Москве, Нанси и Любляне, где защитил докторскую диссертацию по философии у профессора Франца Вебера, последователя Майнонга. С середины двадцатых годов, преподавая философию, французский и немецкий языки в Кикинде, Бечкереке и Новом Саде, он выступал со статьями по философии культуры и психологии. В своей первой работе на сербском языке «Культурная перспектива Королевства СХС» (1928) он стремится предостеречь сербов от безоглядного следования модным европейским направлениям. В числе прочего он пишет: «Необходимо уничтожить созданную историей трагическую дифференциацию между так называемыми „великосербами“ (влияние Азии, Турции) и „пречанской душой“» [16a] (влияние Западной Европы на Хорватию, Словению, Далмацию и Воеводину).

В работе «Кризис школы как следствие кризиса культурных форм жизни» (1932) он обвиняет Европу в том, что она допустила моральный и духовный кризис семьи и общества. Если в Европе этот кризис имеет иманентный характер, то в нашей среде проявляются лишь внешние признаки её цивилизации, а не глубинные достижения европейской культуры. Путь к преодолению европейского кризиса Шпаковский видит в возвращении к «культурным корням славянства».

В Новом Саде он публикует также философские исследования на русском, немецком и венгерском языках, посвященные вопросам религии, китайской философии, занимается литературной эссеисти-

кой. В военные годы его след теряется, а с 1957 года он — профессор социологии Джексоновского колледжа (штат Алабама, США), член многих престижных международных научных обществ, публикует книги по проблемам идеологии, гуманизма и культуры.

В двадцатые годы в Воеводине обретается также и известный по всей России защитник моральных устоев проповедник-миссионер Григорий Спиридонович Петров (1868—1925), идеи и деяния которого вдохновляли молодого Максима Горького. Приехав в Сербию, он вскоре освоил язык и объехал всю нашу страну, прочитав 1500 популярных лекций о пользе труда, книг, здорового и одухотворенного образа жизни. Из изданных им трех десятков брошюр на сербском языке большинство опубликовано в Новом Саде. Учитывая тогдашний уровень образованности населения, Матица Сербская поощряла деятельность Петрова по популяризации культурных ценностей и способствовала его поездкам по деревням Воеводины.

Издательская деятельность русской эмиграции в Королевстве Югославии была чрезвычайно плодотворной и разнообразной. По числу и значимости публикаций она занимает одно из ведущих мест в издательской деятельности русской диаспоры межвоенного периода [17]. В Югославии вторым издательским центром после Белграда был Новый Сад [18]. Книги и периодика на русском языке издавались и в других местах Воеводины — в Сремских Карловцах. Сремской Митровице, в Панчево, Белой Церкви.

«Братья Грузинцевы» — одно из русских издательств в Новом Саде (1920—1923), опубликовало на сербском языке около восьмидесяти книжек популярной серии «Дешевая библиотека русской литературы», три сборника рассказов русских классиков и с десяток книжечек из серии «Детская радость». Поверхностные переводы Косары Цветкович, Живоина Ристановича, Милицы Васильевич (Мир-Ям), Николы Николича и других сегодня могут вызвать критику, но несомненно, что эти общедоступные издания часто впервые знакомили югославских читателей с произведениями Чехова, Тургенева, Горького, Толстого, Пушкина, Куприна, Лермонтова, Достоевского, Чирикова, Дорошевича, Гоголя, Арцибашева, Потапенки, Гарина-Михайловского, Тефи, Будищева, Дымова, Алексея Толстого, Слезкина, Гаршина и Аверченко. Братья Георгий и Сергей Васильевичи Грузинцевы, несомненно, занимают свое значительное место в истории русско-сербских литературных и культурных связей.

Право и судопроизводство

На юридическом факультете в Суботице преподавали русские профессора М. П. Чубинский, Г. В. Демченко, С. В. Троицкий, позднее к ним присоединились П. Б. Струве и М. А. Коршунов [19].

Доктор Михаил Павлович Чубинский (1871—1943), бывший профессор Петербургского университета, председатель Научного союза славянского единения (Петербург) [20], был ученым-криминологом с мировым именем. До революции в России он проявил себя как ревностный поборник идеи южнославянской федерации. Его работа «История сербско-хорватских отношений и будущее объединение», опубликованная в 1917 году, была издана во французском переводе Югославянским комитетом в Париже. Престолонаследник-регент Королевства Югославии пожаловал Чубинскому за эту работу орден Св. Саввы [21].

Помимо преподавания в Белградском университете, профессор Чубинский с 1920 года состоял членом Постоянного законодательного совета при Министерстве юстиции. Он работал над проектами Уголовного кодекса и Уголовного судопроизводства Королевства Югославии, был также автором трудов значительно продвинувших вперед нашу правовую науку и судебную практику. Назовем некоторые из них: «Проблема упорядочения права в объединенном Королевстве СХС и основные положения Сербского уголовного законодательства» (1921), «Новые судебные реформы» (1925), «Научный и практический комментарий к Уголовному кодексу Королевства Югославия» (1930, 1933, 1934), «Уголовная политика» (1937). Благодаря его содействию в Белграде основаны Институт и Музей криминалистики (1925).

Доктор Григорий Васильевич Демченко (1869—1958), бывший профессор киевского университета, преподавал на юридическом факультете в Суботице энциклопедию права и уголовное право, занимая также некоторое время пост декана факультета. Он — автор работ по истории права, постоянный сотрудник белградского журнала «Архив правовых и общественных наук».

Доктор Сергей Викторович Троицкий (1878—1972) окончил Археологический институт и Духовную академию в Петербурге. Свою долгую научную жизнь он посвятил церковному праву. Ему принадлежит оригинальный труд, уникальный в мировой науке, «Христианская философия брака» (1934). В звании профессора

церковного права (старейшей правовой науки после римского права) С. В. Троицкий боролся за сохранение этого предмета в программе югославской юридической высшей школы.

С тридцатых годов до начала войны в Суботице преподавал всемирно известный ученый Петр Бернгардович Струве (1870—1944). Выдержки из прочитанных им лекций в Суботице — «Введение в социологию» — опубликованы в «Архиве правовых и общественных наук». До сих пор актуальны и значимы главы «О взаимосвязи экономики и права» и «Экономическая трактовка истории и историческое понимание общественной, в особенности экономической, жизни».

В Суботице действовал Союз русских юристов. Здесь училось несколько десятков студентов из России. Позднее они присоединились к тем юристам и адвокатам, которые к тому времени уже по всей стране служили на государственной службе или занимались частной практикой.

Наиболее известными в Воеводине русскими адвокатами были: Александр Коробов (Кикинда), Сергей Дурново (Суботица), Михаил Павлов, Алексей Высота, Сергей Метельский (Новый Сад), Хрисанф Зенькевич (Сомбор), Александр Вишневский (Велики Бечкерек) и другие. Судьями при окружном суде в Новом Саде состояли известные юристы: Михаил Соловьев, Николай Смирнов и доктор Георгий Вишневский, серб по происхождению, бывший депутат Государственной думы, который во время Первой мировой войны выступал за помощь Сербии [22]. Судьей в Бечкереке был Владимир Масловский, в Панчево — С. Некраш, в Куле — доктор Александр Чернявский.

Сценическое искусство, музыка и живопись

В передовой статье одного из литературно-художественных журналов читаем своеобразный манифест русских художников: «Белград — центр политической и художественной жизни Югославии и той части России, которая перекочевала сюда со всеми своими достоинствами и недостатками, талантами и бездарью — должен стать центром объединения славян. Здесь, далеко за пределами родины, живо творчество, живо искусство русское, не иссяк источник вдохновения и только обострился от боли, от горьких мучений. Мы познакомим сербов с лучшими образцами творчества тех, кто

на своих плечах перенес всю скорбь, все страдания маятной России» [23].

Обещание выполнено. Россияне поистине были вестниками русской и мировой культуры не только в Белграде, но и повсюду, где им пришлось распаковывать чемоданы изгнанников или гостить недолгое время. И это касается не только тех, кто нашел прибежище в нашей стране, но и тех, кто приезжал сюда из других стран на день-два, на несколько месяцев или на пару лет. Меньшинство работало исключительно в рамках русских художественных объединений в Белграде или провинции. Большинство же было связано с существовавшими тогда культурными институциями.

Вклад русской эмиграции в обновление и развитие культурной жизни Югославии хорошо известен, правда, больше по воспоминаниям современников и сухим сообщениям газет того времени. Историки культуры только приступают к основательному изучению культурных явлений XX века на территории нашей страны, особенно за пределами Белграда.

Просматривая провинциальную печать начала двадцатых годов, мы пришли к выводу, что в культурной жизни Воеводины огромную роль играло русское исполнительское искусство. На театральных сценах, в гостиницах, залах кинотеатров и репетиционных помещениях сокольских, певческих обществ устраивались русские концерты с танцами, пением, плясками в народных костюмах, оперными ариями, балетными номерами, лихой казачьей джигитовкой, выступлениями оркестров балалаечников и мужских хоров. Здесь выступали солисты бывших императорских оперных и драматических театров, выпускники консерваторий, балетных училищ, циркачи и кабацкие цыгане. Казалось бы, местные жители со временем должны присытиться такого рода выступлениями, однако теплый прием публики и в первые послевоенные годы и позднее свидетельствует о неизменном интересе к ним. Русские артисты способствовали росту местных талантов в провинции, были их первыми учителями, повлияли на формирование художественного вкуса, создали представление о профессиональном уровне. Их влияние распространялось и на высокоразвитую к тому времени культурную среду.

Концертные выступления русских оперных исполнителей на сцене Сербского народного театра в Новом Саде и теплый прием публикой этих выступлений сыграли решающую роль в появлении в этом городе собственного оперного ансамбля (1920), интенсивно

работавшего до 1925 года. В его основной состав входили солисты оперных театров Петербурга, Москвы, Одессы, Киева, Варшавы и Тифлиса, которые либо имели в Новом Саде постоянный ангажемент, либо приезжали на отдельные спектакли из Белградского оперного театра. Постоянными солистами Новосадской оперы были: Елена Ловшинская, Софья Драусаль, Надежда Архипова, Варвара Сибирякова, Вера Горская, Николай Баранов, Василий Ширай, Константин Жукович, Михаил Верон-Волконский, Евгений Марьяшец, Александр Тростянский, Виктор Григорьев и Наркис Гукасов. Оперный хор Новосадской оперы полностью состоял из русских певцов [24].

Наряду с Ловро Матачичем в Опере дирижировали Петр Иванович Колпиков и Федор Петрович Селинский, последний с 1927 года руководил симфоническим и эстрадным оркестром Белградского радио. Оперные спектакли в Новом Саде шли в постановках выдающегося баса Евгения Семеновича Марьяшеца и режиссера Александра Александровича Верещагина. Оперные исполнители, супруги Надежда Николаевна Архипова и Николай Сергеевич Баранов, открыли в Новом Саде частную школу пения, которую окончили некоторые наши известные певцы. Вокальными педагогами в Новом Саде были также Ольга Константиновна Молчанова и Е. С. Марьяшец.

Балетная труппа Сербского народного театра также состояла из русских танцовщиков. Московская балерина Валентина Валина открыла в городе балетную школу.

Драматический репертуар этого театра состоял преимущественно из русской классики. В марте 1924 и апреле 1926 года в Новом Саде и некоторых городах Воеводины гастролировала знаменитая труппа Московского Художественного театра. Регулярно проходили гастроли Русской драматической труппы из Белграда. Помимо русского и отечественного театр ставил пьесы мирового репертуара. Из-за границы приезжали берлинский русский театр «Синяя птица», балерина Тамара Карсавина, Хор донских казаков под руководством С. Жарова, известные исполнители цыганских и русских романсов.

Особый тон театральной жизни Воеводины задавали русские режиссеры и актеры. Они работали в Новом Саде, Сомборе, Бечкереке, Панчево, Суботице, Кикинде, Сремской Митровице, Белой Церкви и Вршаце. Их деятельность требует отдельного исследования, поэтому лишь назовем их имена: А. А. Верещагин, А. Лес-

кова-Верещагина, Л. В. Мансветова, А. Д. Сибиряков, А. Ф. Черепов, В. М. Греч, П. А. Павлов. Деятельность в Новом Саде Юрия Львовича Ракитина, прославленного режиссера и педагога, достаточно известна. Ее продолжают изучать и оценивать.

Марина Михайловна Оленина (1901—1963) считается основателем Новосадского балета. В 1949 году она собрала балетный ансамбль, определила его репертуарное направление и начала профессиональную педагогическую работу, построенную на принципах русской балетной школы. Позднее хореографами Сербского народного театра были Людмила Михайловна Костина и Елена Павловна Андреева.

Вклад россиян в музыкальную жизнь Воеводины прежде всего связан с их педагогической деятельностью как в государственных, так и в частных школах. Десятки хормейстеров руководили школьными, любительскими или церковными хорами, неся в массы русскую, прежде всего духовную музыку. Влияние этой деятельности ощутимо и сегодня. Среди этих дирижеров были композиторы и аранжировщики. Преподаватель гимназии Евгений Боде-Бодей дирижировал популярным оркестром «Сокольские фанфары», а Павел Александрович Фигуровский — известным любительским хором «Невен» в Новом Саде.

Николай Николаевич Петин, воеводинский композитор и педагог, профессор Новосадской музыкальной академии, получивший широкое международное признание, в том числе и звание «Honoris causa», присвоенное ему Фондом Альберта Эйнштейна при ООН, принадлежит поколению родившихся в России детей русских эмигрантов, получивших полное образование на чужбине.

В области изобразительных искусств необходимо упомянуть Владимира Семеновича Курочкина, выпускника Московской Академии живописи, в прошлом директора городского музея в Одессе. В Новом Саде он вел курсы живописи и рисования.

В Великом Бечкереке создавали свои работы бывшие члены Российской Академии живописи Андрей Биценко, Афанасий Шелоумов и Александр Лажечников, черпая вдохновение в окружающей природе и истории сербского народа.

Сразу после Второй мировой войны в Обществе охраны памятников старины Воеводины работала художник-реставратор Елена Владимировна Вандровская. В тяжелых условиях вынесла она на своих плечах основную работу по поискам, спасению и сохранению

фресок разрушенных фрушкогорских монастырей, прежде всего в Ново Хопово и в Крушедоле, а также таких культурных памятников, как Печка Патриаршия и церковь Св. Софии в Охриде. Опыт, который она получила в ведущих мировых реставрационных центрах — Риме, Париже, Мюнхене, Вене, Ленинграде и Москве, обеспечил ей достойное место среди лучших наших реставраторов икон и настенной живописи.

Авиация

По окончании Первой мировой войны воздухоплавание в Королевстве СХС находилось на весьма скромном уровне и не могло развиваться без иностранной помощи. Своими успехами и выходом на мировую арену оно во многом обязано русским эмигрантам.

В двадцатые годы Новый Сад был наиболее значительным воздухоплавательным центром страны. В 1918 году здесь находились Первый воздухоплавательный полк, Второе воздухоплавательное командование и самый большой в стране аэродром. Позднее здесь были открыты летная школа, Управление гражданской авиации, а в октябре 1923 года — «Икарус», Первый сербский завод аэропланов, автомобилей и двигателей (в 1927 году переведен в Земун).

В военную и гражданскую авиацию было принято более тридцати русских пилотов, летных инструкторов, авиомехаников, радиотехников, конструкторов самолетов и десятки бывших военных чиновников [25]. Общество офицеров Российского Военно-Воздушного Флота в Королевстве СХС, центр которого размещался в Новом Саде, возглавлял генерал-майор Вячеслав Матвеевич Ткачев, бывший командующий авиацией при Генеральном штабе Русской армии. В 1925 году общество насчитывало 169 членов [26]. Почетным членом этого общества состоял известный авиаконструктор и изобретатель вертолета Игорь Сикорский, тогда уже живший в Америке. Общество имело обширную библиотеку, следило за иностранной периодикой, члены его сотрудничали в югославских научных изданиях. Генерал Ткачев занимался вопросами тактики военно-воздушного флота [27].

Работая в Новом Саде, Земуне, Панчево и других местах, русские авиаторы и конструкторы отдавали нашей авиации свои знания и опыт, особенно в период создания первого югославского военного самолета. Конструктор Николай Иванович Лобач-Жученко создал гражданский самолет «Ресава». Летчик полковник Констан-

тин Николаевич Антонов (1888—1965, США) занимался планеризмом, к 1940 году в Белграде и Земуне вышли два его капитальных труда [28].

Военная авиация Королевства СХС располагала устаревшими моделями летательных аппаратов, которые использовались на балканских фронтах. Они часто терпели аварии, особенно это относится к французским аппаратам типа «Brege». Среди погибших — пилот Александр Александрович Кованько (1889—1926), бывший инструктор Гатчинской военно-авиационной школы, конструктор, старший сын первого военного летчика России; второй жертвой в Новом Саде стал пилот, полковник Николай Анатольевич Кутейников (1888—1927) [29].

Техническим инспектором по приему импортных военных самолетов был опытный инженер-механик Александр Николаевич Веденяпин, выпускник Петербургского политехнического института. В начале тридцатых годов он отказался принять партию ненадежных французских самолетов. Несмотря на угрозы военного министра, отстаивая результаты своей технической экспертизы и принципы безопасности пилота, он подал в отставку и переселился в Бейрут и Триполи, где много лет занимал ответственный пост в ливанской авиации [30].

Среди известных русских инженеров, состоявших при Новосадском воздухоплавательном полке и аэродроме (Сергей Корсунский, граф Олег Гудович и др.), а также пилотов (Дмитрий Коровников, Владимир Тихомиров, Борис Горн, Николай Румянцев, Яков Стрижков, Борис Легат, Николай Лавров, Борис Климович, Михаил Ярошенко, Петр Мазаев, Филипп Баранов, Александр Винтяков и другие) прославился летчик-истребитель Сергей Матвеевич Урвачев (1893—1973), питомец Московской военной академии. Его биография и заслуги вошли в историю югославской авиации: «После решения российского правительства о направлении нескольких дивизий на французский фронт Урвачев добивается назначения в Первый полк Первой дивизии. Прибыв во Францию весной 1917 года, он поступает в летную школу, где его и застает подписание Брест-Литовского мира между Россией и Германией, встретившее большое неодобрение всех славян, а особенно русских во Франции. Он первым среди российских авиаторов выдвинул идею присоединения к сербской армии, первым от имени своих товарищей обратился к нашему военному посланнику в Париже, генералу Рачичу,

с этой просьбой. Вскоре все они передислоцировались на Солунский фронт, где были приписаны к Первой сербской эскадрильи в Вертекопе.

В этой эскадрильи он отважно, преданно и с честью выполнял все порученные задания, а после прорыва Солунского фронта и нашего возвращения в освобожденное отечество Урвачев подал в отставку и вместе с уцелевшими товарищами вернулся в Россию, чтобы продолжить борьбу в своей стране. В 1920 году, эмигрировав из России, он вновь был принят в нашу авиацию и работал по контракту как инструктор летной школы в течение шести лет»[31]. В тридцатые годы майор Урвачев выполнял опасные задания в качестве летчика-испытателя новых моделей самолетов.

Деятельность российских пилотов и конструкторов в других центрах Югославии, а также участие молодого поколения во Второй мировой войне не исследованы.

Агрономия

Русские профессора, принятые на все факультеты Белградского университета, не только пополнили его кафедры дефицитными кадрами, но и качественно изменили университетское преподавание. Точные области знания, которые ранее преподавались как прикладные — лечебная практика, строительство и пр.— получили научно-исследовательское направление. Вклад русских профессоров в эту сферу несомненен и общепризнан.

В 1919 году в Белграде основан сельскохозяйственный факультет с отделением лесного хозяйства, где в основном преподавали профессора из Москвы, Киева, Харькова, Ростова-на-Дону, ставшие впоследствии основателями ряда научно-исследовательских институтов в Белграде: энтомологического (доктор Ю. Н. Вагнер, он же — один из учредителей Энтомологического общества Королевства СХС); зоотехнического (профессор, доктор И. П. Марков); сельскохозяйственных машин и механизмов (доктор Т. В. Локоть); удобрений (доктор Н. И. Васильев); почвоведения (профессор, доктор А. И. Стебут). До своего отъезда в Париж в Институт Пастера профессор, доктор С. Н. Виноградский основал в Белграде Институт микробиологии, в мировой науке он считается создателем экологической микробиологии почв. Помимо названных, на сельскохозяйственном факультете в Белграде—Земуне работали: бак-

териолог доктор Д. Ф. Конев, которому принадлежит заслуга организации в Новом Саде так называемого Пастеровского института, единственного в то время в наших краях; а также профессорá А. И. Шеншин (лесное дело), В. С. Жардецкий, А. Ю. Вегнер, А. Н. Челинцев. Ан. Д. Билимович, И. И. Рыковский и другие [32]. На этом факультете учились многие из покинувших Россию. В период с 1926 по 1932 год из 96 дипломов россиянам выдано пятьдесят шесть (58%) [33]. Молодым дипломированным агрономам нелегко было найти работу, поскольку все места были заняты работниками со средним специальным образованием. Поэтому основная масса разъехалась по малоразвитым областям или частным хозяйствам. Около десяти российских агрономов были оставлены преподавать на факультете в Белграде или нашли работу на опытных и санитарно-эпидемиологических станциях страны [34].

Позднее, получив гражданство, многие поступили на службу районными агрономами при аграрных комитетах и сельскохозяйственных училищах Воеводины: Александр Ротов (Рума), Евгений Деркачев (Сомбор), Михаил Максименко (Кикинда), Иван Ефремов (Имение Белье), Михаил Смолянников (Ада, Новый Врбас), Николай Фемелиди (Ада, Вршац), Владимир Толстой — внук Льва Толстого (Новый Бечей). К старшему поколению русских агрономов в Воевоедине принадлежали Сергей Агапитович Виноградов, выпускник Московской Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии, а в Королевстве Югославии он был главным агрономом Старого Бечея и сотрудником Аграрного комитета (Петровград—Зренянин), а также Иван Евдокимович Анненков — в местечке Бачка Топола [35].

В конце 1937 года вместе с переведенной из Осиека опытной контрольной станцией в Новый Сад переезжает Сергей Андреевич Кисловский (1899—1995), к тому времени уже опытный селекционер семян, один из двадцати двух русских студентов, получивших дипломы в Белграде в 1925/26 учебном году [36]. Опытная станция в Новом Саде представляла собой редкое по тем временам научно-исследовательское учреждение, преобразованное впоследствии в Институт сельскохозяйственных исследований. Она дала возможность сравнительно небольшому научному коллективу достичь завидных успехов в создании новых сортов сельскохозяйственных растений и достойно представлять югославскую генетику в мире.

С. А. Кисловский в течение сорокалетней работы в своей области создал десятки местных сортов злаковых культур, прежде всего высокоурожайные озимо-яровые сорта пшеницы, овса, ячменя, вики и кормового гороха. Достигнутые им результаты нашли непосредственное применение в сельском хозяйстве, повысили урожаи и улучшили их качество. Кисловский занимался также проблемами агротехники [37].

Николай Николаевич Полинский (1897—1961), старший научный сотрудник и управляющий всеми семью опытными полями Института сельскохозяйственных исследований, еще в довоенных работах выступал за развитие фруктового хозяйства, в частности сливоводства. Он приспособил поля новосадской опытной станции к условиям исследовательской работы. Полинский, так же как и Кисловский,— автор большого числа публикаций, среди которых «Карта и проект перспективного плана районирования сортов пшеницы на территории Воеводины» и «Предложения по организации семенной службы в Воеводине» (совместно с Кисловским) [38].

Евгений Владимирович Гибшман (1898—1984), работая в Институте сельскохозяйственных исследований, а позднее как научный советник и директор Института земледелия при сельскохозяйственном факультете в Новом Саде, занимался выведением новых сортов кукурузы, подсолнуха и кормовых трав. Ему по праву принадлежит достойное место среди основоположников югославской генетики и агрокультуры [39].

Изучением так называемого «живого слоя земли» занимался В. В. Докучаев (1848—1903). Почвоведение утвердилось как наука и распространилось по миру благодаря российским ученым-эмигрантам. Ученик Докучаева В. А. Агафонов основал во Франции школу почвоведов. Под его редакцией в 1936 году опубликована первая карта «Почвы Франции», а в 1937 году — исследование «Почвы Туниса». Составитель карты почв Марокко — Т. М. Брисин. В Англии и Австралии в этой области работал А. Е. Парамонов, в Германии, Аргентине и Маньчжурии — также россияне [40].

Первым профессором почвоведения на сельскохозяйственном факультете в Белграде был Александр Иванович Стебут (1877—1952). Уже в 1923 году он опубликовал научную работу о почвах Шумадии [41], с которой началось плодотворное развитие в нашей стране почвоведения как научной дисциплины.

Виктор Карлович Нейгебауэр (1897—1988), ученик Стебута, первый среди дипломированных агрономов первого поколения сельскохозяйственного факультета в Белграде, был последователем великого дела Докучаева. Учиться он начал в Институте сельского хозяйства и лесоводства в Харькове, где его застали война и революция, помешавшие закончить обучение. В 1933 году он защитил в Белграде докторскую диссертацию на тему «Типы почв Скопской равнины». Затем работал ассистентом на факультете и одновременно заведующим почвоведческим отделением в Топчидере. Позднее он работал и в Петровграде, а с 1945 года продолжил свою научную деятельность в Институте сельскохозяйственных исследований в Новом Саде. С 1953 по 1957 год он — профессор почвоведения Загребского университета, однако со дня основания сельскохозяйственного факультета в Новом Саде (1957) он возвращается в этот город и все свои силы не только до выхода на пенсию (1969), но до конца жизни отдает факультету.

Более пяти десятилетий научной деятельности Нейгебауэр отдал нашей науке. В качестве эксперта мировых профессиональных организаций он прославил югославскую науку. Его последователь профессор, доктор Н. Милькович, так пишет о докторе Нейгебауэре: «Как почво-картолог высочайшего уровня он был основателем картографической школы в Югославии. Под его руководством в 1947—1953 годы впервые проведено картографирование почв Воеводины в масштабе 1 : 50.000. Как почвовед он заложил у нас основы классификации почв, а как почво-генетик решил множество теоретических вопросов генезиса почв и черноземов нашего приморья. В 1946 году он открыл новый тип почв в Воеводине — луговые черноземы, которые наряду со степными черноземами занимают большую территорию Воеводины. Он всесторонне изучил воеводинский чернозем — наиболее плодородный тип почвы в Европе, „идеал земледельца", как он его называл, дающий возможность получать рекордные урожаи.

Кроме картографии, классификации почв и генетики, профессор Нейгебауэр занимался мелиоративным почвоведением. Он выработал принципы мелиорации Воеводины, изучил критический уровень подземных вод, представил классификацию поверхностных и подземных вод» [42].

Помимо научной деятельности, В. К. Нейгебауэр был выдающимся педагогом. Он награжден многими орденами и знаками

отличия, среди которых: Орден правительства Сербии за заслуги в деле применения науки в целях рационального использования земли (1948), Орден труда I степени (1965), Орден «7 июля» (1973), Орден за заслуги перед народом с золотой звездой (1976) [43].

Водное хозяйство и гидростроительство

Воеводина — наиболее богатый судоходными путями регион страны. Каналы Бачки начали сооружаться в 1785 году и на протяжении своей истории сыграли решающую роль в процессе заселения и хозяйственного развития этих земель. Каналы Бездан—Бечей (123 км) и Малый Стапар—Новый Сад (68 км) составляют единую хозяйственную систему, которая до 1918 года находилась в эксплуатации частной компании с английским и венгерским капиталом. После Первой мировой войны Королевство СХС стало соакционером этой компании с 28% капитала и сроком действия концессии до 1945 года. В 1919 году компания изменила свое название на Акционерное общество «Канал им. короля Петра Первого». Резиденция компании находилась в Белграде, а техническое управление — в Сомборе [44]. После длительного отсутствия технического директора англичанина мистера Манинга, покинувшего нашу страну, на его место в 1929 году назначен опытный инженер путей сообщения Сергей Павлович Максимов, оставивший пост начальника Отделения судоходных рек и каналов при Генеральной водной дирекции Министерства сельского хозяйства в Белграде [45].

С. П. Максимов родился примерно в 1872 году в Петербурге, там он окончил известный Институт путей сообщения имени Императора Александра Первого. Уже в двадцать четыре года он получает звание профессора университета. Максимов — автор проекта Большого Туркменского канала [46]. Перед войной он продолжительное время проводит в Англии, совершенствуя свою квалификацию, откуда в 1919 году как специалист по оказанию технической помощи прибывает в Белград и от Министерства сельского и водного хозяйства делегируется как эксперт Королевства СХС для работы в Международной технической комиссии по сохранению и мелиорации Дуная. Человек широких технических и культурных знаний (он владел семью языками), Максимов проявил себя как отличный гидроинженер и организатор. До 1941 года он вместе со своим заместителем, несколькими инженерами, двумя—тремя ад-

министративными работниками и примерно семьюдесятью рабочими управлял сложной системой каналов Бачки, обеспечивая навигацию, поддерживая в рабочем состоянии 22 плотины и шлюза, 60 мостов, 17 грузовых судов, все здания и коммуникации, входившие в эту систему. Среди его сотрудников, кроме двух венгров, были инженеры из России — Борис Семенов, Роберт Крюгер, Александр Панчулидзев, опытный гидротехник Николай Андреев, юрист технического управления Хрисанф Зенькевич. Генеральным секретарем Управления Каналов в Белграде был русский барон Анатолий Тизенгаузен [47].

Во время венгерской оккупации Бачки Максимов был отстранен от должности, а в 1944 году, в первые дни после освобождения Сомбора, все россияне, годами работавшие в техническом управлении каналов, арестованы советскими органами безопасности Третьего Украинского фронта. Их судьба до сих пор неизвестна [48].

В межвоенный период, после образования в 1929 году Дунайской бановины, водохозяйственная служба Воеводины была объединена в Гидротехническое отделение Бановины. Там работали инженеры: Николай Кафафов, Петр Вандровский и техник Николай Кулжинский, а в так называемых водных задругах Старого Бечея, Кикинды, Сомбора — техники Яков Летючий, Михаил Литвинов, Николай Андреев и другие. Директором Института осушения юго-восточного Срема, располагавшегося в Земуне, был инженер-строитель Евгений Балабаненко, выпускник Львовского политехнического института. В гидротехническом отделении Сремской Митровицы работал инженер Евгений Крамаренко [49].

В середине 1945 года в гидротехнической службе Воеводины работали в общей сложности 45 инженеров, из которых 11 были выходцами из России. В Сремской Митровице, Петровграде, Панчево, Вршаце и Сомборе трудились: Валериан Доронин, Владимир Шредер, Игорь Лашков, Всеволод Сидненко, Владимир Горячковский, Дмитрий Чернышевский, Владимир Гурский, Александр Ростиславов, Владимир Опоков, Алексей Алексеев, Василий Глазков и Петр Вандровский. Вместе с инженерами работали техники: Евгений Поляков, Петр Слюсарев, Константин Кавазов, Лев Сенявин и другие [50].

Крупнейшим послевоенным начинанием в Воеводине стало грандиозное строительство гидросистемы Большого канала Дунай—Тисса—Дунай. Осуществлению этого проекта во многом способствовали

специалисты, родившиеся в России, но высшее образование получившие в Белграде или Загребе. В защите Генерального проекта этой гидросистемы принял активное участие В. Нейгебауэр, определивший характер всех почв Воеводины в районе Гидросистемы Дунай—Тисса—Дунай и исследовавший свойства будущих заливных земель.

Бóльшая часть объектов была спроектирована в бюро, принадлежащем Дирекции. Главным проектировщиком и руководителем гидротехнических проектов с 1949 по 1961 год был известный инженер-строитель Игорь Александрович Лашков (1904—1975), ставший позднее инспектором строительных работ и директором новосадского предприятия «Гидрозавод». Главный проект осушения почв Бачки и строительства каналов разрабатывал инженер-геодезист Петр Иванович Вандровский (1897—1971) со своими сотрудниками. Основную водозаборную плотину у Бездана, а также плотины у Сербского Милетича, Куцуры и Змаева проектировал инженер Лашков, плотину у Нового Сада — инженер Владимир Васильевич Горячковский. Выдающимся проектировщиком, работавшим в Дирекции канала Дунай—Тисса—Дунай с 1947 года до своего выхода на пенсию в 60-е годы, был Александр Владимирович Ростиславов (1889 — ок. 1970). Он в основном занимался водными режимами юго-восточного Баната и Тамиша, а также водораздела Поткопань [51].

Геотехнические исследования проводила лаборатория при Дирекции. Одним из руководителей работ был инженер Алексей Федорович Мальцев. Контрольные исследования подземных вод канала выполняла во время его строительства Тамара Константиновна Николаева-Марич, заведующая лабораторией Гигиенической станции в Новом Саде [52]. Основные работы по составлению карт местности выполнил русский топограф Георгий Иванович Висмонт [53].

Белградское строительное предприятие им. Ивана Милутиновича в апреле 1957 года начало работы на участке Поткопань—Дорослово. Первым организатором и руководителем земляных работ на строительстве канала был инженер-строитель Георгий Апполонович Воробьев, ставший позднее техническим директором этого предприятия. В том же году сформирована и строительная команда. Первым начальником группы управления Дирекции стал Владимир Владимирович Попов. Возглавлял всю команду в период ее становления и наиболее широкого развертывания работ эмигрант из

России Георгий Георгиевич Готуа (1905—1971), руководивший впоследствии строительством гидроэлектростанции «Байна Башта» и консультировавший проектные и строительные работы на гидроэлектростанции «Джердап». Руководителем земляных работ в секторе «Бачка» был инженер Алексей Георгиевич Логунов [54]. Над поддержанием режима эксплуатации Гидросистемы Дунай—Тисса—Дунай трудились инженеры Петр Михайлович Витюк (Зренянин, Новый Сад), Никита Николаевич Андреев (Сомбор), Василий Федорович Гончаров (Новый Сад) и другие [55].

*
* *

Представляя деятельность русской интеллигенции в Воеводине, мы сосредоточили свое внимание лишь на нескольких областях. Нерассмотренными остались медицина, пищевая и химическая промышленность, архитектура, армия. Культурное влияние русских сказывалось и вне сферы их профессиональной деятельности — в археологии, шахматах, музыке, переводах, а также в деятельности довоенных кружках и объединениях.

Все еще неизученные архивные материалы и собственная культурная история нашего века делают невозможной объективную оценку деятельности русской интеллигенции в ряде регионов Югославии. Однако объем и разносторонность ее вклада очевидны уже сегодня.

Сербскому писателю Милошу Црнянскому принадлежит несколько одностороннее высказывание: «Русские эмигранты в Париже и Америке показали миру, что такое балет и пение. Что такое театр, даже Шекспир. Изгнанники — нищие, старые, косматые русские профессора заполнили на чужбине своими книгами университетские кафедры, подобно грекам, когда пал Константинополь» [56].

Мы считаем, что русских беженцев или эмигрантов в нашей стране следует рассматривать шире: Югославию они называли своим «вторым отечеством». Встретив их гостеприимно, эта страна дала им возможность остаться русскими, молодежи — получить образование. Многое восприняв от этих людей, Югославия и сама дала им многое — второе и третье поколение русской интеллигенции.

Примечания

[1] См. статью М. Йовановича в настоящем сборнике, а также его диссертацию Doseljavanje ruskih izbeglica u Kraljevinu SHS 1919—1924. Magisterski rad. Filozofski fakultet. Beograd, 1993. S. 134.

[2] Архив САНУ. Фонд АБ-III-2479: Списак колонија руских избеглица у Југославији; Краљевина СХС. Алманах. 1921—1922. Св. 1. Део I. Загреб (б. г.). С. 236.

[3] Мнение М. Йовановича, любезно сообщенное автору.

[4] Альманах «Русская эмиграция. 1920—1930 гг.» Выпуск 1-й. Белград, 1931. С. 81—85; Перенос праха генерала Врангеля в Белград 6 октября 1929 г. Белград, 1930. С. 65—67, 74—75; казачья периодика в Белграде: Наша станица, Терский казак на чужбине, Вольная Кубань, Кавказский казак, Единство, За казачье имя и др.

[5] Предводитель словаков доктор Л. Мичатек был вынужден опубликовать опровержение: «Неправда, что выселен русский граф. В Кисаче снимает квартиру никакой не русский аристократ. Согласно официальной переписи среди них находятся два университетских профессора, пять судейских чиновников, один художник-живописец, две учительницы, два инженера-архитектора, два студента, изучающих технику, один чиновник, два офицера, остальные — женщины и дети» (Застава. Нови Сад. 10.06.1920.).

[6] Краљевина СХС. Алманах. С. 235—239; Часовой. Париж. 1939. Nr. 236—237; *Ковалевский П. Е.* Зарубежная Россия. История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920—1970). Париж, 1971. С. 46—47; *Raeff M.* Russia Abroad. A Cultural History of the Russian Emigration, 1919—1939. New York — Oxford, 1990. P. 29.

[7] Богословија Св. Саве у Сремским Карловцима//Извештаји за школске године 1920/21—1937/38.

[8] Гласник. Службени лист Уједињене Српске православне цркве. Сремски Карловци. 1922. Бр. 8; Там же, 1925. Бр. 3.

[9] Гласник. Службени лист Српске православне цркве. Београд, 1944. Бр. 10—12.

[10] Споменица православних свештеника 1941—1945 — жртава фашистичког режима и палих у НОБ. Београд, 1960. С. 48.

[11] Гласник. СПЦ. Сремски Карловци. 1925. Бр. 23; *Петковић С.* Српски женски манастир Кувеждин. Сремски Карловци, 1930.

[12] Пройдя многочисленные перипетии, во время и после Второй мировой войны монахини из Хопова нашли новый приют во Франции. Они и сегодня живут в своем сельском имении близ деревни Провемон в Нормандии и хорошо известны в русском зарубежье. По традиции многие продолжают называть эту сестринскую обитель Хоповским русским монастырем.

[13] «Список российских эмигрантов, принятых на службу в государственные учреждения на территории Бачки, Бараньи и Баната 1921—1924». Список составлен И. Н. Качаки на основе материалов Архива Югославии в Белграде (рукопись).

[14] Сведения взяты более чем из пятисот опубликованных годовых отчетов за период 1920—1954 и из десятка юбилейных памятных изданий средних школ во всей Воеводине, хранящихся в фондах Библиотеки Матицы сербской.

4 Заказ 4337

[15] Двадесет година Више педагошке школе у Новом Саду. 1945—1965. Нови Сад, 1965. С. 30.

[16] Направленный против нацизма и коммунизма очерк «Современность и христианство» опубликован в 1939 году в Скопле. Югославская цензура запретила издание и уничтожила весь тираж. В Библиотеке Матицы сербской хранится единственный экземпляр этой книги.

[16a] Пречанин (сербск.) — житель областей, лежащих к северу от Дуная и Савы. (*Прим. переводчика*).

[17] *Katchaki J. N.* Bibliography of Russian Refugees in the Kingdom of S. H. S. (Yugoslavia). 1920—1945. Arnhem—Kampen (Holland), 1991.

[18] *Arsenjev A.* Život, kulturna i izdavačka delatnost Rusa-emigranata u Novom Sadu.//Književna smotra. Zagreb, 1987. Br. 65—66.

[19] Универзитет у Београду. Публикације ректората за школске године: 1924/25, 1925/26, 1936/37 и др.

[20] Д-р Мих. П. Чубински. Поводом прославе његовог 35-годишњег рада. Суботица, 1929. С. 6, 11.

[21] Д. Семиз о М. П. Чубинском пишет: «У него больше, чем у кого-либо из россиян, прав на нашу благодарность за неутомимый и плодотворный труд по созданию Югославии»//Нова Европа. Загреб, 1929. Књ. XIX. Бр. 3.

[22] Его предки — генерал Федор Вишневский с сыном, полковником Гавриилом — во время правления Марии Терезии стояли во главе комиссии по переселению сербов из Австрии в Россию. Тогда были основаны области Новая Сербия и Славяно-сербский округ//Застава. Нови Сад. 9.11.1928.

[23] Медуза. Београд, 1923. Бр. 1.

[24] В Новый Сад на гастроли из Белграда приезжали: Л. Зиновьев, Г. Юреньев, Е. Попова, П. Холодков, М. Каракаш, Е. Вальяни, К. Роговская-Христич, А. Риго, М. Марков, О. Шмидт-Кринская, А. Юреньева, Н. Волевач, А. Дорьян и другие. О составе хора Новосадской оперы см.: Народно позориште у Новом Саду//Годишњак позоришне сезоне 1925/26. Нови Сад, 1926. С. 7.

[25] Источники: Историјски Архив Новог Сада (разные фонды); *Микић С.* Историја Југословенског ваздухопловства. Београд, 1932; *Ћировић Д.* Ваздухопловне жртве 1913—1945. Земун, 1970; журналы: Наша крила. Београд, 1924—1929, Ваздухопловни гласник. Земун, 1930—1950.

[26] Наша стихия. Журнал авиации, воздухоплавания и воздушного спорта. Новый Сад. Nr. 1 — март 1923.

[27] *Ткачев В. М.* Ваздушни рат; *Ткачев В. М.* Ваздушни рат у немачко-пољском сукобу. Земун, 1939; *Ткачев В. М.* Тактика воздушных сил. Белград, 1943.

[28] *Антонов К.* Тактика јуришне авијације. Земун, 1939. 189 с.; *Антонов К., Цијан Б.* Ваздухопловно једриличарство. Београд, 1940. 335 с.

[29] Гибель подполк. А. Praзованько//Русский военный вестник. Белград. Nr. 61. 31 октября 1926; *Ћировић Д.* Ваздухопловне жртве... С. 13.

[30] Из беседы автора с Т. К. Николаевой-Марич (Новый Сад).

[31] *Микић С.* Историја Југословенског ваздухопловства... С. 546.

[32] Педесет година Пољопривредног факултета 1919/20—1969/1970. Београд, 1970. С. 17, 303 и др.

[33] Там же. С. 251—256.

[34] Там же. С. 28; беседа автора с С. А. Кисловским (Новый Сад).

[35] Годовые отчеты сельскохозяйственных школ в Воеводине. Фонд Библиотеки Матицы сербской; Альманах «Русская эмиграция 1920—1931». Выпуск 2-й. Белград, 1931. С. 78; из беседы автора с С. А. Кисловским.

[36] Педесет година пољопривредног факултета. С. 251—252.

[37] Bilten Saveta za naučni rad NR Srbije. Beograd, 1960. Br. 9. S. 34—40.

[38] Ibid. S. 21—24.

[39] Из беседы автора с Л. Яковлевичем, специалистом по кукурузе при Институте земледелия и овощеводства новосадского сельскохозяйственного факультета.

[40] *Ковалевский П. Е.* Зарубежная Россия... С. 134—135.

[41] *Стебут А.* Типови земаља Шумадије. Београд, 1923.

[42] Zemljište i biljka. Beograd, 1987. Vol. 36. Br. 1.

[43] Семейный архив Нейгебауэров (Новый Сад).

[44] *Милованов Д.* Водопривреда Војводине 1918—1945. Посебно издање годишњака «Воде Војводине». Нови Сад, Бр. 15. С. 537.

[45] Vode Vojvodine. Novi Sad, 1989. Nr. 17. S. 153—169.

[46] *Мейер Ю.* Русские беженцы в Югославии//Новое русское слово. Нью-Йорк. 29 мая 1982.

[47] Архив Војводине. Нови Сад. Фонд 375: збирка С. Максимова.

[48] Из бесед автора с семьями Панчулидзевых (Новый Сад, Сомбор), Андреевых (Сомбор) и Зенькевич (Белград).

[49] Vode Vojvodine. Novi Sad, 1989. Br. 17. S. 190.

[50] *Milovanov D.* Vodoprivreda... S. 537.

[51] *Милованов Д.* Хидросистем Дунав—Тиса—Дунав. Нови Сад, 1972. С. 180, 289, 296, 329, 357, 360, 363, 366, 372.

[52] Из беседы автора с Т. К. Николаевой-Марич (Новый Сад).

[53] *Милованов Д.* Хидросистем... С. 68.

[54] Там же. С. 180—372; Vode Vojvodine. 1989. Br. 17. S. 183—196.

[55] Из бесед автора с семьями Виктюков (Новый Сад), Андреевых (Сомбор) и Гончаровых (Белград).

[56] *Црњански М.* Роман о Лондону. Књига друга. Београд, 1972. С. 116.

В. И. Косик

Югославянство/славянство в русской эмигрантской периодике

«Единство,— возвестил оракул наших дней,—
Быть может спаяно железом лишь и кровью»...
Но мы попробуем спаять его любовью,—
А там увидим, что прочней...

Ф. И. Тютчев

Вглядываясь в неясное лицо русской эмигрантской интеллигенции в Королевстве СХС (Югославии) с ее поденщиной и творчеством, руганью по адресу жидомасонов и любовью к Родине, рефлексией и самоорганизацией, неизбывной страстью к политике и отвращением к ней, начинаешь поневоле искать схему, точнее, нечто идеальное, свободное от внешних воздействий, ту опору, исстари присущую России, славянству. Ба! Воскликнет воспитанный на общечеловеческих ценностях проницательный читатель, опять славянская идея, славянофильство, панславизм, русский империализм?!!

Да, действительно, речь пойдет о том самом неуничтожимом и неподвластном времени феномене, появляющемся на разных этапах истории под разными названиями, обо всем том, что связывало на протяжении веков славян — прежде всего сербов и русских — и служило той почвой для просвещения десятков тысяч русских, оказавшихся вне пределов России, но все в том же «славянском море» и далеко за его берегами.

С легкой руки М. А. Булгакова по свету пошла гулять звонкая фраза кота-Бегемота, что дескать «Рукописи не горят». Но они, вспомним судьбу Александрийской библиотеки, костры книг в католической Европе, наконец Гоголя и сожженную им вторую часть «Мертвых душ», горят. В свое время были сожжены и многие подшивки эмигрантских газет, хранившиеся в бывшем Русском доме имени императора-мученика Николая II в Белграде. Многое было уничтожено давней войной, 50-летие победы которой недавно отмечал мир. В наших библиотеках хранится лишь малая толика того, что мы имели. Это в высшей степени прискорбное обстоятельство послужило причиной того скудного набора источников, используемых здесь. Но в то же время смею думать, что поставленная в заглавие тема была присуща всей русской периодике, прежде всего в Королевстве СХС (Югославии).

Среди многочисленных авторов в первом ряду стоит имя А. Погодина — талантливого историка, публициста. Уже в своих первых очерках «По Сербии» он живо и увлеченно писал о сербской провинции и «сељаках», о сербской церкви, о конфессиональных связях, существовавших испокон века между Сербией и Россией, о сердечном отношении сербского православного духовенства к русским священникам, своим единоверцам [1]. Достаточно вспомнить хрестоматийный пример о том, что Мильковский монастырь был передан русским монахам, приехавшим в большинстве своем из Оптиной Пустыни и Валаамского монастыря. Бежавшие из большевистской России монахини находили приют утешение в женском монастыре в Хопове.

Тема церкви, единения славянства неоднократно звучала в русской прессе, как, например, в «Новом Времени», когда для многих казалось, что с утратой Родины не остается ничего. И в этой тяжелейшей и трагичнейшей судьбе все же был луч света. Один из корреспондентов газеты А. Ренников в своем очерке о поездке по Македонии, тогда входившей в Сербию, писал: «Вот сколько глухих углов объехали мы, сколько трогательного видели со стороны населения как по отношению к себе, так и к памяти „майки Русии“,— однако убеждаемся, что самое прочное звено, связующее русских и сербов, все-таки может быть только в нашей общей принадлежности к Православию» [2].

Это единство веры поднимало не раз Россию на помощь сербам в их борьбе за свободу, как, например, в 70-х годах ушедшего

столетия. Память о сражениях бережно хранилась в сердцах русских и сербов. Тогда еще были живы участники тех грозных событий, всколыхнувших Россию и ее офицерство, с песнями шедшие в бой и покрывшие своими костями братскую землю.

В 1926 году в годовщину 50-летия герцеговинского восстания и войны 1876 года, белградское «Новое Время» публикует воспоминания современников и участников боев. Полковник А. И. Золотухин, служивший в конном полку имени королевы Наталии, восстанавливая в памяти историю и героев той войны, писал и о великой роли сельских священников, поднимавших дух народа перед битвой, которых нередко «можно было видеть верхом на коне с крестом и саблей наголо... впереди повстанцев». Русский офицер не забывает упомянуть и сербских женщин, помогавших своим отцам, братьям, мужьям, сыновьям не силой оружия, а бабьей смекалкой да уловками женскими [3].

Не были забыты и русские женщины. В речи председательницы Белградского женского общества Елены Лазаревич звучала искренняя, от всего сердца идущая благодарность тем, чьи руки и добрая душа облегчали страдания раненых, чья деятельность на ниве благотворительности приносила плоды. Поминая героев Алексинаца, Делиграда, Джуниса, она кланялась «всем пожертвованиям славянской любви русской сестры, самаритянке княжества Сербии» [4].

Тема славянской памяти занимала обширное место и в статьях членов различных научных обществ, институтов, союзов. В юбилейном собрании Русского археологического общества публикуется объемное исследование С. Н. Смирнова «Сербские святые в русских летописях». Наряду с сюжетами, связанными с такими известными именами, как Савва Сербский, князь Лазарь, Стефан Неманя, Стефан Лазаревич, Стефан Дечанский, почитаемыми и в России, автор дает толкование, свой комментарий тому удивительному явлению что княгиня Милица — жена князя Лазаря убитого на Косовском поле,— признается святой в России, но не у себя на родине [5].

Особый интерес вызывают две статьи А. Л. Погодина, посвященные императорам Николаю I и Александру II и оценке их в сербском общественном мнении. Неординарность подачи материала, уход от шаблона, свежесть темы — вот, пожалуй, достоинства его работ, практически неизвестных до сих пор в России.

Первая из них любопытна характером источников. Это — оды черногорского владыки Петра Петровича Негоша, посвященные Николаю I, войне с турками, походу Ивана Ивановича Дибич-Забалканского. Здесь же и песни Иоакима Вуича — одного из создателей сербской литературы,— напечатанные в Триесте в 1833 году и обращенные к русским императорам, начиная с Петра Великого, впервые обратившего свой взор на Балканы. Вне всякого сомнения, что такая нетривиальная штудия помогала конкретизировать связь времен в архаичной форме од и песен, поддерживавших в сербском народе веру в Россию [6].

Вторая статья пронизана разнообразными чувствами и мнениями сербского общества на различных этапах отношений с Россией, где были свои и темные и светлые страницы. Богатство привлекаемой Погодиным прессы (Видовдан, Даница, Застава, Летопис Матице српске, Напредак, Световид, Србобран, Српски Дневник и др.) позволило достаточно емко и ярко воссоздать пеструю картину газетного мира, где критика казенщины и самодержавных порядков соседствовала со стихотворениями на славянофильскую тематику с припевом «Боже, царя храни», славословиями России как единственной защитницы славян. Свободная от апологетики и слезливых восторгов работа позволяла читателю глубже понять историю сербского народа, его ожидания, разочарования, надежды, связанные с Россией, которую они знали лучше, нежели русские Сербию [7].

Современные политические процессы и события в Королевстве СХС (Югославии) также были предметом научно-публицистических статей не только в местной русской прессе, но и в далекой Франции.

В 1925 году в Париже в знаменитых «Современных записках» появляется статья А. Вышковского «Югославенский кризис», посвященная столь и сегодня актуальным сербохорватским противоречиям. Автор, умело рисуя историю образования Королевства, подчеркивал, что «если победа вызвала рост национального сознания в Сербии и сделала популярной идею Великой Сербии от Триеста до Салоник и от Цариброда до Скадра, то аналогичное явление происходит и у хорватов, и раньше чувствовавших свое культурное превосходство мало затронутой войной, хотя и побежденной Хорватии, над разрушенной и одичавшей за долгие годы непрерывных войн „победительницей“ Сербией» [8].

Освещая борьбу государственных идей — сербской (Н. Пашич) и хорватской (С. Радич),— автор симпатизирует Сербии. Это до-

статочно ясно из весьма субъективного свойства характеристики Радича, названного прислужником Вены, призывавшего в августе 1914 года Габсбургов «сбросить московское иго с поляков и украинцев» и «объединить под своей высокой рукой болгар и румын» [9]. Весьма интересна и его характеристика сербского крестьянина, который «еще не дорос до того, чтобы обновить своей неиспорченной душой государственную и национальную жизнь Сербии. Он националист-романтик, с героическими песнями, военными воспоминаниями, народно-церковными обычаями... Он еще не дорос до высоких идеалов христианства, социальной правды и обновления человечества, одушевляющих хорватское крестьянство» [10]. (В этих во многом правдивых словах недостает хотя бы того банального признания, что именно сербский крестьянин — этот «националист-романтик» — создал свое национальное государство первым на Балканах, защитил свою веру в борьбе с исламом.— *В. К.*)

И в то же время, стремясь быть объективным, Вышковский считал необходимым осветить заслуги Радича в деле примирения и разрешения кризиса (признание Видовданской конституции, отказ от государственно-правовых требований, выдвигаемых хорватами) [11].

Автор выражал надежду, что добрая воля поможет преодолеть все препятствия на пути к бесконфликтному сожительству сербов и хорватов.

Однако этим надеждам не суждено было стать пророчествами.

В 1939 году в парижском журнале «Русские записки» на старую тему печатается статья «Сербо-хорватская проблема», принадлежащая перу Л. Неманова. (Скорее всего — судя по фамилии — автор был уроженцем Югославии.— *В. К.*) Поначалу здесь шел повтор — вполне закономерный — того, о чем писал Вышковский: та же предыстория конфликта, чьи истоки лежали в различном понимании идеи единства государства, те же фигуры Пашича и Радича, даваемые в контексте комбинационной политической борьбы/игры, те же не утихавшие обиды и недовольства хорватов, считавших, как метко выразился Радич, что они «Раньше ... были авангардом Европы в Азии, а теперь стали арьергардом Азии в Европе» [12].

Однако с переходом к новым политическим реалиям, наступавшим со второй половины 20-х годов,— т. е. на том, где закончил Вышковский,— шел материал новый, хотя и фактографического характера, представлявший интерес для читателя, незнакомого с рассматриваемой проблематикой. Не вдаваясь в детали, надо сказать,

что схема углублявшегося конфликта очерчена рукой человека, знакомого с политической кухней Королевства. Тут и соглашение С. Радича с В. Прибичевичем (1927), и драма в Скупщине (1928), и тактика короля Александра, категорически отметавшего возможность федеративного устройства и пытавшегося переустроить Королевство на унитарных основах, и провал переговоров Стоядиновича — Мачека (1938). По мнению автора, стоявшего на демократических позициях, был только один путь решения — превращение Югославии в федеративное государство [13].

Наряду со статьями на политические темы, представлявшими немалый интерес для европейской русской эмиграции, появлялись исследования экономического характера. Одно из них принадлежало нашедшему приют в Бихаче А. А. Леонтьеву, опубликовавшему в 1924 году в «Современных записках» небольшую научную работу «Аграрные отношения в Югославии» [14]. В основном она была построена на материалах, связанных с проведением аграрной реформы в Боснии и Герцеговине и ликвидацией остатков феодализма.

В статье также рассматривались проблемы общинной собственности на примере Хорватии и Боснии, феномен задруги как формы семейного владения. Значимость проблематики и ее умелый анализ, увязывание этнополитических проблем с хозяйственной деятельностью, историзм — все это отличало исследование автора от многих других работ, посвященных чисто экономическим проблемам.

И все же самыми распространенными в русской периодике были сюжеты, связанные с культурой. В 1930 году в Париже в элитарном альманахе «Числа» выходит статья Ильи Голенищева-Кутузова «Русская культура и Югославия». На ее страницах читатель узнавал имена Саввы Сербского, Людевита Гая, Мавро Орбини, Юрия Крижанича, Игнатия Джорджича, Франьо Рачки, Воислава Илича, Лазы Лазаревича, Густава Крклеца, Иво Войновича и других, чьи дела, судьбы, творчество соприкасались с Россией.

Говоря о силе влияния русской школы, представленной именами Максима Суворова и Эммануила Козачинского, известный славист проводил ту мысль, что к концу XVIII века в Сербии «выработался так называемый славено-сербский язык, пестревший церковно-славянскими речениями и насыщенный русскими оборотами. Несмотря на лингвистическую реформу Вука Караджича... во многих выражениях современного литературного языка заметны следы русских и церковно-славянских форм» [15].

Рассуждая о творениях Орбини, Крижанича, Джорджича и других деятелей, задумывавшихся над идеей славизма, автор полагал, что именно в южном славянстве лежит начало славянофильских идей [16].

Но здесь не столь уж важно, кто первый и где истоки, сколь сознание общности славянства.

Надо полагать, что духовная близость была первопричиной переводов Воиславом Иличем Пушкина и Лермонтова, о чем упоминает автор. Влияние русской литературы чувствовалось в произведениях Л. Лазаревича, чьи рассказы близки «по духу Тургеневу», в творчестве Г. Крклеца, находившегося «под влиянием Блока»[17].

В новых именах югославской интеллигенции, чье творчество было связано с русской культурой, Голенищев-Кутузов видел рождение нового славянофильства — «не полуофициальное, полуфантастическое, взлелеянное московскими мечтателями, но вызванное новыми жизненными потребностями, имеющее глубокие корни в истории Югославии и России» [18].

И все же не в парижских и иных изданиях, представлявших собой своеобразный Олимп, куда допускались избранные, следует искать жизнь повседневных проявлений и явлений культуры Югославии. Первенствующая роль закономерно принадлежала русской прессе, издававшейся внутри страны.

В привлекаемой в качестве основного источника газете «Новое Время» регулярно помещались материалы из культурной сферы — от «допотопных» времен до современных дней. Строки о борьбе креста и полумесяца, Косовской битве и ее отражении в сербской народной поэзии соседствовали со стихотворениями известных поэтов. В качестве иллюстрации можно привести стихи Филипповича «Сабля королевича Марко», Воислава Илича «На Вардаре», «На Тигару», Джуры Якшича «После смерти» — все в переводах князя Федора Касаткина-Ростовского [19].

Последнее стихотворение настолько перекликалось с настроениями русских эмигрантов, что позволю себе привести его на языке оригинала:

Ножеви кад ми срце поделе,
Над гробом звекне крвави мач,
Слатке девојке, ружице беле,
Нећу да чујем ваш горки плач!

Немојте рећи: «Овде почива
Љубави наше увели струк!«
Не кун'те земљу, није вам крива —
Стишајте јада ласкави звук!

Немојте трошит', руже убаве,
Китећи њима мој вечит дом!
Реците само: «Доста је славе —
Веран је био народу свом».

Завершая тему поэзии, надо вспомнить и бессмертные стихи Бранко Радичевича, чей столетний со дня рождения юбилей отмечался в 1924 году. Его творчество уже только по своему историко-литературному значению сравнивалось с гением Пушкина [20].

На страницах прессы освещалась и театральная жизнь. В россыпи статей и заметок, посвященных театру, музыке, постановкам, именам исполнителей, режиссеров, драматургов, дирижеров, была одна характерная черта того времени — связь русского сценического искусства с молодым, но имевшим прочные традиции сербским, тесно связанным с многострадальной историей своего народа, отечественной литературой.

Весьма отчетливо это проявилось в постановке русским драматическим кружком в Белграде в театре «Манеж» одного из лучших произведений Бранислава Нушича — комедии «Свет». Эта постановка, как подчеркивалось в «Новом Времени», была вызвана стремлением ознакомить русское общество «живущее в Югославии и тесно переплетшее жизнь свою с жизнью наших гостеприимных хозяев» с оригинальными литературными произведениями. Это и составляло «почтенную и благодарную задачу» деятелей русской сцены. Сам спектакль (режиссер М. Ристич) встретил у публики прекрасный прием и вылился в форму «трогательного русско-сербского единения» [21].

Единству славян в свое время были посвящены некоторые из стихов Тютчева. Отрывком одного из них, а именно из стихотворения «Славянам», я и хочу закончить. Написанное в 1867 году оно, несмотря на перемены мирового порядка, должно было звучать для русских в эмиграции так же свежо, как это воспринималось пятьдесят лет назад:

Вы дома здесь, и больше дома,
Чем там, на родине своей,—
Здесь, где господство незнакомо
Иноязыческих властей,
Здесь, где у власти и подданства
Один язык, один для всех,
И не считается Славянство
За тяжкий первородный грех!

Примечания

[1] Новое время. Белград, 1922. 1 сентября. С. 2; 13 сентября. С. 2.

[2] Там же, 1924. 17 августа. С. 2—3.

[3] Там же, 1926. 15 мая. С. 2.

[4] Там же, 1926. 22 июля. С. 2.

[5] Юбилейный сборник Русского археологического общества в Королевстве Югославии (к 15-летию Общества). Белград, 1936. С. 161—278.

[6] *Погодин А. Л.* Личность и деятельность императора Николая I в сербском общественном мнении его времени//Записки Русского научного института. Белград. 1934. № 11. С. 51—72.

[7] *Погодин А. Л.* Император Александр II и его время в оценке сербского общественного мнения//Записки Русского научного института. Белград. 1936. № 13. С. 1—36.

[8] *Вышковский А.* Югославенский кризис//Современные записки. Париж, 1925. № XXV. С. 366.

[9] Там же. С. 371.

[10] Там же. С. 375.

[11] Там же. С. 385.

[12] *Неманов Л.* Сербо-хорватская проблема//Русские записки. Париж. 1939. № XVII. С. 172.

[13] Там же. С. 180.

[14] *Леонтьев А. А.* Аграрные отношения в Югославии//Современные записки. Париж, 1924. № XVIII.

[15] *Голенищев-Кутузов И.* Русская культура и Югославия//Числа. Париж, 1930, № 2—3. С. 293.

[16] Там же. С. 294.

[17] Там же. С. 294—295.

[18] Там же. С. 297.

[19] Новое время. 1922. 12 сентября. С. 2; 17 сентября. С. 2; 1923. 11 марта. С. 2; 14 марта. С. 2.

[20] Там же, 1924, 22 июня. С. 3.

[21] Там же, 1926, 9 февраля. С. 3.

Бранислав Глигориевич

Русская православная церковь в период между двумя мировыми войнами

Очерк деятельности Русской православной церкви, благодаря значению, которое она имела в межвоенный период как духовное прибежище не только многих тысяч российских беженцев в Югославии, но и нескольких миллионов изгнанников, разбросанных по всему миру, представляется необходимым. Ограниченный объем статьи заставляет нас сконцентрировать свое внимание на церкви как институции, на ее внутреннем устройстве и на ее отношениях, во-первых, с Сербской православной церковью и, во-вторых,— с церковной матицей в Советском Союзе. Религиозной жизни русской эмиграции мы коснемся лишь вскользь.

Во времена монархии Православная церковь в России имела более 100.000 храмов, более 1000 монастырей, располагала большими земельными угодьями, а также культурными и материальными ценностями. Февральская революция '1917 года, отделив церковь от государства, лишила ее прежних привилегий. Большевики же пошли гораздо дальше, лишив ее не только материальной базы, но и какого бы то ни было духовного влияния в обществе.

Поначалу, стремясь приспособиться к новому положению, Русская церковь занялась самостоятельной деятельностью. В 1917 году на Московском Соборе жребием и Божьим промыслом митрополит Тихон был избран всероссийским патриархом. Вступив в конфликт с советской властью, которая проводила антирелигиозную пропаганду, репрессии духовенства, конфискацию церковного и монастырского имущества, новый глава церкви предал большевиков

анафеме «как безумцев и ложных поборников всеобщего блага». Патриарх Тихон был арестован под предлогом сопротивления изъятию церковных ценностей и в 1925 году скончался в тюрьме. Аресты и преследования постепенно делали свое дело, заставив церковь в России покориться советской власти.

Часть высшего духовенства, не примирившегося с большевиками, эмигрировала во время Гражданской войны вместе с остальной массой беженцев. В среде епископов, которые пошли по этому пути, возникла мысль организовать чрезвычайное церковное управление, призванное упорядочить религиозную жизнь всей русской эмиграции *. Уже в 1920 году в Константинополе основано Высшее церковное управление всей эмиграции во главе с митрополитом киевским и галицким Антонием, который как духовное лицо пользовался огромным авторитетом и только волею жребия не был избран всероссийским патриархом вместо митрополита Тихона [1].

Высшее церковное управление в Константинополе, находившееся под эгидой Вселенского патриарха и считавшее условия в Турции неблагоприятными для деятельности Русской православной церкви, с воодушевлением приняло приглашение тогдашнего патриарха Сербской православной церкви Димитрия переехать в Королевство СХС. Архиерейский собор Сербской православной церкви 31 августа 1921 года постановил принять под свою защиту Высшее управление Русской православной церкви с сохранением ее самостоятельной юрисдикции по отношению к российским священнослужителям, а также по отношению к русским эмигрантам в Югославии и Европе в вопросах расторжения церковных браков. Проявлением особой благосклонности Сербской церкви стало и размещение резиденции русского Высшего церковного управления в помещениях патриаршего дворца в Сремских Карловцах, где в то время располагалась и Сербская патриархия.

В ноябре — декабре 1921 года в Сремских Карловцах состоялся Всезарубежный собор Русской православной церкви, учредивший новую организационную структуру в Русской церкви — Архиерейский синод. С тех пор Карловацкий синод во главе с митрополитом Антонием становится духовной опорой всей русской эмиграции [2].

---

* Из-за прекращения связи с Москвой в 1919 г. в Ставрополе был создан Малый собор, состоявший примерно из десяти епископов, который постановил создать на юге России временное церковное управление. Постановление патриарха Тихона (от 7/20. ноября 1920 г.) обязывало оторванных от Центра архиереев организовать высшую церковную власть (*Прим. ред.*).

К этому времени волны российского исхода докатились не только до Югославии и Европы, но и до Америки. Сведения о численности беженцев, оказавшихся в Югославии, весьма противоречивы. По данным Государственной комиссии по делам русских беженцев, их общая численность к 1921 году достигла 75.000, из них: 40.000 человек принадлежали к различным военным формированиям, 35.000 — гражданское население.

В Югославии разместились остатки Вооруженных сил Юга России во главе с генералом Врангелем. Уже в июне 1921 года прибыл штаб главнокомандующего, а к концу года корабли английского и французского флотов доставили основную массу бойцов. Сам П. Н. Врангель прибыл в Белград 1 марта 1922 года. Его штаб из 120 офицеров был расквартирован в Сремских Карловцах. Выбор места объяснялся расчетами на предполагавшуюся военную интервенцию. В этом случае путь к южным границам России из Югославии, через Болгарию или Венгрию, был самым коротким.

Цивильная часть беженцев по социальной принадлежности делилась на представителей интеллигенции — 65%, крестьянство — 20%, высшую аристократию и дворянство — 15% [3]. Политическую жизнь русской эмиграции определяли тогда два доминирующих начала: вера в скорое свержение советской власти и стремление приобрести влиятельное положение по возвращении в Россию. Общая цель не вызывала разногласий, что же касается методов и целей ее достижения, взгляды полностью расходились, ибо русская эмиграция являла собой весь широкий спектр политических направлений, представленных в России накануне Февральской революции. Тем труднее было Русской православной церкви объединить своим духовным влиянием все эти политические силы. Несмотря на это, тогдашняя Югославия считалась оплотом русского монархизма именно потому, что эту тенденцию поддерживала Русская православная церковь.

Под управление Архиерейского синода Русской православной церкви вошло 8 русских церковных приходов в Югославии — Белград, Земун, Новый Сад, Панчево, Велика Кикинда, Белая Церковь, Сараево и Загреб. Однако духовная жизнь эмиграции начала оформляться еще до появления этого административного деления, когда в 1920 году в Белграде в помещении эмигрантской столовой на улице Короля Милана (позднее — Маршала Тито, ныне — Сербских правителей) была открыта первая молельня.

Только в 1924 году в Белграде на старом кладбище на Ташмайдане

по проекту архитектора В. В. Сташевского был построен первый русский храм во имя Св. Троицы. Небольшая с виду церквушка в древненовгородском стиле, кажущаяся крошечной рядом с позднее воздвигнутым величественным сербским собором Св. Марка, храм Св. Троицы хранил великие реликвии земли русской: икону Курской Богоматери, а также более двухсот военных знамен периода Отечественной войны 1812 года и русско-турецких баталий, спасенных офицерами, эвакуировавшимися с Юга России. Иконостас церкви Св. Троицы украшен дубовой резьбой тончайшей работы.

Первым настоятелем храма Св. Троицы, столь много сделавшим для ее строительства, был отец Петр Беловидов, бывший настоятель храма в Новороссийске; его сменил отец Иоанн Сокаль; по его возвращении в Советский Союз в 1950 году это место занял протоиерей Владислав Неклюдов; четвертым настоятелем церкви Св. Троицы был отец Виталий Тарасьев. Нынешений настоятель церкви — отец Василий Тарасьев, сын отца Виталия[3а].

В 1931 году в Белграде на Новом кладбище воздвигнута часовня Иверской Богоматери в память разрушенной в Москве. Русский храм был построен и в Белой Церкви. В остальных местах, где не было русских храмов, священники отправляли богослужение и читали проповеди наездами. Русские славились своими прекрасными хорами, которые делали богослужение особенно проникновенным и привлекали в церковь многочисленных верующих, среди которых было немало сербов.

Монахи из России нашли прибежище в сербских монастырях, некоторые представители русского духовенства в Югославии приняли постриг, благодаря чему вновь ожили опустевшие к тому времени монастыри, например монастырь Петковица близ Шабаца или монастырь Мильково на реке Морава. Сербская православная церковь допускала и деятельность монашеских братств, например братства, возглавляемого иеромонахом Амвросием Кургановым (монастырь Гргетег). В монастыре Хопово нашли приют монахини Лесненского женского монастыря во главе с игуменьей Екатериной.

Философской и религиозно-просветительной деятельностью занимались отдельные духовные братства, носившие имена православных святых, наиболее известными в Югославии были братства Серафима Саровского, Иоанна Кронштадтского, Св. князя Владимира, а также братства Святой России.

Во главе религиозной жизни русского зарубежья стоял митрополит Антоний, пользовавшийся огромным авторитетом в Русской право-

славной церкви, автор многочисленных статей и книг, исследователь философии Достоевского. Прославился он и своими обращениями к верующим, призывая к терпеливой и упорной борьбе с большевизмом, что сделало его особенно популярным в Сербии.

Русская церковь в Югославии считала, что «обновление» России должно проходить под ее духовным предводительством. Это подразумевало и особую роль Церкви в борьбе против большевитского режима, который в период первых пятилеток планировал искоренение религии и уничтожение веры в Советской России.

Отношения между Московской патриархией и Зарубежной церковью поначалу были хорошими, поскольку Карловацкий синод Русской церкви учрежден на основании указа патриарха Тихона. Указ разрешал церкви, оказавшейся вне юрисдикции церковных иерархов в Советской России, действовать самостоятельно на основах соборности, что и было осуществлено в Югославии. Однако когда Карловацкий Собор направил послание Генуэзской конференции, призвав Европу сделать все, от нее зависящее, «для спасения русского народа», это не замедлило сказаться на судьбе патриарха Тихона. Незадолго до своего ареста под влиянием советских властей он вынужден был признать неправомочным Карловацкий Собор во главе с митрополитом Антонием управлять духовной жизнью русского зарубежья, наделив этими полномочиями митрополита Евлогия, представлявшего Русскую церковь в Западной Европе (Париж). Патриарха Тихона это, к сожалению, не спасло от ареста. Синод же Русской православной церкви в Сремских Карловцах отказался подчиниться указу Московской патриархии, полагая, что указ подписан под давлением большевиков и не «выражает волю церковных властей». Это было началом раскола как между Русской православной церковью в Югославии (которая считала себя представительницей всех православных русских эмигрантов) и церковными властями в Москве, так и в лоне самой Русской зарубежной церкви, среди ее высшего духовенства — митрополит Евлогий, представитель Русской церкви в Западной Европе, первое время продолжал подчиняться Московской патриархии.

После смерти патриарха Тихона его преемник митрополит Сергий пытался примирить расколовшиеся стороны, отправив 12 сентября 1926 года в Сремские Карловцы доверительное письмо, в котором ставился и такой вопрос: «Способна ли вообще Московская патриархия руководить церковной жизнью русской эмиграции, когда между

изгнанниками и Церковью в России нет никакой связи?» Как одно из возможных решений митрополит Сергий предлагал Русской зарубежной церкви, не нарушая основ канона, временно подчиниться местным церковным властям, т. е. в данном случае — сербскому патриарху. Это письмо примирения повлекло за собой немедленный арест митрополита Сергия. Он был выпущен из заключения в 1927 году, когда власти убедились в его полной к ним лояльности.

В июне 1927 года московский митрополит огласил послание, в котором оспаривалось право Архиерейского Собора в Сремских Карловцах представлять Русскую зарубежную православную церковь. Более того, послание содержало требование к русским священнослужителям, находившимся в эмиграции, дать письменное обещание сохранять лояльность по отношению к советской власти. Неподчинившихся следовало считать исключенными из состава клира [4].

Воспоследовала резкая реакция Карловацкого синода, который 9 сентября 1927 года принял декларацию протеста и объявил, что отныне высшим церковным органом, представляющим русских православных эмигрантов, является Карловацкий синод. Признавая над собой власть заместителя патриарха, митрополита Петра, он прерывает все административные и канонические связи с московской церковной властью во главе с митрополитом Сергием, считая его «самоволие весьма опасным для церкви». Священнослужителям, которые выразят свою лояльность по отношению к советской власти, будет запрещено чинодействие впредь до покаяния [5].

Обострение отношений между церковными иерархами в России и в эмиграции отражало политическую ситуацию. С одной стороны, советский режим жестоко расправлялся с оппозицией во главе с недавно еще всемогущими большевистскими вождями Троцким и Бухариным. Одновременно Политбюро ЦК ВКП (б) приняло решение о всемерной борьбе с организованными эмигрантскими группировками во всех европейских странах [6] — от засылки агентов до ликвидации руководителей групп, так что с 1927 года началась настоящая скрытая война между агентами ГПУ (позднее НКВД) и активистами эмигрантских организаций.

С другой стороны, уничтожение Сталиным видных деятелей большевизма, таких, как Троцкий, Бухарин, Зиновьев и др., было воспринято русской эмиграцией как возможное начало распада всего советского режима. Поэтому эмиграция активизировала про-

пагандистскую и политическую деятельность. Полагали, что Сталин, ликвидируя соратников, в сущности, губит себя, и поэтому освобождение России совсем близко. В этом заочном поединке русская эмиграция возлагала немалые надежды на поддержку сербов и югославского короля Александра, ибо династия Карагеоргиевичей и династия Петровичей находились в родственных связях с русскими великими князьями и их потомками — законными претендентами на российский престол.

Русская православная церковь в Югославии во главе с митрополитом Антонием вначале активно поддерживала одного из претендентов на российский престол, великого князя Кирилла Владимировича Романова. Однако распри между претендентами и различными монархическими группировками охладили митрополита. Часть русской эмиграции в той или иной форме предлагала российский престол сербскому королю Александру, при этом подчеркивалось, что король Югославии располагает армией, насчитывающей более миллиона штыков, которая в случае необходимости могла бы вмешаться в борьбу с советской Россией. О намерении русских монархистов посадить на российский престол короля Александра писал в эмиграции и бывший российский министр иностранных дел П. Н. Милюков, причем белградский двор не счел необходимым выступить с опровержением. В кругах иерархов Русской зарубежной церкви также открыто говорили о решении митрополита Антония выдвинуть в качестве претендента на российский престол короля Александра [7].

Сербская православная церковь делала попытки смягчить раскол в Русской церкви. Выдающаяся роль принадлежит здесь сербскому патриарху Варнаве, который поддерживал близкие отношения с эмиграцией и пользовался в ее кругах большим уважением. Сербского патриарха, воспитанного в русском духе́, получившего образование в Петербурге, принявшего постриг и многие годы проведшего в России, считали духовным отцом и покровителем всех российских изгнанников. Авторитет, которым он пользовался, объяснялся и его упорной, энергичной борьбой с коммунизмом. В своих рождественских посланиях, полных боли за многострадальный русский народ, он обвинял западноевропейские страны за бездействие, за то, что они не предпринимают ничего для освобождения России, которая принесла столь великую жертву в Первой мировой войне [8].

В конфликте, возникшем в лоне Русской православной церкви, Сербская церковь заняла нейтральную позицию, и лишь когда

московский митрополит обратился к Сербской церкви с просьбой о посредничестве, патриарх Варнава согласился передать русским епископам в Югославии требование московских церковных властей выразить лояльность по отношению к советской власти. Ответ Карловацкого синода вновь был отрицательным: русские архиереи,— гласил он,— не могут дать требуемое письменное заверение, ибо «считают советскую власть глубоко аморальной и безбожной». Этот ответ патриарх Варнава направил в Москву 6 января 1934 года. При этом он высказался в поддержку предложения, о временном переходе Карловацкого синода под юрисдикцию сербской православной церкви, выдвинутого в свое время патриархом Сергием. Москва это предложение отвергла, запретив карловацкой группе чинодействие. Это решение, впрочем, не возымело никаких реальных последствий [9].

Патриарх Варнава выступил и как инициатор примирения церковных групп в лоне Русской зарубежной церкви. Хотя считалось, что в Югославии преобладает консервативный монархизм, а западноевропейская эмиграция несколько более либеральна, разногласия внутри Русской зарубежной церкви имели не политический, но религиозный, канонический, характер: карловацкая группа епископов придерживалась традиций ортодоксального русского православия, в то время как парижская группа высказывалась за модернизацию и реформу Русской церкви. Идеи реформизма формировались в группе профессоров и студентов, объединившихся вокруг Богословского института Св. Сергия в Париже [10]. Патриарх Варнава поддерживал религиозную политику Карловацкого синода.

Первое примерение произошло в 1934 году, когда по просьбе патриарха Варнавы, в Белград прибыл митрополит Евлогий, представлявший Русскую церковь в Западной Европе, и публично покаялся в том, что проявлял несогласие с Карловацким синодом. В ответ представитель синода прочел над ним «разрешительную молитву».

В 1935 году сербский патриарх организовал встречу представителей русских епископатов за рубежом, и под его председательством был выработан текст временного устава Русской зарубежной церкви, согласно которому Карловацкий синод признавался верховным органом, в который должны были войти представители Балканской, Западноевропейской и Дальневосточной русской церкви [11].

Процесс сближения внутри Русской зарубежной церкви продолжился и после упокоений митрополита Антония (1936) и патриарха

Варнавы (1938). В августе 1938 года в Белграде прошел Собор Русской зарубежной церкви, собравший иерархов со всего мира — от Америки до Дальнего Востока. Собор выразил единодушное мнение всех собравшихся о том, что Сербия и Сремские Карловцы продолжают оставаться духовным центром русской эмиграции.

В период между двумя мировыми войнами, когда в Советской России разрушались церкви и преследовались верующие, Русская православная церковь в Югославии была не только духовной опорой всех изгнанников, но и истинным олицетворением сербско-русской взаимности, ради которой Сербская православная церковь пошла даже на ущемление своей самостоятельности, допустив на своей территории параллельную деятельность Русской зарубежной церкви.

В то же время государственные органы Югославии оказывали финансовую, материальную и моральную поддержку как Русской церкви, так и ее прихожанам. Все тогда были уверены в том, что без православной России не может быть стабильной Сербии.

Примечания

[1] *Рклицкий Н. П.* Краткое жизнеописание блаженнейшего Антония, митрополита Киевского и Галицкого. Белград, 1935.

[2] Гласник Српске православне Патријаршије. Београд, 1921. Бр. 20. С. 334—335.

[3] Эти и другие данные взяты из материалов о русской эмиграции в Югославии, хранившихся в бывшем Архиве Секретариата внутренних дел, ныне — в Институте современной истории а также в архиве автора (далее ИСИ, материалы).

[3а] Протоиерей о. Василий Тарасьев скончался 31 мая 1996 года (*Прим. ред.*).

[4] ИСИ, материалы.

[5] *Маевский Вл.* Русские в Югославии 1920—1945 гг. Т. 2. Нью-Йорк, 1966; *Ковалевский П. Е.* Зарубежная Россия. Париж, 1970.

[6] В середине 1927 года перед ГПУ была поставлена задача организации борьбы против русской эмиграции, включавшая: а) усиление контроля над эмигрантскими организациями; б) ликвидацию лиц, состоящих в антисоветских террористических организациях; в) замалчивание в советских газетах случаев террористического нападения на представителей русской эмиграции. Таковые следовало приписывать проискам английской шпионской службы.

[7] ИСИ, материалы.

[8] *Мајевски Вл.* Српски патријарх Варнава и његово доба. Осијек, 1933; Патријарх Варнава против комунизма. Београд, 1942.

[9] *Ковалевский П. Е.* Зарубежная Россия. С. 199.

[10] *Граббе Ю. П.* Корни церковной смуты. Белград, 1927. С. 27—28.

[11] Гласник Српске православне Патријаршије. Београд, 1935. Т. 30. С. 560. То же: *Маевский Вл.* Патријарх Варнава против комунизма. С. 137—138.

Любодраг Димич

Русские школы в Королевстве Югославии 1920—1941

Во время Гражданской войны Россию покинуло несколько миллионов человек, явление, по масштабам и влиянию на культуру,— беспрецедентное. Причины эмиграции носили в основном идеологический характер, хотя нельзя недооценивать и экономические трудности, нараставшие в ходе Гражданской войны, страх перед неизвестностью в будущем, а также и роль обстоятельств: многих подхватила отступающая армия и организованная эвакуация. Часть этого потока беженцев оказалась в недавно созданном Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев. Среди беженцев было много детей дошкольного возраста и молодежи, оторванной войной от школы, чье возвращение за парты имело жизненно важное значение как для Королевства, так и для самой эмиграции.

Поскольку данные об общей численности эмигрантов из России противоречивы и неточны, трудно установить достоверно численность детей школьного возраста, оказавшихся в Королевстве Югославии [1]. Приводятся цифры от 5.000 до 6.000 детей, 28—30% которых составляли сироты [2], что обязывало власти Королевства проявить к ним особое внимание.

Все доступные нам источники подтверждают, что русская эмиграция была тепло и сердечно встречена в Королевстве СХС и официальными властями, и населением, особенно православным. Объяснялось это многими причинами: династическими связями, духовной и культурной близостью, традициями, классово-полити-

ческими соображениями, государственными интересами — молодому государству нужны были образованные люди. Официально говорилось о «возвращении долга России», лидеры политических партий демонстрировали свое славянофильство, Сербская православная церковь указывала на духовную близость и церковные связи, экономисты подчеркивали, что большинство вновь прибывших представляет «трудовую интеллигенцию», столь необходимую стране, экономически ослабленной в результате Первой мировой войны и не имевшей своей интеллигенции.

Решая вопросы школьного образования, органы просвещения старались разместить русские школы главным образом на территории, населенной православными. Считалось, что только серб знает, чем для него была Россия и каков его долг перед ней (хорваты и словенцы, мол, почувствуют это позже, когда глубже проникнут в нашу историю и смогут взглянуть другими глазами на свое прошлое).

Проблема образования русской молодежи, помимо просветительского, культурного и гуманистического, имела очевидные политический и идеологический аспекты. Для русской эмиграции эта молодежь была «культурным отрядом Зарубежной России», гарантом сохранения в изгнании национальной самобытности и перспектив на будущее. Для органов просвещения Королевства СХС она должна была стать связующим звеном с Россией после свержения советской власти. Предполагалось, что присутствие русской эмиграции будет способствовать трансформации романтически неопределенного чувства славянской общности в ясное сознание «духовной взаимности», которое сможет противостоять ассимилирующим влияниям прошлого — немецкому, венгерскому, итальянскому, турецкому. Славянство призвано было сыграть интегрирующую роль, способствовать преодолению национальной обособленности народов на территории Югославии, противостоять пережиткам раздробленности и традиционализма, приобщить «малые», провинциальные, закрытые, почти неизвестные в мире балканские культуры к европейской цивилизации.

По мнению В. Д. Плетнева, профессора Петербургского университета, относящемуся к 1920 году, открытие русских школ в Сербии — наиболее плодотворный путь «установления культурных связей и основ политического единства России и Югославии во имя осуществления как общеславянских, так и государственных русских и сербских идеалов»[3].

Органы просвещения полагали, что школы оправдают и политические надежды, и средства, которые в них вкладывались. Профессор Радован Кошутич писал: «Мы хотим сделать из этих детей хороших врачей, инженеров, архитекторов, профессоров, учителей, словом, образованных людей, способных заниматься наукой. Те же, кто не склонен к учению, станут просвещенными ремесленниками, мастерами, рабочими... А когда Россия освободится, когда она будет правовым государством, гарантирующим личную безопасность как граждан, так и общества в целом, мы вернем ей эту молодежь, призванную стать опорой в деле воссоздания русской нивы и возрождения своего великого Отечества... Пребывание в нашем обществе русской молодежи и русской интеллигенции имеет для нас большое общенародное и политическое значение... Мы, сербы, заранее не продумываем свою политику по отношению к тем странам, на помощь которых рассчитываем. А дождавшись, когда гром грянет, хотим за ночь получить то, над чем дальновидные люди работают годами. Без России не было бы Сербии — это аксиома нашей новейшей истории; пришло время сеять семена, которые дадут всходы, когда Россия воспрянет и вновь станет неисчерпаемым источником нашей силы, гарантом выживания и свободы нашего Королевства и славянства в целом»[4].

Иными словами, искренняя добрая воля и понимание, проявленные в деле организации просвещения среди детей русской эмиграции, объяснялись и прагматическими соображениями — это была определенная инвестиция в будущее.

Как носительница «русского духа и русской культуры» российская эмиграция, подобно всякой эмиграции, значительную часть своих сил отдавала политике (антибольшевизму). Политизация и идеологизация отличали все типы русских учебных заведений и составляли неотъемлемую часть образовательного и воспитательного процесса. Вот некоторые характерные для русской эмиграции в Королевстве СХС (Югославии) черты: изгнание считалось временным, поэтому жили «на чемоданах»; общественная жизнь была интенсивной и бурной, то есть «привычно русской», создавались многочисленные сословные, политические и культурные организации; большинство эмигрантов придерживалось правых политических взглядов экстремистского толка, проявляло традиционализм, с которым очень нелегко расставалось даже в тех случаях, когда он вел к пагубным последствиям; трудно адаптировалось к окружающей

среде — силы береглись для будущей жизни в России; теряло ощущение реальности, было подвержено постоянной апатии, медленно налаживало связи с югославским обществом. Все эти особенности присутствовали и в отношениях между учениками, преподавателями, воспитателями, поверенными Министерства просвещения, инспекторами, директорами, отражаясь на ежедневной жизни и работе русских школ.

*
* *

По мнению самих русских эмигрантов, в 1920 году Королевство СХС (они его называли Сербией) было единственной страной, где существовали условия для создания системы образования российской молодежи [5]. Недавно основанное Королевство принимало детей, которые в течение нескольких лет были оторваны от школы. Спасаясь от террора Гражданской войны, на территорию государства Сербов, Хорватов и Словенцев прибыли остатки известных когда-то кадетских корпусов (Киевского, Одесского, Полтавского, Владикавказского, Донского), других средних школ и общежитий, которые в годы отступлений принимали и детей, оставшихся без школы, а часто и без родителей. По оценке органов просвещения, их состояние было «отчаянным», даже хуже того, в котором оказались сербские учащиеся после отступления Сербской армии и мирного населения через Албанию. Как указывалось в отчетах, преподаватели «вывезли из Отечества только душу», ученики же оборваны, заражены вшами, морально распущены, ругаются бранными словами, развратничают, чинят насилие над слабыми, пьянствуют, крадут. Отмечалось также, что и у преподавателей, и у их подопечных «нервы на пределе». Брань — обычная и наиболее частая форма общения. «Правила морали отсутствуют, распущенность — воздух, которым дышат», — писал в отчете о состоянии Крымского кадетского корпуса в 1922 году представитель Министерства просвещения профессор Радован Кошутич. Было также отмечено существование тайных клубов самоубийц и тайных ученических обществ «цука», которые поддерживали насилие над слабыми. От дисциплины, манеры общения, порядка и трудолюбия, которые отличали когда-то эти учебные заведения, осталось нечто малоузнаваемое [6].

В декабре 1920 года в Королевство СХС прибыли три кадетских корпуса: Русский, объединивший остатки Киевского и Одесского корпусов и размещенный в одной из лучших казарм в Сараево; Донской, объединивший остатки Донского корпуса из Новочеркасска и учеников, примкнувших к корпусу во время эвакуации, он размещался сначала в Стрниште близ Птуя, а позднее в «каменной герцеговинской пустыне» под Билечей; и Крымский корпус, объединивший Полтавский и Владимирский корпуса и размещенный в бараках на хуторе Стрниште близ Птуя, построенных австрийцами для военнопленных [7]. Об условиях, в которых кадетские корпуса начинали свою работу, свидетельствует отчет классного инспектора Крымского корпуса за период с 1.01.1921 по 1.05.1921, в котором, в частности, говорится: «Преподавать начали в очень тяжелых условиях. Бараки переполнены, холод, не хватает одежды и обуви, не хватает учебников и пособий, а также хотя бы самой примитивной мебели. Все это, казалось, было непреодолимым препятствием для начала полноценных занятий. Однако в начале января уроки начались. В каждом бараке размещалось по 3—4 группы, от двух до восьми отделений в каждой. Кадеты стояли вокруг преподавателя, сидели на кроватях или на полу; вместо доски — клеенка, прибитая к стене; писали на коленях или клали лист бумаги на спину соседа, или лежа на животе, подкладывали под тетрадь тарелку или кастрюлю. Холод был такой, что немели пальцы, и ночью замерзали чернила. С приходом тепла занятия перенесли в лес, и там начали работать по отделениям»[8].

Материальное положение русских школ и особенно кадетских корпусов определялось как «ужасное» — «нет ни постелей, ни посуды, ни скамей, ни учебников». Помещения также находились в весьма плачевном состоянии. Расположенные в «пустыни» или в «глуши», обнесенные каменным забором и проволокой, они скорее напоминают «тюрьму», нежели школу. О состоянии помещений, где располагался Крымский корпус в Стрниште, представитель органов просвещения Р. Кошутич писал: «Картина куда более тяжелая, чем можно представить... Повторяю, здесь отсутствуют и классы, и столовые, и помещения для самостоятельных занятий и подготовки домашних заданий. В длинных, низких, мрачных бараках стоят впритык койки, в середине несколько столов и скамеек — здесь и учатся, и учат, и спят, и едят, и живут... Крыша худая, на полу лужи, постели влажные, всюду нездоровая сырость

и плесень. Коптит небольшая лампа. Босые, оборванные кадеты передвигают свои койки с места на место, чтобы спасти их от дождя. Господин министр, пленные у нас содержатся в гораздо более приемлемых условиях, чем эта молодежь»[9].

Вся мебель в этих школах была самодельной, сделанной самими учениками. Вот описание кадетских корпусов 1922 года: «Железные постели — три доски и солома, простыней нет, низкое изголовье, одеяльце, только, чтобы прикрыться, и это все. Ученикам негде держать вещи, все, что они имеют, кладется под голову или под кровать. Каждый после еды сам моет свою посуду»[10]. В отчете за 1923 год представитель органов просвещения указывал, что перед некоторыми «кроватями» он останавливался в изумлении, «задаваясь вопросом — как может человеческое существо спать на подобном сооружении, представляющем собой лесенку с тремя жердями — одна для головы, вторая для туловища, третья для ног. Без какой-либо опоры на них спят многие ученики. Но у многих нет и этого — спят на полу»[11].

Не в лучшем положении находились и кадеты младшего возраста. Школьный инспектор так описывает положение в Донском корпусе в Билече: «В первом отделении два класса, дети сидят в коротких трусах и рубашках, все босы. Летней одежды нет. На каждого кадета приходится две смены белья, причем 60% этого белья пришло в негодность. Поскольку белья мало, его меняют раз в две недели, и дети страшно неопрятны. Простыней нет, имеющиеся в наличии сорок штук берегут для больницы. У каждого по одной паре обуви, причем обувь эта настолько изношена, что требует починки раз, а то и два раза в месяц. Поскольку запасной обуви нет, многие ученики ходят босиком по острым герцеговинским камням — берегут обувку. Я видел детей со сбитыми ногами (в худых рубахах и драных трусах), едва передвигавшихся с помощью своих одноклассников, которых не сегодня-завтра ждет та же участь. Питание скудное, дети плохо выглядят. Все это последствие того, что Государственная комиссия выделила на питание каждого кадета по девять динаров...»[12].

Ощущалась нехватка учебников и пособий на русском и сербском языках. Практически все учебные пособия дети делали сами.

В первые годы существования русских школ, особенно это относится к кадетским корпусам, сербские органы просвещения отмечали характерную для российских эмиграционных властей тенденцию сделать среднее образование обязательным для всех рос-

сийских школьников. Предполагалось, что каждый ученик, переступивший порог школы, должен ее закончить. Было зарегистрировано две категории учащихся, которых чуть ли не силой удерживали в кадетских корпусах, — те, кто не могут, и те, кто не хотят учиться. Знания и тех, и других были весьма скудными (так, один ученик сделал в тридцати словах сорок восемь ошибок). Это снижало авторитет и самих школ, и выдаваемых ими аттестатов. Знания, полученные в первые годы существования школ, оценивались как знания «ниже среднего уровня»; отмечалось, что эта ситуация аналогична той, которая возникла в сербских школах в первый послевоенный год, когда туда вернулись дети, надолго оторванные войной от учебы. Отмечалось, что чуть менее 50% учащихся имеют оценки «неудовлетворительно», что эти дети переходят из класса в класс и получают диплом о среднем образовании только благодаря заниженным школьным требованиям, отнюдь не способствующим повышению знаний.

В связи с этим отмечалось также, что в Русском кадетском корпусе 37,5% учащихся старше школьного возраста; в Донском корпусе — почти две трети, похожая ситуация сложилась и в Крымском корпусе. Инспекционная служба Министерства просвещения считала, что совместное пребывание зрелых юношей и детей под одной крышей (в школах встречались ученики от 10 до 21 года) пагубным образом сказывается на состоянии морали в школах. Дабы исправить сложившееся положение, органы просвещения настаивали на том, чтобы дети, которые неспособны или не хотят получить среднее образование, могли бы обучиться какому-либо ремеслу.

Ситуация в других русских учебных заведениях была аналогичной [13]. В более поздние годы материальные условия учащихся существенно не изменились, но, что касается уровня преподавания, школам довольно быстро удалось вернуть былой авторитет и восстановить дисциплину. Мало что изменилось и в гигиеническом содержании новых школьных помещений в Белой Церкви. В спальнях и классах — некрашеные стены, окна выбиты, пол грязный и такого качества, что его трудно поддерживать в чистоте, туалеты также необустроенные и грязные. Для исправления положения требовались большие средства. Только в тридцатые годы условия жизни и работы российских учащихся сравнялись с условиями в государственных школах. К сожалению, это не относилось к материальному обеспечению школ. Постоянно ощущалась нехватка

денег то на починку зданий, то на их содержание, а о более крупных инвестициях речи не было. Не хватало средств на приобретение инвентаря, необходимого для оборудования кабинетов, на покупку книг и учебных пособий. Библиотеки, как правило, пополнялись книгами, подаренными Министерством просвещения, просветительскими и учебными заведениями или частными лицами. На полках таких библиотек стояли произведения М. Решетара, И. Гундулича, В. Водника, В. С. Караджича, Д. Обрадоваича, И. С. Поповича, Б. Радичевича, И. Мажуранича, Ф. Прешерна, П. П. Негоша, Дж. Якшича, И. И. Змая, С. С. Кранчевича, И. Веселиновича, А. Шеноа, Л. Бабича-Джальского, С. Митров-Любиши, Л. Лазаревича, В. Илича, Б. Нушича, И. Дудича, Б. Станковича, С. Пандуровича, А. Шантича, В. Петровича, П. Кочича и др. Об атмосфере компромиссного, а затем и интегрального югославянства свидетельствует приведенный перечень. Наиболее читаемым оказался национальный эпос [14].

Очень скоро в школах устанавливается дисциплина. Уже в 1923 году отчеты отмечают, что в кадетских корпусах дисциплина «слишком строга», что там преобладает «военный, казарменный дух», даже за незначительные проступки следуют драконовские меры наказания. «За такие нарушения, как самовольная отлучка в город или непослушание, — 3—5 дней карцера в мрачном, холодном помещении, где нет кровати... Карцер запирается на засов, и от всего этого складывается тяжелое впечатление, будто находишься в исправительной колонии, а не в воспитательном доме»[15].

Значительно повышаются требования, предъявляемые к учащимся. В русской реальной гимназии в Панчево в 1923/24 учебном году из 138 учеников было 6 отличников (4%), имели переэкзаменовки или оставлены на второй год 28 учеников (21%). В Донском кадетском корпусе в Билече только 64,61% учеников перешли в следующий класс, а 35,29% имели переэкзаменовки или оставлены на второй год. В Крымском кадетском корпусе отличники составляли только 3,31%, в следующий класс перешли 60,78%, а имели переэкзаменовки или оставлены на второй год 39,22% учеников. В Харьковском девичьем институте (Новый Бечей) в 1923/24 учебном году: 6,9% отличниц, 77,5% успешных учениц, 22,5% имели переэкзаменовки или оставлены на второй год. Аналогичное положение сложилось и в других учебных заведениях [16].

Высокий уровень требований, предъявляемых к ученикам, сохранялся в течение всего межвоенного периода. Были годы, когда в отдельных школах не было ни одного отличника, что не мешало выпускникам этих школ позднее оказаться среди лучших студентов университета. Ученики, получавшие аттестат о среднем образовании, отличались навыками к систематическому труду, дисциплине, отличными знаниями языков, высшей математики, физики, химии [17]. Накануне Второй мировой войны ученическая библиотека Крымского кадетского корпуса насчитывала 10.000 учебников и свыше 15.000 книг, в библиотеке для преподавателей было около 1000 наименований. В этом учебном заведении проводились тематические лекции, вечера хоровой музыки, концерты, выставки, благотворительные вечера. Учащиеся принимали участие в работе литературных, музыкальных кружков, спортивных секций, состояли членами кружков натуралистов, любителей метеорологии, исторических и географических обществ. Ежегодно организовывалось и до 25 выездов на природу и экскурсии.

Школы выписывали множество газет и журналов: «Ядранска стража», «Политика», «Народна одбрана», «Иллюстрированная Россія», «Возрожденіе», «Новое Время», «Русский военный вѣстникъ», «Руски архив», «Време» и др. Показательны темы сочинений, предлагавшиеся на экзаменах: «Значение Великой войны для славянства», «Самый русский человек в русском романе», «Отечество, ты подобно здоровью, — ценность твою до конца понимает лишь тот, кто тебя потерял», «Истинный патриотизм проявляется в добросовестном и добровольном служении долгу», «В чем смысл жизни», «Чтобы жить, нужно работать, а чтобы работать, нужно любить и верить», «Ничего не стоит человек, не постигший с детства труд, отречение и подвиг» (Ф. М. Достоевский) и др. Культ патриотизма, трудолюбия, дисциплины, веры, надежды был положен в основу воспитательного процесса.

*

* *

Русская эмиграция создала в Югославии особую систему образования. Многие годы изгнания эта система способствовала сохранению национальной жизни и национальной самобытности. Уже в середине 1921 года Государственная комиссия по делам русских

беженцев при поддержке Министерства просвещения (на посту министра находился тогда С. Прибичевич) приступила к созданию специальных комитетов (советов), куда входили представители Государственной комиссии по делам русских беженцев, Министерства обороны, Министерства просвещения, Представительства России и российского военного атташе. Под попечительством Верховного комитета по делам русских военных училищ и Верховного комитета по делам русских девичьих институтов находились тогда три кадетских корпуса: Русский кадетский корпус в Сараеве — 330 кадетов, Крымский кадетский корпус в Стрниште — около 600 кадетов, Донской кадетский корпус в Малой Билече — 320 кадетов; два девичьих института: Харьковский институт в Новом Бечее — 250 пансионерок и 30 приходящих воспитанниц и Донской Мариинский девичий институт в Белой Церкви — 200 пансионерок и 50 приходящих воспитанниц; Первая русско-сербская девичья гимназия с общежитием в Великой Кикинде — 180 учениц. Наряду с перечисленными в документах того времени встречаются названия и других учебных заведений: Русско-сербская гимназия в Белграде, детские дома в Белграде, Земуне, Панчево, Новом Саде, Сараево, Княжевце и Герцег-Нови [18].

Детские дома часто играли роль начальных школ. Их число установить трудно. Согласно документам, относящимся к тридцатым годам (1930/31 учебный год), было 14 детских домов-интернатов. При них работали детские сады и начальные школы. Детские сады охватывали детей с 4 до 7 лет и ставили своей задачей снова сделать из этих детей, во многом утративших связь с национальной культурой и плохо знавших русский язык, «настоящих русских и подготовить их к русской начальной школе» [19].

Начальное образование было обязательным для детей семилетнего возраста, но судя по всему, немалая часть детей школьного возраста школу не посещали. Согласно доступным нам документам, только 45,42% детей из России ходило в школу, 5,87% получали домашнее образование, в то время как 48,70% детей школьного возраста оставались вне школы [20].

В 1926 году Совет русских начальных школ принял общую программу начального образования и решение признать образование получаемое в детских домах, достаточным для поступления в русские учебные заведения, дававшие среднее образование.

Программа обучения в детских домах, сориентированная прежде

всего на изучение русского языка, оказалась непрактичной и малопродуктивной, учителям ее приходилось значительно расширять, ибо другого пути дать детям полноценное начальное образование не было. Согласно отчетам инспекторов Министерства просвещения, русский язык дети знали недостаточно, диктанты писали с ошибками, обладали скудными знаниями грамматики; обучение включало знакомство с четырьмя действиями арифметики на простых числах до 1000. Все предметы вел один учитель.

До принятия Закона о народных школах от 5.12.1929 года сербский язык в русских детских домах не преподавался, поскольку дети, находясь в сербской среде, сербским языком владели лучше, чем русским. Школа брала на себя обязательство обучения родному языку. После принятия упомянутого закона государственный язык был введен как обязательный предмет (чтение и письмо кириллицей) в трех-четырех классах русских начальных школ. В русских школах при детских домах не было таких предметов, как природоведение, история и география Королевства Югославии, рисование, пение, физкультура.

Пример детских домов особенно хорошо показывает изолированность русской эмиграции, ее неготовность войти в общественную жизнь своего нового отечества. Жизнь на чужбине, включая и проблемы школьного образования, эмиграция воспринимала как явление временное, боясь утратить национальную самобытность, была недопустимо беспечна [21].

В начале тридцатых годов в среде русской эмиграции сформировалось мнение, что школы при детских домах изжили себя. Были предприняты попытки реорганизовать эти учебные заведения, согласовать их программу с программой государственных школ, чтобы каждый ребенок имел возможность получить необходимые знания по истории и географии Королевства Югославии, чтобы учащиеся могли продолжать образование в государственных школах, преодолевая таким образом свою изоляцию. Отмечалось также, что в школе следует больше говорить о России, ее значении, величии, культуре, трагедии; что школы следует снабдить необходимыми пособиями, географическими картами и др.; что следует приложить все усилия, чтобы дети получали серьезное образование.

Традиционализм русской школы проявился и в средних учебных заведениях. Считалось, что школа должна сохранить тот порядок и ценности, которые по возвращении на родину позволят восстановить связь с дореволюционной традицией. Кадетские корпуса и

девичьи институты, прибыв в Королевство СХС в 1920—1921 годах, в новой среде не отказывались от своих «стародавних» учебных планов, программ и устоев. Первая русско-сербская девичья гимназия с общежитием в Кикинде, открывшаяся в 1921 году, работала по учебным планам институтов благородных девиц. Русско-сербская гимназия в Белграде имела свою особую программу. Программа, по которой работала гимназия Всероссийского союза городов, в 1922 году расположившаяся в имении Поновичи, близ Литии, напоминала программу реальных училищ. В некоторых школах как отдельный предмет преподавали законоведение, в некоторых — педагогику, государственное право или национальную экономику. Общей чертой всех школ была большая нагрузка учащихся. Если учащиеся 1—8-х классов государственных школ имели 207 уроков, не считая пения и физкультуры, то в русских женских учебных заведениях — 235 уроков, в русско-сербских гимназиях — 252 урока, в кадетских корпусах — 254 урока. Представители русской интеллигенции, инспектируя эти школы, отмечали, что образование там сводилось к механически пассивному усвоению материала, без какой бы то ни было возможности самостоятельного развития мысли [22]. Иными словами, в первое время каждая школа «по-своему приспосабливалась к требованиям жизни»[23].

Начиная с 1921/22 учебного года было предпринято несколько попыток «взаимного сближения» программ русских школ. Над этим работала специальная комиссия, созданная при Государственной комиссии по делам русских беженцев, но безрезультатно. Спустя несколько лет, в 1924 году, с горечью отмечалось, что различия в программах могут быть объяснены «стремлением просто сохранить в основных чертах учебные планы, по которым эти школы работали в России, а в некоторых случаях их нельзя объяснить даже этим». Однако время, несмотря ни на что, оказалось сильнее умозрительных соображений относительно потребностей русской эмиграции и ее потомства.

Не оказывая давления и не стремясь ассимилировать российскую учащуюся молодежь, органы просвещения Королевства указывали на то, что в русских школах следует уделять больше внимания географии, истории и государственному языку — группе так называемых национальных предметов. Эти органы просвещения проявляли неизменную терпимость. В предписаниях директорам русских школ, скорее в форме просьбы или совета, чем приказа говорилось о том, что в процессе преподавания следует уделять больше внимания преподаванию русского и сербского языков. Отмечалось, что

5 Заказ 4337

выпускники этих школ «по крайней мере в настоящее время поступают на работу в нашей стране», а незнание географии, истории и языка закрывает дорогу к государственной службе, в солидные торговые фирмы, банки, словом, туда, где необходимо общение с людьми [24]. Органы просвещения Королевства Югославии были весьма осторожны в вопросе расширения учебных программ русских школ. Они настаивали на сохранении «специальных предметов», чтобы учебный план не был «слишком сербским», и на введении тех предметов, которые давали бы детям возможность узнать народ, среди которого они жили, и его страну. «Так будет решена двойная задача: изучая свои национальные предметы по расширенной программе, русская молодежь останется русской, она будет знать язык и литературу, историю и географию своего Отечества, сохранит связь со своим народом; изучая предметы на нашем национальном языке, она овладеет языком народа, который у своего очага зажег светильник науки для русской молодежи, дал ей возможность оправиться от потрясений и собраться с силами. Знание нашей литературы, изучение нашей истории позволят русской молодежи по-новому взглянуть на свое Отечество, на свой долг и любовь к нему, заставит ее сознательно полюбить наш народ, и это будет иметь большое значение для нашего общего будущего»[25].

Процесс унификации русских школ шел медленно, учащиеся с трудом приспосабливались к новой среде, что помимо прочего объяснялось институциональной независимостью русских школ, в некоторых случаях граничащей с анархией. Положение двоевластия, в котором находились русские школы, было отменено Указом Министерского совета от 28 октября 1922 года, согласно которому все русские школы и учреждения, в чьем подчинении они находились переходили в ведение Министерства просвещения [26]. Месяцем позже при Министерстве просвещения был создан Верховный комитет по делам русских школ в Королевстве СХС, в который вошли государственные чиновники высшего ранга, а также выдающиеся русские и сербские ученые и культурные деятели [27].

Советы, действующие к тому времени при Государственной комиссии по делам русских беженцев, в чью компетенцию входила и забота о русских школах, были преобразованы в административные отделы Главного совета школ. Этому Совету поручалось проведение реформ в русских школах и решение всех вопросов, связанных с преподаванием.

Прошло достаточно времени (около двух лет), пока была создана общая, типовая программа обучения для русских средних школ, аналогичная той, по которой работали государственные школы. Особое внимание в русских школах уделялось «русским национальным предметам» — русскому языку, русской литературе, истории и географии России, а также «сербским национальным предметам». Органы просвещения настаивали на том, что учащиеся русских школ должны овладеть государственным языком Королевства. «Основная цель этого предмета в русской школе — как можно лучше ознакомить учащихся с сербохорватским языком и сербохорватской литературой ради сближения двух народов. Наряду с этим преследовалась и практическая цель — подготовить учащихся к полноценному восприятию преподавания на сербохорватском языке в одном из университетов Королевства СХС или к государственной службе. Язык преподавался по принципу: «меньше абстрактной грамматики»... Язык следует учить, пользуясь прямым аналитическим методом. Главное здесь — приобрести максимальный запас слов и уметь его использовать в разговорной речи...»[28].

Однако на протяжении двадцатых годов все эти требования оставались на уровне пожеланий. Отсутствие плана развития культуры и образования, целый ряд собственных трудностей и скромные материальные возможности не позволили государственным органам просвещения выполнить намеченные задачи, так что терпимое отношение властей к русским школам объяснялось, в частности, халатностью, некомпетентностью, бескультурьем и равнодушием бюрократического аппарата.

Школы сохраняли свою специфику, и с принятием в 1929—1931 годах закона об унификации системы образования в стране, в них преподавали учителя трех категорий: постоянный преподаватель, преподаватель, работающий по договору, и почасовик; учителя закона Божьего получали разрешение на преподавание от церковных властей; на место учителей рисования, музыки, труда часто брали людей без специального образования; школы подчинялись Государственной комиссии по делам русских беженцев; назначения на должность директора школы часто проходило по русским законам (обычно это были высшие офицерские чины), наряду с директорской имелась и должность инспектора, которая поручалась специалисту в области просвещения; вместо должности классного руководителя вводилась должность воспитателя и др. Несомненно, в определенном

смысле применение русских законов, регулирующих вопросы образования, нарушало суверенитет Королевства.

Со временем число учащихся в русских школах уменьшилось, и из-за материальных трудностей часть школ была закрыта. В сентябре 1929 года был закрыт кадетский корпус в Сараево, в 1931 году закрыты Русская реальная гимназия в Храстовце, Первая русско-сербская гимназия в Великой Кикинде, в 1933 году прекратил свое существование и Харьковский девичий институт в Новом Бечее. Одно время органы просвещения разрешали югославским подданным поступать в русские школы (квота в иные годы достигала 20%), но затем были приняты указы, запретившие это.

В 1921 году в Королевстве СХС (Югославии) была основана первая эмигрантская русская педагогическая организация — Союз русских педагогов в Королевстве СХС. В рамках этого союза были открыты курсы повышения квалификации русских педагогов по преподаванию национальных предметов. Союз помогал преподавателям, оказавшимся во Франции, Чехословакии, Литве, получить югославскую визу и работу в Королевстве. Согласно нашим данным, в Югославию эмигрировали 208 работников просвещения [29].

На службу в области образования принимались люди только с соответствующим специальным образованием и по рекомендации консультанта по вопросам образования при Комитете по делам русских беженцев в Королевстве СХС (позднее — Государственная комиссия по делам русских беженцев) и с одобрения Верховного совета по делам просвещения. С русскими эмигрантами заключали временные договоры на работу «преподавателем по контракту», контракт обновлялся раз в один-три года. Работники просвещения проходили специальную подготовку для работы в школах на специальных государственных курсах.

Работники просвещения наряду с врачами и инженерами были среди немногих представителей интеллигенции, которым удавалось найти работу по специальности. Но только с получением гражданства они приобрели возможность поступления на постоянную службу [30].

Привлечение работников просвещения из числа эмигрантов к работе в сферах, связанных с католицизмом, воспринималось в силу их принадлежности к православию и близости к династии Карагеоргиевичей как преднамеренное хорватско-католическое давление [31].

Свои знания и солидное образование часть русских педагогов отдала делу развития югославской школы. Их присутствие и дея-

тельность в нашей среде оказали заметное влияние на многие поколения учеников. Об этом пишет Петр Митропан, один из плеяды русских педагогов: «Мое общение с молодежью, со здешней средой, мысли, работа, наши отношения — все это невидимыми флюидами растворилось в югославской жизни, оставив малый, как атом, след в душах тех, с кем волею судеб довелось встретиться»[32].

В 1928 году русским эмигрантам в Королевстве Югославии были предложены «облегченные условия» получения югославского гражданства, но большинство беженцев предпочло сохранить российское подданство. Кроме того, Министерство просвещения удовлетворило просьбу Союза русских учителей «благосклонно отнестись к русским педагогам и оставить их на службе в штате своего ведомства до возвращения в Россию...»[33]. Таким образом, многие беженцы работали в области просвещения в качестве преподавателей по контракту, вплоть до 1.08.1937 года, когда договоры с ними были прекращены, и уволено более 60 человек»[34].

Большинство русских педагогов, трудившихся в Королевстве (около 58%), составляли люди 40—50 лет, т. е. те, кто обладал большим педагогическим опытом; примерно 40% составляли люди 30—40 лет, т. е. те, кто находится в наиболее плодотворной фазе своей профессиональной активности, — здесь, по-видимому, следует искать причины успешной деятельности представителей русской эмиграции на ниве просвещения в Королевстве Югославии.

Примечания

[1] Данные о числе русских эмигрантов, которыми мы располагаем, весьма разнородны: перепись населения в графе «национальные меньшинства» дает цифру 20.568 русских; уполномоченный правительства по делам русских беженцев в Белграде 18.02.1921 года говорит о 22.213 русских эмигрантов; согласно данным профессора Д. Н. Иванцова, в 1921 году в Королевстве СХС находилось 28.895 русских эмигрантов; тот же автор, будучи директором отделения статистики Государственной комиссии по делам русских беженцев, позднее, после прибытия частей армии Врангеля, называет окончательную цифру 73.431 человек (33.231 — цивильные беженцы и 40.200 — военная эвакуация генерала Врангеля). А. Елачич, хорошо осведомленный в делах русской эмиграции, считал, что в Королевство СХС прибыло около 40 тыс. человек; В. Винавер приводит цифру 60—70 тыс. человек; на приблизительное число беженцев в 60 тыс. человек ориентировалась и Государственная комиссия по делам русских беженцев. Мы склонны считать наиболее достоверной цифру от 41 тыс. до 44 тыс. (среднее арифметическое 42.500) русских

эмигрантов, которую приводит в своем основательном недавно завершенном исследовании М. Йованович. См. об этом: *Ђурић О.* Руска литерарна Србија 1920—1941. Писци, кружоци и издања. Горњи Милановац. 1990. С. 17—22; АСАНУ. Збирка А. Белића. 14.386-III-2.460; Архив Југославије. Министарство унутрашњих послова (далее АЈ, МУП) (14), ф-224/a.j.800; Алманах Краљевине СХС. Загреб, 1922. С. 234—239; *Солонский А. А.* Демография русской эмиграции в Белграде//Записки русского научного института в Белграде. Вып. 10. 1935. С. 43; *Тесемников В. А.* Из истории русской эмиграции в Югославии 1919—1945. (Рукопись). С. 5; *Винавер В.* Југословенско-совјетски односи 1919—1929//Историја XX века. I. Београд, 1965. С. 112; *Лозо С.* Руска белоемиграција у Југославији//Политика експрес. 26.01.1976; *Јелачић А.* Руска емиграција у Југославији//Нова Европа. XXI.4. 16.04.1930. С. 241; *Јовановић М.* Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919—1924. (Магистарски рад). Београд, 1993. С. 134.

[2] В источниках приводятся следующие данные о численности детей, оказавшихся в Королевстве СХС (в возрасте от 0 до 18 лет): 4.718, 4.917, 4.965, 5.317, 5.658, 5.638. Из числа этих детей, согласно исследованию, проведенному М. Йовановичем, с родителями жили 68,61%, у родственников — 2%, усыновленных 0,19%, в школах и интернатах размещено 21,75%, остались вне школы 6,85%, вышли замуж или женились 0,42%. (*Јовановић М.* Досељавање руских избеглица... С. 225—227).

[3] АЈ, 1920, 66/CH, ф-1.107.

[4] Там же, бр. 14.897. 22.09.1922. Отчет о ревизии русских кадетских корпусов, представленный г-ну министру просвещения уполномоченным профессором Белградского университета Радованом Кошутичем 28.07.1922.

[5] Свидетельство профессора Владимира Дмитриевича Плетнева. См.: АЈ, 66/CH, ф-1.107.

[6] Отчет профессора Радована Кошутича (см. прим. 4). В записях педагогического совета отмечены следующие нарушения: «Один кадет украл одежду у своего товарища; двое подделали входные билеты на какое-то представление; двое самовольно исправили себе оценки; трое продали словенцам обувь; трое вошли в магазин, и пока двое отвлекали продавца, третий украл почтовые открытки; двое кадетов украли рубаху у капитана Шмидта, а третий ее продал; один из кадетов, чтобы как можно лучше подготовиться к Пасхе, украл у словенки 6 куриц; в первый день Пасхи несколько кадетов, напившись допьяна, бросались камнями, кричали и бранились непотребными словами; один из кадетов стрелял из пращи камнями по зданию, где проживают преподаватели; некоторые кадеты из VII класса не желают утром подниматься по звуку горна и т. д., и т. п.»

[7] Позднее Донской кадетский корпус был перемещен в Горажде, а Крымский кадетский корпус — в Белую Церковь.

[8] АЈ. Прим. 4.

[9] АЈ, 66/CH, ф-1.107, бр. 14.897. 22.09.1922.

[10] АЈ. Прим. 4.

[11] АЈ, 66/CH, ф-1.107. Отчет уполномоченного Министерства просвещения профессора университета Николы М. Поповича о Донском Мариинском девичьем институте и о кадетском корпусе в Белой Церкви от 3.07.1923.

[12] АЈ. Прим. 4.

[13] Отчет Н. Поповича. Прим. 11.

[14] АЈ, 66/каб., ф-224/a.j. 471.

[15] Отчет Н. Поповича. Прим. 11.

[16] AJ, 66/CH, ф-1.107. Отчеты русских школ за 1923/24 учебный год.

[17] AJ, 66/статистика, ф-711.

[18] AJ, 66/CH, ф-1.107. док. бр. 1.184. 14.09.1921, бр. 23.241. 19.11.1921, бр. 25.382. 7.12.1921.

[19] АСАНУ.Збирка Ал. Белића. 14.386-III-2460.

[20] *Јовановић М.* Досељавање руских избеглица... С. 227.

[21] АСАНУ. Прим. 19.

[22] AJ,66/CH, ф-1.107, бр. 5.979. 31.05.1924.

[23] Там же, бр. 22.988. 1.10.1924.

[24] Там же, бр. 10.735. 22.07.1922: CH бр. 11.846. 5.08.1922; CH бр. 20.266. 8.12.1922.

[25] AJ. Прим. 4.

[26] AJ, 66/CH, ф-1.107, CH бр. 14.705. 16.09.1922.

[27] По решению Министерства просвещения членами Совета назначены: Михаил Челноков, заведующий отделом среднего школьного образования Министерства просвещения, член Государственной комиссии по делам русских беженцев; генерал З. А. Макшеев, поверенный Главного школьного совета по девичьим институтам и всем школам гражданского типа; полковник Розанов, поверенный по кадетским корпусам и всем военным училищам; В. Д. Брянский, председатель Всероссийского союза городов; В. Д. Плетнев, директор Белградской русско-сербской гимназии; от Общества русских ученых делегирован профессор Ан. Д. Билимович; от Русской академической группы — профессор В. В. Зеньковский; Т. Радивоевич, заведующий отделом среднего школьного образования; Александр Белич, профессор университета; Владимир Чорович, профессор университета; Р. Кошутич, профессор университета и заведующий отделом русских школ Министерства просвещения; полковник П. Маркович, представитель Министерства армии и флота; Д. Кишенский, член Верховного совета Государственной комиссии по делам русских беженцев. См.: CH, бр. 18.062 от 1.11.1922.

[28] AJ, 66/CH, ф-1.107, CH бр. 5.979 от 31.05.1922.

[29] *Тесемников В. А.* Из истории русской эмиграции в Югославии. С. 131; За Русь святую. Белград, 1937. С. 120—121.

[30] При получении гражданства, согласно статье 17 Закона о гражданстве от 21. 08.1928 года, российские эмигранты произносили: «...вступая в права гражданства Королевства Югославии, клянусь всемогущим Богом в вечной верности правящему королю, клянусь подчиняться закону, исполнять все гражданские обязанности, верно служить интересам государства и народа Королевства СХС. Да поможет мне Бог!»

[31] Народна свијест. Дубровник. Бр. 41. 11.11.1921.

[32] *Митропан Петар.* Након десет година. Из успомена једног руског педагога у Југославији//Нова Европа. Књ. XX. Бр. 4. 16.04. Загреб, 1930. С. 244—279.

[33] AJ, 66/CH, ф-1.108, бр. 7.261. 28.02.1929.

[34] AJ. Збирка Милана Стојадиновића (37), ф-69/а.ј. 41. Памятные записки от 4.09.1937 и 31.01.1938.

Тома Миленкович

Общество русских ученых в Югославии
1920—1941

Принято считать, что после Первой мировой войны в Югославию прибыло около 70.000 беженцев из России: из них приблизительно 35.000 гражданских лиц, а остальные — военные. Среди гражданской эмиграции было много образованных людей. По данным статистической службы русских эмигрантов, около 65% взрослого населения гражданской эмиграции составляла интеллигенция. Среди военного сословия также было достаточно образованных людей. Хотя приведенная цифра кажется завышенной и понятие «интеллигент» не поддается однозначному определению, необходимо подчеркнуть что образовательный уровень гражданской эмиграции был очень высок. Это подтверждают некоторые конкретные, хотя и неполные, данные. К началу 1922 года в Югославию прибыло 836 русских инженеров различных специальностей: 108 агрономов, 88 университетских преподавателей, 370 учителей средних учебных заведений, 185 врачей, 401 судья и юрист, 133 адвоката, 150 музыкантов, художников, артистов и других деятелей искусств [1]. Приток высокообразованных специалистов продолжался.

Эмигрировав в Югославию, русская интеллигенция стремилась попасть в большие города, прежде всего в Белград и его окрестности, поскольку только там можно было рассчитывать найти работу и профессионально использовать свои знания. Это в полной мере относится и к ученым.

В конце 1919 — начале 1920 годов проходят рабочие встречи, и уже в апреле 1920 года в Белграде создается Общество русских

ученых в Королевстве СХС. Вопросами организации Общества занимался В. В. Зеньковский, преподававший в университете экспериментальную психологию [2]. В конце первой декады мая 1920 года состоялась встреча членов Общества, на которой было избрано правление. Председателем стал Е. В. Спекторский, юрист, бывший ректор Киевского университета, его заместителем — Ф. В. Тарановский, бывший профессор славянского права на юридическом факультете Петербургского университета, секретарем — В. В. Зеньковский, казначеем — Ан. Д. Билимович, математик, а членами правления — Д. С. Красенский, профессор технического факультета, и С. П. Максимов [3]. Персональный состав правления быстро менялся. Уже в 1924 году из учредителей Общества в нем оставались только Спекторский и Билимович, а переизбраны: П. Э. Зайончковский, В. В. Фармаковский, А. П. Доброклонский, Ф. В. Вербицкий, В. И. Теребинский и А. И. Щербаков [4].

В момент своего основания Общество русских ученых насчитывало 80 членов. Все они жили в Белграде. Через год его численность увеличилась до 90 человек, а в начале 1923 года снова сократилась до 80. К ноябрю 1921 года были созданы отделения (филиалы) Общества в Загребе, Любляне, Скопле и Суботице — во всех югославских центрах, где работали русские ученые [5].

Список членов Общества русских ученых не сохранился, однако, согласно нашим данным, костяк его составляли университетская профессура (хотя не все были его членами) и представители интеллигенции (врачи, инженеры).

Несмотря на свое название, Общество русских ученых не было чисто научной организацией, державшейся в стороне от политики, что вскоре привело к возникновению разногласий и к расколу. Большинство членов Общества составляли ярые монархисты, некоторые из числа крайне правых. Им противостояла группа ученых либеральных взглядов. Между этими двумя группировками постоянно вспыхивали раздоры и столкновения, сводившиеся к тому, что правые обвиняли левых в «еврействе и масонстве», те же называли своих оппонентов «черной сотней и погромщиками». Окончательный разрыв произошел 30 сентября 1921 года во время выбора делегатов на II съезд русских академических организаций за границей, который должен был состояться в Праге. Монархисты сделали попытку избрать делегатами своих единомышленников, выступив против делегатов еврейской национальности (И. Ф. Шап-

шал, Л. Я. Таубер). В знак протеста группа ученых-либералов покинула собрание, оставшиеся избрали делегатами 6 монархистов из Белграда (Спекторского, Доброклонского, Ан. Д. Билимовича, Сиротинина, Зайончковского и Фармаковского) и двух из Любляны (Ал. Д. Билимовича и М. Н. Ясинского). Они сыграли видную роль в работе съезда.

Либеральное меньшинство (около 20 человек) вскоре создало параллельную Русскую академическую группу. Ее председателем был избран Е. В. Аничков, в середине 20-х годов его преемником стал Ф. В. Тарановский, а в 1936 году — Н. Н. Салтыков. Кроме них, ведущими членами группы были М. П. Чубинский, В. Д. Плетнев и Л. Я. Таубер [6]. Вследствие размежевания сократился численный состав Общества. Часто возникавшие распри и разногласия приносили вред не только враждующим, но и всем российским ученым в Югославии. Предпринимались попытки сближения, к сожалению, неудачные. Лишь в редких случаях удавалось объединить усилия для совместных занятий наукой или иной деятельностью.

Общество русских ученых и Русская академическая группа ставили целью представлять в полном объеме русскую науку за рубежом, заботиться об образовании, воспитании и материальном состоянии эмигрантской молодежи, создавать новые научные кадры, способные по возвращении на родину работать на благо науки, отстаивать моральные, материальные и другие интересы русских ученых в Королевстве СХС и т. п. [7].

Как одну из главных задач Общество русских ученых ставило материальное обеспечение как можно большего числа своих членов, т. е. прежде всего поиск для них работы. Это было нетрудно, поскольку Югославия нуждалась в научных кадрах. Существовавшие вакантные места заняли россияне. В большинстве своем это были признанные ученые, ранее работавшие в самых известных российских университетах и имевшие многочисленные печатные труды, некоторые из которых переведены на иностранные языки [7а]. Ученые с таким авторитетом и багажом знаний могли составить честь любому, даже самому престижному, университету.

Не касаясь вопроса о том, как и когда российские эмигранты зачислялись преподавателями на югославские факультетские кафедры, какие предметы там вели, какой статус имели, отметим только, что в межвоенный период в Белградском университете на

философском факультете их было 19, на юридическом — 6, техническом — 20, медицинском и факультете сельского хозяйства и лесничества — по 11, на богословском — 5. Таким образом, в период с 1919 по 1941 год в Белградском университете работали более 70 российских преподавателей. Но это еще не все. В состав Белградского университета входили философский факультет в Скопле, где было 8 преподавателей из России, и юридический факультет в Суботице, на котором работали 4 русских профессора [8]. Необходимо также принимать во внимание, что в Загребе студентов обучали 20, а в Любляне — 17 россиян [9]. Следовательно, в период между двумя войнами в югославских университетах трудились примерно 120 российских профессоров, оказавших большую помощь в деле формирования высокообразованных кадров. Более двух третей всех российских университетских ученых жили и работали в Белграде, где им был оказан самый радушный прием. Благодаря этому Белград стал значительным научным центром русской эмиграции, именно здесь вклад русской научной элиты был самым весомым.

Не все российские ученые, преподаватели университетов, подолгу задерживались на одном месте. Одни из них переходили в другие учебные заведения, другие уезжали за рубеж, а кто-то уходил на заслуженный отдых, кто-то умирал [10]. Тем не менее численность российских профессоров существенно не менялась. Приглашались ученые из других стран, молодые люди заканчивали югославские высшие учебные заведения, проявляли интерес и способности к научной и преподавательской деятельности, защищали докторские диссертации и пополняли факультетские кафедры. В 1923/24 учебном году 40% преподавательского состава на техническом факультете в Белграде приходилось на долю россиян. И позднее, с расширением факультета, открытием новых кафедр и увеличением числа преподавателей, их численность никогда не снижалась менее 20% [11]. На философском, медицинском и сельскохозяйственном факультетах их было немногим меньше.

Когда речь идет о российских ученых, работавших в югославских университетах, возникает естественный вопрос: на каком языке они читали лекции? В начале своей деятельности они не знали языка той среды, где жили. В Сербии (за исключением тех, кто учился в России) выпускники гимназий получали слабое знание русского языка, недостаточное, чтобы понимать лекции на этом языке. В школах бывшей Австро-Венгрии русский язык вообще не

изучался. Поэтому преподаватели из России на занятиях пользовались французским и немецким языками и в то же время изучали сербский. Уже в начале 1921 года в Белградском университете только двое российский ученых читали лекции на французском языке, остальные — на сербском [12].

Поначалу все эмигранты, преподававшие в Белградском университете, принимались на работу временно, как иностранные граждане, либо на гонорарной основе, либо на контрактной, когда трудовой договор с оговоренной общей суммой жалованья в год заключался на определенное время. Действующий в то время закон о югославском гражданстве запрещал принимать иностранцев на постоянную работу в государственные учреждения. Эмигранты не получали компенсации «за дороговизну», «на членов семьи», выплачивавшиеся их югославским коллегам; кроме того, годы временной службы не включались в общий трудовой стаж. Право на гражданство приобреталось через определенное количество лет, причем каждый отдельный случай рассматривался в индивидуальном порядке. Однако, несмотря на ограничения, отдельные лица уже через два-три года получали югославское гражданство, что свидетельствует об определенной тенденции государственных служб на некоторые вещи смотреть сквозь пальцы.

С 1925—1926 годов таких случаев становится больше. С 1928 года ученым, принявшим югославское подданство, была засчитана в трудовой страж и служба в России, и гонорарная служба или служба по контракту в Югославии. Однако многие россияне сохранение российского гражданства полагали делом чести и не меняли его, несмотря на то, что терпели в связи с этим материальный и иной ущерб. В этом отношении большую стойкость проявляли преподаватели русских средних учебных заведений, нежели их университетские коллеги-соотечественники. Следует подчеркнуть, что с потерей российского гражданства россияне автоматически исключались из всех русских обществ [13].

Еще одним видом деятельности российских ученых было постоянное чтение публичных лекций на самые разные темы. Поначалу лекции читались по-русски, поэтому их посещали в основном образованные эмигранты. По мере того, как ученые овладевали сербским языком, состав слушателей значительно расширился [14].

При Министерстве просвещения Королевства СХС и русских эмигрантских организациях в Югославии были созданы различные

комитеты, представительства, советы и другие культурные, образовательные и научные учреждения. В их составе обязательно были российские ученые, представлявшие там интересы науки. Объем статьи не позволяет нам подробно останавливаться на этом вопросе, выделим лишь наиболее существенные моменты. Покидая Россию, почти никто из эмигрантов не взял с собой свидетельства об образовании. В Югославии при приеме на государственную службу или в учебное заведение вопрос об образовании решался со слов кандидата. Были и случаи злоупотребления доверием, некоторые прибавляли число законченных классов или заявили о наличии высшего образования, хотя имели только среднее. Ложь, как правило, разоблачалась, но пятно падало на всю эмиграцию. Поэтому Обществу русских ученых было поручено провести образовательную и квалификационную аттестацию тех, кто хотел продолжить свое образование или получить работу. Для этого Общество создало специальную комиссию, а часть этой огромной работы отдало в ведение соответствующих научных и специальных организаций.

Уже в октябре 1920 года в полную силу работала комиссия по проверке знаний учеников средних школ. Поступить в определенный класс можно было, только имея на руках свидетельство этой комиссии [15]. Такая же процедура была проведена на следующий год со студентами [16]. Отдельная комиссия при Русско-сербском обществе врачей до начала ноября 1921 года засвидетельствовала дипломы 180 российских докторов различного профиля, 23 ветеринаров, 20 стоматологов, 12 фармацевтов, 11 акушерок и 22 сестер милосердия [17]. Ту же работу проделал Союз русских инженеров [18].

После проведения образовательной аттестации связь российских ученых с учениками и студентами не была прервана. Общество русских ученых имело своих доверенных лиц во всех югославских университетских центрах, которые решали насущные проблемы российских студентов: размещение в общежитиях, назначение стипендий, снабжение учебными материалами (для студентов технического факультета), и контроль за учебой и поведением [19]. Позже такие доверенные лица были на всех факультетах, где обучались русские студенты [20]. Один из членов Общества русских ученых являлся попечителем средних учебных заведений [21]. Это была часть общей заботы российских ученых в Югославии о будущей русской интеллигенции и научной молодежи, об их подготовке к возвращению на родину.

В Югославии во второй половине 20-х годов за два-три года появилось около 15 профессиональных организаций, в которых ведущую роль играли ученые: Союз русских инженеров (в начале 1923 года имел 460 членов), Русско-сербское общество врачей (120 членов), Союз русских педагогов (285 членов), Общество русских агрономов, лесников и ветеринаров (195 членов), Союз русских юристов (300 членов), Общество русских землемеров (240 членов), Русское археологическое общество (50 членов), Общество славянской взаимности, Общество попечения о духовных нуждах православных русских в Королевстве СХС, Русский народный университет, разные литературно-художественные общества и т. п. Членами правлений этих организаций являлись российские ученые. Шесть первых организаций сумели найти больше рабочих мест для специалистов своего профиля, чем было членов в этих обществах (исключение составляют юристы). В обществах часто устраивались лекции, которые читали ученые и специалисты. Объединения инженеров, педагогов и землемеров имели свои печатные органы [22].

Все вышеупомянутые организации формировались как чисто научные, профессиональные, сословные, неполитические и внепартийные объединения. Однако российские ученые, эмигрировавшие за рубеж, особенно в Югославию, были очень политизированы, в большинстве настроены реакционно, монархически, поэтому говорить об их политическом нейтралитете не приходится. Сказанное имеет прямое отношение к Обществу русских ученых, некоторые акции которого носили чисто политический характер. Так, члены Общества долго колебались в отношении оказания помощи голодающим в России после катастрофической засухи 1921 года. Хотя речь шла о гуманитарной помощи, делались попытки использовать голод как повод для свержения большевиков [23].

В нормальных условиях реформа орфографии носит научный характер и проводится языковедами. В иных условиях она приобретает главным образом идеологическую окраску. Работа по проведению реформы русской орфографии началась в России еще в 1904 году, и поскольку процесс это длительный, то закончилась она только к 1917 году. Над реформой работали лучшие языковеды, и в июле 1917 года она была принята Временным правительством. Новое правописание освободило русский язык от нескольких букв [24]. Однако в силу обстоятельств реформа не получила широкого практического распространения. После Октябрьской революции боль-

шевики приняли новую орфографию, более простую и удобную, чем старая. Поскольку в большинстве российские эмигранты считали себя обязанными во всем противостоять большевикам, они отвергали и новое правописание, объявив его творением Советов. Однако не все эмигранты были до такой степени тенденциозны. Некоторые деятели науки в Югославии, Германии и США, приняли новую орфографию. По словам одного русского филолога в Югославии, «новое правописание не имеет ничего общего с политикой» [25]. Такое заявление в то время было настоящим вызовом консервативной и реакционной российской эмиграции в Югославии. С. М. Кульбакин, наиболее уважаемый авторитет в области языкознания среди российских ученых в Белграде, 25 февраля 1923 года выступил с лекцией о новом правописании. Она вызвала громадный интерес и собрала многочисленных слушателей. Политические доводы, приводимые лектором, одержали верх над научными, в результате он поддержал старую норму письма [26]. Вскоре состоялось собрание русских ученых Белградского университета, на котором постановили, что ни одна работа русского автора «не будет издана в новой орфографии», так как это означало бы поддержку советского режима и в конечном счете,— предательство русской науки [27].

В начале апреля 1923 года и Союз русских педагогов в Югославии принял особую резолюцию о правописании, где говорилось, что «русскую орфографию следует оставить без каких-либо изменений, ибо на ней воспитаны и ею пользовались все великие писатели» (Пушкин, Гоголь, Толстой, Тургенев, Достоевский и др.), а также «ученые в период расцвета русской науки, культуры и искусства» [28]. Позднее Всероссийский съезд русских педагогических организаций за границей также выступил против нового «большевистского» правописания. Таким образом, вопрос этот в Югославии был закрыт.

Проблема русского правописания возникла не только в академических дебатах, но и выходила за их рамки. С первыми группами эмигрантов из России прибыл и В. Д. Плетнев, профессор Петербургского университета, который в Югославии не только учительствовал, но и выполнял обязанности секретаря Государственной комиссии по делам русских беженцев, самой влиятельной организации российской эмиграции. Благодаря его инициативе осенью 1920 года в Белграде была открыта Первая русско-сербская гимназия. По своим политическим взглядам Плетнев принадлежал к партии социалистов-революционеров (эсеров). Старясь распространять свои

убеждения среди учащихся гимназии, Плетнев выступал за новую орфографию и во вверенной ему гимназии принял ряд мер по ее введению. В преимущественно монархической эмигрантской среде Югославии это сочли величайшим грехом. Против Плетнева была организована широкая кампания, которую возглавили российские ученые. В колониях по всей Югославии прошли собрания, принявшие однотипные резолюции, в которых говорилось о моральном, педагогическом и профессиональном несоответствии Плетнева должности директора гимназии. Все его прежние заслуги в области школьного образования, хвалебные речи и высокие оценки его деятельности были забыты. В. Д. Плетнев не смог противостоять столь сильному и сплоченному натиску. Не желая изменять своим убеждениям, он отказался от членства в Русской академической группе, подал в отставку с должностей секретаря Государственной комиссии по делам русских беженцев и директора Первой русско-сербской гимназии и покинул Югославию [29]. Были и другие случаи, когда российские ученые проявляли консерватизм и косность, но мы не станем на этом останавливаться.

Знаменательным событием в жизни российских ученых в Югославии был IV съезд русских академических организаций за границей, проходивший в Белграде с 16 по 23 сентября 1928 года. Российские эмигрантские круги и югославские власти, стремясь использовать съезд как трибуну, придавали ему большое значение. На торжественном открытии были широко представлены министры и академики Югославии, дипломатический корпус, видные общественные деятели. Съезд проходил под знаком утверждения «свободной научной мысли за рубежом». Работа велась в 12 секциях, прочитано 145 научных докладов (94 из области общественных и 51 — из области точных наук, из них 31 доклад посвящен югославским и славянским проблемам). Это событие нашло заметный отклик в югославской и заграничной эмигрантской печати. В последний день съезда делегацию участников принял король Александр, 13 представителям российской науки были вручены ордена [30].

Для нас наиболее примечательно, что в первый день работы съезд постановил основать в Белграде Русский научный институт, своего рода Российскую академию наук за рубежом. Перед Институтом были поставлены следующие задачи: развивать российскую науку в традициях русской научной школы, всесторонне изучать прошлое и настоящее России, причем речь шла не только о

«русистике» в узком смысле (язык и литература), но и о юриспруденции, экономике, естественных и общественных науках. В научную проблематику института вошли и «югославистика» как наука о стране, оказавшей гостеприимство российской науке. Предусматривались публикации о результатах научной деятельности российских специалистов из разных стран, приглашения российских ученых в Белград для чтения лекций и проведения семинаров и дискуссий, словом, для самых разнообразных контактов, призванных способствовать дальнейшему развитию науки [31]. Деятельность института финансировалась югославским правительством, взявшим на себя и расходы по проведению съезда.

Русский научный институт вскоре начал работать. Он имел пять отделений: философии, социальных и исторических наук, языка и литературы, естественных и математическо-технических наук. Позднее было создано отделение военных наук. До Второй мировой войны в институте сменились 4 председателя. Первым был избран известный правовед Е. В. Спекторский. В 1931 году он перешел в Люблянский университет, и его место занял видный правовед Ф. В. Тарановский (вплоть до его кончины в январе 1936 года). Затем эта должность перешла к А. П. Доброклонскому, профессору богословского факультета в Белграде (до его кончины в декабре 1937 года), и, наконец, до оккупации страны в апреле 1941 года институт возглавлял А. И. Игнатовский, известный врач-терапевт.

В данной работе мы не будем затрагивать тему научной деятельности Русского научного института в Белграде — это отдельный предмет исследования. Отметим лишь, что с 1930 по 1941 год институт выпустил 17 томов «Записок Русского научного института в Белграде», в которых представлено 19 авторов — русских ученых, проживающих в Югославии. Кроме того, в 1931 и 1941 годах вышли 2 тома «Материалов для библиографии русских научных трудов за рубежом», в котором перечислены работы 472 российских ученых со всего мира, среди которых и деятели науки, работавшие в Югославии. Русский научный институт тесно сотрудничал с Обществом русских ученых и Русской академической группой. Предполагалось, что эти две организации сольются в институте, однако этого не произошло из-за слишком значительных расхождений.

Деятельность российских ученых в Югославии в межвоенный период была широкой и многогранной. О ней можно писать от-

дельные монографии, мы же попытались выделить основные моменты. Представители российской эмиграции, и прежде всего университетские профессора, внесли крупный вклад в развитие науки в Сербии. Их деятельность проходила в трех направлениях: занятия со студентами, проведение публичных лекций и публикации научных трудов в югославских, иностранных и русских эмигрантских журналах и отдельных изданиях. Вначале российские ученые издавали свои работы за рубежом преимущественно на французском и немецком языках [32]. Позднее большинство стало писать на сербском языке, но прежнюю практику не оставили. Наследие этих людей, всецело и самозабвенно посвятивших себя науке, богато и разнообразно. Некоторые из них написали замечательные учебники по предметам, которые они преподавали, большинство периодически издавали монографии, исследования и другие научные работы по своей специальности, до сих пор не утратившие своего значения. Известные научные деятели создали свои школы, открыли направления в науке, подготовили учеников, среди которых и представители Югославии. Таков был их непосредственный вклад в сербскую и мировую науку. Пятнадцать российских ученых стали членами Сербской академии наук, что свидетельствует об их выдающихся заслугах и о признании их научного вклада. Ни одна национальная группа Югославии не была в пропорциональном отношении представлена столь многочисленно в этой высшей сербской научной институции, как русская.

Примечания

[1] Новое время. Белград (далее: НВ). № 166; 177, 11.XI—24.XI. 1921; № 524—528 — 24—30.I.1923.

[2] Русская газета. № 1, 6.05. Белград, 1920.

[3] Русская газета. № 4. 11.05.1920.

[4] НВ. № 863. 12.03.1924.

[5] Русская газета. № 1. 6.05.1920; НВ. № 163, 525. 8.06.1921; 25.01.1923.

[6] НВ. № 135, 864, 6.10.1921, 12.03.1924; *Ђурић О.* Руска литерарна Србија 1920—1941. Горњи Милановац, 1990. С. 208.

[7] Это вытекает из деятельности Общества и трудов его членов.

[7a] Большинство работ было написано на иностранных языках, так как русские ученые годами жили и работали в Европе (*Прим. ред.*).

[8] Русская газета. № 21. 2.06.1920; Политика. 16.03.1920; НВ. № 22, 26; 20 и 26.05.1921; некоторые имена российских преподавателей приводятся в изданиях:

Кастратовић-Ристић В. Руски професори на Београдском универзитету//Идеје и покрети на Београдском универзитету од оснивања до данас. Књ. 2. Београд, 1989. С. 52; *Димић Љ.* Руска емиграција у културном животу грађанске Југославије//Историја XX. века. Бр. 1—2. Београд, 1990. С. 1. Список российских преподавателей дополнен данными из печатного органа Министерства просвещения Королевства СХС «Просветни гласник» за 1919—1941 годы.

[9] Просветни гласник. Београд, 1920—1941.

[10] Там же; НВ. № 574. 26.03.1923.

[11] *Димић Љ.* Руска емиграција... С. 20—21.

[12] НВ. № 574. 26.03.1923.

[13] Сведения об этом содержатся почти в каждом номере журнала «Просветни гласник» за 1919—1941 годы.

[14] Сведения об этом (организация лекций): Русская газета. 1920; НВ. 1921—1930; Царский вестник. 1928—1940.

[15] Русская газета. № 126, 17.10.1920.

[16] НВ. № 115. 11.09.1921.

[17] Политика. 22.12.1920; НВ. № 166. 11.11.1921.

[18] НВ. № 524. 24.01.1923.

[19] НВ. № 525. 25.01.1923.

[20] НВ. № 1007. 6.09.1924.

[21] НВ. № 863. 12.03.1924.

[22] Русская газета. № 45; 61; 1 и 21.07.1920; Политика. 22.12.1920; 26.08.24; НВ. № 65; 149; 513; 524; 527, 860 и 904 от 19.07 и 22.10.1920; 10, 24, 7.01.1923; 8.03. и 1.05.1924; Архив Југославије (далее: АЈ). Фонд Министарства просвете Југославије (66). Фасцикла 419. Арх. јед. 683. Правила Руског археолошког друштва.

[23] НВ. № 88, 151, 10.08. и 25.10.1921.

[24] АЈ. 66—1111—1442. Акт Прве руско-српске гимназије у Београду од 21.01.1924. Савету за руске школе при Државној комисији.

[25] НВ. № 623. 26.05.1923.

[26] НВ. № 554. 2.03.1923.

[27] НВ. № 623. 26.05.1923.

[28] НВ. № 585. 8.04.1923.

[29] АЈ. 66—1111—1442. Письмо В. Д. Плетнева от 2.05.1923 министру просвещения Королевства СХС и другие материалы, относящиеся к данной теме; НВ. № 51; 53; 179; 533; 579 от 25.06. и 28.06.1921; 18.12.1921, 4.02. и 31.03.1923.

[30] Политика. 17—24.09.1928.

[31] Политика. 18.09.1928; *Ђурић О.* Руска литерарна Србија. С. 208—209.

[32] НВ. № 104; 30.08.1921.

Е. П. Аксенова

Русские ученые-эмигранты первой волны в Югославии

(по материалам архива А. В. Флоровского)

Благодаря разработкам ученых разных стран, к которым в последние годы активно подключились российские исследователи, постепенно выявляется все больше материалов, касающихся русской эмиграции, что дает возможность рельефнее и полнее представить условия жизни и характер деятельности россиян, волей или неволей оказавшихся за пределами родины. Уже первая волна эмиграции выплеснула за рубежи России огромный пласт научной интеллигенции, продолжавшей плодотворно работать и в новых для них условиях жизни заграницей и внесшей свой вклад в развитие не только российской науки, но и науки стран, оказавших гостеприимство выходцам из России.

Каждое новое свидетельство, обогащающее наши знания о русской эмиграции, имеет для исследователей большую ценность. Изучение российской научной эмиграции в Югославии, не обеспеченное достаточным количеством материалов в российских архивах, является более трудным, чем изучение, например, деятельности русских ученых в Чехословакии. В подобном случае важным является любой документ, проливающий свет на положение русских ученых-эмигрантов в Югославии. Определенный интерес в этом плане представляет личный архив А. В. Флоровского, хранящийся в Архиве Российской Академии наук [1].

Известный русский историк, исследователь истории России и межславянских связей, профессор Новороссийского университета (Одесса) А. В. Флоровский (1884—1968) в 1922 г. вынужденно

покинул Россию и с 1923 по 1968 г. жил в Праге, активно сотрудничая в научных организациях и учебных заведениях русской эмиграции, находившихся в Праге [2]. Ученый вел обширную переписку, в том числе и с коллегами-соотечественниками, обосновавшимися в других странах. Для поставленной темы представляет интерес его переписка с учеными, поселившимися в Югославии (в большинстве случаев мы располагаем письмами, присланными разными корреспондентами Флоровскому; его собственных писем сохранилось значительно меньше).

Покинув Россию, А. В. Флоровский, как и многие другие соотечественники, оказался сначала в Константинополе, но вскоре переехал в Болгарию, где несколько раньше обосновались его родственники. Однако не найдя работы в Софии, он искал другие возможности устройства своей жизни за границей. Среди них, несомненно, прорабатывался «сербский вариант» [3]. Его знакомый, Н. К. Соколов, еще некоторое время после отъезда Флоровского остававшийся в Константинополе, писал, что «Лига наций производила запись желающих выехать в Сербию». В другом письме он сообщал, что русские учреждения в Турции сокращаются, так как большинство эмигрантов «выехало в Болгарию и Сербию» [4].

По совету брата [5], Г. В. Флоровского, А. В. Флоровский обратился в письмах к некоторым русским ученым, жившим в югославянских землях, спрашивая их, можно ли найти там работу. Историк А. П. Доброклонский (1856—1937, профессор церковной истории в Белградском университете) отвечал ему в октябре 1922 г.: «Затрудняюсь сказать, какие занятия, обеспечивающие материальное существование, могли бы Вы найти в Сербии, кроме преподавания истории в средних школах, так как в университете русской истории специально нет в учебных планах» [6].

О возможности без труда получить работу в сербских гимназиях писал Флоровскому также историк и литературовед П. М. Бицилли (1879—1953) [7]. Сам он в то время преподавал на философском факультете в Скопле, откуда, однако, собирался переехать в Прагу, поскольку, по его словам, условия для работы становились все хуже: сказывалось отсутствие денег для функционирования кафедр, для научных командировок, в результате чего русские преподаватели стали покидать факультет. Неустроенность и нестабильность жизни не могли не влиять на настроение и душевное состояние изгнанников из России, и тот же Бицилли с пессимизмом смотрел в будущее

где, как ему представлялось, ждали только «одиночество, тоска и полная бессмысленность и бесполезность существования» [8]. П. М. Бицилли осуществил свое намерение и переехал в Прагу, но многие его соотечественники и коллеги продолжали жить и работать на югославянских землях; некоторые из них преподавали в высших учебных заведениях, хотя получить там место было совсем не просто. Историк В. А. Мошин (1894—1987), живя в Загребе, сообщал Флоровскому на рубеже 1920—1930-х годов, что для устройства на службу в университет в Королевстве СХС нужно выдержать серьезные испытания: «Здесь нужно сдавать (кроме нашего государственного, и независимо от доктората) особый, так называемый «профессорский экзамен» для обеспечения себе штатной службы». Чтобы преодолеть этот «барьер», Мошину пришлось, по его словам, «всю зиму посвятить логике, психологии, педагогике, методике, администрации средней школы, сербскому языку и литературе сербов, хорватов и словенцев» [9].

В фонде А. В. Флоровского хранится 26 писем В. А. Мошина за 1926—1949 гг. Эти письма расширяют и дополняют представления о жизни, быте, многогранной деятельности одного из видных представителей науки русского зарубежья. Начиная переписку, Мошин сообщал, что живет в глухой провинции, в городке Копривница в двух часах езды от Загреба. С 1921 по 1932 гг., преподавая там историю в гимназии, он не оставлял и научных занятий, постоянно интересовался новыми историческими трудами, вышедшими в России и за границей, сетовал на нехватку доступной ему специальной литературы, сообщал коллеге о своих статьях, опубликованных в различных изданиях [10].

Из писем Мошина 1920-х годов выясняется, что приоритетной для него темой исследования был «варяжский вопрос», в результате длительного изучения которого была написана «довольно объемистая работа на хорватском языке» под названием «Варяжский вопрос и Черноморская Русь». О первой части этого труда «очень лестно отозвался» А. Л. Погодин [11]. По собственной оценке Мошина, ему удалось подробнее и полнее, чем другим исследователям, осветить «историю варяжского вопроса», хотя он с сожалением признает, что сделать это «исчерпывающе в здешних условиях немыслимо», но все же надеется, что и «несовершенный обзор не будет бесполезным», поскольку из тех, кто занимается этой темой, многие, по мнению историка, «не только не знакомы с противными суж-

дениями, но часто не знают и представителей своей теории»[12]. Делясь с Флоровским некоторыми аспектами своего собственного понимания «варяжского вопроса», Мошин вместе с тем интересовался, «где бы можно было издать по-русски работу о варяжском вопросе»[13]. Для русского ученого было очень важно не просто опубликовать свой труд, но напечатать именно на русском языке, сделать его доступным русским ученым, русскому читателю, поскольку ученые-эмигранты первой волны не мыслили себя в отрыве от русской науки, считая свою научную деятельность неотъемлемой частью ее.

Профессор Белградского университета Е. В. Спекторский (1875—1951), преподававший также в Русском научном институте (РНИ) в Белграде, в то же время и со своей стороны просил Флоровского узнать о возможности публикации монографии Мошина в Праге, например, Славянским институтом, поскольку белградский Русский научный институт печатает пока только «Записки» со статьями объемом до трех печатных листов[14], (хотя в задачи этого института, организованного в 1928 году членами эмигрантского Общества русских ученых в Белграде и Русской академической группой в Королевстве СХС, наряду с подготовкой молодых ученых, научно-исследовательской работой по изучению прошлого и настоящего России и южнославянских народов входила и издательская деятельность).

В 1929 году В. А. Мошин сообщал А. В. Флоровскому о завершении большой работы, посвященной варяжскому вопросу, первая глава которой освещает историю вопроса, вторая дает систематизацию доказательств норманнского происхождения Руси, третья представляет обзор процесса норманнской колонизации в восточной Европе, четвертая рассматривает вопрос о культурном влиянии норманнов на Русь, пятая содержит филологический разбор имен «Русь» и «Варяги»[15]. Осуществить публикацию все же предложил РНИ в Белграде. Отдавая свой труд на рецензию Флоровскому, Мошин просил его быть строгим судьей, отмечать все упущения, в том числе и стилистические, поскольку опасался, что за годы эмиграции уже «охорватился», и иногда трудно бывает «разобраться, насколько правильна или ошибочна та или иная конструкция фразы»[16].

В. А. Мошин с большим увлечением работал над книгой, даже на завершающем этапе включая в текст «любопытный новый материал». Вместе с тем его порой посещали сомнения в нужности

труда. Научная добросовестность заставляла его самокритично взглянуть на результаты исследования [17].

Исследовательские занятия для эмигрантов, которые, подобно Мошину, зарабатывали средства к существованию не в научной сфере, были сопряжены с определенными трудностями и в подборе необходимого материала, и в возможности публикации, и в общении с коллегами (в том числе и выходцами из России) и т. д. В. А. Мошину Русский научный институт в Белграде в 1929 году предоставил стипендию на два семестра для научных занятий, однако ему не удалось выхлопотать себе отпуск для этого на основной работе — в гимназии. Сетуя на то, что не сможет увидеться с Флоровским в Белграде [*], Мошин приглашал его к себе в Копривницу, где «почти совсем нет русских», и они с женой «истосковались по интересному человеку» [19].

И все-таки стремление заниматься любимой наукой даже в нелегких условиях эмиграции было сильнее временных трудностей. В. А. Мошин, например, заканчивая труд о варяжском вопросе, уже планировал работу по истории Византии VI—VIII вв. и по другим проблемам той же эпохи, о чем сообщал Флоровскому в апреле 1929 года [20].

В 1932 году В. А. Мошин, наконец, получил возможность заняться преподавательской деятельностью в университете (первоначально он был избран на должность философским факультетом в Скопле [21], но вскоре стал приват-доцентом Белградского университета (1932—1939) [22]. Ученый продолжал поддерживать научные контакты с русской эмиграцией в Праге, прежде всего с теми ее кругами, которые входили в Русское историческое общество и Институт им. Н. П. Кондакова [23]. С Институтом Мошин был связан с самого начала его деятельности, являясь одним из его учредителей и активным сотрудником. В трудах этой научной организации («Seminarium Kondakovianum») Мошин опубликовал ряд своих исследований [24], в том числе: «Николай епископ Тмутороканский» (1932. Т. V), «Русь и Хазария при Святославе» (1933. Т. VI), а

---

[*] Русский научный институт пригласил Флоровского прочесть доклады и лекции на отделении исторических и общественных наук в весеннем семестре 1929 г. на темы по его собственному усмотрению, о чем сообщал ему Е. В. Спекторский, прося в то же время «не выступать в здешнем Земгоре (Объединение российских земских и городских деятелей.— *Е. А.*), ибо он ведет кампанию против института» [18].

также некоторые рецензии на труды своих коллег. Кроме того, Мошин печатал свои работы в таких пражских изданиях, как «Slavia», «Byzantinoslavica». Изредка Мошину удавалось напечатать свои статьи в «Сборнике Русского Археологического общества в Белграде» («Еще о новооткрытом хазарском документе (1927. Т. I), «Житие старца Исаии, игумена русского монастыря на Афоне» (1940. Т. III)), во «Владимирском сборнике» 1938 г., а также в югославской научной периодике: «Професорски гласник», «Јужнословенски филолог», «Рijеч», «Југословенски историјски часопис», «Historijski zbornik», «Годишњак Задужбине Саре и Васе Стојановића» и др.

Еще одним югославским корреспондентом А. В. Флоровского был профессор Белградского (1920—1930), а затем Люблянского (1930—1945) университетов Е. В. Спекторский. Помимо обычного обмена информацией о событиях в научной среде оба ученых обсуждали в своей переписке вопрос о приезде Флоровского в 1929 году в Белград для чтения лекций в РНИ, где сам Спекторский был председателем и читал «теорию публичного права». Из двух предложенных Флоровским тем Спекторский советовал остановить выбор на теме «Киевская Русь в связи с национальным единством», поскольку другой темой — историей русско-чешских отношений — трудно заинтересовать слушателей, живущих в Югославии. Такой курс, по мнению знающего местные условия Спекторского, может даже «вызвать раздражение,— почему не русско-*сербских*» отношений. Кроме того на два курса трудно набрать аудиторию, так как еще один исторический курс (экономическая история России в связи с образованием государства и общим культурным развитием страны) читает в институте П. Б. Струве (1870—1944). Однако Спекторский считал вполне возможным прочитать доклад из истории русско-чешских отношений [25].

В переписке двух ученых затрагивалась также тема подготовки библиографии научных трудов русской эмиграции. Вопрос об этом, как сообщал Спекторский, должен обсуждаться на IV съезде Русских академических организаций за границей (РАОЗГ) в Белграде (1928). Положительное решение было принято и начался сбор материалов. Через некоторое время Спекторский сообщал, что уже получены «библиографические данные от 150 авторов», и напоминал, что Флоровский ничего не прислал. Позже, когда уже «Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом» [26] были под-

готовлены к публикации, Спекторский сетовал, что, к сожалению, «за исключением юридического факультета (Русский юридический факультет в Праге — *Е. А.*), пражане почти совсем не откликнулись на наш призыв дать о себе сведения». И спрашивал: «Нельзя ли подтолкнуть дело? Вы ведь член нашей библиографической комиссии» [27].

Длительную переписку вел А. В. Флоровский еще с одним русским эмигрантом в Югославии — историком и историком права А. В. Соловьевым (1890—1971), профессором Белградского университета. В одном из писем 1934 года Соловьев сообщал Флоровскому, что к нему обратился историк Л. М. Сухотин (1880—1948) по просьбе своего родственника, известного ученого Н. С. Трубецкого (1890—1938) за советом относительно кандидатуры на кафедру истории Восточной Европы в Венском университете. Соловьев порекомендовал Флоровского и писал ему: «Я был бы сердечно рад..., если бы Вам посчастливилось представлять русскую науку в Вене вместе с Н. С. Трубецким» [28]. И хотя Флоровский ответил согласием [29], этот вариант почему-то не осуществился.

В 1938 году русские эмигрантские круги отметили 950-летие крещения Руси. Был создан Комитет для подготовки празднования этой даты во главе с митрополитом Анастасием, решено издать сборник научно-популярных статей, «освещающих со всех сторон это событие и эпоху». Редактором сборника был утвержден Соловьев. Обращаясь к Флоровскому с просьбой дать статью для сборника, Соловьев писал, что среди авторов будут известные ученые — А. В. Карташев, Г. А. Острогорский, Е. А. Ляцкий, М. А. Таубе, И. И. Лаппо, Е. В. Спекторский и др. Предполагалось, что сборник будет широко распространяться (главным образом бесплатно, через церковные организации) среди русского населения в Польше, Америке, на Балканах и Дальнем Востоке. Соловьев считал издание такого сборника «национальным долгом» русской эмиграции [30].

В 1939 году, когда А. В. Флоровский возглавлял Русское историческое общество в Праге и собирался издавать «Русский исторический журнал», он просил Соловьева принять участие в этом издании. Соловьев с радостью принял это предложение и «всецело приветствовал это полезное начинание». Он заинтересованно включился в обсуждение характера будущего журнала и его программы. Малый объем издания (4 листа, с периодичностью выхода 4 раза в год), по его мнению, препятствует публикации обширных статей.

Поэтому, полагал Соловьев, «центр тяжести журнала надо бы перенести в критико-библиографическую часть», поскольку подобный центральный печатный орган должен сосредоточить сведения о всех исторических работах русских ученых-эмигрантов. Соловьев несколько раз поднимал вопрос о том, чтобы белградские «Записки Русского научного института» вели библиографический отдел, но его предложение не встречало сочувствия. Да и в других изданиях русской эмиграции критика носила случайный характер. Этот пробел и должен был, по замыслу Соловьева, восполнить «Русский исторический журнал». В критическом отделе, считал ученый, следовало бы давать не статьи на отдельные сочинения, а «обзоры по отдельным отраслям русской истории» с 1917 года, учитывая научную продукцию, выходящую и в эмиграции, и в Советском Союзе [31]. В целом, ему очень нравилась программа журнала, и он надеялся на успех дела [32]. Однако в период Протектората издание подобного печатного органа оказалось невозможным, и свою статью, предназначенную для «Русского исторического журнала», Соловьев опубликовал в другом издании [33].

Из переписки А. В. Соловьева и А. В. Флоровского в послевоенный период видно, что оба ученых глубоко интересовались проблемами, связанными с изучением «Слова о полку Игореве», были хорошо осведомлены о выходившей в Советском Союзе и зарубежом литературе по «Слову», «Задонщине» и другим древнерусским памятникам [34]. Соловьев спрашивал также Флоровского о новых исследованиях о Гусе и гусизме, нужных ему для сопоставления с богомильством, которым он занимался, и Флоровский с удовольствием сообщал ему о вышедших в Чехословакии работах [35].

Жалобы на нехватку необходимой научной литературы довольно часто звучат в письмах эмигрантов. В одном из писем 1946 года, посланном из Белграда, Соловьев также сетовал на это: «К сожалению, у нас так недостает русских книг, особенно после того, как Народная библиотека сгорела при бомбардировке немцами, а Публичная русская закрыта» [36]. Переехав в 1947 году в Сараево, он снова писал своему коллеге в Прагу, что на новом месте чувствует себя хорошо — «милый факультет, прекрасная квартира, славные окрестности, только иногда не хватает книг» [37].

Став деканом Юридического факультета Сараевского университета, где он читал курс «Истории права и государства народов Югославии», А. В. Соловьев решил организовать при факультете

библиотеку. Упомянув о том, что уже получил в подарок книги от Юридического факультета Белградского университета, он просил Флоровского дать адреса научных учреждений и учебных заведений в Праге, которые могли бы прислать книги новому факультету, а также сообщал, что в Сараеве предполагается издание нового историко-юридического журнала «Архив Богишича» [38].

Длительную переписку вел А. В. Флоровский с Г. А. Острогорским (1902—1976), жившем сначала в Бреслау, а затем в Белграде. В 1938 году, возглавив Русское историческое общество в Праге, Флоровский обратился к Острогорскому с предложением сделать доклад в обществе. Но последний опасался, что из-за своей занятости не сможет удовлетворить просьбу коллеги. Он писал, что кроме чтения лекций в университете, он недавно закончил книгу об истории Византии (по-немецки) [39], работает над докладами о В. Г. Васильевском для Кондаковского института и Русского научного института в Белграде [40]. Флоровский просил сделать доклад к 100-летию В. Г. Васильевского в Русском историческом обществе в Праге, но Острогорский считал, что доклад следует сделать именно в византологическом Кондаковском институте, поскольку Васильевский был «первый и самый выдающийся русский византолог-историк» [41].

Переехавший из Праги в Белград в конце 1930-х годов Д. А. Расовский (1902—1941), в августе 1939 года писал Флоровскому о «большом оживлении умов», возникшем «по случаю предстоящих диспутов о Слове о полку Игореве на съезде славянских филологов» в Белграде. Он сообщил, что готовится сборник статей, посвященный «Слову», в котором предполагается участие М. Фасмера, А. А. Исаченко, Д. И. Чижевского и др. [42].

Всего несколько писем от известного историка и филолога профессора Белградского университета А. Л. Погодина (1872—1947) сохранилось в архиве Флоровского, но они довольно содержательны. В одном из них он сообщает о публикации своей статьи «Повесть о хождении апостола Андрея в Руси» [43] и в то же время интересуется работами Флоровского по русско-чешским отношениям, несколько удивляясь, что такие отношения вообще существовали до XIX в. Делясь с коллегой своими научными открытиями, Погодин писал, что «нашел несколько сербских народных песен, которые восходят к очень старым русско-сербским отношениям». Об одной из них, рассказывающей о Куликовской битве, автор написал статью «Српска народна песма о Куликовом боју 1380» [44]. По поводу этой

своей находки Погодин писал: «Если бы я был сербом, то об этом разгласили бы уж на целый свет, а теперь будут замалчивать, пока возможно. Но, может быть, и мы так же бы поступили с сербами в России на основании естественного национального самолюбия» [45].

В ближайшем будущем Погодин планировал завершить сбор материалов для «Русско-сербской библиографии». Раскрывая свой замысел, он писал: «Все стороны русской жизни, во всем ее величии, предстанут уж в самом оглавлении. Я полагаю, что это будет истинный памятник русской славы, потому что в таком виде рисуются все стороны необыкновенно разносторонней и благодетельной деятельности России. Совершив эту работу, я могу спокойно умереть в убеждении, что русская великая душа не будет забыта в Сербии» [46].

Известие о намерении Флоровского издавать «Русский исторический журнал» Погодин воспринял как «приятную новость»: «Мы так изголодались по возможности печатать что-нибудь» («Slavia» и «Byzantinoslavica», как и «Сборник Русского археологического общества в Белграде» выходили не очень часто) [47].

Поистине вызывает уважение увлеченность А. Л. Погодина своими научными разысканиями. В письме 1939 года он писал Флоровскому о том, что исследуя слово «Ротсин», он случайно «напал на изданный в 1919 году текст Упландслага,— единственный в мире памятник, в котором упоминается форма Ротсин вместо более поздней Ротин». «Я достал,— рассказывал Погодин,— этот текст, не тронутый наукой с 1839 года, т. е. ровно сто лет. Нашел и французский перевод его, и пособия для того, чтобы самостоятельно проштудировать этот памятник, и я надеюсь, что в мае буду иметь удовольствие послать Вам отдельный оттиск [48]. Мне кажется, что после извлечения из Уплансдлага всего того, что относится к Ротсинам и Ротинам, нечего уже больше будет говорить об этом» [49].

Делясь своими научными планами, Погодин писал: «В последние годы вышел ряд трудов и исследований о финско-балтийско-германско-славянских лексикальных отношениях, и следовало бы, наконец, отдать отчет в том, что именно все это дает нам для изучения славянских древностей. Моя попытка суммировать это и напечатать по-сербски в издании академии не удалась и встретила презрительное к себе отношение. Я хотел бы по-русски напечатать несколько таких критико-синтетических работ, которые пролили бы свет на начальный период русской истории» [50].

В начале 1939 года Погодин сообщал и о завершении своего большого труда—«Русско-српска библиографија. 1800—1925» — в рамках которого кроме уже напечатанных двух частей [51] автором подготовлен материал еще на 400 печатных листов, который после соответствующей доработки будет передан в Академию. «Если не будет в качестве приятного сюрприза войны,— продолжал Погодин,— то, может быть, помаленьку все будет напечатано, и тогда за сто двадцать пять лет явится картина того, что совершалось в России и в славянстве, связанном с Россией. В некотором отношении это будет энциклопедия». Стремление отдать всего себя науке было очень сильно у Погодина в это время: «Хотелось бы,— писал он,— последние годы жизни поработать, „от суетных волен". Бегу от всяких так называемых „политических" выступлений, от улицы, на которую меня окончательно не тянет» [52]. К сожалению, «приятный сюрприз» внес коррективы в планы Погодина.

О положении дел русской научной эмиграции в Югославии в межвоенный период А. В. Флоровский узнавал также из писем П. Б. Струве [53], Ф. В. Тарановского [54], М. Н. Бубнова [55], С. М. Кульбакина [56] и некоторых других.

Большая группа писем в архиве А. В. Флоровского, относящихся к концу 1940-х годов, объединена темой возрождения Института им. Н. П. Кондакова и его изданий. После смерти известного историка и археолога Н. П. Кондакова (1844—1925) его ученики создали в 1925 году Семинар его имени, в 1931 году преобразованный в Институт. В связи с этими организационными изменениями научное издание Семинара «Seminarium Kondakovianum» было переименовано в «Annales de l'Institut Kondakov» (с 1927 по 1940 г. вышло 11 томов). В период экономического кризиса 30-х годов материальное положение Института им. Кондакова, находившегося в Праге, стало ухудшаться, финансовая поддержка со стороны правительства и некоторых научных организаций сократилась. Недостаточный доход приносила продажа книг и икон (изготовлявшихся в иконописной мастерской Института). Продажа осуществлялась не только в ЧСР, но и в Югославии и в США. Известно, что В. А. Мошин продавал в Югославии издания Института и иконки (последние по 14 динар за штуку) [57]. Эти трудности породили мысль о переезде Института в другую страну. Наиболее подходящие условия для деятельности Института в то время предоставляла Югославия, и хотя дела Института и его имущество остались в

Праге (их не успели вывезти), в Белграде перед войной (1938 г.) образовалось как бы отделение Института, которое находилось под патронатом регента Югославии князя Павла и получало финансовую поддержку от югославского Министерства просвещения. Благодаря частным пожертвованиям (прежде всего композитора С. В. Рахманинова) удалось приискать помещение для Института [58].

Во главе белградского отделения Института встал византинист, профессор белградского университета Г. А. Острогорский. В 1940 году в Белграде был издан последний том «Анналов» Института, а в 1941 году во время фашистской бомбардировки города здание, где находился Институт, было разрушено. Погиб секретарь Института Д. А. Расовский (в 1938 году переехавший с Институтом из Праги в Белград) и его жена И. Н. Окунева. Г. А. Острогорский очень высоко ценил вклад Расовского в дела Института и, скорбя о его гибели, полагал, что деятельность Института «кончилась со смертью Д. А. Расовского» [59]. Вспоминая покойного коллегу, В. А. Мошин также писал А. В. Флоровскому, что Д. А. Расовский «больше всех других любил Институт и больше всех для него делал» [60]. Уцелевшие после бомбежки документы и книги вновь были переданы в Прагу.

Деятельность Института в Белграде в 1938—41 гг. несколько оживилась: возобновились научные заседания, в которых принимали участие Д. Н. Анастасиевич, В. И. Короткевич, В. А. Мошин, Г. А. Острогорский, А. Л. Погодин, С. Н. Смирнов, А. В. Соловьев, Л. М. Сухотин и др. Однако активизация работы Института продолжалась недолго. Начавшаяся вскоре война и оккупация фашистами Белграда нарушили все планы кондаковцев. Только в конце 1940-х годов забрезжила надежда на возобновление деятельности Института. В этом направлении и начал интенсивную работу А. В. Флоровский, который в последние годы возглавил Институт и руководил им до его закрытия в начале 1950-х годов. Пытаясь восстановить один из самых известных научных центров русской эмиграции, Флоровский обратился за помощью и с предложением о сотрудничестве к прежним членам Института, многие из которых жили в других странах [61]. Переписка о судьбе Института и его изданий завязалась и с русскими учеными, жившими в Югославии — Г. А. Острогорским, В. А. Мошиным, А. В. Соловьевым и др.

Принимая на себя руководство Институтом, А. В. Флоровский считал своим долгом осведомить об этом прежде всего Г. А. Ост-

рогорского и просить его «советов и указаний,— как ближайшего деятеля и руководителя Института, и первого крупнейшего специалиста в его составе, и председателя его редакционного совета». В письме от 5 марта 1947 года Флоровский сообщал своему белградскому коллеге о том, что Институт «как русское учреждение... год назад обратился в Академию наук СССР с предложением ближайшего контакта и согласования работы» (и надеется получить благожелательный ответ) [62]. Флоровский не мог не поделиться и своими переживаниями по поводу обострения отношений между Институтом Кондакова и Славянским институтом в Праге, заявляя о своем решительном намерении избежать конфликта, но прося в то же время Острогорского, авторитет которого в научном мире высок, приехать в Прагу, чтобы помочь в решении судьбы Института Кондакова и в улаживании споров прежде всего с византинистами Славянского института [63]. Очень ответственно подходил Флоровский к вопросу о характере, составе и содержании будущих томов «Анналов». Кстати, именно Острогорский предложил объединить материалы очередного XII-го тома этого издания темой «Кочевники, Византия и славяне» [64].

Отвечая Флоровскому (18 марта 1947 г.), Острогорский сочувственно отнесся к мысли о восстановлении Института, однако высказал сомнения относительно своевременности подобного начинания. Он отказался от приезда в Прагу для улаживания дел Института, считая, что Флоровский успешно справится с этим сам, порекомендовав в то же время обязательное «мирное и полюбовное разграничение» направления «Анналов» и «Byzantinoslavica», а также непременное «участие советских ученых» со своими работами на страницах «Анналов» [65].

В декабре 1947 года откликнулся на письмо А. В. Флоровского В. А. Мошин, живший в то время в Загребе. Он сообщал, что некоторое время назад был назначен директором Архива Югославянской Академии наук и искусств. Отвечая на просьбу Флоровского прислать обзор деятельности и трудов Кондаковского института, Мошин обещал написать такую статью, но не сразу, поскольку все необходимые для этого материалы еще не распечатаны в связи с переездом на новое место жительства [66]. В этом же письме Мошин касался очень важных вопросов возобновления работы Института, программы, структуры, состава участников «Анналов», высказывая мысли во многом сходные с соображениями самого Флоровского.

Приветствуя возрождение Института, Мошин надеялся, что он получит «свое прежнее авторитетное значение и в византиноведении, и в археологии» [67]. Большую роль в этом деле ученый отводил скорейшему изданию очередного тома «Анналов», советуя сохранить традиционный профиль издания не переключаясь радикально на новую тематику. Не вызывало возражения у Мошина и стремление Флоровского установить тесные контакты с советскими коллегами. Сам Мошин готов был написать для «Анналов» статью «по международным связям Руси в XI веке» или «по сфрагистике сербской или дипломатике» [68]. Среди предложенных им для XII-го тома «Анналов» авторов назван и А. В. Соловьев. По поводу разграничения сфер научных интересов с «Byzantinoslavica» Мошин советовал сосредоточиться в «Анналах» на научных статьях, поскольку критико-библиографическим материалам гораздо большее внимание уделяется в «Byzantinoslavica» [69].

Для ведения дел Кондаковского института Флоровскому необходимо было получить полномочия от прежних членов Правления, одним из которых был В. А. Мошин. В феврале 1948 года он послал соответствующую «доверенность» [70]. Свое обещание написать обзор деятельности Института Мошин выполнил в мае 1948 года. В то же время он предлагал Флоровскому в память о Д. А. Расовском опубликовать в «Анналах» его статью о Мономахе или доклад о походах Святослава [71]. Редактируя присланный Мошиным очерк, Флоровский почерпнул для себя немало важного и неизвестного в судьбе Института и очень благодарил автора за работу [72].

Переживая отказ Г. А. Острогорского и некоторых других авторов участвовать в «Анналах», Флоровский полагал, что от этого может упасть престиж издания. В. А. Мошин решительно не соглашался с ним в этом, считая, что авторитет «Анналов» «определится содержанием и объективным научным весом сборника» [73]. Мошин и в дальнейшем продолжал интересоваться судьбой «Анналов» (в 1949 г.) [74].

Из прежних кондаковцев в Югославии жили также Д. Н. Анастасиевич и А. В. Соловьев. Приглашая к участию в издании Института профессора Богословского факультета Белградского университета Д. Н. Анастасиевича, Флоровский обращал внимание на близость его научных интересов к кругу вопросов, которыми занимался Н. П. Кондаков и Институт его имени — это прежде всего «археология Балканского полуострова вообще, классические древ-

ности и искусство». Поэтому было бы очень желательно получить от ученого статью о древностях Боснии [75]. Однако, поблагодарив за приглашение сотрудничать в сборнике, Анастасиевич отказался от участия в нем, сославшись на невозможность работать из-за слабого зрения [76].

Аналогичное приглашение к авторскому участию в сборнике получил А. В. Соловьев. Он приветствовал возобновление деятельности Института и предлагал для «Анналов» статью о вероучении боснийских богомилов, в то же время оставляя за собой право на публикацию своих работ и в других изданиях [77]. Но такой подход был неприемлем для Флоровского, отстаивавшего принцип оригинальности статей в «Анналах» [78]. В конце концов Соловьев прислал для сборника статью «Вопрос о двух редакциях Задонщины» [79]. В письмах 1948—1949 гг. Соловьев постоянно спрашивал о перспективах издания «Анналов» [80].

В. А. Мошин и А. В. Соловьев считали очень важным поместить в первом номере возобновляемых «Анналов» некролог А. Л. Погодина, но не нашли поддержки у Флоровского, полагавшего, что после длительного перерыва в издании трудов Института пришлось бы отметить многие печальные и юбилейные даты, что заняло бы немало места и привело бы к неизбежному параллелизму с «Byzantinoslavica» [81].

При посредничестве А. В. Соловьева [82] А. В. Флоровский установил связь еще с одним ученым, жившим в Югославии — археологом Д. Н. Сергеевским, сотрудником краеведческого музея в Сараево. Еще до войны он получил предложение от Д. А. Расовского принять участие в «Анналах», на что «с большой радостью согласился». Сергеевский сообщал Флоровскому, что в центре его интересов — археология V—VI веков: «Из этого времени у нас в Босне осталось очень много остатков, которыми как Вы знаете, прежде и не интересовались. И в данный момент я разбираю у нас в музейном подвале многочисленные обломки из базилик того времени». Выражая готовность прислать материал для сборника, Сергеевский также предлагал наладить обмен «Анналов» на издания Сараевского музея [83].

Как видим, русские ученые, жившие в Югославии, в основном поддержали идею возобновления деятельности Кондаковского института и готовы были принять участие в издании «Анналов». Наиболее осторожную позицию занимал Г. А. Острогорский, считавший, что в сложившихся условиях вряд ли возможно восста-

новление Института, «поскольку его прежнее основное ядро распылилось»; издание «Анналов» имело смысл, когда не было подобного печатного органа в России, но с возобновлением выхода «Византийского временника» в СССР и при наличии в Европе такого издания, как «Byzantinoslavica», вряд ли своевременно воссоздавать сборник Кондаковского института. Несмотря на все усилия Флоровского оживить Институт и его печатный орган, Острогорский признавался коллеге, что не очень верит «в осуществление таких планов» [84].

А. В. Флоровского очень огорчал отказ Острогорского сотрудничать в «Анналах», но он не терял надежды убедить белградского коллегу. Тогда Острогорскому пришлось, повторяя все прежние доводы, высказаться резче и определеннее, откровенно заявляя, что он не сочувствует идее реанимации «Анналов» Кондаковского института и не видит «ни достаточной почвы, ни объективных причин, оправдывающих возобновление этого органа». Были и другие причины, по которым Острогорский считал, что от прежнего Института не осталось ничего», кроме когда-то славных традиций и имени». Он полагал, что необходимо сохранить ценную библиотеку Института, которая собиралась, «в конечном счете, для России» [85].

А. В. Флоровский предпринял еще несколько попыток уговорить Г. А. Острогорского «пересмотреть свою точку зрения» и вернуться не только к участию в делах Института, но и к руководству им [86]. Однако Острогорский остался тверд в своем решении, выдвинув дополнительные аргументы своего отказа — избрание его действительным членом Сербской Академии наук (1948) и назначение директором Византологического института в Белграде [87]. Как показало время, именно Острогорский оказался прав в отношении перспектив Кондаковского института и его печатного органа.

Краткий обзор переписки А. В. Флоровского с русскими учеными-эмигрантами первой волны, в те или иные годы жившими в Югославии, безусловно, не может дать более или менее полного представления о жизни и условиях работы в этой стране представителей отечественной гуманитарной науки, об отражении в их деятельности взаимного влияния культур русского и югославянских народов. Однако даже отрывочные сведения из писем показывают, что несмотря на трудности первоначального периода эмиграции, со временем, раньше или позже, русские историки, филологи, археологи, правоведы и другие специалисты обрели привычные для

себя занятия в научной и педагогической сфере и активно включились в научный процесс, свидетельством чего являются их труды, опубликованные в югославских, русских заграничных и других европейских изданиях в межвоенный период. Характерно, что никто из ученых не жаловался на бытовое неустройство или большие материальные затруднения, из чего можно сделать выводы о том, что русские ученые не были излишне привередливы и что их положение в Югославии, обусловленное правительственной поддержкой, было вполне приемлемым. И хотя здесь не было таких центров научной и культурной жизни русской эмиграции, каким была, скажем, Прага, но все же было несколько организаций, известных в русском зарубежье и издававших свои научные труды. Правда, для русских в Югославии так же, как и в других странах, оставалась проблема публикации своих исследований (особенно на русском языке), и в ряде случаев заметной была нехватка специальной литературы. Зачастую недоставало непосредственного общения с коллегами-соотечественниками, и этот пробел восполнялся в основном с помощью переписки, в которой корреспонденты обменивались библиографическими справками, обсуждали научные проблемы, делились планами исследовательской работы. Многие эпистолярные отрывки дают важный материал не только для изучения судеб русской научной эмиграции в Югославии, но и для уточнения и пополнения научной биографии каждого ученого-россиянина.

Примечания

[1] Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 1—2.

[2] См. биографию А. В. Флоровского: *Пашуто В. Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С. 234—244.

[3] В биографии А. В. Флоровского упоминается о его кратковременном пребывании в Югославии перед окончательным переездом в Прагу (см.: *Пашуто В. Т.* Русские историки... С. 235), однако в архиве пока не обнаружено документов, иллюстрирующих этот факт.

[4] Архив РАН. Ф. 1609. Оп. 2. Д. 412. Л. 12 об., 14 об. В дальнейшем номер описи не указывается, поскольку все использованные дела относятся к описи № 2.

[5] Там же. Д. 463. Л. 1.

[6] Там же. Д. 208. Л. 1.

[7] Там же. Д. 140. Л. 2.

[8] Там же. Л. 8, 9.

[9] Там же. Д. 322. Л. 13—13 об.
[10] Там же. Л. 1—2 об., 14.
[11] Там же. Л. 1—4 об., 6—6 об., 9 об. и др.
[12] Там же. Л. 3.
[13] Там же. Л. 30 об.
[14] Там же. Д. 415. Л. 10.
[15] Там же. Д. 322. Л. 12—13.
[16] Там же. Л. 9.
[17] Там же. Л. 11.
[18] Там же. Д. 415. Л. 3, 7.
[19] Там же. Д. 322. Л. 12, 14.
[20] Там же. Л. 13 об.
[21] Там же. Л. 17.
[22] См. *Пашуто В. Т.* Русские историки... С. 150.
[23] Архив РАН. Ф. 1609. Д. 322. Л. 18.
[24] См. список трудов В. А. Мошина в кн.: *Пашуто В. Т.* Русские историки... С. 150—152.
[25] Архив РАН. Ф. 1609. Д. 415. Л. 11.
[26] Белград, 1931, вып. 1; 1941, вып. 2.
[27] Архив РАН. Ф. 1609. Д. 415. Л. 9, 10, 12.
[28] Там же. Д. 413. Л. 2.
[29] Там же.
[30] Там же. Л. 4—4 об. (Сборник издан: Владимирский сборник. Белград, 1938).
[31] Там же. Л. 5—5 об.
[32] Там же. Л. 6, 8.
[33] *Соловьев А. В.* Белая и Черная Русь (опыт историко-политического анализа)// Сборник Русского археологического общества в Белграде. Белград, 1940. Т. 3. С. 29—66.
[34] Архив РАН. Ф. 1609. Д. 86. Л. 1—2, 5; Д. 413. Л. 10, 16 об., 17 об., 19, 23.
[35] Там же. Д. 86. Л. 1 об., 2 об., 16 об.
[36] Там же. Д. 413. Л. 10.
[37] Там же. Л. 19 об.
[38] Там же. Л. 2—2 об., 15 об.
[39] Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1940. Архив РАН. Ф. 1609. Д. 349. Л. 7.
[40] Доклад опубл.: *Острогорский Г. А.* В. Г. Васильевский как византолог и творец новейшего русского византиноведения//Владимирский сборник. Белград, 1938. С. 227—236.
[41] Архив РАН. Ф. 1609. Д. 349. Л. 6.
[42] Там же. Д. 383. Л. 5 об.
[43] Byzantinoslavica, 1937. Т. VII. С. 128—148.
[44] Прилози за књижевност, историју и фолклор. Београд, 1938. Књ. XVIII. С. 500—508.
[45] Архив РАН. Ф. 1609. Д. 364. Л. 2—2 об.
[46] Там же. Л. 2 об.— 3.
[47] Там же. Л. 4.

[48] *Погодин А. Л.* Ротсины и ротины в старошведском праве//Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1939. вып. 17. С. 1—14.

[49] Архив РАН. Ф. 1609. Д. 364. Л. 4.

[50] Там же. Л. 4—4 об.

[51] Београд, 1932—1936.

[52] Архив РАН. Ф. 1609. Д. 364. Л. 4 об.

[53] Там же. Д. 426.

[54] Там же. Д. 430.

[55] Там же. Д. 152.

[56] Там же. Д. 269.

[57] *Пашуто В. Т.* Русские историки... С. 35.

[58] Там же. С. 38.

[59] Архив РАН. Ф. 1609. Д. 349. Л. 12 об.

[60] Там же. Д. 322. Л. 23 об.

[61] Подробнее об этом см.: *Аксенова Е. П.* Институт им. Н. П. Кондакова: попытки реанимации (по материалам архива А. В. Флоровского)//Славяноведение. 1993. № 4. С. 63—74.

[62] Архив РАН. Ф. 1609. Д. 72. Л. 2—3.

[63] Там же. Л. 5—5 об.

[64] Там же. Л. 3 об.

[65] Там же. Д. 349. Л. 8—8 об.

[66] Там же. Д. 322. Л. 19.

[67] Там же.

[68] Там же.

[69] Там же. Л. 19—19 об.

[70] Там же. Л. 21.

[71] Там же. Л. 23—23 об.

[72] Там же. Д. 65. Л. 2.

[73] Там же. Д. 322. Л. 24—24 об.

[74] Там же. Л. 25, 27 об.

[75] Там же. Д. 2. Л. 2.

[76] Там же. Д. 117. Л. 2.

[77] Там же. Д. 413. Л. 16.

[78] Там же. Д. 86. Л. 1.

[79] Там же. Д. 413. Л. 23.

[80] Там же. Л. 18 об., 19 об., 21, 22.

[81] Там же. Л. 16; Д. 322. Л. 21—23; Д. 86. Л. 2 об.

[82] Там же. Д. 86. Л. 2—2 об.

[83] Там же. Д. 405. Л. 1—1 об.

[84] Там же. Д. 349. Л. 8. об., 10.

[85] Там же. Л. 11—12 об.

[86] Там же. Д. 72. Л. 8—10.

[87] Там же. Д. 349. Л. 13 об., 14 об.

В. П. Гудков

Степан Михайлович Кульбакин и Александр Белич

Лингвист Александр Белич, выдающийся ученый, педагог, основатель и редактор филологических журналов, руководитель Института сербского языка в Белграде, президент Сербской академии наук, получил образование в высших учебных заведениях Сербии, России и Германии. Начиная с 1894 г., он провел два семестра в белградской Великой школе (предшественнице белградского университета), два — в Одесском (Новороссийском) университете, четыре — в Московском, успешно закончив курс с дипломом I степени. После годичной стажировки в Лейпцигском университете и защиты докторской диссертации Белич в качестве профессора Белградского университета, а затем и секретаря Сербской королевской академии завоевал авторитет и обрел организаторские функции лидера лингвистической науки в Сербии, а затем и в Югославии.

Огромное значение для формирования Белича-лингвиста имело его трехлетнее пребывание в России, общение с основателем Московской лингвистической школы профессором Ф. Ф. Фортунатовым и его научными единомышленниками, о чем Белич неизменно вспоминал с благодарной признательностью. Вместе с тем русская среда, русское общество, русские вообще очаровали сербского студента. Впоследствии, по прошествии почти полувека, А. Белич писал: «Когда-то, вернувшись домой из Москвы, где я учился, я говорил о России, что это единственная страна, в которой человек может найти не только брата и сестру, но и столь близкие и

родственные души, которые могли бы заменить ему отца и даже мать, если это последнее вообще возможно»[1].

Не удивительным и вполне естественным представляется в свете сказанного то, что А. Белич, авторитетный ученый и общественный деятель, активно включился в работу по приему и устройству оказавшихся в Югославии многочисленных эмигрантов из России, возглавив комитет по делам беженцев.

Вовлечение русской эмиграции в экономическую и культурную жизнь Югославии стало, как известно, важным аспектом государственной политики королевского правительства. Уместно привести свидетельство председателя Русского научного института в Белграде Ф. В. Тарановского. Известный юрист, выступая на церемонии открытия Русского дома им. императора Николая II, говорил: «Мы, русские ученые, прибывшие в Югославию, оказались в положении лучшем, чем все наши коллеги в эмиграции, ибо в значительном большинстве, почти все, мы оказались у своего дела и остаемся при нем либо в качестве преподавателей в высших учебных заведениях, либо в качестве сотрудников в различных специальных учреждениях научного характера. Такие исключительно благоприятные обстоятельства налагают на нас и нарочитые обязанности, как в отношении приютившей нас братской страны, так и по отношению к отечеству нашему, которое мы вынуждены были покинуть. Обязанности эти ясны: они требуют от нас, чтобы научное дело, вверенное нам в этой стране, мы делали с величайшим усердием и величайшим напряжением, на которое мы только способны, а для отечества нашего, чтобы мы культивировали то, чем оно, к сожалению, оскудевает» [2].

Среди русских ученых, обретших в 1919—1920 гг. пристанище в Югославии, находился замечательный филолог-славист С. М. Кульбакин. То, что он оказался в Югославии, было, по-видимому, более, чем у кого-либо из русских, результатом сознательного устремления. Давняя дружба связывала Кульбакина с Александром Беличем, на поддержку и помощь которого он мог с полным основанием рассчитывать.

Белич и Кульбакин познакомились и сдружились в Одессе, когда они оба были студентами Новороссийского университета. Их соединил подлинный интерес к науке, стремление овладеть новейшими достижениями и методологией сравнительно-исторического языкознания. По окончании университета Кульбакин довольно про-

должительное время провел в Москве, слушал лекции Фортунатова, участвовал вместе с Беличем в еженедельных собраниях филологов в доме лидера московской лингвистической школы.

Впечатляюще сходство тематики первых научных публикаций А. Белича, появившихся в 1897 г., и С. М. Кульбакина (1898). Белич печатает «Заметку о славянском житии св. Пятки-Петки» (ИОРЯС, II), Кульбакин — «Заметки о языке и правописании Волканова евангелия» (ИОРЯС, II), воспроизводит так называемые «Хиландарские листки». Белич публикует рецензию «Мирославово евангелие в издании короля Александра» (Дело, Београд), Кульбакин — рецензию «Святославов сборник 1076 г. в последнем издании» (Журнал Министерства народного просвещения, VII).

В последующие два десятилетия, когда Белич работал в Белградском университете, а Кульбакин занимал должность профессора Харьковского университета, конкретные объекты научных штудий двух славистов заметно разнились. Внимание Белича сконцентрировалось в сфере диалектологии сербохорватского языка, Кульбакин занимался проблемами палеославистики и истории отдельных славянских языков. Но во всех исследованиях очевиден творческий импульс, исходящий из московской лингвистической школы. Первоначально Белич был склонен подчинить диалектологию потребностям исторической грамматики. Он, — писал Кульбакин, — «отчетливо и ясно разграничивает исторические эпохи в развитии языка как истинный ученик Фортунатова и хорошо понимает исторические отношения отдельных диалектов» [3].

Сохранились свидетельства дружеской взаимопомощи Белича и Кульбакина, коллегиальной поддержки друг друга. Издавая «Хиландарские листки», Кульбакин заявил о своем намерении «напечатать еще раз текст их с возможной точностью. Недостающее в тексте XI в. дополняем по списку XII в. московской синодальной библиотеки. При этом считаем долгом выразить благодарность студенту Имп. Московского университета А. И. Беличу за обязательную сверку дополнительного текста XII в., как он напечатан у И. И. Срезневского, с рукописью» [4].

В рецензии на «Диалектологическую карту сербского языка» А. Белича Кульбакин писал: «Всякий, кому известно общее состояние сербской диалектологии, признает работу А. И. Белича ценным вкладом в литературу предмета, так как работа эта представляет не только внимательную критическую сводку всего, что известно

науке по данному предмету, не только попытку изобразить и обосновать историческое развитие сербских наречий, их взаимоотношение с исторической точки зрения, но и в некоторых случаях результаты собственных наблюдений и исследований автора...»[5]. Излагая содержание труда Белича, Кульбакин воздерживается, однако, от безоговорочного одобрения всех трактовок автора, что касается, в частности, природы призренско-тимокских говоров.

В свою очередь А. Белич, когда Кульбакин поселился в Югославии и с помощью, несомненно, своего друга и коллеги, получил место профессора сначала в Скопле, а затем в Белграде, опубликовал в «Национальной энциклопедии сербско-хорватско-словенской» («Энциклопедии Ст. Станоевича»), издававшейся начиная с 1925 г., статью о Кульбакине. Воспроизведем ее в полном объеме:

«Кульбакин Стеван [так на сербский лад переиначено имя Степан. — *В.Г.*], профессор Белградского университета (28.07.1873, Тифлис). Окончил гимназию в Тифлисе и университет в Одессе (1896). Был доцентом Одесского университета и в этом качестве совершил в 1901—1903 гг. поездку по славянским землям. С 1905 г. экстраординарный, а с 1908 г. ординарный профессор Харьковского университета. С 1920 г. профессор в Скопле, а с 1924 г. профессор Белградского университета. Представитель современной школы изучения славянских языков, особенно старославянского, польского и сербского, славянской палеографии и славянской акцентуации. Важнейшие труды: «К истории и диалектологии польского языка» (1903), «Охридская рукопись Апостола конца XII в.» (1907), «Древнецерковнославянский язык» (1910—1911; изд. 2, 1915; изд. 3, 1917). О сербском языке: «Заметки о языке и правописании Волканова евангелия» (1898), «Сербский язык» (1915, изд. 2, 1917), «Хрестоматия по сербскому языку» (1915), «Краткая сербская грамматика для русских» (1920). Кульбакин имеет также значительное число других опубликованных в славистической периодике работ, посвященных, в частности, среднеболгарским и среднемакедонским памятникам»[6].

В 1921 г. Кульбакин был избран членом-корреспондентом Сербской королевской академии (Академии наук). Представляя новых членов академии, ее президент Й. Жуйович сказал: «Избранием г. Кульбакина Академия выражает свою признательность нынешнему русскому лидеру в области славянской филологии /.../ В его лице мы приветствуем всех других русских ученых, которые в

ожидании дня своего возвращения на родину взялись за полезные дела в нашей культуре и науке» [7].

Через четыре года Кульбакин стал действительным членом академии. Выступая на церемонии представления новых академиков, секретарь Сербской академии А. Белич подчеркнул, что избранием русского ученого академия хотела показать, сколь большое значение она придает изучению «памятников древней письменности и как высоко она ценит заслуги Кульбакина в этом деле. Кульбакин является, — говорил Белич, — «и отличным филологом-славистом, и отличным лингвистом, владеющим в полной мере современными научными методами. Соединение этих двух квалификаций — редкое качество ученых, занимающихся языком. Благодаря ему Кульбакин стяжал в европейской науке репутацию одного из ведущих знатоков старославянского языка» [8].

Белич и Кульбакин подали в Академию совместные предложения о необходимости издания словаря старославянского языка по древнейшим текстам и словаря церковнославянского языка по сербским и хорватским памятникам [9].

Кульбакин был деятельным участником кружка белградских лингвистов, объединившихся вокруг основанных Беличем журналов «Южнославянский филолог» и «Наш язык». Он неизменно входил в научную редакционную коллегию «Филолога», публиковал в этом издании статьи и десятки рецензий и аннотаций.

С. М. Кульбакин умер в Белграде 22 декабря 1941 г., когда в оккупированной немецко-фашистской армией Сербии прекратилась научная и научно-издательская деятельность. Некролог Кульбакина, написанный А. Беличем, был напечатан в возобновленном «Южнославянском филологе» только в 1950 г. Отметив, что с Кульбакиным его «связывала истинная дружба со студенческой скамьи до старости», Белич писал: «Я счастлив, что мне довелось провести в тесном общении с ним около двадцати лет. Это имело огромное значение и для моих научных интересов» [10].

Научная биография Белича, пережившего своего русского друга почти на двадцать лет, никем не написана. Когда такое произведение будет создаваться, исследователь будет обязан изучить в полной мере роль учителей и коллег в формировании творческой личности великого сербского лингвиста и, естественно, оценить значение его дружбы и профессионального общения с С. М. Кульбакиным. И наоборот. Жизнь и деятельность выдающегося русского лингвиста

Кульбакина невозможно представить, не учитывая его творческих связей с А. Беличем.

К сожалению, мы располагаем неполными и не во всем достоверными сведениями о жизненном пути и трудах Кульбакина. Статьи о нем в изданных в СССР в 70-х гг. библиографических словарях неудовлетворительны, в них фигурируют неверные оценки отдельных аспектов научного творчества Кульбакина, слабо освещена жизнь и работа его в Югославии [11]. Не опубликован достоверный перечень научных трудов Кульбакина. Редакция «Южнославянского филолога» предприняла, правда, попытку подготовить и издать полный их список [12], однако не достигла успеха. В опубликованной на страницах журнала, в выпуске которого Кульбакин принимал активнейшее участие, библиографии ученого зияют многочисленные необъяснимые лакуны. Не названы, например, его рецензии на «Диалектологическую карту сербского языка» Белича (Русский филологический вестник, т. 56, 1906, № 3—4) и на «Историю болгарского языка» Б. Цонева (Јужнословенски филолог, II, 1921), статьи «А. Белич» (Зборник А. Белићу. Београд, 1921) и «Лексические штудии» (Глас Српске краљевске академије, 1940), рецензии в пражском журнале «Slavia» (т. II, 1923—1924 и т. XIII, 1934—1935) и др. Уместно было бы ожидать и составления перечня десятков критических аннотаций, публиковавшихся Кульбакиным в библиографическом отделе «Южнославянского филолога».

Большую ценность имеет архив Кульбакина. Известно, по крайней мере, что после смерти ученого осталась рукопись его учебного пособия по славянской кириллической и глаголической палеографии. А. Белич писал в некрологе о предстоящем в скором времени издании этого труда, однако напечатан он не был. Хотелось бы надеяться, что ныне, когда внимание сербской общественности привлечено к осмыслению вклада русских в культуру сербского народа, наследие С. М. Кульбакина, печатное и рукописное, будет систематически изучено и оценено.

Примечания

[1] *Белић А.* Из Совјетског Савеза. Утисци и сећања. Београд, 1946. С. 69.

[2] Русский дом имени императора Николая II. Белград, 1933. С. 7—8.

[3] *Куљбакин Ст.* А. Белић.//Зборник А. Белићу. Београд, 1921. С. X.

[4] *Кульбакин С. М.* Хиландарские листки, отрывок кирилловской письменности XI в. СПб., 1898. С. 4.

[5] Русский филологический вестник. Т. 56, 1906, № 3—4. С 399.

[6] Народна енциклопедија српско-хрватско-словеначка. Књ. II. [Без указания года издания]. С. 493.

[7] Годишњак Српске краљевске академије. Т. XXIX, 1920. Београд, 1921. С. 133.

[8] Годишњак Српске краљевске академије. Т. XXXV, 1926. Београд—Земун, 1927. С. 129.

[9] Годишњак Српске краљевске академије. Т. XXXIV, 1925. Београд—Земун, 1926. С. 249—250.

[10] Јужнословенски филолог. Т. XVIII. Београд, 1949—1950. С. 506.

[11] См.: *Булахов М. Г.* Восточнославянские языковеды. Биобиблиографический словарь. Т. 2. Минск, 1977. С. 333—334; *Колесов В. В.* Кульбакин С. М.//Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь. М., 1979. С. 204—206.

[12] *Ђорђевић Нада.* Библиографија радова Степана Михајловича Куљбакина. [С предисловием редакции]//Јужнословенски филолог. Т. XXIX, св. 3—4. Београд, 1973. С. 623—632.

Мирьяна Живоинович

Владимир Алексеевич Мошин как историк Афона

«Всякий раз, обращаясь к нашей средневековой истории — изучая государственное устройство, исследуя фрески или грамоты, читая апокрифы и агиографическую литературу, сталкиваешься с влиянием Византии на наши народы», — писал В. А. Мошин еще в 1934 году [1].

С 1935 по 1939 год В. А. Мошин каждое лето проводил на Афоне, изучая в архивах монастырей важнейшие сербские и греческие источники, обращая внимание прежде всего на те документы, которые были либо совсем неизвестны, либо прежде не издавались, либо были опубликованы без комментариев. Об этих поездках свидетельствуют афонские отчеты о паломнических миссиях и позднейшие труды самого ученого.

В августе 1935 года В. А. Мошин и бывалый уже тогда «афонец» Александр Васильевич Соловьев, который в третий раз посетил тогда землю монашества [2], обошли 15 афонских монастырей, исследуя, переписывая и фотографируя греческие грамоты сербских правителей, что дало им возможность уточнить транскрипцию и сделать ряд личных наблюдений относительно оригинальности и подлинности документов, которые они в то время совместно готовили к публикации [3].

Летом 1936 года в Хиландаре Мошин исследовал важнейший документ, свидетельствующий об экономической жизни монастыря на рубеже XIII—XIV веков, — документ на владение землей в Солунской области. Он обнаружил ошибки и некоторые недостатки

существующих публикаций этого документа и подготовил его разбор и новую публикацию. Кроме того, в Хиландаре, Зографе и монастыре Св. Пантелеймона В. А. Мошин собрал материал для своего труда, посвященного хрисовулям [3а] у южных славян и в Византии. В монастыре Св. Пантелеймона он сфотографировал 19 греческих актов, среди которых были неизданные переработанные хрисовули Андроника II Палеолога и царя Душана, посланные этому монастырю.

В монастыре Ватопед Мошин сфотографировал три неизвестных греческих документа, свидетельствующих об условиях жизни в Серской и Струмской областях второй половины XIV века.

И, наконец, в Великой Лавре он узнал о существовании грамоты деспота Углеши, которую монахи не захотели ему показать. Несмотря на все это, он записывает в своем отчете, что во время поездки заболел малярией и поэтому не смог сделать всего, что было намечено [4].

О его поездке 1937 года нам известно лишь, что в архиве монастыря Зограф он исследовал греческие и славянские документы, установив их принадлежность сербской рецензии; семь документов были до сих пор неизвестны, а некоторые опубликованы Л. Пети по более поздним спискам, оригиналы которых нашел В. А. Мошин [5].

Дольше всего В. А. Мошин пробыл на Афоне летом 1938 года. Сначала вместе с Г. А. Острогорским он работал в монастырских архивах, собирая материал для издания сербской средневековой сфрагистики и изучая неизвестные сербские и византийские исторические памятники: в Хиландаре они сфотографировали и описали все печати — золотые в серебряные буллы, восковые печати правителей и высшего духовенства; в Ивироне записали сведения о золотой печати на греческой хрисовуле, которую царь Душан послал этому монастырю в 1346 году; в монастыре св. Пантелеймона сфотографировали восковые печати на средневековых документах; в Дохияре сфотографировали документ, значившийся в архивном каталоге как «грамота неизвестного правителя», идентифицировали и исследовали его; наконец, в Зографе сфотографировали серебряную с позолотой печать царя Душана и одну восковую печать Хиландарского монастыря с документа XVI века, а также, откликнувшись на просьбу монастырской управы разобрать архив, они обнаружили много неопубликованных и совершенно неизвестных документов,

15 из которых относились к XIII—XIV векам и представляли интерес как для византийской, так и для сербской истории.

После отъезда Г. А. Острогорского Мошин провел еще 20 августовских дней в монастырях Кутлумуш и Симоно-Петровском, где сфотографировал одну грамоту царя Душана и три грамоты деспота Углеши. В монастыре св. Дионисия он установил, что сербские документы, о которых ему говорили год назад и ради которых он посетил монастырь, на самом деле принадлежат влашским правителям. Здесь же ученый сфотографировал знаменитый золотой крест, подаренный монастырю византийской царицей Еленой, дочерью Константина Деяновича и супругой царя Манойло II.

Сам В. А. Мошин полагал, что наиболее значительная его находка сделана в монастыре Зограф: четыре греческих документа в славянском переводе, содержащие сведения об истории этого болгарского монастыря на Афоне и об его связях с Хиландаром. Текстологический анализ документов дал ценные сведения о расширении сербского влияния на Афоне. Так, греческий документ 1316 года, свидетельствующий о судебной тяжбе между монастырями Ватопед и Эсфигмен (Мошин обнаружил тогда один из двух существующих оригиналов), содержал не только важные сведения, но прежде всего множество подписей, весьма обогативших наши представления об Афоне первых десятилетий XIV века. Мошин также установил пропажу из архива Зографа документов, находившихся там в то время, когда Л. Пети готовил свое издание. Кроме того, ученый указал на ряд ошибок в ранних публикациях документов [6].

В последний раз В. А. Мошин побывал на Афоне с 7 июля по 10 августа 1939 года, когда собирал материал для предполагавшегося издания сборника сербских средневековых грамот. Он описал тогда все грамоты правителей и другие документы, включая пометки с оборотной стороны листов; сфотографировал сербские документы, которые не вошли в сборник, изданный Сербской Королевской академией, а также — самые древние копии Карейского типика и греческого договора Саввы о покупке виноградника; для альбома по сербской палеографии сделал множество фотографий хиландарских рукописей XII—XVII веков; впервые оказавшись в архиве монастыря Кастамонита, Мошин сфотографировал документ деспота Джурджа Бранковича и челника Радича, а также переписал простагму царя Манойло II Палеолога.

Посещая афонские монастыри, Мошин наряду с документами просмотрел множество журналов и книг, которых не было в Белграде, и собрал сведения об афонских протах [6а]. Ученый полагал, что составление хронологической таблицы афонских протов позволит точнее датировать многие афонские и особенно сербские документы из Хиландара [7].

Результаты экспедиций на Афон (по материалам, собранным главным образом в Хиландаре и монастыре св. Пантелеймона) В. А. Мошин опубликовал в целом ряде работ, которые могут быть поделены на две группы: публикации документов и работы, посвященные проблемам их подлинности и датировки, а также дипломатической ценности; работы, посвященные истории русского монашества на Афоне, выдающимся представителям хиландарской братии. Здесь особое место принадлежит статьям об афонских протах и игуменах Хиландарского монастыря (последняя написана в соавторстве с Миодрагом Ал. Пурковичем).

В книге «Греческие грамоты сербских государей» В. А. Мошина и А. В. Соловьева были опубликованы грамоты, направленные афонским монастырям, в том числе грамоты монастырю св. Иоанна Предтечи на Меникейской горе близ Сера и в фесалийский монастырь Метеора; а также представляющий большую ценность документ деспота Углеши (март 1368) о примирении сербской и константинопольской патриархий — всего 45 грамот и 5 приложений [8]. Вступительная статья и комментарий к публикации этих документов содержат все сведения и аппарат, необходимые для современного академического издания. Здесь описаны исторические условия, определившие тот факт, что грамоты сербских правителей, начиная с царя Душана, писались по-гречески. Затем приведены сведения о документах и кратко пересказано их содержание. Сравнительный анализ грамот с точки зрения дипломатики, составляющий соответствующие места сербских и византийских хрисовуль, по сей день является у нас наряду с работой Станое Станоевича [9] основным пособием по дипломатике. Подробный анализ стиля и письма грамот, а также употребленных технических терминов позволил Мошину и Соловьеву определить, где и кем они написаны.

Особый интерес представляет текстологический анализ грамот, сохранившихся и в греческом оригинале, и в переводе на сербский язык (хрисовуля царя Стефана Уроша монастырю Великая Лавра, октябрь 1361) и, наоборот, — в сербском оригинале и переводе на

греческий язык (хрисовуля деспота Стефана монастырю Ватопед, июль 1417). Тексты публикуются по критико-реконструктивному принципу, т. е. с орфографическими исправлениями и приведением ошибочных форм в справочном аппарате. Без изменений оставлены лишь слова, относящиеся к топонимике и просографии. К документам прилагаются подробно прокомментированные списки встречающихся технических терминов, личных имен и географических названий. И хотя большинство греческих грамот сербских правителей переиздано в отдельных томах современного академического издания афонских документов «Archives de l'Athos», византологи до сих пор пользуются книгой Мошина и Соловьева.

Для публикаций документов афонских архивов особое значение имеют комментарии В. А. Мошина к Хиландарскому практику и его работа о проблеме подлинности царских хрисовуль монастыря св. Пантелеймона [10]. Напоминая, что понятие оригинальности текста в средние века было иным, нежели сегодня, Мошин обращал внимание на необходимость не только определения подлинников грамот, но и на различение так называемых «дипломатических фальсификатов», изготовлявшихся bona fide, чтобы отличить утерянный оригинал от подделки. Публикаторы документов афонских архивов и сегодня помнят об этом [11].

Всесторонне исследовав 8 греческих и 2 сербские хрисовули из архива монастыря св. Пантелеймона, Мошин доказал подлинность хрисовули царя Душана (январь 1348) и ее списков и хрисовули Иоанна V Палеолога (сентябрь 1353). Зная о том, что Поль Лемерль (Paul Lemerle) готовит новое издание документов русского монастыря, Мошин вновь подтверждает выводы, к которым пришел ранее [12]. Почти одновременно он публикует 8 документов Хиландарского братского собора XIV и XV веков, один из которых был совершенно неизвестен [13].

По фотографиям, сделанным Владимиром Чоровичем, В. А. Мошин и Антон Совре в годы Второй мировой войны готовили к публикации неизвестные до тех пор греческие документы, которые не вошли в издание Л. Пети [14].

Напомним, что 9 (из 21) документов палеографически весьма неразборчивы, а два — в плохом состоянии. Однако Мошин, выдающийся знаток жизни хиландарской братии и всего Афона, успешно транскрибировал и реконструировал тексты документов [15].

Развивая идею С. Станоевича о том, что временные несоответ-

ствия, встречающиеся в сербских документах, могут объясняться немалым временем, которое проходило от принятия указа, изложенного в грамоте, до его вступления в силу и официального утверждения, Мошин датировал некоторые документы, доказав их подлинность, которая серьезно оспаривалась. Наиболее значительные среди них — договор св. Саввы о покупке участка земли; грамота царя Милутина 1317/18 года, сообщавшая в Карейскую келью о решении Хиландарского братского собора 1316 [16], и грамота царя Душана о деревне Лушиц, в которой из-за плохой сохранности документа отсутствует целый ряд хронологических индикаций [17]. Датировку хиландарского и зографского практиков, начатую Мошиным, закончил Г. А. Острогорский [18].

Все названные работы В. А. Мошина, и прежде всего «Греческие грамоты сербских государей», демонстрируют его познания в кириллической византийской дипломатике, которой посвящены и две специальные работы — о составлении хрисовуль и о санкциях [19].

Вывод, сделанный Мошиным еще в 1938 году, о том, что термин «дуликон зевгарион» означает земельную собственность, находившуюся в непосредственном владении монастыря, был подтвержден публикацией новых документов [20].

Две работы В. А. Мошина посвящены истории появления на Афоне русских монахов и основанию русского монастыря в период правления князя Владимира и до конца XII века. Исследуя истоки русского монашества на Афоне (из-за недостатка источников этот вопрос долгое время был окутан легендами), Мошин наряду с архивными документами афонских монастырей, систематическое издание которых только начиналось, использовал материалы русских хроник и жития святых.

Будучи прекрасным знатоком русской истории, Мошин перемены в отношениях между русским и греческим монастырями на Афоне, экономический подъем русского монастыря и рост его влияния на афонское братство объяснял русско-византийскими отношениями того времени [21].

В. А. Мошин писал о многих выдающихся хиландарцах, среди них — дипломат Калинник и старец Феодосий, которого ученый с большой степенью вероятности отождествил с его тезкой — монахом и автором жития св. Саввы [22]. Изучая жизненный путь Исайи, Мошин касается ряда важнейших проблем и событий, описывает Хиландар как культурный центр, куда Исайя приходит в четвертом

или пятом десятилетии XIV века; рассказывает о других известных монахах-писателях, переписчиках, дипломатах; говорит о роли Исайи в деле обновления монастыря св. Пантелеймона, игуменом которого он был; о переходе монастыря св. Павла в руки сербов; о примирении византийской и сербской патриархий [23]. Об этом замечательном афонском монахе Мошин написал еще одну статью, посвященную записи, сделанной Исайей о битве на реке Марице [24].

В огромной библиографии В. А. Мошина особое место принадлежит работе об игуменах Хиландара в средние века, которая написана в соавторстве с М. Пурковичем. История сербского монастыря на Афоне изложена здесь через деяния его игуменов. Авторы неустанно подчёркивают роль, которую играл Хиландар в сербско-византийских отношениях, сказавшихся и на развитии монастырского землевладения. При написании книги Мошин и Пуркович опирались на все известные тогда источники: документы из хиландарского и других монастырских архивов, которые прекрасно знал Мошин, а также на жития основателей Хиландара и тех игуменов, которые по исполнении этой высшей монастырской миссии становились во главе Сербской церкви; использованы также записи из книг, переписанных или переведенных монахами Хиландара [25].

Эта работа об афонских протах подытожила многолетнее изучение Мошиным истории Афона. Опираясь на все (дипломатические, неопубликованные, устные и прочие) источники, Мошин здесь впервые приводит хронологический список правителей Афона с конца IX до середины XVII века, решив множество проблем, связанных с датировкой тех или иных событий.

Труды Владимира Алексеевича Мошина обеспечивают ему выдающееся место в мировой агиористике, наша же византология была и остается в большом долгу перед ним.

Примечания

[1] См. *Mošin V.* Les études byzantines et les problèmes de l'histoire interbalkanique//Revue des Études Balcaniques. № 1. 1934. P. 315.

[2] О поездке Соловьева 1925 года см.: *Solovjev A.* Odabrani spomenici srpskog prava. Beograd, 1926. S.I—II; о поездке 1931 года см.: Извештај о стању и раду Задужбине Луке Ћеловића-Требињца у години 1931. Београд, 1931. С. 29—32.

[3] Ср. *Соловјев А., Мошин В.* Грчке повеље српских владара. Београд. СКА, 1936. С. XIX.

[3a] Хрисовуля — торжественная царская грамота с золотой печатью (*Прим. ред.*).

[4] Отчет Мошина об этой поездке см.: Годишњак Задужбине Саре и Васе Стојановић. Бр. 4. Београд, 1937. С. 29—31.

[5] Ср. *Мошин В.* Акти из светогорских архива//Споменик. XIL 1939. С. 170. Греческие документы Хиландарского монастыря опубликованы в серии «Actes de l'Athos de Zographou». Publies par W. Regel, E. Kurtz et B. Korablev//Византийский временник. № 13. 1907. Приложение I.

[6] Ср. отчет Мошина и Острогорского о поездке//Годишњак Задужбине Саре и Васе Стојановић. Бр. 6. 1938. С. 49—51 и отчет Мошина. Там же. С. 47—49.

[6a] Проты — избираемое на определенный срок высшее духовенство Афона из числа игуменов наиболее древних монастырей.

[7] Ср. отчет Мошина об этой работе: Годишњак Задужбине Саре и Васе Стојановић. Бр. 7. 1939. С. 52—54.

[8] *Соловјев А., Мошин В.* Грчке повеље. Работа содержит: Введение, CXXXII с.; Тексты и переводы, 373 с.; Алфавитный указатель и комментарий, с. 377—526; Библиографию, с. 527—534.

[9] *Станојевић Ст.* Студије о српској дипломатици (12 выпусков)//Глас Српске Краљевске академије. 1912—1933.

[10] Работа Мошина «Акти из светогорских архива» состоит из четырех частей: Три грчка акта из архива манастира Ватопеда. С. 155—159; Седам аката из архива манастира Зографа. С. 193—218; Хиландрарски практик. С. 193—218; Царске хрисовуље манастира Св. Пантелејмона, где опубликованы еще две хрисовули. С. 219—260. См. также: *Мошин В.* Белешке о хиландарском практику//Белићев Зборник. 1937. С. 251—261.

[11] *Мошин В.* Акти... С. 219.

[12] *Мошин В.* Повеље цара Душана и Јована Палеолога Пантелејмоновом манастиру//Косов Зборник — Згодовински Часопис. XI—XII. Љубљана. 1952/1953. С. 402—416.

[13] *Мошин В.* Акти братског сабора из Хиландра//Годишњак Скопског Философског фак. Бр. 4. 1939/1940. С. 173—203.

[14] Помимо упомянутых, греческие документы монастыря Хиландар опубликованы в серии: Archives de l'Athos. Nr. V. Actes de Chilandar, publies per L. Petit et B. Korablev//Виз. врем. № 17. 1911. Приложение 1. В. Чорович в 1930 году, сфотографировав некоторые документы из хиландарского архива, пополнил тем самым коллекцию фотографий хиландарских греческих документов, собранную Д. Анастасиевичем. См.: *Станојевић Ст.* Историја српског народа у средњем веку. I. Извори и историографија. (Рад у светогорским манастирима). С. 96—98. Мошин по своей инициативе подготовил «Каталог фотографских снимака докумената из Академског архива»//Годишњак СКА. Бр. 49. 1939. С. 445—504.

[15] *Mošin V, Sovre A.* Supplementa ad acta graeca Chilandarii. Ljubljana, 1948. С кратким резюме всех документов на русском языке. С. 65—71; с алфавитным указателем имен. С. 72—77; понятий. С. 77—86; и списком игуменов Хиландара до XIX века. С. 86—88; см. с. 65.

[16] *Мошин В.* Уговор св. Саве са светогорским протатом о земљи за виноград//Гласник Државног Музеја. Сарајево, 1946. С. 81—122; Повеља краља Милутина Карејској ћелији 1318 године//Гласник Скоп. Научн. Друштва. Бр. 19. 1938. С. 59—76. Резюме на французском языке. С. 77—78.

[17] *Мошин В.* Повеља цара Душана о Лушцу//Југословенски историјски часопис. V—1/2. Београд, 1939. С. 104—119.

[18] Мошин оба документа датировал 1315 годом: Акти. С. 198—199 и Зографские практики//Сборникъ въ паметъ на професор П. Никовъ. София, 1939. С. 291—300; Острогорский же справедливо считал, что эти документы составлены в 1300 году: *Острогорски Г.* Византијски практици. Сабрана дела. I. Београд, 1969. С. 11—13, 16—17.

[19] *Мошин В.* К вопросу о составлении хрисовулов у южных славян и в Византии// Юбилейный сборник Русского археологического общества в Королевстве Югославии. Белград, 1936. С. 93—109; Санкција у византијској и јужнословенској ћирилској дипломатици//Анали Хисторијског Института ЈАЗУ у Дубровнику. III. Загреб, 1954. С. 27—51. Резюме на французском языке. С. 52; ср. *Мошин В.*. Повеља краља Милутина. Дипломатичка анализа//Историјски часопис. XVII. 1971. С. 53—86.

[20] *Мошин В.* Дуликон евгарион. К вопросу о серваже в Византии//Annales de l'Institut Kondakov. XI. Praha, 1938. S. 113—132. Резюме на французском языке. S. 132; Ср. Archives de l'Athos. XIII.//Actes de Docheiariou. ed. dipl. par N. Oikonomides. Paris, 1984. P. 276.

[21] *Мошин В.* Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI—XII веке//Byzantinoslavica. IX. 1947. С. 55—85; XI. 1950. С. 32—60.

[22] *Мошин В.* Хиландарац Калиник, српски дипломата XIV века//Историско-правни зборник. Бр. 1. Сарајево, 1949. С. 117—132; Старац поп Теодосије и хиландарска «братија начелна»//Јужнословенски филолог. XVII. Београд, 1939. С. 189—200.

[23] *Мошин В.* Житие старца Исайи, игумена русского монастыря на Афоне// Сборник Русского археологического общества в Королевстве Югославии. III. Белград, 1940. С. 125—167.

[24] *Мошин В.* Исаија Светогорац и запис о Маричкој бици 1371. год.//Хришћанско дело. VI. 1940. С. 341—350.

[25] *Мошин В.*, *Пурковић М.* Хиландарски игумани средњег века. Скопље, 1940. С. 3—89.

[27] *Мошин В.* Светогорски протат//Старине ЈАЗУ. Бр. 43. 1951. С. 83—96.

Р. В. Булатова

Основатель югославской палеографической науки — В. А. Мошин

Серьезная и фундированная статья Мирьяны Живоинович «Владимир Алексеевич Мошин — историк Святой Горы» в I-м томе сборника «Русская эмиграция в сербской культуре XX века»[1], осветившая важную сторону научной деятельности виднейшего палеослависта нашего столетия, побудила меня написать о главном деле жизни В. А. Мошина, имевшем огромное значение для всех, кто занимается древними славянскими рукописями,— о создании им важнейшего направления палеославистики — археографической науки в Югославии.

Владимир Алексеевич Мошин прожил большую жизнь. Из 92 лет, отпущенных ему судьбой, 65 лет он жил в Югославии, куда занесли его в 1921 году вихри Гражданской войны в России. Сначала I Мировая и затем Гражданская войны не дали ему возможность закончить историко-филологический факультет Петроградского университета. Оказавшись в Копривнице в числе пятидесяти эмигрантов из России и работая в местной гимназии, Владимир Алексеевич через русские академические организации завершает свое образование. Белградское общество русских ученых (во главе которого стоял тогда бывший ректор киевского университета юрист Е. В. Спекторский), входившее в состав Союза русских ученых за рубежом, имело общие правила сдачи выпускных экзаменов по Уставу российских университетов. Экзаменационная комиссия историко-филологического факультета, перед которой В. А. Мошин сдавал свои последние экзамены, состояла из известных профес-

соров — Е. В. Спекторского, А. П. Доброклонского (история средних веков), М. М. Георгиевского (древняя история), А. Н. Афанасьева (история нового времени), Ф. В. Тарановского и А. В. Соловьева (история России), А. Л. Погодина (история славян), В. В. Зеньковского (история новой философии) [2].

Первые печатные работы В. А. Мошина, свидетельствовавшие о его увлечении русской историей («Варяжский вопрос» и «Черноморская Русь») [3], вышли при поддержке А. Л. Погодина. Формирование научных интересов Владимира Алексеевича шло в исключительно благоприятных условиях. Белград в те годы соперничал с Прагой в представительности научных кадров из России и организации научных институтов и обществ. В 1927 году в Белграде состоялся II Международный съезд византинистов с 300 участниками из всех стран (из 11 советских византологов, приглашенных на съезд, не смог приехать ни один). В 1928 году в Белграде же собрался IV съезд русских академических организаций за границей почти одновременно со съездом русских писателей. В следующем году в Праге состоялся I Международный съезд славистов. Все эти научные форумы собирали цвет российской науки за рубежом и крупнейших специалистов из других стран. Югославская наука была представлена такими именами как А. Белич, Ст. Ившич, Гавро Михайлович, Вл. Ткалчич, Р. Нахтигал, М. Гривец и др. На всех этих форумах В. А. Мошин присутствовал либо как слушатель, либо как докладчик и дискутант.

Весной 1928 года В. А. Мошин успешно защитил докторскую диссертацию в Загребском университете о норманнской колонизации на Черном море. Его оппонентами были профессора Л. Хауптман, Г. Новак, М. Гаваци и М. Базала.

Нужно сказать, что кроме общего благоприятствования для русской эмиграции в Югославии, где она вошла в местную жизнь органично и глубоко, как нигде в других странах, быстрому и целеустремленному формированию молодого ученого способствовали и личные качества Владимира Алексеевича — прежде всего его дар быть идеальным учеником, жадно впитывающим от учителей и всего окружения нужные познания, отношение к науке, методику исследования. Присущие В. А. Мошину черты характера — открытость, неизменная доброжелательность к людям, христианская терпимость и любовь, легкий и веселый нрав в сочетании с архиглубоким и серьезным отношением к работе, делали его бесценным

товарищем для коллег, а впоследствии — для многочисленных его учеников.

1930 год принес существенные изменения в жизни Владимира Алексеевича. Через посредничество профессора А. Л. Погодина Владимир Алексеевич получил приглашение от профессора византиноведения в Скопле Драгутина Анастасиевича занять место доцента на кафедре византиноведения скоплянского философского факультета, которое до того занимал проф. Филарет Гранич, переходивший на кафедру патрологии в белградский богословский факультет. Смущенный и неуверенный в своем профессиональном уровне, Владимир Алексеевич предпринял тогда первую поездку в Грецию и на Афон, получив у Русского научного института летнюю стипендию. Осенью 1930 года он принял участие в III Международном византологическом конгрессе в Афинах уже в качестве докладчика о Кембриджском хазарском документе [4]. Общение с корифеями византиноведения — Шарлем Дилем, Анри Грегуаром, А. Гейзенбергом, Фр. Делгерой, из российской эмиграции — Н. Л. Окуневым, Г. А. Острогорским, А. К. Елачичем, (из СССР опять не было участников), из югославских ученых — Й. Радоничем, Д. Анастасиевичем, Г. Манойловичем, Ф. Граничем, Н. Радойчичем и др.— дали начинающему исследователю мощный импульс в его научных занятиях, укрепили личные контакты с коллегами.

Единогласно пройдя выборы на философском факультете в Скопле, Владимир Алексеевич с весны 1931 года начал читать лекции по истории Византии и истории Римского царства, ожидая официального утверждения в должности доцента в министерстве. Его коллегами в Скопле были такие замечательные ученые как Радослав Груич (специалист по истории Сербии и сербской церкви), Мита Костич, Грегор Чремошник, Йосип Матасович, Миливой Павлович, В. А. Розов, Е. В. Аничков, Душан Неделькович, Пр. Сланкаменац и др. Однако экстранаучные и экстраделовые обстоятельства, сильно затянувшие официальное назначение Владимира Алексеевича в Скопле, вынудили его вернуться к семье в Копривницу к своей учительской работе в гимназии. Вскоре семья Мошиных переехала в Панчево, а Владимир Алексеевич был выбран приват-доцентом по византиноведению в Белградском университете, где его ближайшими коллегами стали А. В. Соловьев и переехавший из Гейдельберга Г. А. Острогорский. Здесь Владимир Алексеевич занялся работой по изданию греческих грамот сербских государей совместно

с А. В. Соловьевым. Неожиданно третьим участником этой работы стал словенец Антон Совре, замечательный переводчик классических авторов, которого Владимир Алексеевич считал своим «истинным учителем», благодаря которому книга о греческих грамотах сербских государей в издании Сербской Академии наук вышла летом 1936 года [5]. Именно Совре обратил научные интересы Владимира Алексеевича к истории Афона и, в частности, к истории сербского Хиландарского монастыря [6]. Научный тандем Мошина и Совре продолжался еще долгие годы. В 1948 году в издании Словенской АН вышел их совместный труд — публикация неизвестных документов ценного исторического содержания [7].

В предвоенные годы В. А. Мошин продолжает заниматься по документальным источникам проблемами внутренней истории Византии (финансовым устройством, податной системой, социальной структурой и т. п.) [8] совместно и параллельно с А. В. Соловьевым и Г. А. Острогорским и самостоятельно разрабатывает вопросы русской истории [9]. В 1939 году судьба снова отправляет Владимира Алексеевича на кафедру византиноведения в Скопле, где его и застает немецкая оккупация. Поскольку Македония была передана Болгарии, то большинство скоплянской профессуры перебралось в Белград. Владимир Алексеевич получил предложение перейти на службу в Болгарию (место директора музея в греческом городе Кавале на Эгейском море). От этого предложения Владимир Алексеевич отказался [10] и переехал с семьей в Белград, где и был включен в состав профессуры Белградского университета. Одновременно он преподавал историю в русской мужской гимназии. Несмотря на оккупацию, Русский научный институт систематически вел курсы по истории русской общественной мысли, по истории русской литературы (П. Б. Струве), византиноведению (А. В. Соловьев, Г. А. Острогорский).

В черные дни оккупации для русских эмигрантов в Белграде духовным центром стала церковь Святой Троицы, построенная на средства прихожан. Здесь в 1942 году В. А. Мошин принял рукоположение сначала в дьяконы, а затем стал иереем. Последнее обстоятельство впоследствии явилось едва ли не основным препятствием для возвращения Владимира Алексеевича на родину. Получив в 1947 году (как многие русские эмигранты в Югославии) советское гражданство, он и его супруга неоднократно возвращались к мысли переехать в СССР, куда звали его и российские коллеги.

Однако по условиям жизни в СССР того времени Владимир Алексеевич не имел бы возможности сочетать научно-педагогическую деятельность с обязанностями священнослужителя.

В 1947 году через посредничество профессоров Г. Барича и Ст. Ившича Владимир Алексеевич получает приглашение принять место директора Архива Югославянской Академии наук и искусств в Загребе. Примерно в то же время в составе Сербской АН создается Институт византиноведения во главе с Г. А. Острогорским, куда Владимира Алексеевича настойчиво приглашал не только его друг и коллега Г. А. Острогорский, но и президент САН академик А. Белич. Однако Владимир Алексеевич, уже дав согласие на работу в загребском Архиве, счел неудобным перед Югославянской Академией менять свое решение, что, конечно же, на какое-то время затуманило контакты с белградскими коллегами.

Работа в загребском Архиве и положила начало, пожалуй, основному делу жизни В. А. Мошина, которым он занимался в течение полных сорока лет. Необходимость систематизации и описания собраний славянских рукописных памятников (кириллических, глаголических и латинских), собраний грамот и иных юридических актов (большинство из которых — фамильные архивы XIX—XX вв. хорватских аристократических родов — были на латинском языке) поставила перед исследователем целый перечень научных проблем и одновременно проблему поиска и воспитания научных кадров. Владимир Алексеевич взял на себя непосредственно работу с кириллическими памятниками. Обработкой глаголических рукописей занялся Векослав Штефанич. Для подготовки специалистов, которые могли бы работать с рукописями, Владимир Алексеевич организовал при Архиве практические курсы по архивистике и палеографии, которые вели, кроме него, профессора В. Штефанич, М. Барада, Ант. Майер. Со временем эти курсы превратились в ежегодные месячные курсы для работников архивов и библиотек из Хорватии, приезжали на них и специалисты из Боснии и Черногории. Была налажена консервация и реставрация ветхих рукописей при содействии специалистов-химиков.

В это время Владимир Алексеевич работает над важнейшим разделом палеографической науки — филигранологией [11]. Основателями этой области палеографии в начале нашего века были швейцарец Шарль Брике и россиянин Николай Лихачев, выпустившие альбомы водяных знаков, которые позволяли датировать бумажные

рукописи в пределах века — полувека. Владимир Алексеевич не только существенно увеличил объем информации по водяным знакам XIII—XIV вв., издав совместно с С. Траличем двухтомный труд по филиграням [12]. Он разработал новую методику работы с бумажными рукописями, ввел дополнительные параметры для характеристики водяных знаков, такие как — точное копирование каждого водяного знака (соответственно — выявление всех его вариантов), положения филиграни на листе рукописи относительно горизонтальных и вертикальных линий и т. д. Все это позволило значительно уточнить датировку рукописей в пределах четверти века. Своей методикой Владимир Алексеевич щедро делился не только с ближайшими учениками и коллегами, но и со всеми, кто занимался древнеславянскими рукописями в Москве, Ленинграде, Одессе, куда Владимир Алексеевич приезжал работать с российскими собраниями; в частности, им был передатирован фонд Гильфердинга [13].

К концу 1948 года Владимир Алексеевич завершил описание кириллических рукописей, находящихся в Югославянской Академии. Правда, публикация этого труда задержалась, и в 1952 году вышел сначала альбом снимков и только в 1955 году — само описание [14], сделанное на таком уровне, который до сих пор остается образцом для археографов. Владимир Алексеевич не оставляет без внимания другие — значительные и небольшие — собрания рукописей в Загребе [15], а также описывает рукописные собрания Боснии и Герцеговины [16], отдельных монастырей на территории Сербии, Черногории, Косова [17].

Филигранологический кабинет загребского Архива продолжал работу по собиранию водяных знаков по рукописям других архивных собраний — Дубровника, Котора и др. [18]. Материал по рукописям XV в. остался неопубликованным, хотя издание двух томов альбомов водяных знаков XIII—XIV вв. не только окупало дорогостоящую публикацию, но и принесло Академии доход [19].

В это время у Владимира Алексеевича завязываются тесные научные связи с Македонией, инициатором которых был первый президент Македонской АН Блаже Конески, а также первый директор Института македонского языка Крум Тошев. Владимир Алексеевич готовит фототипическое издание одного из древних македонских текстов «Евангелие попа Иоанна» с большим филологическим анализом памятника [20]. Здесь Владимир Алексеевич впервые в палеославистике четко поставил вопрос о македонской

рецензии юсовых текстов. Впоследствии в Скопле вышел подготовленный В. А. Мошиным «Палеографический альбом южнославянского кириллического письма»[21].

На IV Международном съезде славистов (Москва, 1958 г.) была поставлена задача создания генеральных каталогов славянских рукописей во всех славянских странах. Владимир Алексеевич разрабатывает принципы составления каталога южнославянских рукописей[22]. Эта важная работа затем была успешно продолжена и углублена учеником и последователем В. А. Мошина — Димитрием Богдановичем, создавшим обширную научную программу описания рукописей, в основу которой лег разработанный им комплексный анализ рукописных источников[23].

Одна из значимых областей палеографической характеристики рукописных памятников, которую выделил и занялся ею В. А. Мошин, была орнаменталистика, способная показать традицию, локальный колорит и опять-таки пролить свет на датировку рукописи[24].

Плодотворно проработав в загребском Архиве 12 лет, Владимир Алексеевич получил от вице-президента Академии М. Костренчича предложение занять пост директора Института истории с вероятным избранием в состав Югославянской Академии. Однако на заседании по избранию Владимира Алексеевича на должность директора Института, а его заместителя проф. В. Штефанича — на пост директора Архива сработала заранее задуманная интрига (в которой М. Костренчич сыграл решающую роль). В результате Владимир Алексеевич получил отставку, а проф. В. Штефанич вынужден был уехать из Загреба.

Незадолго до этого инцидента Владимир Алексеевич ответил отказом (после консультации с М. Костренчичем) академику Б. Конескому принять кафедру византиноведения в скоплянском университете[25]. И теперь был вынужден обратиться к коллегам в Белграде, которые (во главе с академиком Николой Радойчичем) сразу подняли вопрос о возвращении «блудного сына» в Белград.

Думается, что такой поворот в судьбе В. А. Мошина обернулся для науки большой удачей, потому что именно в Белграде Владимиру Алексеевичу удалось создать свою археографическую школу, коллектив учеников и последователей, которые с успехом продолжают развивать идеи и дело своего учителя и по сей день.

В Белграде ждали от Владимира Алексеевича организации систематической работы по описанию рукописей прежде всего Сербии,

а также других республик. На первых порах при министерстве культуры была создана археографическая комиссия в составе профессоров Н. Радойчича, П. Джорджича и В. А. Мошина — в качестве непосредственного исполнителя-описателя. А в сентябре 1961 года был организован постоянный археографический центр — отделение в составе Народной библиотеки СР Сербии, которое сначала имело название «Отдел по описанию и регистрации славянских рукописей» параллельно с уже существовавшим Отделом рукописей и старопечатных книг. Оба Отдела, несмотря на некоторое совпадение функций, мирно уживались пока во главе старого оставался библиограф М. Кичевич, приверженец российской палеографической школы, ученик П. А. Лаврова.

Первыми сотрудниками Владимира Алексеевича стали: славист-филолог Биляна Йованович-Стипчевич (выросшая в первоклассного текстолога), историки искусств Любка Васильева и Мира Грозданович-Паич (отличная рисовальщица, ставшая прекрасным специалистом по бумаге). Практическая работа сопровождалась обучением, которое систематически проводил Владимир Алексеевич со своими коллегами: читались вслух тексты, анализировались палеографические, текстологические, орфографические особенности. Время от времени Владимир Алексеевич читал курсы по славянской кирилловской палеографии, иллюминации рукописей, по истории переплетной техники и по филигранологии. Высокий профессионализм руководителя Археографического отдела, его открытость, неизменная готовность одарить желающих познаниями, научить их работать с рукописями, в частности с водяными знаками, сделали этот Отдел белградской Народной библиотеки притягательным центром для тех, кто занимался древними славянскими кириллическими памятниками письменности. Школу В. А. Мошина прошли Любица Штавлянин -Джорджевич, Луция Цернич, выпустившие (совместно с М. Грозданович-Паич) впоследствии двухтомное описание кириллических рукописей Народной библиотеки Сербии [26]. Докторанты Владимира Алексеевича разрабатывали под его руководством различные аспекты средневековой сербской письменности. Так Ольга Неделькович, выявившая десятки южнославянских рукописей, снабженных надстрочными знаками, дала убедительную интерпретацию их как наследие греческой системы, приспособленной к передаче славянского ударения, оказав тем самым неоценимую услугу специалистам по славянской исторической акцентологии. Дж. Трифу-

нович, Радмила Маринкович успешно решали текстологические проблемы на материале средневековых памятников. Малик Мулич разрабатывал тему о втором южнославянском влиянии на Руси. Следует также назвать описателей и исследователей зарубежных рукописных собраний, малодоступных для широкой аудитории. Труд этих учеников и последователей В. А. Мошина продолжил и расширил усилия югославских археографов в деле регистрации южнославянского рукописного наследия. Это Луция Цернич, исследователь богатейшей библиотеки монастыря св. Екатерины на Синае, К. Мано-Зиси и Н. Р. Синдик, описатели будапештского собрания, Т. Йованович, описатель парижского собрания и др.

Уже сформировавшиеся исследователи испытали на себе влияние В. А. Мошина, среди них — Александр Младенович (Белград), и Блаже Конески (Скопле). Подлинным продолжателем дела В. А. Мошина стал Димитрий Богданович, с 1965 года работавший в Археографическом отделе рядом с Владимиром Алексеевичем и в 1968 году (по 1974 г.) сменивший его на посту заведующего Отделом. Талантливейший, широко образованный исследователь (славист, медиевист, специалист по славянской средневековой письменности и истории сербской литературы древнего периода, в то же время византолог с глубокими интересами в области текстологии и поэтики, теолог, правовед, философ), впоследствие академик, Д. Богданович свои разработки основ комплексного анализа рукописей практически осуществил в замечательном труде — описании рукописного собрания афонского Хиландарского монастыря [27].

Побывавший в Отделе В. А. Мошина академик АН СССР Дмитрий Сергеевич Лихачев и познакомившись с картотеками рукописей, методикой их описания, с коллекцией филиграней, по достоинству оценил уровень работы белградских археографов. Дружеские и деловые контакты Владимира Алексеевича с Дмитрием Сергеевичем продолжались во время частых поездок В. А. Мошина в Ленинград вплоть до кончины Владимира Алексеевича.

Итак, именно в белградский период в полную силу — с коллективом учеников и единомышленников — Владимир Алексеевич разворачивает гигантскую работу по выявлению и изучению древнего кириллического рукописного наследия, поискам и разработке новых методологий обработки материала. В процессе огромного поискового, описательного и издательского труда Владимиром Алексеевичем был разработан целый ряд теоретических и методологи-

ческих посылок, открывших новые, более четкие принципы датировки, локализации и атрибуции рукописных памятников. Выше говорилось о филигранологии, которую Владимир Алексеевич вывел на новые рубежи [28]. Для пергаменных рукописей (что, впрочем применительно и к бумажным) В. А. Мошиным были с успехом применены разработки по морфологии письма, т. е. по особенностям начертания отдельных букв и их элементов прослеживалась не только эволюция письма, но и определялась хронологическая привязка типов письма, делались выводы о палеографическо-орфографических нормах важнейших южнославянских писцовых школ [29]. При этом важный опорный материал Владимир Алексеевич нашел в пиктографических памятниках, до того никогда для этой цели не привлекавшихся [30].

В. А. Мошин стимулировал развитие таких немаловажных дисциплин, характеризующих наименее исследованные части палеографического корпуса памятников, как орнаменталистика и иллюминация [31].

Обширные византологические познания В. А. Мошина определили его интерес к влиянию византийской книжной традиции на славянскую письменную культуру [32]. Важными и недостаточно исследованными оказались также аспекты межславянских культурно-письменных связей, особенно южнославянско-русских [33]. Внимание Владимира Алексеевича к текстологическим исследованиям открыло несколько направлений изучения рукописного наследия: эволюция жанров в древнеславянских литературах, выявление релевантных признаков для хронологической атрибуции текстов и др. Эти последние области получили глубокую разработку в трудах Д. Богдановича [34].

Итак, Народная библиотека Сербии в Белграде, ее Археографический отдел, основанный в 1961 году В. А. Мошным (затем руководимый Димитрием Богдановичем, Иреной Грицкат и в настоящее время — Александром Младеновичем [35]) явилась аккумулятором и проводником всех важнейших результатов палеославистических идей и исследований основателя Отдела — В. А. Мошина и его талантливейшего ученика и последователя — Д. Богдановича [36]. Устами учеников В. А. Мошина сказано вполне справедливо и благодарно, что успехи югославской палеославистики связаны прежде всего с использованием метода «...проф. В. Мошина, который представляет собой разработку и применение методологических

основ великих русских палеографов — Щепкина, Карского и Кульбакина...» Суть этого метода исчерпывающе охарактеризовал Д. Богданович: «Наш метод исходит из предпосылки, что описанием рукописей будут пользоваться все специалисты, для которых древние рукописи являются объектом исследования, и каждому из них описание должно дать ответ на интересующие его вопросы и сведения, служащие ориентиром в процессе исследования. Описание рукописей должно, в принципе, представлять собой исчерпывающий справочник о всех сохранившихся в собраниях и коллекциях древних рукописных материалах, должно полно и безупречно отражать состояние рукописных фондов в целом и каждой рукописи в отдельности, не взирая на ее бóльшую или меньшую ценность» [37].

С сожалением и болью за большого ученого, так много сделавшего для югославской науки, читаешь те строки его мемуаров, где рассказывается о его вынужденном расставании со своим Отделом, учениками, коллегами, с которыми он так плодотворно работал в Народной библиотеке Сербии более шести лет [38]. Единственно, что утешало Владимира Алексеевича: он передавал руководство Отделом более чем достойному преемнику — Димитрию Богдановичу. Деловые и личные контакты Владимира Алексеевича с его белградским детищем продолжались все последующие годы. Народная библиотека Сербии (совместно с Сербской книжевной задругой) издает в 1971 году под редакцией Д. Богдановича фундаментальный труд Владимира Алексеевича — его описание и палеографический альбом собраний кириллических рукописей Исторического музея Хорватии и Копитарова фонда [39]. Заботами белградских учеников и коллег Владимира Алексеевича в 1977 году был издан юбилейный сборник В. А. Мошина с полной библиографией его работ [40]. А научный тандем Мошин — Богданович особенно ярко проявился в их двухгодичной совместной работе над изданием Нового завета Вука Караджича, где Владимир Алексеевич написал историко-филологическую часть исследования (более 200 стр.), а комментарий и указатели выполнил Димитрий Богданович (465 стр.) [41].

А Владимиру Алексеевичу предстояло в третий раз начинать с нуля дело по созданию центра археографических исследований теперь уже в Скопле, куда его пригласил директор Архива Македонии Димче Мира Стоянов. Так с декабря 1967 года начался последний этап жизни и научной деятельности В. А. Мошина в Македонии, продолжавшийся почти два десятилетия [42].

7 Заказ 4337

В течение первых трех лет перед Отделением стояла задача регистрации и систематического описания славянских рукописей на территории Македонии и собирания данных о памятниках македонского происхождения, рассеянных по рукописным собраниям как в самой Югославии, так и за ее переделами — в Болгарии, России, Европе.

Молодая македонская наука (да еще после трагедии землетрясения) имела тогда весьма скромные возможности. Архив ютился в бараках, а у Владимира Алексеевича с его единственной сотрудницей (к которой вскоре добровольно присоединилась библиотекарша Султана Кроневска) был один стол в библиотеке Архива. Но энтузиазм 73-летнего патриарха палеославистики, его горячее желание работать снова, как в Загребе и в Белграде, притягивали к нему людей. В 1968—69 гг. и вторично в 1971 г. Владимир Алексеевич читает для желающих курс палеографии при Архиве. Филологический факультет университета, избрав В. А. Мошина ординарным профессором, пригласил его прочесть трехгодичный курс по палеографии для аспирантов-магистрантов и ассистентов Института македонского языка Македонской АН. В результате этот коллектив Владимира Алексеевича пополнился тремя ценными сотрудницами — Вангелицей Десподовой, Красимирой Илиевской и Лидией Славевой. К этому времени Археографический отдел уже подготовил и издал в двух томах описание славянских рукописей в Македонии [43]. В то же время выходили описания отдельных собраний, с которыми работал Владимир Алексеевич [44], и его очерки, касающиеся различных проблем палеографической характеристики обработанных им рукописей [45].

И, наконец, лебединой песней В. А. Мошина была его идея и, как всегда, ее высокопрофессиональное воплощение — многотомное издание «Дипломатического корпуса» — собрание древних грамот и других документов-памятников истории македонского народа в условиях сложной внешней и внутренней политической действительности: существования под суверенитетом соседних мощных держав — Византии, Болгарии, Сербии и Турции. «Основная проблема самой возможности существования такого собрания актов государственного значения для истории народа, находившегося на протяжении веков под чужеземной государственной властью находит свое оправдание в современном понимании исторического процесса человеческих обществ, изучаемого не со средневековой точки зрения

владычествующих династий...» [46]. Владимир Алексеевич исходит из того, что территория и народ (с его языком) оставались константными, «сохраняя свою исконную историческую самобытность при переменчивости третьего фактора — власти» [47]. В рамках этой концепции В. А. Мошиным было изложено его «понимание истории македонского народа, ее периодизации в условиях внешних и внутренних политических сдвигов при сменах чужих суверенитетов» [48] в Предисловии к I тому «Македонского дипломатического корпуса», вышедшего в 1975 году под заголовком «Памятники средневековой и новейшей истории Македонии» [49].

Работа по отбору документов и написания комментариев к ним была по плечу только Владимиру Алексеевичу, византинисту, историку славянских народов, знатоку древних текстов. Его профессиональная подготовка, творческий подход к осмыслению всего культурного наследия македонского прошлого и строгая методология, включавшая филологический, текстологический, дипломатический и историко-юридический критерии, исключали возможность конъюнктуры в создании «Македонского дипломатария». При жизни Владимира Алексеевича вышло четыре тома этой серии [50]. Составление пятого тома было завершено [51]. Этот последний подвиг неутомимого труженика науки (почти ослепшего в последние годы) — достойный заключительный аккорд прекрасной жизни Владимира Алексеевича Мошина, которую он отдал служению Богу и Науке.

Примечания

[1] Руска емиграција у српској култури XX века. Зборник радова. I. Београд, 1994. С. 154—164; см. также в этой кн. С. 174—182.

[2] При написании этой статьи мною использованы неопубликованные «Мемуары» В. А. Мошина (машинопись, 223 с.). «Мемуары» охватывают события жизни В. А. Мошина с отроческих лет до 1980 года. Писались они не один год. Владимир Алексеевич диктовал их прежде всего своей сестре Галине Алексеевне и другим близким людям. Мне тоже посчастливилось быть писцом этих мемуаров в марте 1979 года в Москве. Полученный мною в 1984 году от Владимира Алексеевича один из четырех экземпляров его «Мемуаров» вместе с не одним десятком его писем ко мне — дорогое, осязаемое его присутствие в моей судьбе, в моей благодарной памяти за его наставничество, за дружбу.

[3] Hipoteza Lamanskoga o hazarskoj misiji sv. Ćirila//Јужнословенски филолог, VI. Београд, 1926—27. С. 133—152; Питање о првом покрштењу Руса//Богословље,

V. Београд, 1930. С. 51—72, 122—143; Варяго-русский вопрос//Slavia, X. Praha, 1931. S. 109—136, 343—379, 501—537.

[4] Начало Руси. Норманны в Восточной Европе//Byzantinoslavica, III. Praha, 1931. S. 37—58, 285—307.

[5] Грчке повеље српских владара. Објавили др. А. Соловјев и др. В. Мошин. Изд. Српска Краљевска академија. Београд, 1936. С. I—CXXIX, 1—537.

[6] См. работы В. А. Мошина с 1936 по 1950 гг.— Библиографија радова Владимира Мошина//Зборник Владимира Мошина. Београд, 1977.

[7] Supplementa ad Acta Chilandarii (V. Mošin i A. Sovre). Ljubljana, 1948. S. 1—90.

[8] К вопросу о составлении хрисовулов у южных славян и в Византии//Юбилейный сборник Русского Археологического общества в Королевстве Югославии. Белград, 1936. С. 93—109; Византијски утицај у Србији у XIV веку//Југословенски историски часопис, III. Београд, 1937. С. 147—160; Δουλικὸν ζευγάριον. К вопросу о серваже в Византии//Annales de l'Institut Kondakov, X. Praha, 1938. S. 115—132.

[9] Христианство в России до св. Владимира//Владимирский сборник в память 950-летия крещения Руси. Белград, 1938. С. 1—18; Хелгу хазарского документа. По поводу статьи Лавровского «Олег и Хелгу Хазарского документа»//Slavia, XV. Praha, 1938. S. 191—200.

[10] В болгарской газете была поспешно напечатана заметка об этом предложении проф. Димитра Димитрова, которая сыграла в жизни Владимира Алексеевича печальную роль, т. к. вызвала неодобрительную реакцию сербов (Мемуары, с. 116).

[11] Filigranologija kao pomoćna historijska nauka//Zbornik Historijskog instituta Jugoslavenske akademije, I. Zagreb, 1954. S. 25—93.

[12] Filigranes des XIIIe et XIVe siècles par. V. Mošin et S. Traljić. T. I—II. Zagreb, 1957. S. 1—173 + 854 tabl.

[13] К датировке рукописей из собрания А. Ф. Гильфердинга Государственной публичной библиотеки//Труды Отдела древнерусской литературы АН СССР, XV. М.— Л., 1958. С. 409—417.

[14] Ćirilski rukopisi Jugoslavenske akademije. II dio. Reprodukcije. Izd. Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti. Zagreb, 1952. 149 s.; I dio. Opis rukopisa. Zagreb, 1955. 257 s.

[15] O podrijetlu Mihanovićeve ćirilske zbirke//Slovo. IV—V. Zagreb, 1955. S. 71—84; Ćirilski rukopisi i pisma Nacionalne sveučilišne biblioteke u Zagrebu//Radovi Staroslovenskog instituta, V. Zagreb, 1964. S. 163—233.

[16] Ćirilski spomenici u Bosni i Hercegovini. Priredili V. Mošin i S. Traljić//Naše starine, VI. Sarajevo, 1959. S. 63—104.

[17] Ćirilski rukopisi Cetinjskog manastira//Ljetopis JAZU, 61. Zagreb, 1956. S. 280—284; Ћирилски рукописи манастира св. Тројице код Пљеваља//Историски записи, XIV. Цетиње, 1957. С. 235—260; Ћирилски рукописи у манастиру Никољцу код Бијелог Поља//Историски записи, XVIII. Титоград, 1961. С. 681—708; Рукописи манастира Грачанице//Старине Косова и Метохије, I. Приштина, 1961. С. 17—84; Ћирилски рукописи Морачког манастира//Историски записи, XVII. Титоград, 1960. С. 553—565 и др.

[18] Водени знак «Круна са звездом и полумесецом»//Библиотекар, 1963. С. 11—22 (В. Мошин и М. Гроздановић-Пајић); Filigranološka problematika i papir Dubrovačkog arhiva//Šidakov zbornik. U povodu 75-godišnjice života prof. dr Jaroslava

Šidaka i 30-godišnjice njegova uredjivanja «Historijskog zbornika»//Historijski zbornik, god. XXIX—XXX, 1976—1977. Zagreb, 1977. S. 51—59; Водени знаци најстаријих српских штампаних књига//Зборник Музеја премењених уметности у Београду. Београд, 1967, т. 11. С. 7—29.

[19] Izveštaj o radu u našim primorskim arhivima na proučavanju gradiva za album filigrana//Ljetopis Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti, knj. 57. Zagreb, 1953. S. 157—162; Rad na prikupljanju vodenih znakova za album filigrana XV stoljeća//Ljetopis JAZU, knj. 59. Zagreb, 1954. S. 14—15.

[20] Македонско евангелие на поп Јована. Стари текстови, I. Изд. Институт за македонски јазик. Скопје, 1954. 266 с.

[21] Палеографски албум на јужнословенското кирилско писмо. Скопје, 1966. 164 с.

[22] Pitanje generalnog kataloga južnoslovenskih rukopisa//Zbornik u čast Stjepana Ivšića. Zagreb, 1963. S. 271—279.

[23] *Богдановић* Д. Метод описа рукописа у Археографском одељењу Народне библиотеке РС Србије у Београду//Библиотекар, XX. Београд, 1968. С. 361—390.

[24] Орнаментика неовизантиског и «балканског» стила//Godišnjak Balkanološkog instituta, I. Sarajevo, 1956. S. 295—351; Ornament južnolovenskih rukopisa XI—XIII vijeka: ornamentika staroslavenskih rukopisa i teratološki ornament//Radovi Naučnog društva Bosne i Hercegovine, VIII. Sarajevo, 1957. S. 1—79.

[25] Однако связь с Македонией оставалась у Владимира Алексеевича постоянной. Состоявшийся в 1961 году в Скопле XII Международной конгресс византинистов под руководством Г. А. Острогорского стал толчком для приведения в порядок богатой коллекции греческих рукописей в местном музее. Владимир Алексеевич был привлечен для описания этой коллекции, что он с успехом сделал, и кроме того, подготовил выставку наиболее интересных рукописей, которая стала украшением конгресса.

[26] *Штављанин-Ђорђић Љубица, Грозданович-Пајић Мирослава, Цернић Луцција.* Опис ћирилских рукописа Народне библиотеке Србије. Редактори Димитрије Богдановић и Ирена Грицкат. Београд, 1986. 470 с.; Палеографски албум. Београд, 1991. 325 с.

[27] *Богдановић Д.* Каталог ћирилских рукописа манастира Хиландара. Т. I, II. Београд, 1978.

[28] В Археографическом отделении Народной библиотеки Сербии находятся богатейшие картотеки с филигранями из кириллических рукописей XV века, собранные В. А. Мошиным и его учениками (прежде всего М. Грозданович-Паич) за время его работы в Белграде, а также материал, скопированный с его загребского собрания филиграней XV в. Но к великому сожалению, до сих пор не нашлось возможности опубликовать этот бесценный для науки материал.

[29] Metodološke bilješke o tipovima pisma u ćirilici//Slovo, XV—XVI. Zagreb, 1965. S. 150—182; Палеографическо-орфографические нормы южнославянских рукописей//Методическое пособие по описанию славянорусских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Археографическая комиссия при Отделении истории АН СССР, вып. I. Москва, 1973. С. 43—75.

[30] Најстара кирилска епиграфика//Словенска писменост, 1050-годишнина на Климент Охридски. Народни музеј. Охрид, 1966. С. 35—44.

[31] Minijatura ćirilskih rukopisa//Minijatura u Jugoslaviji. Zagreb, 1964. S. 33—38; Iluminacija: Srbija, Crna Gora, Makedonija//Enciklopedija likovnih umjetnosti, I. Zagreb, 1962. S. 667—670.

[32] Influence byzantine dans la diplomatique serbe//Acte du XIIe Congrès international d'études byzantines. Rapports complémentaires. Belrgade—Ochrid, 1961. S. 43—48; Византиско-српски односи во првата четвртина на XIV век и дипломатот Хиландарецот Калиник//Споменици за средновековната и поновата историја на Македонија, т. II. Скопје, 1977. С. 491—506.

[33] O periodizaciji rusko-južnoslovenskih književnih veza//Slovo, XI—XII. Zagreb, 1962. S. 13—130; К вопросу о периодизации русско-южнославянских литературных связей в X—XV вв.//Труды Отдела древнерусской литературы, XIX. М.— Л., 1965. С. 28—106.

[34] *Богдановић Д.* Текстолошко изучавање правних спомена средњовековне Србије//Текстологија средњовековних јужнословенских књижевности САНУ. Научни скупови, X. Одељење језика и књижевности. 2. Београд, 1981. С. 49—64; *он же.* Правила за критична издања старих српских писаца//Зборник Матице српске за књижевност и језик, XXII за 1974. Нови Сад, 1975. С. 98—103.

[35] С 1979 г. Отдел имеет свое печатное издание: «Археографски прилози» Народна библиотека Србије. Археографско одељење. Београд. До 1995 г. вышло 16 выпусков.

[36] См. *Булатова Р. В., Князевская О. А.* Археографическая деятельность Д. Богдановича в 1950—1980-х годах//Археографический ежегодник за 1988 г. М. Наука, 1989. С. 124—127.

[37] *Богдановић Димитрије.* Метод описа рукописа у Археографском одељењу Народне библиотеке СРС у Београду//Библиотекар, XX. Београд, 1968. С. 363.

[38] Причиной ухода Владимира Алексеевича из Народной библиотеки Сербии послужила интрига, начатая Душицей Стошич из параллельного Отдела — ставшей его руководителем после смерти М. Кичича и имевшей в то время, как жена высокого партийного функционера, немалое влияние. Пружиной интриги было опять-таки русское происхождение Владимира Алексеевича и его научные связи с родиной. В 1965 году В. А. Мошин был переведен на положение гонорарного служащего, а в 1967 г. и вовсе с ним разорвали договор. Возглавивший в это время библиотеку М. Панич-Суреп пытался вернуть всё на круги своя. Но Владимир Алексеевич, травмированный всеми предшествующими событиями и перспективой контактов с Д. Стошич, отказался вернуться в библиотеку.

[39] Ћирилски рукописи Повијесног музеја Хрватске. Копитарева збирка словенских рукописа и Цојсов ћирилски одломак у Љубљани. Уредник Д. Богдановић. Народна библиотека СР Србије и Српска књижевна задруга. Београд, 1971. (т. I. 206 с.; Палеографски албум, 66 табл.).

[40] Зборник Владимира Мошина... Библиографија радова Владимира Мошина [1925—1976]. С. 7—16; Дополнение к библиографии [до 1981 г.] опубликовано в «Археографски прилози», 5, Београд, 1983. С. 75—77.

[41] Дела Вука Караџића. Нови завјет. Приредили др Владимир Мошин и др Димитрије Богдановић. Просвета. Београд, 1969.

[42] Владимир Алексеевич с особой теплотой и чувством благодарности говорил об отношении к нему в Македонии. Македонская Академия наук избрала его своим членом-корреспондентом, предоставила отличную квартиру.

[43] Словенски ракописи во Македонија. Подготовил В. Мошин во соработка Л. Славева, С. Кроневска и Ј. Јакимова. Архив на Македонија, кн. I—II. Скопје, 1971 (I: 429 с.; II: 174 табл.).

[44] Словенски ракописи во Македонија.//Историја, списание на Сојузот на историските друштва на СР Македонија, кн. VII, бр. 1. Скопје, 1971. С. 229—234; Јужнословенските ракописи во Ленинградското одделение на Историскиот институт на Академија на науките на СССР//Македонски архивист, кн. I. Скопје, 1972. С. 43—62.

[45] Грамоти на манастирот св. Георги-Георг Скопски. Уводна студија: В. А. Мошин, (см. Прим. 49). С. 97—177. Текстови со регести и со коментар подготовили: В. Мошин, Л. Славева и К. Илиевска. С. 181—241; Манастирот св. Никита во Скопска Црна Гора и хиландарскиот пирг Хрусија: Увод В. Мошин, (см. Прим. 49). С. 259—263. Текстови со регести и со коментар подготовили: В. Мошин и Л. Славева. С. 271—377; см. также большое исследование В. А. Мошина Новгородски листићи и Остромирово јеванђеље//Археографски прилози, 5. Београд, 1983. С. 7—64 (не нашедшее поддержки российских исследователей).

[46] *Мошин В. А.* Мемуары (машинопись), с. 188—189.

[47] Там же. С. 189.

[48] Там же. С. 189.

[49] Споменици за средновековната и поновата историја на Македонија. Том I — Скопската област. Уредник В. Мошин. Скопје, 1975. 501 с.

[50] Споменици за средневековната и поновата историја на Македонија. Том II. Македонија во рамките на меѓународните односи на Балканот во втората половина на XIII и прва половина на XIV век. Грамоти, меѓународни договори, извештаи на дипломати, мемоари и други сведоштва на современиците. Уредник В. Мошин. Скопје, 1977; Том III Грамоти, записи и друга документарна граѓа за манастирите и црквите во Полошката област и соседните краеви. Подготовиле Л. Славева и П. Миљковиќ-Пепек. Уредник В. Мошин. Скопје, 1980; Том IV. Грамоти, записи и друга документарна граѓа, за манастирите и црквите во Прилепската област. Подготовиле В. Мошин и Л. Славева. Скопје, 1981.

[51] Пятый том вышел в 1988 г. в Прилепе. На титульном листе значатся два редактора — В. А. Мошин (в траурной рамке) и Л. Славева.

Радивой Радич

Георгий Острогорский и сербская византология

Взлет сербского государства конца XIX — начала XX века, о котором сегодня вспоминают с понятной ностальгией и, не побоимся этого слова,— с пафосом, сопровождался стремительным подъемом культуры, подобного которому сербская культура не знала ни ранее, ни, по-видимому, впоследствии, даже и тогда, когда о новостях культурной жизни научных центров Европы почти сразу узнавали в Белграде.

К тому времени, когда Европа переживает бурное развитие византологии, наша историческая наука обретает современную историографическую базу. Совпадение этих двух процессов (в нашем случае и самостоятельных, и взаимосвязанных) способствовало ускоренному становлению византологических исследований в Сербии. Так, уже в начале XX века, в далеком 1906 году, в Белграде открывается кафедра византологии — третья в Европе. Напомним, что в последние годы прошлого столетия первая кафедра византологии, возглавляемая знаменитым Карлом Крумбахером, где получили образование многие наши ученые, появилась в Мюнхене, а вторая под руководством славного Шарля Дюла (Dijel Ch.) — в Париже [1]. Увлечение историей Ромейского царства объяснялось бытовавшими тогда в науке представлениями о том, что сербское средневековое государство входило в группу стран так называемого византийского коммонвелта [2]. Создание кафедры византологии стимулировало развитие у нас византийских исследований. Не всегда без трудностей и даже перерывов, развитие византологии продол-

жилось и после освободительных войн 1912—1918 годов в новом государстве — Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев, или Королевстве Югославии [3]. Такие имена, как Божидар Прокич, Драгутин Анастасиевич, Филарет Гранич, следует произносить с должным почтением.

В то же время нужно признать, что только с появлением в Белграде Георгия Острогорского, в августе 1933 года, начинается новая эпоха в развитии югославской и сербской византологии [3a]. Напомним, что югославская византология в основном сводима к сербской, ибо все, что делалось в этой области за пределами Белграда, с научной точки зрения второстепенно.

Судьба Г. А. Острогорского в отличие от других российских ученых, работавших в нашей научной среде, была особой, ибо он прибыл в Белград, будучи уже известным ученым, сформировавшимся в крупнейших университетских центрах Западной Европы.

Г. А. Острогорский родился 19 января 1902 года в Санкт-Петербурге, где в 1919 году закончил гимназию. Затем его семья эмигрировала в Финляндию. В 1921 году он поступил в Гейдельбергский университет, 1924/25 учебный год он провел в Париже и по возвращении, в июне 1925 года блестяще защитил докторскую диссертацию о сельской общине в Византийской империи X века [4]. Это отчасти определило основное направление его дальнейших научных интересов, связанных с экономическим и социальным устройством Ромейского царства.

С 1928 года он — приват-доцент в Бреслау (Вроцлав) и Директор культурно-исторического отделения Бреславского восточноевропейского института. В его дальнейшей карьере и жизни и, как выяснилось, в развитии нашей византологии и исторической науки в целом, судьбоносную роль сыграл Второй международный конгресс византинистов, состоявшийся в Белграде (апрель 1927 года). На нем в полной мере проявилась блестящая одаренность двадцатипятилетнего ученого, который произвел на всех присутствующих глубокое впечатление. Известные медиевисты, прежде всего профессора С. Станоевич и Д. Анастасиевич, в интересах дальнейшего развития сербской исторической науки приняли дальновидное решение пригласить талантливого ученого в Белград. Дальнейший ход событий показал, что молодой исследователь оправдал возлагаемые на него надежды. Это было поистине неоценимое приобретение нашей исторической науки. Г. А. Острогорский настаивал

на новом широком подходе к изучению истории Ромейского царства, и перед сербской византологией открылись перспективы, о которых до этого не приходилось и мечтать.

Рассматривая в самом общем виде вклад Г. А. Острогорского в нашу византологию, выделим два аспекта — научный и организационный. Все его монументальные труды, за исключением нескольких ранних работ, написаны в Белграде [5], и, что не менее важно, большинство созданных здесь статей он публиковал в наиболее известных научных журналах. Со времени переезда в Белград (1933) до пенсии (1973), точнее до кончины (1976), Г. А. Острогорский работал в нашей научной среде. Благодаря этому его огромное и разностороннее творческое наследие стало фундаментом сербской византологии. С другой стороны, творчество этого выдающегося ученого, а по мнению большинства специалистов, ведущего византолога XX века является в то же время вкладом нашей науки в мировую византологию [6].

Острогорский принадлежал к тем ученым, которым была подвластна практически любая область богатой и многогранной истории Византийской империи. Исследуя ту или иную проблему, он каждый раз совершал определенный научный переворот. Обладая широтой научного видения, характерной для славной русской византологической школы конца XIX — начала XX века, владея современными историографическими методами, разработанными в Западной Европе в первые десятилетия XX века, Г. А. Острогорский был ярчайшей научной индивидуальностью, чье творчество представляет собой целую эпоху в развитии современной византологии.

Говоря о научном наследии Г. А. Острогорского, никак не обойти его «Историю Византии», которая по сей день справедливо считается лучшей в мире [7]. В этой написанной в ранние годы книге [8] уже в полной мере проявилось как всестороннее знание источников и огромной научной литературы, посвященной тысячелетней византийской истории, так и выдающаяся способность ученого к синтезу. История Империи с зарождения основ государства до его падения под натиском осман [9], излагается наглядно и увлекательно.

Из широкого круга исследовательских интересов Г. А. Острогорского выделим лишь отдельные темы: налоговая система Византии, отношения государства и церкви, иконоборчество, средневековая иерархия государств, совместное владение в Византийской империи, цены и поденная оплата труда, исихазм, аграрная система

в Ромейском царстве, византийский феодализм, идеология власти, византийско-славянские отношения, ромейская аристократия, византийские города в период раннего средневековья. Следует особо подчеркнуть, что как обширные исторические проблемы, так и отдельные события Г. А. Острогорский исследовал и интерпретировал в их непрерывном развитии, ибо ученый был глубоко убежден, что явления византийской истории не были чем-то неподвижным, напротив, их отличала особая внутренняя динамика.

Для сербской историографии наиболее значимы византийско-славянские и особенно византийско-южнославянские отношения. Именно Г. А. Острогорский существенно расширил границы этой области, отблагодарив таким образом ту среду, в которой столько лет жил и работал. Приведем в качестве примера его известную работу о 32-й главе сочинения «De administrando imperio», принадлежащего перу царя Константина VII Порфирогенита, которая является основным источником по истории сербов в период раннего средневековья [10]. Острогорский впервые осмыслил и прокомментировал эту главу как целое, как единую хронику, посвященную сербским правителям. Образцовый, скрупулезный анализ данных, которые содержит эта глава, позволил ему пролить свет на первые столетия нашей истории, до тех пор закрытые и неизученные [11].

Книга о Серской области в период после смерти царя Душана (1355) — особое звено в исследовании византийско-южнославянских отношений, пример научной проницательности и интуиции историка [12]. На базе дипломатических источников и скудных описаний, давно известных историкам, Г. А. Острогорский восстановил картину жизни государства, о котором до тех пор почти ничего не было известно.

Острогорский также внес драгоценный вклад в освещение нашего прошлого, изучая византийские институции, заимствованные сербским средневековым государством. Ярчайший пример здесь его ставшая классической работа о пронии, наиболее примечательном явлении византийского феодализма [13]. Все эти работы существенно расширили наше знание о средневековье.

Второй аспект деятельности Г. А. Острогорского, научно-организационный, не менее значим для сербской византологии. Если исследовательской работой он занимался практически без перерывов (некоторое исключение здесь составляют военные годы), то его организационная деятельность, вписанная в нашу коллективную судьбу, делится отчетливой демаркационной линией на два периода.

С 1933 по 1945 или, точнее, по 1947/48 год Г. А. Острогорский в силу объективных причин был достаточно одинок на кафедре византологии. Кроме того, в этот период не всегда был решен вопрос его служебного статуса [14], не было и средств для оплаты труда ассистентов.

Положение коренным образом изменилось после Второй мировой войны, однако не в первые годы. В новых условиях, благодаря прежде всего усилиям Г. А. Острогорского, начинается расцвет сербской византологии, которая быстро становится одной из ведущих областей югославской исторической науки. Это казалось неожиданным лишь на первый взгляд, ибо в сущности было результатом многих лет кропотливого, чтобы не сказать подвижнического, кабинетного уединения. С выходом в свет его монументальных трудов Г. А. Острогорский становится spiritus movens всех научных начинаний, которые обеспечили сербской византологии то место, которое ей по праву принадлежало.

Работа кафедры византологии философского факультета, почти остановившаяся во время войны, возобновилась с новым размахом. Именно здесь новое поколение наших византологов получало свои первые знания и, пройдя традиционный путь, мужало, обретая силы для продолжения дела своего учителя. В марте 1948 года был основан Византологический институт Сербской академии наук и искусств — единственное в своем роде научное учреждение в Югославии [15]. Затем последовал целый ряд начинаний, приведших сербскую византологию в первые ряды мировой исторической науки. С 1952 года начинает выходить Сборник трудов Византологического института, единственное в нашей стране периодическое издание, полностью посвященное проблемам средневековья, которое быстро приобрело широкий международный авторитет и по сей день входит в число наиболее значительных изданий в этой области [16]. В 1951 году опубликована первая книга «Отдельных изданий Византологического института», открывшая серию монографий, посвященных самым разным проблемам византийской цивилизации. По инициативе Г. А. Острогорского начато капитальное издание «Византийских источников» по истории народов Югославии, в котором собраны, датированы и по определенной системе описаны все сведения ромейских авторов о наших народах [17]. С первых выпусков серия вызвала большой интерес научной и широкой общественности и получила положительные отзывы наиболее известных наших и

зарубежных специалистов, особо отмечавших удачный выбор системы описания материала. И наконец в сентябре 1961 года под руководством Г. А. Острогорского был проведен XII Международный конгресс византологов в Охриде [18].

Все это способствовало тому, что сербская византология вошла в число ведущих в мировой науке к тому времени, когда границы этой международной научной дисциплины значительно расширились. Сегодня византологические центры существуют не только почти во всех европейских странах, но и на американском континенте, а недавно такой центр открылся и в далекой Австралии.

Однако, как однажды заметил сам ученый, отдавая должное высокому уровню развития сербской византологии: «Самое главное — люди» [19]. Поэтому одним из наиболее драгоценных даров Г. А. Острогорского следует считать созданную им плеяду учеников. В совместной работе Византологического семинара при философском факультете и Византологического института Сербской академии наук и искусств сформировался феномен, известный сегодня в мировой науке как «белградская византологическая школа». Это кружок византинистов, несколько учеников Георгия Острогорского, каждый из которых, имея свой круг научных интересов, отличается исключительной научной скрупулезностью, владеет всеми премудростями профессии историка и в лучших традициях продолжает дело своего великого учителя.

Кроме того, начиная с 1963 года академик Острогорский учредил на кафедре византологии философского факультета так называемые «вторники», на которых собирались специалисты по средневековью для чтения и обсуждения византийских авторов. Эти «вторники» живут и сегодня, получив известность в научных кругах и за пределами нашей страны.

В заключение позволим себе одно сравнение, возникшее при написании настоящей статьи и приходящее на ум каждый раз при чтении текстов, написанных пером Г. А. Острогорского. Кто-то сказал, что Чехов, к которому Острогорский относился с величайшим почтением, уместил космос в ореховой скорлупе. Г. А. Острогорский же, обладая гениальным даром обобщения, железной логикой педантичного ученого и пером писателя, на страницах своей «Истории Византии» выразил суть целых эпох сложной, многозначной цивилизации, насчитывающей более 1100 лет [20].

Примечания

[1] Литература, посвященная развитию мировой византологии, достаточно обширна, здесь невозможно да и нет необходимости указывать все важнейшие работы в этой области. Отсылаем читателя к работе Г. Л. Курбатова «История Византии (историография)». Ленинград, 1975, 85 с.

[2] Автор этого удачного термина, общепринятого сегодня в мировой византологии,— Дмитрий Оболенский, профессор Оксфордского университета, опубликовавший лет двадцать назад одноименную книгу: *Obolensky V. D.* The Byzantine Commonwealth. Easten Europe 500—1453. London, 1971. Недавно появился и сербский перевод этой книги: *В. Д. Оболенски.* Византијски комонвелт. Београд, 1991 (перевод К. Тодоровић).

[3] О развитии византологии в нашей среде на основе доступных архивных материалов см.: *Максимовић Љ.* Развој византологије//Универзитет у Београду 1838—1988. Београд, 1988. С. 655—671.

[3a] О творчестве Острогорского написано много, мы приведем лишь отдельные работы: *Максимовић Љ.* Вредност историчаревог дела — на годишњицу смрти Георгија Острогорског//Историјски гласник. Бр. 1—2. 1977. С. 283—285; *Ђурић И.* Георгије Острогорски (1902—1976)//Там же. С. 286—291; Комеморација професору Георгију Острогорском: *Ферјанчић Б.* Академик Георгије Острогорски у светској византологији; *Николајевић И.* Истраживања Георгија Острогорског о принципима византијске уметности; *Ћирковић С.* Академик Гергије Острогорски у југословенској историографији; *Баришић Ф.* Академик Георгије Острогорски као организатор научних истраживања//Зборник радова Византолошког института. Бр. 18. 1978. С. 269—285.

[4] Die ländliche Steuergemeinde des byzantinischen Reiches im X. Jahrhundert. Vierteljahrschrift für Sozial- und Virtschaftsgeschihte. 20 (1927). 1—108 (repr. Hakkert A. M. Amsterdam, 1969)=Сабрана дела. Т. II. Сеоска пореска општина у Византијском царству у X веку. С. 259—350.

[5] Полную библиографию работ Г. А. Острогорского см.: *Крекић Б.*, *Радојчић Б.*, *Ђурић И.* Библиографија радова академика Георгија Острогорског//Зборник радова филозофског факултета. 12—1. Београд, 1974. 1—14 (до 1971 года включительно); *Hunger H.* Georg Ostrogorsky. Almanach der Osterreichischen Akademie der Wissenschaften 127. Wien, 1977. S. 543—544 (продолжение).

[6] Подробно о творчестве Г. А. Острогорского см.: *Ферјанчић Б.* Георгије Острогорски (1902—1976)//Глас Српске Краљевске академије наука и уметности CCCLXXII. Одељење историјских наука. Књ. 8. Београд, 1993. С. 57—95.

[7] Первое немецкое издание вышло в 1940 году: *Ostrogorsky G. A.* Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1940. Эта книга выдержала много переизданий и переведена на несколько языков. У нас она снова недавно переиздана: *Острогорски Г. А.* Историја Византије. Београд, 1993.

[8] По собственному признанию Острогорского, в более поздние годы он вряд ли бы решился на такую работу (свидетельство академика Б. Ферьянчича, ученика Острогорского, унаследовавшего от учителя кафедру византологии, и нынешнего директора Византологического института).

[9] *Каждан А. П.* Концепция истории Византийской империи в трудах

Г. А. Острогорского//Византийский временник. Вып. 39. 1978. С. 76—85; *Ферјанчић Б.* Георгије Острогорски... С. 57—89.

[10] *Острогорски Г.* Порфирогенитова хроника српских владара и њени хронолошки подаци//Историјски часопис. Бр. 1—2. 1948. С. 24—29 = Сабрана дела. IV. С. 79—86.

[11] Ср. *Максимовић Љ.* Структура 32. главе списа Де администрандо империо// Зборник радова Византолошког института. Бр. 21. 1982. С. 25—32; *Ферјанчић Б.* Георгије Острогорски... С. 81.

[12] *Острогорски Г.* Серска област после Душанове смрти. Београд, 1965 = Сабрана дела. IV. С. 423—631.

[13] *Острогорски Г.* Пронија. Прилог историји феудализма у Византији и у јужнословенским земљама. Београд, 1951 = Сабрана дела. I. С. 119—342.

[14] *Максимовић Љ.* Развој Византологије. С. 664 и след.

[15] *Баришић Б. Ф.* Десет година Византолошког института//Зборник радова Византолошког института. Бр. 5. 1958. С. 219—227.

[16] Включая выпуск 33, 1994, который в ближайшее время выйдет из печати; до сих пор опубликовано 30 книжек (один номер вышел в двух книжках, и четыре книжки выходили как сдвоенные номера).

[17] До сих пор опубликовано пять книжек «Византийских источников по истории народов Югославии» и четырнадцать монографий, которые составили девятнадцать томов «Отдельных изданий Византологического института».

[18] Материалы Конгресса вышли в трех объемных томах: Actes du XII congrès international d'études byzantines (Ochride, 10—16 septembre 1961). T. I, II, III. Beograd, 1964.

[19] *Острогорски Г.* Двадесетогодишњица Византолошког института//Зборник радова Византолошког института. Бр. 11. 1968. С. 8.

[20] В одном из интервью газете «Политика» Острогорский сказал: «Если бы я мог писать прозу, как Чехов, я бы давно ничем другим не занимался!»//Политика. 27 октобар 1974. Бр. 21934.

И. В. Голенищева-Кутузова

Эпическое творчество народов Югославии в трудах И. Н. Голенищева-Кутузова

«Богатство сербского Средневековья, хорватского и далматинского Ренессанса, мощный национальный эпос и тысячелетняя культурная традиция являются лучшими гарантиями нового творческого подъема обновленной Югославии»,— писал в 1930 году Илья Николаевич Голенищев-Кутузов [1], русский ученый, стяжавший мировое признание своими трудами по истории европейских литератур от эпохи поздней античности до наших дней [2]. Особое место в его научных изысканиях занимала культура народов Югославии, страны, где волею судеб ему пришлось прожить более половины своей жизни, страны, где он окончил гимназию и университет, где учил школяров и студентов, где сражался в годы войны в рядах антифашистского Сопротивления и Народной армии, где имел много верных друзей.

В молодые годы Голенищев-Кутузов исходил пешком всю Югославию, особенно притягивали его глухие захолустные селения, где в 20-е—30-е годы еще сохранялись пережитки архаического уклада и теплились последние в Европе очаги народной эпической поэзии. Когда он слушал напевы сербских и боснийских гусляров, в нем невольно пробуждалась память о раздольных русских песнях, которые звучали в его родном приволжском селе. В 1928 году на материале сербскохорватских народных песен и преданий Голенищев-Кутузов написал либретто оперы в пяти действиях и девяти картинах, на которое польский композитор Людомир Михал Ро-

говский сочинил музыку. Они работали в келье монастыря св. Иакова на окраине Дубровника, где в 1601 году бенедиктинский аббат Мавро Орбини писал о православных сербских юнаках, восхваляя косовских мучеников [3]. В стенах того же монастыря в XVIII веке известный дубровницкий поэт аббат Игнатий Джорджевич написал поэму о смерти Королевича Марко. Можно сказать, что насыщенная любовью к старинным народным преданиям атмосфера старого аббатства помогла Роговскому и Голенищеву-Кутузову создать произведение просветленное и радостное, исполненное страстной любовью к жизни, упоенное славянской волей. Польский композитор, объехавший полмира и обосновавшийся на склоне лет в Дубровнике, был также автором драматической симфонии «Чудо святого Влаха» на текст Иво Войновича, которая ежегодно исполнялась на соборной площади 3 февраля — в день патрона города св. Влаха в память об освобождении Дубровника от венецианцев.

Фрагменты своего либретто Голенищев-Кутузов будет читать в Париже на собрании молодых русских литераторов 8 февраля 1930 года [4], где выступит также с докладами о сербской эпике в сопоставлении с русскими былинами (18 июня 1932 г.) и о теме России в песнях югославских гусляров [5].

Летом 1932 года в Дубровник приехал талантливый исследователь древнегреческого эпоса профессор Гарвардского университета Мильман Пэрри, незадолго до того защитивший в Париже докторскую диссертацию об эпитетах у Гомера. Здесь он познакомился с Голенищевым-Кутузовым. Как вспоминал впоследствии Илья Николаевич, ему пришлось обучать Пэрри сербскому языку с самых азов, а также делиться с ним своими познаниями о наиболее, с точки зрения американца, «романтических» краях, как Герцеговина и Черногория. Пэрри был восхищен, впервые увидя в маленькой кафане вблизи церкви св. Влаха «живого аэда» — гусляра Николу, который стал помогать молодым ученым в их работе; он легко сводил знакомство с гуслярами, потчевал их ракией и уговаривал исполнять песни. Летом 1933 и 1934 годов они совершали фольклорные экспедиции по Герцеговине, Боснии и Далмации, во время которых Кутузов вел записи текстов. С осени Голенищев-Кутузов начал читать лекции в Белградском университете и не смог больше участвовать в этих поездках. Американского ученого стал сопровождать его ученик Альберт Лорд, который продолжил работу

своего учителя после ранней смерти Пэрри в 1935 году. Кутузову запомнились оживленные ночные споры в горных селах Герцеговины, где они собирали песни и вели беседы с гуслярами. В беседах с Пэрри Кутузов не скрывал, что сомневается в самой возможности проводить внеисторические параллели между древнегреческим и сербским эпосом и не слишком верил в мечту Пэрри найти среди южнославянских гусляров «Гомера XX века». Молодые ученые мечтали расширить свои изыскания в эпических областях Средней Азии и Сибири.

В 1936 г. в «Српском книжевном гласнике» появилась статья Голенищева-Кутузова «Россия в наших народных песнях», в которой он показал, как бережно хранили народные певцы благодарное чувство к России и русскому народу, не раз приходившему на помощь славянскому Югу в самые критические моменты его истории.

На III-ем международном конгрессе славистов, который должен был состояться в 1939 году в Белграде, но из-за начавшейся войны был отменен (успели однако выйти в свет рефераты подготовленных докладов), Голенищев-Кутузов предполагал выступить с несколькими (один в соавторстве с будущим президентом Сербской академии наук А. Беличем) докладами; один из них посвящен сербо-мусульманскому эпосу, которому он впоследствии уделит более пристальное внимание.

Итогом многолетних занятий фольклором Югославии явились несколько работ, написанных Голенищевым-Кутузовым в Москве в 50-е и 60-е годы. Сказочному творчеству южных славян было посвящено его предисловие, предпосланное многотиражным изданиям югославских народных сказок, переиздававшееся четыре раза (последнее — в 1992 г.). Здесь читаем: «Три религии — православие, католичество и ислам — столетиями разделяли южных славян на три, не совпадающие с этническими группы, чью культуру питали разные источники легенд, поверий, преданий. Глубокий след в народном сознании оставило и богумильское движение с его дуалистическим восприятием мира, как арены противоборства добра и зла, света и тьмы. Следует удивляться тому, что при этих влияниях и различных наслоениях сербы, хорваты, македонцы и другие южнославянские народы сохранили в значительной степени общность воззрений на природу, общество и судьбы человека. Эта общность, как можно предположить, восходит еще к древнейшим, может быть, общеславянским временам». Художественное достоинство народного рассказа и песни, как неоднократно убеждался во

время своих фольклорных путешествий Голенищев-Кутузов, зависит главным образом от таланта сказителя и гусляра. Именно поэтому так велика роль собирателей народного творчества, их умения различать значительное от второстепенного, художественно ценное от бездарного в живом и непрерывно меняющемся потоке народного повествования. Образцом должен служить Вук Караджич, порой в течение многих лет терпеливо искавший лучший вариант слышанной им сказки или песни. Отступлением от практики и заповеди Вука Голенищев-Кутузов считал многие издания югославского фольклора, в том числе и подготовленное Альбертом Лордом, учеником Пэрри, которые перегружены обилием посредственных бледных записей, свидетельствующих о вырождении эпической традиции в 30-е годы, когда они были сделаны.

Уникальным по своему составу, качеству переводов [6] и сопровождающему научному аппарату следует признать подготовленное Голенищевым-Кутузовым для академической серии «Литературные памятники» издание «Эпос сербского народа» (М., 1963). Трансформации в веках косовской легенды он посвятил специальное исследование, опубликованное в «Известиях Академии наук СССР» в 1964 г.[7]. Проблемы изучения славянского эпоса — его сюжета, эпической техники и эпической среды рассматривались в выступлении Кутузова на IV-м международном славистическом конгрессе в Москве в 1958 г., на котором Илья Николаевич сделал также большой доклад о ренессансных славянских литературах. И наконец, завершило его разыскания в области югославянской эпики большое исследование, полный текст которого был опубликован посмертно в его книге «Славянские литературы» (М., 1973). Попытаюсь кратко изложить основные идеи, положения и красочный документальный материал, послуживший базой этого исследования. Новаторскими в нем бесспорно следует признать включение в сферу рассмотрения мусульманского эпоса, анализ техники гусляров и использование богатого опыта мировой и особенно русской фольклористики. Собственные полевые наблюдения и масштабное фольклористическое мышление счастливо соединились, дав обильные всходы результатов, выходящих за рамки югославского фольклора и представляющих интерес для филологов разных специальностей. Равно интересно оно и для изучающих искусство импровизационного театра (например, итальянской комедии дель арте, оказавшей влияние на театр многих европейских стран).

Одной из наиболее спорных проблем в изучении сербского эпоса является проблема датировки различных циклов. Голенищев-Кутузов подходил к ней весьма осторожно, опираясь на свои обширные познания сербской истории. «Во времена феодальных усобиц XIV—XV столетий,— писал он,— вряд ли возможно обнаружить «патриотическую идею», свойственную Косовскому циклу. В узком эгоизме феодальных правителей, готовых в любую минуту перейти из одного лагеря в другой — от турок к христианам и обратно — не могла возникнуть мысль о единстве сербского народа, выраженная в эпическом заклятии князя Лазаря «каждому сербину, кто не выйдет на Косово поле и не будет на Косове биться». Такие идеи вряд ли существовали в XIV—XV вв. в народных массах, они могли возникнуть лишь в другой среде и в другую эпоху». Поскольку с XV до конца XVIII века сербы находились в обоих лагерях, сражались за дело христианских государств (Венгрии, Венеции, Австрии) и турецких султанов, «великий плач о гибели сербской земли» — один из основных мотивов народной поэзии — начался в населенных сербами южных провинциях Венгерского королевства.

Герои многих эпических песен — гайдуки действовали во всех областях Сербии, Боснии, Герцеговины, Черногории и Далмации в продолжении нескольких столетий, терроризируя нередко целые области и сражаясь не только с турками, но нападая вместе с ними на караваны богатых купцов и богатые селения православных и католических сербов и католиков-дубровчан. Чтоб устрашить их, турки прибегали к самым крутым мерам. Головы непокорных красовались на стенах замков и городов. Турки изощрялись в самых жестоких пытках: сажали на кол, сдирали кожу, сжигали на медленном огне, подвешивали на железных крюках. Эта борьба и расправы продолжались в течение пяти веков и привели к страшной ненависти и ожесточению. Понятно, что многие сцены юнацких песен шокировали веймарского министра Гёте, который как поэт не мог не почувстовать силу и выразительность ярких и безжалостных образов сербского эпоса.

В эпических областях, как например, боснийская Краина, в течение столетий происходили непрестанные стычки и сражения, набеги, грабежи, умыкание невест. Этими подвигами одинаково прославились и мусульманские беги и сербские гайдуки.

Значительный интерес для Кутузова, как исследователя эпической среды в сербских областях Османской империи, представляли

отношения между турецким государством и православной церковью, которая в течение многих веков была единственным центром сербской письменности, хранительницей культурного наследия народа. Утратив свою самостоятельность после того, как турки завладели Смедеревом, она благодаря визирю Мехмеду Соколовичу смогла восстановить сербскую патриархию, первым патриархом которой стал брат визиря Макарий. Печской патриархии стали подвластны не только Сербия и провинции южной Венгрии, но также восточная Болгария, Черногория, Герцеговина и Босния. В теократической системе мусульманской империи сербская церковь образовала как бы государство в государстве. Она представляла единственную политическую силу, объединявшую всех сербов от Дуная до Адриатики и в значительной степени способствовала сохранению единства сербского народа в самые мрачные века его существования, не давала угаснуть культурным очагам, сосредоточенным главным образом в монастырях. То же самое можно сказать о роли болгарской церкви под османским и русской — под монгольским игом.

После того, как в конце XVII века турки, мстя сербам за помощь австрийцам, начали вырезать сербское население, начался массовый исход народа под водительством патриарха Арсения Чарноевича на территорию Венгрии. Эта миграция имела, по мнению Кутузова, огромное значение для общественного развития сербского народа. В империи Габсбургов сербы подверглись благотворному влиянию русской и западноевропейской культуры. При Петре I начался переход сербов из Венгрии в Россию, продолжавшийся и при Елизавете. Много сербов, поступивших на российскую службу, сделали блестящую карьеру. К их числу принадлежал и один из первых собирателей сербских народных песен и автор первой истории сербского народа (издана в Венеции в 1761 г.) Павле Юлинац, бывший русским консулом в Неаполе. Во второй половине XVIII в. в сербскую среду проникли идеи Просвещения.

Народные певцы повествовали о том, как святыни сербского народа и регалии византийского и сербского государства были увезены из Константинополя в Россию. В сербских песнях рассказывается также, как московский королевич Михаил (а не польский полководец Ян Собески) освобождает Вену от турецкой осады и заставляет австрийского кесаря соблюдать православные посты. В сербской народной песне русская императрица именуется обычно «госпожой Елисавкой»; этот эпоним возник при переселении примерно ста тысяч сербов на Украину при Елизавете Петровне.

Голенищев-Кутузов показывает многообразие «эпической среды» южных славян. Он утверждает, что эпическую поэзию не изобрели феодалы (как впрочем и церковные книжники), ее также не выдумали гайдуки или крестьяне-скотоводы. Ее создали народные поэты, имена который нам в большинстве случаев неизвестны, но бесспорно, что принадлежали они не исключительно к феодальной или крестьянской среде.

Общение с гуслярами и сказителями убедило Кутузова в том, что народная поэзия подчинена особым законам устной композиции. Если сюжеты возникали и забывались, ритмика, эпитеты, композиционные схемы, а также некоторые образы и сравнения были устойчивым элементом народной поэзии, подвергаясь лишь весьма медленному изменению. Устная передача требовала особого развития памяти. Эта память не была постоянной и в течение веков сочеталась с непрестанными изменениями. Будучи поэтом устной системы, гусляр должен был подчиняться законам устной композиции. Композиционная схема весьма часто видоизменяла до неузнаваемости то, что могло быть историческим событием.

Героическое сказание не является смешением мифа и истории; сущность народного эпоса — поэтическое выражение событий, преображенных фантазией и подчиненных традиционной устной эпической технике и нормам эпических воззрений коллектива. Поэтому для понимания эпических песен важнее всего свидетельство о верованиях и политических воззрениях народных масс или более замкнутых социальных групп. Над гуслярами тяготеет традиция, заставляющая их представлять события такими, какими они должны были быть, а не какими они были в действительности. Он приходит к заключению, что дошедшая до нас героическая народная песня южных славях насчитывает не более пятисот лет. Более древние мотивы следует рассматривать как реликты, вставленные в новые композиции или как продукты книжного влияния.

Рассматривая наиболее древний из «исторических» циклов — цикл Королевича Марко, Голенищев-Кутузов не без юмора замечает, что исследователи сербского эпоса занимаются неразрешимой проблемой: почему гусляры сделали общеславянским героем вассала турецкого султана, не слишком удачливого в военных и политических делах македонского князька, сына непопулярного короля Вукашина. Поэтические биографии эпических героев других народов приводят его к заключению, что выбор малоизвестного исторического

лица, как центральной фигуры, вокруг которой складываются легенды, песни, предания — явление нередкое — так произошло с французским Роландом или тибетско-монгольским Гэсэром. Эпический Королевич Марко создан не событиями, а творческой фантазией певцов в течение долгого времени. Судьба песенного Марко — судьба трагическая, полная неразрешимых противоречий. Образ Марко, созданный легендой, стал настолько живым, что в разных пределах Балканского полуострова народ связывает его имя с городами, горами, колодцами, руинами, ручьями, лесами. Даже слабости Марко стали дороги народу. Именно таким предстает Марко в согласии с эпической традицией в драматическом произведении Голенищева-Кутузова, положенным на музыку Л. М. Роговским. В песнях о Королевиче Марко Голенищев-Кутузов отмечает несомненные реликты феодальных отношений. Но приписывать разлагающемуся феодальному обществу главную роль в создании народной эпики так же неверно, как утверждать, что сербская эпика совершенно не зависела от феодального общества и что эпос создали только крестьяне в глухих урочищах Балкан.

Голенищев-Кутузов говорит о далматинско-боснийском барокко в эпосе XVII века, особенно отразившемся в описании одежды, вооружения, раззолоченых карет, свадебных шествий. О влиянии стиля барокко свидетельствуют также гиперболизированный героизм, рассказы о подвигах, построенные на принципе «игра света и тени», любовь к маскарадам и жестам, а также патетика в психологических портретах. Приморско-краинский эпос XVII столетия при сопоставлении с поэмой Гундулича «Осман» делает эти стилевые приемы более ясными.

Гусляры, воспевавшие новые времена: восстание Милоша Обреновича, войны черногорцев с турками, восстание Карагеоргия, пользовались традиционными схемами, мешали быль с фантазией, однако нередко воссоздавали историческую атмосферу тех героических лет, когда сербы с оружием в руках поднялись против вековых угнетателей.

Для создания легенды и песни необходима не только эпическая память, но и эпическое забвение. События должны отодвинуться в прошлое. Об этом прекрасно знали гусляры, с которыми приходилось беседовать Мурко, Пэрри и Голенищеву-Кутузову. Сюжет должен долго бродить по свету, обрастать мотивами (или терять их), пока не натолкнется на одаренного гусляра, чтобы из сказания стать песней, из притчи — поэзией.

Особое внимание Голенищев-Кутузов уделил южнославянским мусульманским песням, которые сербские литературоведы долгое время просто включали в мусульманский цикл. На самом деле эпос балканских мусульман сербского происхождения по «эпическому пространству» и художественному значению едва ли не равен христианскому эпосу и сам содержит несколько циклов.

Песни южнославянских мусульман весьма часто содержат те же сюжеты, что и сербские, но они как бы «вывернуты наизнанку» (при подходе с христианской стороны). В эпосе Краины (Босния) мусульманские юнаки преследуют, берут в плен и убивают сербских юнаков (скажем, Муса Разбойник — Королевича Марко, Джерджелез-Алия — гайдука Старину Новака и его товарищей).

Но не одна лишь идеологическая перелицовка примечательна в поэзии боснийских мусульман. Ее отличительная особенность — любовь к деталям, многословное и тщательное описание пиров, оружия, нарядов, коней. В ней встречаются эротические сцены, «классическому» сербскому эпосу несвойственные, чувствуется проникновение мотивов из восточной (турецкой) сказки, из вариантов «Тысячи и одной ночи». Характерны для нее также некоторая вольность в размере, изобилие турецких и арабских слов. Однако славянские антитезы, постоянные эпитеты, некоторые метафоры, наконец, традиционное для южнославянского эпоса повторение тесно связывают мусульманскую песнь с сербской. Не приходится сомневаться, что мусульманская эпика — явление более позднее, чем сербская. Она восходит к XVI столетию.

Сербская героическая песня обычно кратка. Она ограничивается одним действием, развивающемся равномерно. Гусляр преднамеренно концентрирует действие, избегая многоплановости композиции. От этого выигрывает эпическая напряженность. Певец обращает внимание на самое главное, не вдаваясь в детали. Совсем иные принципы в эпике Краины. Действие краинской песни двустороннее (например, в лагере турок и в лагере христиан — как в «Песне о Роланде») и переносится из одного центра в другой. На обоих этих планах картины симметричны и синхронны. Особую важность приобретает «средний план», где происходят события, необходимые для связи повествования и где действуют разные посредники, персонажи, ведущие двойную игру. Создаются напряженные и неожиданные ситуации.

Голенищев-Кутузов вполне разделяет мнение Радлова о том, что «большой эпос может составить человек, вышедший из народной

среды и сам владеющий техникой певца, который в то же время приобщился к культуре и обладает ярким индивидуальным талантом. Большой эпос (от «Илиады» до «Калевалы») возникает только на стыке эпического периода с культурным и требует от певца принадлежности к «обоим мирам» [8]. Голенищев-Кутузов весьма скептически отнесся к поискам Мильманом Пэрри «Гомера XX века» среди мусульманских певцов в 30-е годы XX века и объявлению таковым Авдо Меджедовича, который в основу своей песни «Свадьба Смаилагича Мехо» взял печатное издание и растянул его до 12 тысяч стихов.

С мусульманскими песнями, полагал Кутузов, надлежит поступить так, как Вук Караджич поступал с сербскими, а не черпать бездумно и без разбора из хранилищ неизданных записей народного творчества.

Обычно бывает трудно проследить в веках становление и развитие эпической легенды, которая лежит в основе юнацкой песни. Косовская легенда представляет счастливое исключение. Можно наблюдать, как постепенно образовывалось предание в разных, часто противоречивых версиях. Стараясь разобраться в этом процессе, Голенищев-Кутузов предлагает анализ, который, как он полагает, имеет значение не только для песен южных славян, но и для героических эпосов других народов.

Как заметил еще А. Шмаус, в народных песнях сербов-мусульман образ султана Мурата, исламского праведника, как бы противопоставляется князю Лазарю, а иногда даже заимствует некоторые черты от лика православного мученика [9].

Голенищев-Кутузов обстоятельно рассматривает разные версии легенды: русскую (дьякона Игнатия), сербские, турецкие, греческие и западные (венецианскую, французскую). Подытоживая разбор источников о битве на Косове, он приходит к выводу, что от конца XVII столетия до времен Вука Караджича можно проследить традицию песен краткого стиха о Косове, существовавших, как можно предполагать, и раньше, хотя тексты из более ранней эпохи нам неизвестны.

В XVII—XVIII столетиях наблюдается двойной процесс: проникновение народных песен в литературу и в то же время заимствование некоторых мотивов записанных легенд гуслярами. Все же писаное предание и устная песня во многом не совпадали. Существовало два предания: литературное и устное.

Таким образом Косовский цикл в том виде, в каком он передан грядущим поколениям Вуком Караджичем, состоит из песен, сочиненных в народном духе при помощи устной эпической техники, и песен народных, испытавших книжное влияние. Косовские песни обрели новую жизнь в освобождавшейся и освобожденной Сербии XIX века. Они вскоре стали почитаться национальным сокровищем. Их воздействие на культурную и общественно-политическую жизнь южных славян было огромным. Вука Бранковича проклинали поколения. Милоша ставили себе в пример молодые герои, боровшиеся за национальную независимость. Косовым клялись сербы во времена балканских войн. Косовский мавзолей работы Ивана Мештровича стал в XX веке памятником народной славы и символом единства народов Югославии.

Большой интерес обилием свежего материала и наблюдений представляет раздел исследования Голенищева-Кутузова, посвященный ученым разных стран, внесшим наибольший вклад в изучение сербского эпоса, и народным певцам. Еще Яков Гримм утверждал, что «со времен гомеровских поэм до настоящего времени нет во всей Европе ни одного явления, которое могло бы так ясно представить сущность и возникновение эпоса, как сербские народные песни» [10].

В сборниках Вука напечатано подавляющее большинство художественно наиболее ярких песен, нам известных. Отбор, проведенный Вуком, свидетельствует о его прекрасном понимании репертуара современных ему гусляров. Однако география распространения эпоса, известная Караджичу, была значительно расширена новейшими исследованиями. Голенищев-Кутузов считал, что песнями, заслужившими полное одобрение Вука, можно считать лишь те, которые он сам подготовил к печати и опубликовал в первых четырех книгах своего венского издания 1841—1862 годов, а также отредактированную им пятую книгу. Новые четыре книги, присоединенные исследователями архива Караджича и составленные из неизданных Вуком материалов, составлены некритически, без особого разбора. Песня в представлении Вука была произведением определенного гусляра, которого он, не стесняясь квалифицировал как хорошего, среднего или плохого. Поэтому у Вука нет того «бережного отношения» к народному тексту, нет того фетишизма, который так свойствен новейшим ученым-фольклористам. Он сам знал ремесло не хуже любого гусляра. Пропуски он заполнял

из других записей, ошибки в ритме и в диалекте и непоследовательность в повествовании исправлял. Редкое чувство меры и глубокое понимание народной поэзии способствовали тому, что Вук создал уникальный памятник сербской народной поэзии. Ни один собиратель не обладал его качествами и не смог дать сборника, равноценного классическому изданию Вука.

В записях, сделанных после Вука, Голенищев-Кутузов выделяет два основных вида: песни, относящиеся к новым событиям (XIX—XX веков) и песни, претендующие быть наследием седой древности.

Занятия дубровницкой ренессансной литературой помогли Голенищеву-Кутузову обнаружить, что песни долгого стиха были известны уже в XVI веке: они возникли и бытовали на территории между Сплитом и Скадарским озером и в прилегающих районах Боснии и Герцеговины. Эта зона была сильно подвержена влиянию городской культуры. Он не видит основания открывать в бугарштицах — поэзии рыбаков, гайдуков и мелких горожан — наследие бежавших от турок в Далмацию сербских и боснийских феодалов.

Самой значительной публикацией текстов после Вука было многотомное издание «Матицы Хорватской» (Загреб, 1896—1942, тома I—X), где помещено много мусульманских песен, преимущественно из северо-западной Боснии. В отношении к редактированию текстов издатели Лука Марьянович и Никола Андрич руководствовались теми же принципами, что и Вук.

Гусляры эпохи Вука были сплошь неграмотными, вне какого-либо влияния школы. В то же время на некоторых из них оказала влияние церковная и монастырская среда (особенно в Среме).

Если в XIX веке историки литературы скорее интересовались сюжетом, выясняли происхождение тем и мотивов, пути влияний, определяли заимствования, устанавливали «историчность или неисторичность» эпических героев, то с начала XX века исследователи югославского фольклора стали посвящать особое внимание «эпической среде» и технике гусляров.

Чтобы понять, как развивалось изучение техники устного народного творчества, Кутузов обращается к исследованиям эпического творчества народов Средней Азии, прежде всего В. В. Радлова. Он согласен с Радловым, что импровизация народных певцов не есть постоянное сочинение новых стихов, скорее это новая комбинация

готовых стихов, формул, шаблонов. Количество готовых картин и умение их соединять — мерило дарования певца. Эта эпическая техника является свойством всех эпических народов, начиная от древних греков. Сам эпос может существовать лишь на определенной ступени общественного развития.

Голенищев-Кутузов использует также наблюдения А. Ф. Гильфердинга, изучавшего былины русского Севера. Как в русских былинах, так и в сербских юнацких песнях именно одаренные певцы часто варьируют «типические места». Он отмечает, как те же стихи и образы, независимо от содержания, появляются в разных песнях одного и того же певца.

Исследователь мусульманского сербского эпоса М. Мурко, последние экспедиции которого (в 1930—1932 гг.) совпали с экспедициями Кутузова, на многочисленных примерах подтвердил, что устная поэзия сербских и сербско-мусульманских певцов — импровизация, подчиненная тем же законам, что и русская или киргизская. Кутузов дополнил этот ряд монгольским («Гэсэр»), якутским («Олонхо»), алтайским и казахским («Алпамыш») эпосами.

Хотя в исследовании творчества средневековых французских жонглеров сторонники литературного, а не устного эпического происхождения шансон де жест (chanson de geste) преобладали, Голенищев-Кутузов был на стороне вторых. Он обратил внимание на то, что структура средневекового французского эпоса необычайно напоминает архитектонику произведений сербов-мусульман. В качестве примера он рассматривает параллельно начало «Песни о Роланде» и югославской мусульманской песни «Джерджелез-Алия, царский боец» (издание «Матицы Хорватской» т. I, № 1). Параллели к такой архитектонике он находит и в эпосе Средней Азии. Сопоставление это имеет целью не установление влияний, а понимание путей развития эпоса от простой драматической структуры, стремящейся к развязке (как в архаических сербских песнях) к сложной двуплановой структуре мусульманских песен Герцеговины и Черногории.

Исследование техники народных певцов приводит его к заключению, что несмотря на существенную разницу между поэзией письменной и устной, экспрессивные средства обеих систем почти те же. В песнях безымянного гусляра иногда встречаются отрывки, художественная выразительность, сила драматического действия и психологическая глубина которых достойны Данте или Шекспира.

Сербские гусляры создали замечательные пейзажи суровой Герцеговины и благостного Приморья в песне «Женитьба царя Вукашина» и горный пейзаж в «Женитьбе бега Любовича», которые по яркости не уступают лучшим картинам природы казахского и киргизского эпоса и соперничают с образами великих поэтов в литературном эпосе.

Выступая на IV-м международном конгрессе славистов в Москве в 1958 г. Голенищев-Кутузов говорил: «Большая наука осуществляется тогда, когда скрещиваются разные специальности и привлекается материал, который еще не был в обиходе» [11]. Слова эти можно с полным правом применить к его собственным исследованиям в области эпического творчества народов Югославии.

В своей последней, посмертно изданной работе «Сербская, болгарская и македонская литература конца XV—XVI столетий», предназначавшейся для девятитомной академической «Истории всемирной литературы» он напишет: «Сербский эпос XIV—XVII веков имеет международный европейский интерес и входит не только в местную литературу Балкан, но является достоянием литературы общеевропейской и мировой» [12].

Примечания

[1] *Голенищев-Кутузов И. Н.* Русская культура и Югославия//Числа. Париж, 1930, кн. 2—3. С. 293—297.

[2] *Голеенищев-Кутузов И. Н.* Итальянское Возрождение и славянские литературы XIV—XVI веков. М., 1963; *он же.* Средневековая латинская литература Италии. М., 1972; *он же.* Творчество Данте и мировая культура. М., 1971; *он же.* Романские литературы. М., 1975.

[3] В книге «Славянское царство», попавшей за эту хвалу на индекс, то есть в список запрещенных римской курией и подлежащих повсеместному изъятию книг.

[4] Под названием «Марково богомолье. Драматические сцены» напечатаны в парижской газете «Россия и славянство» от 19 апреля 1930 г.

[5] О своей близости с гуслярами Голенищев-Кутузов расскажет в статье «Притчи о Насрадин-ходже в югославянском фольклоре»//Россия и славянство, ноябрь 1931, № 155.

[6] Антология состоит из разделов: Песни легендарные и сказочные; Цикл Королевича Марко; Косовский цикл; Песни из времен турецкого ига. Публикуются переводы А. Ахматовой, Д. Самойлова, Н. Заболоцкого, М. Зенкевича, М. Исаковского, Б. Слуцкого и 20 песен в переводах Голенищева-Кутузова, который также

сверил с оригиналами и обработал переводы Гальковского, издателя антологии «Сербский эпос» еще дореволюционного времени (М., Сабашниковы, 1916).

[7] Серия литературы и языка, т. 23, вып. 3. С. 213—228.

[8] *Радлов В. В.* Образцы народной литературы северных тюркских племен. Ч. V. СПб., 1885. С. XXII—XXIII.

[9] *Шмаус А.* Косово у народноj песми муслимана//Прилози проучавању народне поезиjе. Београд, 1938, т. V. С. 101—121.

[10] *Попович П.* Обзор истории сербской литературы. СПб., 1912. С. 98.

[11] Слова эти относились к докладу В. М. Жирмунского «Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса». М., 1958. См. *Голенищев-Кутузов И. Н.* Славянские литературы. М., 1973. С. 217.

[12] Там же. С. 52.

Раде Михальчич

История сербского права в трудах Федора Тарановского

Покинув Россию, известный ученый из трех предложенных ему кафедр Варшавского, Софийского и Белградского университетов предпочел кафедру последнего. Вряд ли на этот выбор повлияла его женитьба на Марии Н. Стефани, чьи предки были выходцами из Далмации [1]. Сам Ф. В. Тарановский происходил из смешанной русско-польской семьи, и с Польшей его связывало многое: польское происхождение матери, годы учебы, первые исследовательские шаги. Один из сотрудников ученого, Александр Соловьев, вспоминал, что Тарановский «особенно любил землю своих дедов, северную Волынь, ее леса в низовьях Припяти — прародину всех славян» [2]. В Варшаве Ф. В. Тарановский окончил гимназию и юридический факультет Русского университета, где ему посчастливилось слушать известных профессоров — Федора Леонтовича, специалиста по хорватско-далматинскому и литовско-русскому праву, и Федора Зигеля, читавшего курс по истории права славянских народов, автора труда о Законнике Стефана Душана и других трудов (мы упоминаем лишь профессоров, занимавшихся правом южнославянских народов).

Еще студентом Ф. В. Тарановский приступает к самостоятельным исследованиям. Его работа «История памятников магдебургского права в западно-русских городах в период Великого литовского царства», награжденная золотой медалью, показала, что в городах западной России применялось германское право.

В 1899 году Ф. В. Тарановский сдает экзамен на звание магистра

и становится доцентом кафедры энциклопедии права Варшавского университета. В 29 лет он публикует две работы, которые свидетельствуют о широте его интересов и привлекают к себе внимание научных кругов: «Политическая доктрина в инструкции Екатерины II» и «Правовой метод в науке о государстве. Его развитие в Германии». Вторая работа, как отмечает Е. В. Спекторский, «несомненно прославила бы его имя в мировой науке, если бы не язык, о котором и сейчас говорят: «Rossica non leguntur» [3].

Однако кропотливый труд и блестящие работы сделали Тарановского известным и в других университетах. В течение четырех лет он преподает историю российского права в Ярославле, а с 1908 по 1917 год — в Юрьеве (Тарту). Появление обширной монографии «Догматика позитивного государственного права во Франции за время старого режима» способствовало продвижению его карьеры. В 36 лет он становится профессором.

Из богатой и разнообразной библиографии Ф. В. Тарановского этого периода выделим лишь «Энциклопедию права», учебник, который не содержит новых теоретических положений, однако отличается своеобразным подходом к материалу: это — «изложение истории права как явления социального», любой из затронутых вопросов исторически обосновывается автором [4]. В течение шести лет учебник выдержал три издания.

Еще в 1911 году министр просвещения предложил Тарановскому кафедру на юридическом факультете Петербургского университета. Однако, ратуя за идею автономии университетов, Тарановский отклоняет это предложение, ссылаясь на то, что не желает быть назначенным на высокую должность без предварительных выборов. Позднее его избирают единогласным голосованием, однако ученый продолжает работать в Юрьеве, ибо на этот раз министр не счел возможным утвердить его в должности. Кафедру в Петербурге Тарановский получает лишь в 1917 году, после провозглашения автономии университетов. Однако вскоре наступает Октябрьская революция.

Свою плодотворную научную деятельность Ф. В. Тарановский продолжил на юридическом факультете Белградского университета, где со смертью Д. Миюшковича (1903) была упразднена кафедра славянского права. С его приходом из Варшавы и Праги выписываются книги, необходимые для занятий по этому предмету. На основе курса лекций, прочитанных студентам, Тарановский вскоре

издает учебник «Введение в историю права у славян»[5]. Для студентов он также переводит с польского и дополняет статьи К. Кадлеца «Первобытное славянское право до X века»[6].

Ф. В. Тарановский интересовался Законником царя Душана и до своего приезда в Белград, однако систематические исследования этого единственного в своем роде памятника средневекового сербского права он начинает, лишь став профессором Белградского университета. Его работа «Принцип законности в Законнике царя Стефана Душана» представила новой научной среде зрелого исследователя[7]. Статьи 105, 171 и 172, ставящие закон выше царской воли, не вызывали в нем того, свойственного романтикам воодушевления, которое порой лишено всякой критичности. Опытный юрист и историк, Ф. В. Тарановский видел бездну между нормативным и реальным, между Законником и практикой его применения. Понимая, что многие положения памятника лишь на бумаге отражают добрые намерения законодателей (многие исследователи упускали это из вида), Ф. В. Тарановский никак не умалял декларативного значения статей, представляющих наивысшее достижение Душанова законника и отражающих политико-правовую идеологию своего времени.

Несколько позже этой проблемой занимался Никола Радойчич[8]. Он установил, что 171 и 172 статьи Законника царя Душана заимствованы из византийского права, и придерживался мнения, что царь «вполне серьезно» опирался на эти статьи, правда, лишь на вновь завоеванных греческих территориях, отличавшихся более развитым правовым сознанием, чем земли, издавна принадлежавшие Сербии.

Тарановский отмечал, что принцип законности не может быть сведен к трем статьям (105, 171, 172), что он последовательно проводится и в других соответствующих статьях Законника[9].

Работу Тарановского «Душанов законник и Душаново царство», которая вышла в издании Матицы Сербской как брошюра для массового чтения, Н. Радойчич назвал «блестящим популярным сочинением, отличающимся оригинальным взглядом на этот памятник права»[10]. А. Соловьев оценивает эту работу как «научный труд с глубоко продуманной концепцией и интересными параллелями»[11].

Хотя настоящий памятник — «плод влияния высокой правовой культуры Византии», здесь сохранены остатки более древних пра-

8 Заказ 4337

вовых норм и обычаев. Из 201 статьи, а именно столько статей согласно современной нумерации С. Новаковича содержит этот памятник, Тарановский выделил и проанализировал те, которые относятся к государственному устройству. Политическую идеологию царства он рассматривает, сравнивая государство Неманичей с ближайшими соседними, а также с западными и восточными средневековыми государствами.

Работа Ф. В. Тарановского «Законодательное право государства» посвящена известному хорватскому историку Ф. Шишичу [12]. Традиционное благоговение перед римским и византийским правом в течение долгого времени тормозило законотворческую деятельность в государствах, воспринявших духовное наследие античного мира. Право на суверенное законотворчество формировалось постепенно с развитием государственной самостоятельности. Постепенно развивался этот процесс и в государстве Неманичей. Сербские государи издавали указы (или законы), имевшие «партикулярную» силу. Устранение разночтений в феодальном праве средневековой Сербии, осуществленное лишь во время правления Стефана Душана, шло «рука об руку с развитием идеи царства, ибо только за царством признавалось несомненное и полное право на законотворчество» [13].

Посвятив достаточно внимания Законнику царя Душана, Тарановский исследовал и такие памятники права того времени, как «Синтагмат Матии Властара» — поздневизантийский сборник церковных, государственных и гражданских предписаний. Наряду с двумя греческими редакциями существует полный и сокращенный синтагмат на славянском языке. Исследователи (историки, юристы, теологи) долгое время избегали, да и до сих пор стараются избежать исследования Синтагмата Матии Властара. Поэтому столь значимы первые работы об этом памятнике, к каковым относится и работа Ф. В. Тарановского «Политические и правовые идеи в Синтагмате Властара» [14].

Отмечая, что «сокращенный славянский Синтагмат вошел в правовое обращение наряду с Законником и получил в средневековой Сербии auctoritatem fori», Тарановский тем не менее в качестве источника использует только полный извод. В работе рассмотрены отношения государства и церкви, царя и патриарха, царской и архиерейской власти. Указывается на терпимое отношение законодателей к традиционному праву и судебной практике как возможным источникам для законотворчества. Если Синтагмат Матии

Властара, как отмечает Тарановский, разрешает дополнять существовавшее законодательство за счет опыта судебной практики, то Душанов законник право расширения законодательства оставляет за царем. В работе вопреки обыкновению нет сравнительного рассмотрения полного и сокращенного изводов Синтагмата Матии Властара. Позднее это осуществил С. В. Троицкий, который пришел к неожиданным выводам о различных идейных основах двух редакций.

«*Majestas Carolina* и Законник царя Душана» — речь, произнесенная Ф. В. Тарановским по случаю его избрания в академики Сербской академии наук, была посвящена тем кодификациям правителей славянских государств XIV века: *Majestas Carolina* Карла IV в Чехии (1346), Статуты Казимира Великого в Польше (1347) и Законник Стефана Душана в Сербии (1349, 1354). Три средневековых памятника права, появившихся почти одновременно в трех славянских странах, словно созданы для сравнительного анализа. До Тарановского исследователи, сравнивая чешский и польский законники, пришли к выводу, что законник *Majestas Carolina*, где на первый план выдвигались интересы королевской власти, не был воспринят обществом, в то время как Статуты Казимира Великого, более приспособленные к потребностям общественного развития, нашли свое применение и легли в основу более позднего законотворчества в Польше.

Хотя чешская аристократия не приняла Законник Карла IV, Тарановский считал, что этот памятник — не просто незначительный эпизод в развитии чешского права, поскольку многие реформаторские нововведения, определившие оппозиционную роль Сейма, позднее утвердились в жизненной практике. Со своей стороны добавим, что здесь вполне уместно возникает вопрос применения и Законника царя Душана, который увидел свет под конец его правления и был расширен накануне смерти царя. Спустя десятилетие центральная власть постепенно слабеет, начинается распад сербского государства, на смену которому приходят самостоятельные феодальные области.

Сербский и чешский памятники права Ф. В. Тарановский рассматривает «как две подлинные продуктивные историко-правовые ценности, которые отражают реальные общественные и политические отношения своего времени и содержат статьи, регулирующие эти отношения и основанные частично на традиционных, частично

на реформаторских принципах» [15]. Сравнительное изучение представляет для исследователя интерес и с методологической точки зрения. Он не считает своей задачей «выявление объединяющей, общеславянской почвы обоих правовых памятников, ибо, если таковая и существует, то при сегодняшнем состоянии сравнительной науки об истории права славянских народов она остается недоступной нашему пониманию» [16].

Сравнительное изучение увеличивает количество вопросов, обогащает мысленную анкету исследователя. Независимо от того, совпадают ли, расходятся или взаимоисключают друг друга статьи памятников, круг вопросов расширяется. Всестороннее изучение делает исторические явления понятнее, приближает их внутренний смысл. Новое видение проблемы или новые свидетельства возникают порой и за счет отрицательных ответов на поставленные вопросы. Так, Законник царя Душана не имеет статьи о клятве, в то время как *Majestas Carolina* содержит статьи, обязывающие правителя во время коронации приносить клятву. Имеются различия и в статьях, регулирующих наследственное право. Несмотря на это, Ф. В. Тарановский подчеркивает, что памятники содержат гораздо больше схожих, совпадающих, порой почти одинаковых статей. И, подчеркнув, что опирается на результаты имперического исследования, приходит к выводу, что речь идет «о двух различных типах единой европейской цивилизации» [17].

Ф. В. Тарановский участвовал в научной жизни и как автор остроумных и неизменно доброжелательных критических статей. Он всегда искал корни выдвигаемых идей, как правило, целиком отдаваясь исследовательской работе на избранную тему. В этих критических академически сдержанных работах более, чем в других его трудах, четко сформулированы научные взгляды и идейная устремленность известного историка и правоведа. Поэтому они заслуживают внимания в кратком очерке научной деятельности Федора Тарановского.

«Славянство как целое в истории» — ценный критический отклик на попытки написания истории славян от прародины до нового времени [18]. Изучение прошлого славян как неделимого единственного в своем роде целого повлияло на возрождение славянских народов в первой половине XIX века. Первые следы истории славян Тарановский находит в произведениях П. И. Шафарика «История славянского языка и славянской литературы» («Geschichte der

Slawischen Sprache und Literatur») и Л. Нидерле «Славянские древности» («Slovanské starožitnosti»). В «Королевстве славян» («Il Regno degli Slavi») Мавра Орбина, опубликованном еще в 1601 году, идея славянства обойдена,— считает он, выделяя «Историю права славянских народов» («Historya prawodawstw slowiańskih») Вацлава Александра Мачовского как значительное достижение в изучении всех славянских народов. Это произведение,— замечает Тарановский,— оказало влияние «на развитие исторической правовой науки славянских народов и, в частности, продвинуло научное изучение истории древнего сербского права». В заключение Тарановский приходит к выводу, что время для такого рода начинаний еще не настало, ибо прошлое отдельных славянских народов изучено еще недостаточно, отсюда многочисленные ошибочные и произвольные предположения, выдвинутые Мачовским. Что касается романтического подхода, то его окончательно развенчивает Л. Нидерле в своем монументальном труде «Slovanské starožitnosti», резюмированном и позднее на французском языке («Manuel de l'antiquité slave»). Пользуясь данными не только археологии, но и истории, и фольклора, Нидерле подвергает сомнению единство славянской цивилизации. «Казалось было,— пишет Тарановский,— что сама идея о Славянстве как едином целом в истории должна исчезнуть; она, однако, возродилась именно на почве реалистических взглядов и позитивистского метода» [19].

Трехтомный труд И. Первольфа «Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи» — весьма значительный этап на пути к общей истории славян, неоправданно оставленный без внимания и недооцененный,— считает Тарановский. Отталкивала слишком подчеркиваемая идея автора о славянской взаимности, за которой угадывалось пламенное русофильство.

Опираясь на факты и высказывая критические мысли, Я. Бидло («O historii Slovanstva jako celku») отмечает, что современные события и современная жизнь заставляют историков отвечать на определенные вопросы, стимулируя тем самым исследования прошлого. События начала XIX века, а также имеющие весьма древнюю традицию представления об общности происхождения, родстве, взаимных влияниях, территориальной близости послужили достаточным основанием для целостного обобщающего подхода к сравнительно хорошо изученной (в те годы) истории отдельных славянских народов. При раздельном изучении путеводные нити исторического

развития тех или иных народов не столь очевидны. Целостный же подход требует сравнительного изучения, которое позволяет яснее видеть ведущие исторические процессы. Спустя неполных два десятилетия после того, как им были выдвинуты эти программные положения о единой общеславянской истории, Я. Бидло публикует «Историю славянства» («Dějiny Slovanstva»). И несмотря на ряд высказанных им замечаний, особенно относительно периодизации, Ф. В. Тарановский принимает и развивает идеи и основные принципы чешского исследователя.

Проявив известную критичность к романтизации прошлого славян, Тарановский изложил свое понимание истории царской России в сжатом эссе «Государственная культура России», которое трудно принять полностью [20]. Его оскорбляло, что определением «царизм» пытались заклеймить прошлое народа, к которому он принадлежал. В отличие от определений других монархий определение «царизм» имело ярко выраженную осуждающую окраску, прежде всего на Западе. Там намеренно создавалось превратное представление о российском государстве. Аналогичные предрассудки долгое время бытовали в мире по отношению к достижениям византийской цивилизации. Между тем государственное устройство России, основанное на власти монарха, проходило те же фазы развития, что и в остальных европейских странах. «Русский царизм не знал ни преторианцев, ни янычар». Огромная держава «дала своему многочисленному населению спокойную жизнь, которая базировалась на законопорядке».

Ф. В. Тарановский, однако, не говорит об этнической принадлежности многочисленного населения России. Между тем pax Rossica, по примеру pax Romana,— слабый аргумент в защите захватнической политики. Другая часть работы, посвященная октябрьскому перевороту, носит чрезмерно личный характер. Это — единственный пример в творчестве Тарановского, когда жанр научного эссе переплетается с личными воспоминаниями автора.

Свои программные положения и научные принципы ученый зачастую излагал вскользь во многих работах по ходу каких-либо иных рассуждений. В сжатом виде они представлены в работах «Славянство как предмет историко-юридического изучения» [21] и «Восток и запад в истории славян» [22]. Тарановский считает, что граница, проводимая между славянами, которых относят к жителям Востока, и славянами, которых относят к жителям Запада, научно

необоснована. Пропасть между такими давно установившимися и практически общепринятыми понятиями, как Восток и Запад, еще более углубила поверхностная эссеистика. Не много стоят историки, которые берутся рассуждать об общих понятиях, не обладая самостоятельностью мышления.

Ф. В. Тарановский обращается к происхождению антитезы Восток — Запад, рассматривая труды Гегеля и Огюста Конта. Первый полагал, что в мировой истории славяне стоят особняком, ибо они разделяют азиатскую и европейскую духовности; второй же христианство сводил к римскому католицизму, ибо только в нем видел движущую силу культурного развития. Негативное отношение к византийской цивилизации и православию искусственно разделяло славян. Вероисповедание затмило происхождение, этническое и языковое родство. Славянам с Запада противопоставляются русские, болгары и сербы, чьи связи с Востоком сильны вдвойне, ибо изначально они находились под влиянием Византии, а затем — азиатских завоевателей.

Тиски предрассудков о восточной Империи ослабевали благодаря результатам современных исследований. Обширные новые данные в корне изменили представления о византийской цивилизации, которая, якобы, не гетерогенна западной культуре. Резкое деление славян на две полностью различные культурные зоны трудно привести в соответствие с фактами. Восточные славяне восприняли влияние не только Византии, но и Запада, которые исторически переплелись на восточнославянской почве.

Для средневекового сербского государства рассадником романской культуры был прежде всего Дубровник. Двойное влияние, весьма внятное в средневековой Сербии, создало здесь особую разновидность более широкой и своеобразной европейской цивилизации.

Государство «у русских,— пишет Тарановский,— определенно создано варягами, т. е. теми же норманами, чье влияние распространялось на многие страны западного побережья Европейского континента — от Скандинавии до Сицилии, включая острова Великобритании» [23].

Княжеские дружины характерны как для русских, так и для первоначальных германских государств. Таким образом, византийское влияние не изменило, но укрепило и облагородило уже существующие варианты государственного устройства.

С другой стороны, завоеватели с Востока, турки и особенно татары, находившиеся на более низкой ступени общественного

развития, не смогли навязать восточным славянам азиатскую культуру. Их власть ограничивалась внешним притеснением.

После падения Константинополя и освобождения от татарского ига Москва, восприняв идеологию православной империи, становится третьим Римом. Имперская православная идеология и считалась исключительно восточным изобретением. Тарановский, однако, находит, что французский король «по своей идеологии полностью соответствует московскому царю, более того, превосходит его в святости» [24].

«История сербского права в государстве Неманичей» — дело жизни Федора Тарановского и единственный полный, систематический обзор всех видов правовых отношений, сложившихся в наиболее значительный период развития средневековой Сербии [25]. Первая, наиболее объемная часть труда посвящена государственному праву, вторая — уголовному праву, третья — гражданскому праву, четвертая — суду и судопроизводству. Текст охватывает более широкий материал, чем это заявлено в названии труда. Это — не только история права, правовых институций и правовых отношений, но и своего рода история общества эпохи Неманичей. Приступая к этой работе, Тарановский внимательно изучил — не как юрист, но как историк — каждую общественную прослойку, группу, класс. Обширное историческое введение о сословиях Тарановский предпослал истории государственного права, где он детально рассматривает монархическую и государственную идеологии; соборы, и подчиненные власти и игравшие роль ее посредника; общее строение государства и церкви; структуру территорий.

История сербского права написана сжато, лаконично. Поражает число описанных понятий при сравнительно малом объеме. Так, например, глава, занимающая не более восьми страниц текста, анализирует понятия, связанные с уголовными деяниями, направленными против веры: отступничество, веротерпимость, религиозная пропаганда, смешанный брак, ересь, продажа православного иноверцу, суеверие, занятие магией, отравление, цезарепапизм.

Каждая глава систематически и наглядно расчленена на десятки параграфов, посвященных тому или иному понятию. Причем каждый второй параграф практически представляет эскиз будущей монографии с выделенными ключевыми проблемами и готовой композицией. «Его заслуга состоит в том,— пишет А. В. Соловьев,— что, изучая историю сербского права, он включил ее в общую

схему развития европейских государств и доказал, что средневековая Сербия не была отсталым государством по сравнению с другими европейскими государствами с ускоренным развитием, так что в некоторых отношениях ее можно сравнивать с Францией XVI века или с Россией XVII века»[26].

Исследования французского, немецкого и славянского права, которыми Тарановский занимался ранее, дали ему возможность не только обогатить свою работу сравнениями, но и дополнить недостающий материал источников примерами из правового устройства других государств, поскольку ученый не смог найти ответы на все интересующие его вопросы в указах, договорах и статутах приморских городов, в Синтагмате Матии Властара и Законнике царя Душана. Он считал, что недостающий материал источников, особенно это очевидно в уголовном праве, восполнялся на практике прецедентным правом, однако по принципу ex silentio не решался на обобщения[27].

Рассматривая отдельные статьи Законника царя Душана, Ф. В. Тарановский придерживается методологических советов своего учителя Ф. Зигеля, который предупреждал, что статьи нельзя рассматривать изолированно друг от друга, экстенсивно, но только в рамках определенного целого. Учитель указывал на параграф об аристократии (ст. 39—63), ученик же — на статьи о духовенстве (ст. 31, 64, 65), которые «могут рассматриваться только в соответствии с местом своего расположения, следовательно, посредством так называемой систематической интерпретации»[28].

Будучи своего рода историей правовых институций сербского государства эпохи Неманичей, труд Тарановского тем не менее не дает картины практического функционирования этой системы, поскольку для этого, к сожалению, отсутствуют необходимые данные источников. Впрочем, при отсутствии судебных документов автор зачастую пользуется косвенной информацией. Так, например, в случае с Синтагматом Матии Властара, два извода на славянском языке для сербских земель не могут как источники считаться равноценными. Полный текст Синтагмата написан в соответствии с церковной и государственно правовой идеологией Византийской Империи и с учетом претензий Константинополя, сокращение же этого текста производилось в соответствии с церковной и государственно правовой идеологией Сербского царства.

Отдельные статьи более или менее объемного законодательного текста также, как правило, применялись по-разному, это относится

и к Законнику царя Душана, на который в основном опирается Ф. В. Тарановский. В зависимости от интересующей его проблематики ученый особо разбирает каждую из соответствующих статей Законника. При этом складывается впечатление, что как источник большинство статей для него равноценны.

Однако статьи Законника царя Душана во времена правления первого сербского царя имели различное практическое толкование. Законник, скажем, особенно строг по отношению к латинской церкви, но это не подтверждается другими источниками того периода. Напомним, что имеются в виду статьи, заимствованные из византийского законодательства. Из статьи 153 о положении иностранцев в средневековой Сербии узнаем, что она заимствована из «Закона святого короля», то есть применялась еще при короле Милутине. В то же время ее первоисточник найден в латинском тексте документа, доставленного посланниками из Дубровника ко двору сербского короля [29]. Позднее эту статью или, точнее, предоставляемые ею привилегии дважды подтверждали местные правители — деспот Стефан и деспот Джураджь. Подобные примеры показывают, что данные о происхождении, применении и реальной значимости отдельных статей играют решающую роль при их оценке в качестве исторического источника.

Нам посчастливилось, что ученый, прославивший свое имя еще до появления в нашей столице, наиболее зрелый период своего творчества провел в Белградском университете. Этот период исключительно плодотворной деятельности (1920—1936) Ф. В. Тарановский главным образом посвятил изучению сербского права. Люди, в кругу которых он оказался, с благодарностью отдавали ему должное. Накануне публикации последнего тома «Истории сербского права в государстве Неманичей» ученый был избран действительным членом Сербской Королевской академии наук. В связи с этим Богдан Гаврилович, президент Академии, обратился к Ф. В. Тарановскому с такими словами: «Ваши работы в области славянского права — русского, польского и сербского — признаны мировой наукой. Эти работы, столь прекрасно рисующие наше средневековье с точки зрения права сделали эту сторону нашей жизни не менее изученной нежели западноевропейское средневековое право» [30].

Блестящее образование дало Ф. В. Тарановскому возможность с равным успехом работать как в области французского, немецкого,

так и в области славянского права. Он не занимался архивными разысканиями, но всегда опирался на первоисточники, которые читал в оригинале. Выучил шведский язык, чтобы иметь возможность оценить влияние шведского права на реформы Петра Великого. Отталкиваясь от первоисточников и возвращаясь к ним, Тарановский всю жизнь оставался верен методу сравнительного исследования, полагая, что успешное изучение прошлого славянских народов невозможно без знания истории западноевропейских народов. Любил повторять выражение Грановского: «Занятия русской историей портят ученого»[31]. Решительно отбрасывал узконационалистические клише и тематику. Узкий взгляд на вещи вне сравнительного метода ограничивает ученого и зачастую сбивает его с пути,— считал он. Работы Ф. В. Тарановского показали, насколько взаимосвязаны культуры Запада и Востока.

Федор Тарановский скоропостижно скончался в начале 1936 года в возрасте 61 года. В его рукописном наследии наряду с начатыми работами остались завершенная монография о Законнике царя Стефана Душана и краткий очерк истории славянских народов.

Примечания

[1] *Спекторски Е.* Живот и личност професора Теодора Тарановског//Архив за правне и друштвене науке. XXII. Бр. 3. Београд. 1936. С. 218.

[2] *Соловјев А.* Теодор Тарановски//Југословенски историјски часопис. Бр. 2. 1936. С. 459.

[3] *Спекторски Е.* Живот и личност професора Теодора Тарановског. С. 219.

[4] *Соловјев А.* Теодор Тарановски. С. 462; *Спекторски Е.* Живот и личност професора Теодора Тарановског. С. 220; *Тасић Ђ.* О енциклопедији права Тарановског//Архив за правне и друштвене науке. XXXIII. Бр. 1. 1936. С. 1—5.

[5] «Увод у историју словенских права» — первое издание (Београд, 1923), которое Ф. В. Тарановский спустя десять лет переработал и дополнил.

[6] *Кадлец К.* Првобитно словенско право пре X века. Београд, 1924.

[7] Начело законитости у Законику цара Стефана Душана//Споменица С. М. Лозанића. Београд, 1923. С. 146—153.

[8] *Радојчић Н.* Снага закона по Душановом законику//Глас Српске Краљевске академије (СКА). LX. 1923. С. 100—139.

[9] *Тарановски Т.* Архив за правне и друштвене науке. XXVIII. 1925. С. 68—71.

[10] *Радојчић Н.* Нове студије о старом српском праву//Летопис Матице Српске (ЛМС). Бр. 311, 1—2. Нови Сад, 1927. С. 207—209.

[11] *Соловјев А.* Прилози за књижевност, језик, историју, фолклор. VII. 1—2. Београд, 1927.

[12] Право државе на законодавство//Шишићев зборник. Загреб, 1929. С. 371—379.

[13] Там же. С. 377.

[14] Политичке и правне идеје у Синтагмату Властара//ЛМС. Бр. 317—2. 1928. С. 160—170.

[15] *Тарановски Т.* Majestas Carolina и Душанов Законик//Глас СКА. CLVII. 1933. С. 19.

[16] Majestas Carolina и Душанов Законик. С. 60.

[17] Там же. С. 74.

[18] Словенство у историји као целина.//ЛМС. Бр. 319—2. 1929. С. 225—238.

[19] Там же. С. 228.

[20] Државна култура Русије//ЛМС. Бр. 307. Ч. 1—2. 1926. С. 36—46.

[21] Труды IV съѣзда русскихъ академическихъ организацій заграницей. Часть I. Бѣлградъ, 1929. С. 1—28.

[22] Исток и запад у историји Словена//ЛМС. Бр. 355—3. 1933. С. 177—187.

[23] Там же. С. 182.

[24] Там же. С. 184.

[25] *Тарановски Т.* Историја српског права у немањићкој држави. Т. I—IV. Београд, 1931, 1935. Этому монументальному труду предшествовала программная работа: Несколько идиографических черт старого сербского права//Konference des historiens de l'Europe orientale et du monde Slave. II. Varsovie, 1928. P. 233—280.

[26] *Соловјев А.* Теодор Тарановски. С. 465.

[27] *Тарановски Т.* Историја српског права... Прво издање. II. С. 137—138.

[28] *Тарановски Т.* Историја српског права... I. С. 106.

[29] *Новаковић Ст.* Законски споменици српских држава средњег века. Београд, 1912. С. 159.

[30] *Гавриловић Б.* Теодор Тарановски//Годишњица СКА. XLIV. 1935. С. 154—157.

[31] *Соловјев А.* Теодор Тарановски. С. 465; *Спекторски Е.* Живот и личност професора Теодора Тарановског. С. 224.

Сима Аврамович

Житие и труды Александра Соловьева, корифея истории права

Соотечественники, Александр Васильевич Соловьев (1890—1971) и Федор Васильевич Тарановский (1875—1936) — братья по судьбе, чьи имена в истории Юридического факультета Белградского университета навсегда связаны с блистательным взлетом и упразднением одной злосчастной научной дисциплины, именуемой историей славянского права. Ее межвоенная и послевоенная судьба во многом повторила жизненный путь профессора Соловьева.

Основы истории славянского права на юридическом факультете были заложены деятельностью профессоров Николы Крстича в Лицее (1852—1862) и Драгиши Миюшковича в Великой школе (1887—1903). После смерти последнего образовалась пустота, которую неоднократно и безуспешно, пытались восполнить, подбирая кандидатуру на заведование упраздненной кафедрой. Только в 1920 году череда личных невзгод соединила на Юридическом факультете в Белграде двух выдающихся ученых, беженцев из России — Федора Васильевича Тарановского и Александра Васильевича Соловьева. И за два десятка лет они подняли эту область правовой науки на мировой уровень. Однако, плодотворное развитие истории славянского права прервала еще одна социалистическая революция, теперь заставшая А. В. Соловьева в Белграде. После войны в учебном плане юридического факультета этому предмету места не нашлось, не оказалось места и для профессора Соловьева. Дисциплину и ее создателей стали постепенно забывать.

Имя профессора Тарановского от полного забвения спас некролог, написанный одним из представителей яркой плеяды русских интеллигентов, подвизавшихся на юридическом факультете в Белграде — Евгением Васильевичем Спекторским [1]. Свой же долг перед Александром Соловьевым мы не выполнили до сих пор, если не считать некролога профессора Драгаша Денковича [2]. Думается, что стопятидесятилетие со дня основания юридического факультета — хороший повод, чтобы хоть сколько-нибудь смягчить одну из бесчисленных несправедливостей, допущенных нами по отношению к А. В. Соловьеву.

Александр Васильевич Соловьев родился 18 сентября 1890 года в небольшом семейном доме в местечке Калиш под Гродно, в той части России, которая ныне принадлежит Польше. Отец ученого, Василий Федорович Соловьев, служил судьей в Верховном суде Варшавы. В этом городе и прошло детство Александра, здесь он получил начальное и среднее образование, здесь же в 1912 году окончил юридический факультет Русского университета, а позднее в 1915 — историко-филологический. Ему посчастливилось учиться в центре славистических исследований, где немало внимания уделялось и истории средневековой Сербии, начиная со штудий Шафарика и Мачейовского, до Федора Зигеля — автора многочисленных работ о Законнике царя Стефана Душана. А. В. Соловьев был учеником Зигеля, под его руководством он писал и магистерскую диссертацию.

Академическую карьеру А. В. Соловьев начал в 1914 году ассистентом на юридическом факультете сперва Варшавского, а затем Московского университетов. В разгар войны, в 1918 году, когда университет эвакуировался в Ростов-на Дону, Соловьев получил звание приват-доцента истории права и средневековой русской истории. Недолгое время он читал лекции по обоим предметам. Вскоре волна революции, захлестнувшая всю страну, вынудила Александра Соловьева навсегда покинуть отечество.

Вместе с другими беженцами, представителями научной интеллигенции, не принявшими коммунистических догм, он английским морским транспортом переправляется в Константинополь, надеясь на скорое возвращение, как только позволят условия. По рассказам сына А. В. Соловьева, вид с палубы исчезающей вдалеке родной земли, которую никогда больше не придется увидеть,— одно из постоянных воспоминаний ученого. В Константинополе Соловьев

задерживается какое-то время, ожидая благоприятного развития событий на родине. Когда же все надежды рухнули, когда разгром Белой армии стало легко предвидеть, Соловьев переехал в Софию, а оттуда — в Германию, где в Гейдельберге познакомился с эмигрировавшим туда византологом Георгием Александровичем Острогорским, будущим своим большим другом и дальним родственником Наталии Николаевны Раевской, ставшей впоследствии женой А. В. Соловьева.

Через Г. А. Острогорского Соловьеву удалось быстро связаться с Ф. В. Тарановским, который 14 апреля 1920 года был принят экстраординарным профессором истории славянского права на юридический факультет Белградского университета. Получив такую возможность, он без промедления принялся собирать специалистов, способных возродить исследования по истории и теории права. И поскольку Королевство СХС и лично король Александр проявляли большое сочувствие и заботу по отношению к русским эмигрантам, в Белград довольно скоро переехали сам Г. А. Острогорский и Владимир Алексеевич Мошин; получили места на юридическом факультете А. В. Соловьев, Е. В. Спекторский, Константин Михайлович Смирнов и Сергей Викторович Троицкий.

Так начинается белградский, наиболее плодотворный, период творчества профессора Соловьева. Но, поскольку «беда одна не ходит», ему предстояло повторить раз уже пройденный путь. События помешали Соловьеву получить в России звание доктора наук. А чемоданчик с подготовленной рукописью докторской диссертации, посвященной законодательству, регулирующему выдачу уголовных преступников между Россией и Польшей, потерялся где-то в Болгарии. Это был единственный рукописный экземпляр. Пришлось приняться за новую докторскую диссертацию. На этот раз под руководством профессора Тарановского А. В. Соловьев обратился к законодательной деятельности в период правления царя Стефана Душана. Эта работа положила начало его плодотворным исследованиям истории сербского средневекового права.

Будучи широко образованным славистом, обладая огромной эрудицией и превосходным знанием языков (кроме русского, польского и сербского, он говорил еще на нескольких славянских языках, знал латынь, древнегреческий, свободно читал лекции по-французски, по-английски, по-итальянски и по-немецки), профессор Соловьев вскоре начинает публиковать статьи по-сербски. В 1924 го-

ду написаны работы о правовом прошлом Дубровника: «Родной язык дубровницкой знати в период крушения республики»; «Экономическая мощь и численность дубровницкой знати в XV веке» [3]. С 1925 года он занимается правовой историей средневековой Сербии. Пишет о грамотах короля Милутина семье Жаретич из Бара; о хиландарской грамоте царя Уроша из хиландарского архива и др.

Уже в 1926 году появляется один из наиболее значительных трудов А. В. Соловьева — «Избранные памятники сербского права (XII — кон. XV) века» [4]. Как подчеркивает сам автор, книга написана для его учеников, которые должны были «самостоятельно читать древние памятники». Соловьев отобрал наиболее типичные документы по образцу известных русских хрестоматий Аристова и Владимирского-Буданова. Разместил их в хронологическом порядке, начиная с дарственной записи 1163 года, согласно которой «Девезие, правитель Конавли, выделяет дочери своей Драгославе и зятю Микцу земли в жупе Жрновицкой»,— кончая текстом, датируемым 1417 годом, в котором дубровницкая община извещает деспота Стефана о несправедливостях чинимых воеводой Петром. Книга, однако,— нечто большее, чем просто учебное пособие, объединяющее наиболее известные памятники. Сюда впервые включены документы далматинских архивов (Дубровника, Цавтата, Котора, Сплита, Задара), а также несколько неизвестных ранее хиландарских документов, обнаруженных Соловьевым во время первого посещения Афона.

Пристальное, разностороннее изучение истории сербского права, прежде всего законодательства царя Душана, увенчалось в 1928 году докторской диссертацией. По материалам диссертации подготовлены две публикации. В первой — «Законодательство Стефана Душана, царя сербского и греческого» [5] описаны 20 известных ранее списков и предложена их классификация. Во второй — «Законник Душана 1349 и 1354 годов» [6] излагается идея Соловьева о трех последовательных стадиях переработки Законника Душана. Обе работы составляют непревзойденное до нашего времени историко-правовое исследование этого крупнейшего памятника сербского права: здесь изучены все области права и ряд специфических судебных установлений. Законник Душана сопоставляется с византийской правовой традицией и поставлен в единый контекст с другими законодательными актами и грамотами. Эти публикации выдвинули А. В. Соловьева в один ряд с выдающимися исследователями истории средневековой Сербии.

К первому, раннему периоду творчества ученого относятся также не столь объемные, но чрезвычайно важные работы: статья о «Законе городском» в средневековой Сербии [7], первая основательная статья о значении византийского права на Балканах [8] и др.

Двадцатые годы стали поворотными и в личной жизни А. В. Соловьева. Помимо занятий наукой, помимо преподавательской деятельности на юридическом факультете Белградского университета, оставаясь русским и на чужбине, он учил детей русскому языку и литературе в белградской Русско-сербской гимназии, поддерживал широкий круг общения с русскими эмигрантами, составлявшими тогда едва ли не десятую часть жителей Белграда. Тут он познакомился и с Наталией Раевской, дочерью петербургского адвоката Николая Николаевича Раевского, пропавшего без вести во время революционных событий в городе на Неве. Почти девочка Наталия, ее мать и сестра с частями Белой армии оказались в Крыму, где Наталия Раевская работала сестрой милосердия. Затем им предстоял долгий путь в неизвестное: через Болгарию — в Сараево, где был расположен один из русских кадетских корпусов. Там также требовался медицинский персонал. А в 1925 году обстоятельства соединили две человеческие драмы в одну. Наталия и Александр начали в Белграде супружескую жизнь. Им предстояли бесчисленные испытания и невзгоды.

Тридцатые годы были вторым, по-видимому, наиболее счастливым, периодом в жизни и работе профессора Соловьева. В начале десятилетия, в 1930 году, он получает должность экстраординарного профессора, а год спустя и ему, и супруге было предоставлено югославское подданство, которое Соловьев чрезвычайно ценил. Жили они тогда в той части города, которую старые белградцы называют «профессорской колонией» (ул. Дражи Павловича, 5), часто встречаясь с профессором Г. А. Острогорским, жившим по соседству. Когда в 1933 году у Соловьевых родился сын, его нарекли Александром в знак благодарности королю за сердечный прием и гостеприимство, оказанное им в Сербии. А. В. Соловьев не раз повторял сыну, что никогда не следует забывать, но помнить и чтить: Россию — свое отечество, и Сербию — свою родину. Неудивительно поэтому, что Александр Соловьев младший, ныне гражданин США, сотрудник Библиотеки Конгресса в Вашингтоне, одинаково хорошо говорит и по-русски, и по-сербски.

Апогеем вереницы счастливых событий стало в 1935 году за-

числение профессора Соловьева, теперь уже подданного Югославии, на постоянное место ординарного профессора. Правда официального утверждения в этой должности пришлось ждать два года. Согласно протоколу заседания факультетского Совета [9], 11 мая 1937 года Михайло Илич обратился с предложением к декану (В. Митрович), а также к С. Йовановичу и Д. Аранджеловичу подать ходатайство в Министерство просвещения об утверждении в должностях Александра Соловьева и Михайло Константиновича. Соответствующий приказ подписан 30 июня, решение официально оглашено на заседании Совета 6 октября 1937 года. Несмотря на все перипетии, это было счастливое для Соловьева время. Сын вспоминает, как искренне радовался отец, впервые переступив порог собственного профессорского кабинета в недавно открытом новом здании юридического факультета. Однако, шел 1940 год. Война не только в корне изменит жизнь, но и ознаменует конец второго периода научных изысканий профессора Соловьева.

Во втором, думается, наиболее плодотворном периоде творчества А. В. Соловьева сербское право и далее остается в центре его внимания. Сюда относятся работы, посвященные: одному из судебных приговоров, вынесенных в Зете в 1445 году [10]; Номоканону св. Саввы [11]; Законнику Карагеоргия [12]; представлениям о государстве в средневековой Сербии [13]; разночтениям в сербском законодательстве [14]; Законнику Душана в трактовке Паштровича [15]; грамоте деспота Стефана монастырю Ватопед [16]; «сокальникам» и «отрокам» [17]; гербовым сборам (*издаве*) в сербском праве [18]; монастырским грамотам древнесербских правителей [19]; женщинам-присяжным в Законнике Душана [20] и др. Работы, посвященные сербскому праву, венчают второй сборник текстов под названием «Греческие грамоты сербских правителей» [21], подготовленный в соавторстве с В. А. Мошиным. Официальное признание Сербской Академии наук за успешное изучение этой тематики приходит к А. В. Соловьеву в 1938 году, когда его, А. Белича, Т. Живановича, Й. Радонича, В. Чоровича, Н. Радойчича, Ф. Гранича, и Г. А. Острогорского выдвигают в Редакционную коллегию академического издания Сборника источников по древнему сербскому праву.

В этот период А. В. Соловьев все более стремится вписать сербское право в широкий исторический контекст. Его прежде всего интересуют связи славянского и византийского права. Этому посвящены статьи: о славянском влиянии на византийское право (в

1934 году переведена на французский язык) [22]; о наказании жен за неверность в черногорской и византийской правовых системах [23]; о сербах в византийском праве в Скопле начала XIII века [24]. Кроме того, он занимается различными вопросами истории дубровницкого права. Среди многочисленных работ в этой области наиболее значительна «Книга всех реформаций города Дубровника» [25]. Эти и ряд других работ (например, о болгарском праве) подготовили появление наиболее значительного произведения А. В. Соловьева по общей истории права, опубликованного в 1939 году в Белграде под названием «Лекции по истории славянского права» [26].

Эта работа подвела итог десятилетним исследованиям. Опираясь на методологию своих учителей Зигеля и Тарановского, ученый сумел вписать правовую историю средневековой Сербии в общее русло развития права славянских народов. Он, в сущности, завершил дело Ф. В. Тарановского, который после своего «Введения в историю славянского права» [27] и знаменитой «Истории сербского права в государстве Неманичей» [28] задумал написать общую историю славянского права. Соловьев же, приняв основную предпосылку своих учителей о том, что славянское право следует рассматривать как целое, стечением обстоятельств расчлененное на разные правовые системы, завершил их дело, методологически развил, дополнил личным опытом их идеи. К его особым заслугам относим и то, что, в отличие от Тарановского, он придавал большее значение византийскому влиянию на развитие славянского права. Эта работа несомненно дает Соловьеву право занять место среди корифеев истории славянского права и общей истории права. К сожалению, она оказалась символической, обозначив конец спокойного и счастливого периода в жизни ее творца.

Третий период — годы войны, которые профессор Соловьев провел в Белграде. Подобно остальным своим коллегам, во время оккупации он прекратил педагогическую деятельность. Тихо жил на улице Воеводы Драгомира, д. 10, близ Каленич рынка и, как сам говорил, «писал в стол». Продолжая занятия историей сербского права, он стал активно изучать историю сербского герба — геральдика, интересовавшая его еще в тридцатые годы, все больше привлекает его внимание.

Во время войны он публикует несколько работ, среди которых статьи о св. Савве-законодателе [29] и о правовом положении сербских крестьян и ремесленников в средние века [30]. Тогда же появились

и некоторые его работы о сербском гербе в воскресном культурном приложении к пронедичевскому изданию «Обнова». Из-за сотрудничества с «оккупационными изданиями» послевоенная университетская комиссия, отбиравшая среди довоенной профессуры достойных продолжить при новой власти работу на факультете, постановила, что А. В. Соловьев не может преподавать на юридическом факультете Белградского университета, где не оказалось больше и самой истории славянского права. Семья жила частными уроками иностранных языков — французского и очень тогда популярного русского, которые давала Н. Н. Соловьева.

1947 год принес А. В. Соловьеву приятную неожиданность, позволившую продолжить трудовую деятельность. Ему предложили место профессора сразу на двух открывавшихся тогда юридических факультетах, в Скопле и Сараево. Предпочтение было отдано Сараево: здесь Митра Митрович-Джилас, тогдашний министр просвещения, предложила Соловьеву стать деканом и самому подобрать профессоров юридического факультета. Семья переехала в Боснию, и профессор Соловьев с энтузиазмом приступил к организации нового факультета: стремился определить его лицо, собрать преподавателей и сотрудников. Благодаря большому научному авторитету и академическому опыту, профессору Соловьеву оказано доверие и честь стать первым деканом этого высшего учебного заведения. По рекомендации Совета юридического факультета он назначается на эту должность 5 ноября 1947 года; приказ о назначении за номером 7/48 от 5 января 1948 года подписан Анто Бабичем, председателем Комитета высшего образования и научных учреждений при правительстве НР БиХ. Факультет торжественно открылся 6 февраля 1948 года выступлением декана Александра Соловьева и министра просвещения Цвиетина Миятовича.

Читая лекции и занимаясь организацией факультета, Соловьев одновременно погружается в проблемы боснийской правовой истории, в особенности его интересует движение богомилов. Во многих сараевских журналах он публикует статьи о торговле боснийскими невольниками вплоть до 1661 года; о завещании гостя Радина; о правовом положении крестьянства в средневековой Боснии; о высочайших грамотах боснийских правителей; а также работы, которые относятся к наиболее значительным трудам по богомильству: «Почитали ли богомилы крест?» [31], «Вероучение боснийской церкви» [32], «Исчезновение богомильства и исламизация Боснии» [33], «К вопросу

о боснийской церкви» [34], «Фунаяиты, Патерини и Кудугери в византийских источниках» [35], «Свидетельства православных источников о богомильстве на Балканах» [36]. По словам сына А. В. Соловьева, в архиве его отца находится и объемное сравнительное исследование о богомилах и катарах на французском языке.

Лебединую песню его академической карьеры в Сараево прервал арест, последовавший 9 октября 1949 года. Сын А. В. Соловьева свидетельствует, что отца и мать арестовали совершенно неожиданно. Причины реконструировать нелегко. По слухам, сомнения в политической благонадежности профессора возникли вновь после доноса группы революционно настроенных студентов, сетовавших, что он в своих лекциях не руководствуется марксистской методологией. Основное же обвинение сводилось к следующему: в 1948 году, Соловьев в качестве декана юридического факультета, принял по просьбе Министерства просвещения БиХ небольшую делегацию юристов из Болгарии, причем от одного из членов делегации получил полный текст Резолюции Информбюро на русском языке. Не доложив об этом властям, обвиняемый текст прочитал и уничтожил. В ходе следствия в тюрьме профессор Соловьев признал содеянное, лишь после того, как молодой следователь дал ему «честное офицерское слово», что признание не будет занесено в протокол следствия.

Следствие велось в Сараево около шести месяцев, затем почти год профессор провел в ожидании суда в тюрьме Сремской Митровицы. Семья не знала, что с ним. Шестнадцатилетний сын, ученик седьмого класса гимназии, остался в квартире один без средств к существованию. Помогал ему только самоотверженный Георгий Острогорский, время от времени пересылавший из Белграда деньги. Вся квартира Соловьевых, кроме комнаты сына, была опечатана, и вскоре туда подселили военного. Через шесть месяцев, проведенных в следственном изоляторе, неожиданно, как и была арестована, на пороге дома появилась совершенно седая, изможденная, потерявшая от цинги зубы Наталья Соловьева. Клочок бумаги величиной в половину листа обычного формата за подписью помощника общественного прокурора БиХ Энвера Крзича гласил, что «товарищ Наталья Соловьева отпущена на свободу за недостатком доказательств вины». И неизбежное: «Смерть фашизму — свобода народу!».

Суд над профессором Соловьевым состоялся лишь весной 1951 года. Подсудимого доставили из Сремской Митровицы поездом, в

наручниках и в сопровождении двух милиционеров. Студенты на галерке в зале суда хохотали, когда обвиняемый сослался на «честное офицерское слово» — дивились наивности умудренного опытом юриста. Соловьева приговорили к восемнадцати месяцам тюремного заключения, которые он уже отбыл до суда. Поэтому его сразу освободили, лишив, однако, всех гражданских прав, включая и право на пенсию.

Четвертый, страдальческий период в жизни профессора Соловьева пришелся на пятое десятилетие века и седьмой десяток его жизни. Весь 1951 год семья вновь жила на уроки иностранных языков, которые давала Н. Н. Соловьева. Вскоре пришлось искать и новый «дом». Министерство внутренних дел в Сараево выдвинуло перед Соловьевыми ультиматум: или в течение шести месяцев семья достает разрешение на въезд в одну из западных стран, или, в случае неудачи, югославские власти выдворят их в страну «народной демократии» (в Болгарию, Венгрию или Румынию), где по лагерям доживали тогда многие заслуженные представители русской эмиграции из Югославии. В последний момент до истечения срока Соловьеву удалось получить швейцарские визы, и в самом конце 1951 года они переезжают в Женеву.

На седьмом десятке надо было в который раз налаживать жизнь. Снова без подданства, имея только блестящее имя и огромные познания в научной области, которая никого в Швейцарии не занимала. Больше трех лет Соловьев искал работу. Несмотря на 28 лет рабочего стажа в Югославии, югославской пенсии он не имел. Пришлось ждать и швейцарского гражданства, которое получено лишь в 1964 году, по прошествии 12 лет, прожитых в этой стране. Переводы и преподавание иностранных языков опять долгое время кормили семью.

В 1955 году, пережив много перипетий и неудач, в том возрасте, когда его сверстники завершают научную карьеру, профессор Соловьев приступает наконец к занятиям в совершенно для него новой области. После смерти профессора Карцевского, возглавлявшего кафедру славянских литератур, Соловьеву предлагают преподавать славянские языки и русскую литературу в Женевском университете. Конкурсную комиссию сразила большая коробка с книгами и оттисками статей, которую представил А. В. Соловьев. В 1961 году Университет присвоил ему звание профессора *honoris causa*.

В остававшиеся два десятилетия жизни Соловьев расширил свои познания и авторитет еще на две области. Опубликовал ряд работ по геральдике — давняя его любовь, которой ученый посвятил около трех десятков работ (включая довоенные): о средневековых гербах, о печатях, об оружии, особенно славянского и византийского происхождения и др., сделавших его одним из наиболее ценимых специалистов по геральдике. Благодаря авторитету в этой области, в 1967 году его избирают в Международную геральдическую Академию (Academie internationale d'heraldique). Достаточно полная библиография трудов А. В. Соловьева в этой области опубликована в специальном выпуске авторитетного журнала «Archivum heraldicum» (1971/2—3), посвященном памяти профессора.

Другой важной областью приложения его трудов стала русская история и русская литература. Он писал об истории русской церкви, о средневековой русской поэзии, о развитии политических идей; особенно значителен его французский перевод «Истории Ивана Грозного», написанной князем Курбским. Будучи прежде всего историком средневековья, профессор Соловьев сыграл ведущую роль и в подготовке нового франкоязычного перевода собраний сочинений Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. Эти издания вышли в Лозанне в 1960—1962 годах.

Несмотря на занятость, преклонные годы и горький опыт из послевоенной Югославии, А. В. Соловьев не забыл Сербию. Под конец жизни он посвящает ей два капитальных труда. Первый, «История сербского герба», опубликован издательством «Сербская мысль» в Мельбурне (1958), поскольку профессор Соловьев хотел, чтобы работа была напечатана кириллицей, а в Швейцарии такой возможности не было. Книга подобного содержания не могла в те годы появиться в Югославии. Сын профессора Соловьева передает, что формально одним из основных препятствий к публикации стала последняя фраза труда, где древний сербский герб сравнивался с новым государственным гербом Народной Республики Сербии («без честного креста»). Это исследование по геральдике, ставшее сегодня библиографической редкостью, включающее анализ всех существенных элементов сербского герба и подробную историю его становления под влиянием византийской традиции, вскоре наконец станет доступно нашей общественности. Лишь сегодня издательство «Досье» готовит у нас его первое издание.

Второй труд «Законник царя Стефана Душана 1349 и 1354 годов» скорбно знаменует уход А. В. Соловьева. Тема, с которой началась его научная карьера, символически обозначила и ее конец. В самом начале 1971 года Сербская Академия наук и искусств получила рукопись профессора Соловьева, а 15 января того же года автор труда скончался в Женеве. Там он и похоронен.

Сербская Академия наук и искусств по рекомендации академиков М. Бартоша, М. Беговича и Р. Лукича издала рукопись в 1980 году в серии «Источники сербского права» (под редакцией и с предисловием академика Т. Никчевича). Книга подводит итог многолетней работы А. В. Соловьева над Законником Душана. Она основывается на знаниях, приобретенных в молодости — о возникновении Законника и его списков, о датировке и классификации рукописных копий, о историческом толковании некоторых его статей и понятий, однако, труд обогащен размышлениями и руководящими идеями умудренного опытом восьмидесятилетнего ученого.

Последнюю книгу А. В. Соловьева без всякого преувеличения следует отнести к классическим трудам, посвященным драгоценной жемчужине в истории сербского права — Законнику царя Душана. А Александра Васильевича Соловьева следует с полным правом причислить к корифеям истории права, особенно в нашей стране, где ему выпало пережить и свои звездные часы, и свою Голгофу.

Очерк его тернистого пути должен был появиться давно. Александр Васильевич Соловьев заслужил, чтобы не были забыты пережитые им великие, подобные библейским, муки, чтобы был не только отмечен вклад его в науку, но и написано житие.

Памяти ради и во спасение других.

Примечания

[1] *Спекторски Е.* Живот и личност профессора Теодора Тарановског//Архив за правне и друштвене науке. Београд (далее: Архив...), 1936, књ. 32 (49), бр. 3.

[2] *Денковић Д.* Александар Васиљевич Соловјев (1890—1971)//Анали Правног факултета у Београду. Београд, 1971, бр. 4.

[3] *Solovjev A.* Materinski jezik dubrovačke vlastele u vrijeme pada republike; Ekonomska i brojna snaga dubrovačke vlastele u XV veku//Dubrovački list. Dubrovnik, 1924, I, br. 35.

[4] *Соловјев А.* Одабрани споменици српског права (од XII до краја XV века). Београд, 1926. С. 111 + 234 + XIX.

[5] *Соловјев А.* Законодавство Стефана Душана цара Срба и Грка. Скопље, 1928. С. 8 + 248.

[6] Душанов законик г. 1349 и 1354. — Наново издао и прегледао др Александар Соловјев. Београд, 1929. С. 54.

[7] *Соловјев А.* «Градски закон» у средњовековној Србији//Архив... 1928, књ. 16 (33), бр. 5.

[8] *Соловјев А.* Сербов сбор//Архив... 1928, књ. 17 (34), бр. 3.

[9] Архив Србије. Београд. ф. Г—205.

[10] *Соловјев А.* Зетска пресуда из године 1445.//Архив... 1931, књ. 23 (40), бр. 1—2.

[11] *Соловјев А.* Светосавски Номоканон и његови нови преписи//Братство. Београд, 1932, књ. 41, св. 26.

[12] *Соловјев А.* О Карађорђевом законику//Архив... 1932, књ. 24 (41), бр. 5.

[13] *Соловјев А.* Појам државе у средњовековној Србији: Студија из упоредне историје права//Годишњица Николе Чупића. Београд, 1933, књ. 42.

[14] *Соловјев А.* Српске законске компилације XVII века//Глас Српске Краљевске академије. Београд, 1933, књ. 157. Други разред, св. 80.

[15] *Соловјев А.* Душанов законик код Паштровића//Архив... 1933. књ. 27 (44). бр. 1—2.

[16] *Соловјев А.* Непозната повеља деспота Стефана Ватопеду//Jugoslovenski istorijski časopis. Ljubljana—Zagreb—Beograd, 1935, br. 1.

[17] *Соловјев А.* Сокалници и отроци у упоредно-историјској светлости//Гласник Скопског научног друштва. Скопље, 1938, књ. 19.

[18] *Соловјев А.* «Издава» по средњовековном српском праву//Архив... 1938, књ. 36 (53), бр. 1—2.

[19] *Соловјев А.* Манастирске повеље старих српских владара//Хришћанско дело. Скопље, 1938, св. 3.

[20] *Соловјев А.* Жене као поротници у Душановом законику//Архив... 1939, књ. 38 (55), бр 5—6.

[21] Грчке повеље српских владара. Издање текстова, превод и коментар од др Александра Соловјева и Владимира Мошина. Београд, 1936. С. 122 + 534.

[22] *Соловјев А.* ТО ФONIKON. Један словенски утицај у византијском праву//Архив... 1932, књ. 25 (42), бр. 1—2.

[23] *Соловјев А.* Кажњавање неверне жене у црногорском и византијском праву//Архив... 1935, књ. 30 (47), бр. 6.

[24] *Соловјев А.* Срби и византијско право у Скопљу почетком XIII века//Гласник Скопског научног друштва. Скопље, 1936, књ. 15.

[25] *Соловјев А.* Liber omnium Reformationum civ. Ragusii. Београд, 1936.

[26] Предавања из историје словенских права д-ра Александра Соловјева. Св. 1—3. Београд, 1939. С. 244 + 3.

[27] *Тарановски Т.* Увод у историју словенских права. Београд, 1922. С. 208; 2-е изд.: 1933. С. 9 + 260.

[28] *Тарановски Т.* Историја српског права у Немањићкој држави. Део I—IV. Београд, 1931—1935. С. 262 + 144 + 232.

[29] *Соловјев А.* Свети Сава као законодавац//Обнова. Београд, 1943, 26 јануар, бр. 477.

[30] *Соловјев А.* Правни положај српског сељака и занатлије у средњем веку// Просветни гласник. Београд, 1943, бр. 3—4.

[31] *Соловјев А.* Јесу ли богумили поштовали крст?//Гласник Земаљског музеја у Сарајеву. Сарајево, 1948, бр. 3.

[32] *Solovjev A.*Vjersko učenje Bosanske crkve//Rad JAZU. Odjel za filozofske, historijske, pravne, društvene i ekonomske nauke. Zagreb, 1948.

[33] *Соловјев А.* Нестанак богумилства и исламизација Босне//Годишњак Историјског друштва Босне и Херцеговине. Сарајево, 1949, књ. 1.

[34] *Solovjev A.* Prilog pitanju Bosanske crkve//Historijski zbornik. Zagreb, 1950. God. III. br. 1—4.

[35] *Соловјев А.* Фунајајити, Патерини и Кудугери у византијским изворима// Зборник радова Византолошког института САН. Београд, 1952, бр. 1.

[36] *Solovjev A.* Svedočanstva pravoslavnih izvora o bogumilstvu na Balkanu//Godišnjak Istorijskog društva Bosne i Hercegovine. Sarajevo, 1953. knj. 5.

Ксения Кончаревич

Вклад русских эмигрантов-филологов в развитие теории преподавания русского языка в Сербии

История преподавания русского языка у сербов является неотъемлемой частью и наиболее ярким проявлением сербско-русских связей в области образования и культуры. Введение русского языка в качестве учебного предмета в программы сербских школ, создание первых учебников русского языка, практическое обучение и разработка теоретических основ преподавания — заслуга русской интеллигенции двух поколений. Деятельность филологов первого поколения относится к периоду становления сербского просвещения. Наиболее известны: Дмитрий Алексеевич Рудинский, преподаватель Белградской духовной семинарии, составитель первого учебника русского языка для сербов («Русская грамматика», 1852) [1] и Платон Андреевич Кулаковский, московский славист, который в 1878 году «заложил основы преподавания русского языка в Высшей школе свободной Сербии» [2]. Позднее второму поколению филологов-эмигрантов, оказавшемуся в нашей стране после бурных военных и революционных событий, выпало перенести в сербскую и югославскую среду лучшие традиции русской науки и культуры. Среди них видное место в области теории преподавания русского языка, составления учебной литературы занимают Петр Андреевич Митропан и профессор Наталия Дмитриевна Радошевич.

П. А. Митропан (1891, Орел — 1988, Белград) приехал в Югославию в конце 1919 года, пять лет спустя после окончания историко-филологического факультета Московского университета, в котором он изучал русский язык и литературу. До эмиграции Митропан

два года (1917—1919) преподавал русский язык в Полтавской мужской гимназии. Н. Д. Радошевич, урожденная Олейникова (1903, Казалинск — 1980, Белград), получив прекрасное образование в гимназиях Москвы, Петербурга и Двинска (теперешний Даугавпилс), начала изучать славистику в Берлине, а закончила — на славянской кафедре Белградского университета в 1932 году.

В новой среде П. А. Митропан и Н. Д. Радошевич быстро находят работу как преподаватели русского языка, во многом определившую их дальнейшие теоретические лингводидактические изыскания. П. Митропан в течение двадцати лет (май 1920 — май 1941) преподавал в Скопье в педагогическом училище, а затем, с 1931 года — на философском факультете. Последние семнадцать лет он провел в Белграде на кафедре восточных и западных славянских языков и литератур, занимаясь практикой и методикой преподавания русского языка, одновременно работая на курсах подготовки учителей-русистов (вместе с Н. Радошевич, Кириллом Федоровичем Тарановским, Львом Михайловичем Сухотиным, Николаем Иосифовичем Сануковичем, Николаем Александровичем Чернышевым и др.), в Дипломатической школе, Драматической студии и т. п., приобретая богатый преподавательский опыт, который найдет отражение в учебниках русского языка разного профиля и уровня, а также в многочисленных теоретических работах.

О педагогической деятельности Петра Андреевича сохранилось воспоминание профессора Богдана Терзича, его ближайшего коллеги: «Семнадцать послевоенных выпусков русистов Белградского университета (1945—1962) помнят профессора Митропана по его незабываемым урокам русского языка, проникнутым любовью к предмету и своим слушателям. В эти занятия профессор вкладывал весь свой огромный интеллект, эрудицию и энергию, необычайное умение доступно и точно представить учебный материал. Он неизменно следовал принципам дифференциального метода Радована Кошутича в преподавании русского языка, построенного на выявлении сходств и различий двух родственных языков и поиске способов преодоления интерференции. Профессор Митропан, помимо изучения русской лексики и фразеологии, знакомил слушателей с русской литературой и культурой в целом, учил чувствовать красоту литературного слова, занимался методикой и техникой перевода, теорией преподавания русского языка. Такое разнообразие интересов ученого было своего рода магнитом, который притягивал нас к

нему. Очень быстро мы поняли, что перед нами замечательный человек и большой специалист, у которого многому можно научиться» [3].

Профессиональная деятельность Н. Радошевич связана с кафедрой славистики Белградского университета, где она вплоть до оккупации работала ассистентом профессоров Радована Кошутича и Александра Белича, а позднее — с Высшей педагогической школой и преподаванием на курсах. Почти двадцать лет, занимаясь со студентами Высшей педагогической школы и посещая уроки русского языка в начальных школах, Наталия Радошевич собирала материал для картотеки типичных интерферентных ошибок, допускаемых сербами при изучении русского языка, который станет основой для ее докторской диссертации «Процесс обучения родственному (русскому) языку в сербохорватской языковой среде», защищенной в 1966 году в Новом Саде, а также для ряда статей по лингводидактике.

Чтобы понять и оценить в полной мере значение научной деятельности Н. Радошевич и П. Митропана, необходимо, хотя бы в общих чертах, дать представление о состоянии лингводидактической теории в Сербии в тот период, когда они начинали свою педагогическую практику, указав основные методологические концепции, на которых в то время основывалось обучение русскому языку.

Хотя русский язык в Сербии преподается с 1849 года, а в Черногории — с 1869 года, теоретических работ, определявших методы его преподавания в нашей языковой среде и основные характеристики процесса обучения (цели, задачи, средства, организационные формы, материал, этапы обучения), до появления «Методических указаний для учителей русского языка» (1946) Митропана не было. Более того, иностранные языки, имеющие более длительную традицию изучения у нас и в мире, не представляли интереса для сербских педагогов и филологов с методической точки зрения. Исключением являются работы Василия Джерича «Теория изучения иностранных языков» (1920) и Душана Й. Йовановича «Основы теории обучения иностранным языкам с особым выделением произношения и понимания слов» (1935). Среди методов обучения использовались грамматический («Руководство по французской грамматике Иакима Вуича», 1805), синтетический (психолингвистический) в изложении Г. Х. Олендорфа (учебники Стевы Поповича), аналитический последовательно-линейный («Латинский бук-

варь», 1766; «Руководство для быстрого и легкого обучения греческому и сербскому языкам» Г. Киридиса и Е. Аврамовича, 1845), реальный (наглядный) метод И. А. Каменского, «Методика обучения новым языкам» интуитивно-имитационным способом (учебники немецкого языка М. Тривунца и И. Кангрги, а также французского языка М. Тривунца, И. Адамовича, Б. Димича, Е. Лаваля, С. Петровича), прямой аналитический («Обучение французскому языку по живому методу» Е. Лаваля, 1922) [4]. Русская лингводидактическая традиция также не могла предложить методику, отвечающую целям и особенностям преподавания русского как родственного языка для школьного и университетского образования. Методические концепции нового времени, получившие развитие в СССР в 20—30-е годы, также не могли стать основой создания теории обучения русскому языку в сербской языковой среде («Исследовательский метод» Ш. И. Ганелина, «метод наблюдения» А. М. Пеш- ковского, «лабораторный метод», являющийся модификацией метода Дальтона, «экскурсионный», или прямой «натуральный», метод А. В. Миртова и М. Солонина).

П. Митропан, осознавая ограниченные возможности общения с русской традицией и необходимость создания новой методической теории, соответствующей задачам, целям и условиям обучения русскому языку у нас, во введении к «Методическим указаниям» пишет: «Обучение русскому языку в наших условиях, по духу и современным формам — нечто совершенно новое. Процесс развивается по новому пути в смысле содержания и методики. Поскольку в области методики отсутствуют предшествующие исследования, необходимо прокладывать свои пути, идти с самого начала, чтобы позднее на основе практики, опыта и наблюдения создать новую подробную методику» (С. 3). Затем следует такой вывод: «Важнейшим моментом, отправной точкой методических разработок должна стать мысль о единстве происхождения, родстве и частичном сходстве русского и сербского языков, что и облегчает и затрудняет их изучение». Н. Радошевич в своей первой статье по методике «Несколько слов о преподавании русского языка» (Просветни преглед. 22.05.1946. С. 2) также подчеркивает, что генетическое родство двух языков «создает неблагоприятную психологическую ситуацию для овладения русским языком», поэтому «с самого начала необходимо выделять различия между сербским и русским языком». Позднее в работе «Принципы методики обучения русскому языку

в наших школах» (Преподавание языка и литературы в средней школе. Белград. № 3—4. 1950) Митропан обоснует особенности этой учебной дисциплины по отношению к методике преподавания родного и других (неславянских) языков: «Методика преподавания русского языка в наших школах должна быть самостоятельной, независимой (и новой) дисциплиной, которая на основе опыта других методик и наших преподавателей создаст свою научную базу» (С. 10).

В качестве теоретической основы концепции преподавания русского языка сербам П. Митропан и Н. Радошевич избрали дифференциальный метод профессора Р. Кошутича, суть которого состоит в систематическом и последовательном сравнении явлений и элементов русского и сербского как родственных языков, которые в процессе обучения интерферентно взаимодействуют на фонетико-фонологическом, лексико-семантическом, грамматическом и лингво-культурологическом уровнях. В этом отношении Кошутич идет впереди своих современников: идея так называемого когнитивно-контрастного метода, лингвистические и психологические особенности которого были близки белградскому слависту, в русской лингводидактике отражена только в работах И. Д. Поливанова («Опыт частной методики преподавания русского языка узбекам», 1935), С. И. Бернштейна («Вопросы обучения произношению», 1937) и Л. В. Щербы («Преподавание иностранных языков в средней школе», 1947). Лишь в 50—60-е годы этот метод приобретет более широкое распространение. П. Митропан и Н. Радошевич, приняв концепцию Кошутича, имели возможность изучить и даже предвидеть некоторые течения в современной русской лингводидактике и вместе с тем избежать многих ошибок, имевших место в нашей науке в 50—60-е годы под влиянием американской и западноевропейской методики (форсирование аудио- и аудиовизуального метода, принятие прямой стратегии в преподавании иностранного языка как наиболее универсальной и оптимальной, использование поведенческой концепции в процессе обучения). Напомним, что в России данный метод стал вводиться в учебный процесс только по рекомендации Академии наук в 1952 году (Постановление Объединенной сессии ОЛЯ АН СССР и АПН РСФСР по вопросам преподавания языков в школе//Изв. АПН РСФСР. Москва, 1952. Вып. 39) и утвердился в конце 50-х годов (дискуссия о целесообразности и степени противопоставления родного и иностранного

языков на страницах журнала «Русский язык в национальной школе», 1957—1958), т. е. в то время, когда наши методисты под влиянием идей Кошутича разрабатывали систему обучения русскому языку в сербской среде.

Научные труды Н. Радошевич включают в себе две монографии («Процесс усвоения родственного (русского) языка в сербохорватской языковой среде». Новый Сад, 1973 и «Функция школьного учебника в свете современной науки». Белград, 1970) а также 13 публикаций в периодических педагогических и лингвистических изданиях [5]. П. Митропан — автор двух методических пособий («Методические указания для учителей русского языка». Белград, 1946 и «Методика преподавания русского языка». Белград, 1963), а также 15 статей по лингводидактике [6]. Эти работы, благодаря глубине исследования проблемы теории и практики преподавания русского языка, внесли значительный вклад в историю нашей славистики. Велика также их заслуга в разработке и создании учебников русского языка для сербских школ разного профиля и уровня обучения.

В основе научных интересов П. Митропана и Н. Радошевич была проблематика родственных языков с точки зрения методики преподавания: типичные ошибки носителей сербского языка и способы их предупреждения и исправления, выбор адекватных методических средств. Используя при изучении этих вопросов достижения психо- и нейролингвистики, Н. Радошевич дает физиологическое объяснение речевому процессу на иностранном языке, подкрепляя его результатами конфронтационно-типологического анализа русского и сербского языков и экспериментального изучения особенностей усвоения русской артикуляции, произношения, морфологических и синтаксических структур в условиях искусственного (школьного) билингвизма. Суть интерференции она видит в том, что внутреннее чувство (сенсорная коррекция) говорящего не позволяет ему провести четкую границу между своей и чужой языковой системой, в результате чего в его оперативном мышлении и памяти создаются такие комбинации из элементов двух языков, когда родной язык стремится навязать свои модели. Переработанная модель иностранного языка или модель родного языка, реализованная чужими языковыми средствами, закрепляется в подсознании ученика и автоматизируется в процессе употребления [7]. Так возникают типичные автоматические ошибки в речевой деятельности, потенциально представленные у всех членов одной языковой группы

независимо от уровня обучения. С лингвистической точки зрения их появление обусловлено различиями в семантических системах языка, т. е. в способах отражения действительности в языке (ошибки, возникшие в результате незнания или неадекватного употребления номинативных и релятивных языковых единиц, имеющих явно выраженный национально-культурный компонент), несовпадением общих и фонологических средств при использовании экспрессивной функции языка, трудностями при работе речевого аппарата, которые «возникают, когда говорящий пытается сохранить привычный ему способ движения речевых органов, используя в речи на иностранном языке психофизиологические процессы, связанные с фонологической структурой родного языка» [8].

Что касается появления интерференции при овладении экспрессивными акцентологическими элементами, Н. Радошевич дает ей любопытное и очень тонкое разъяснение: «Экспрессивные средства, общие и фонологические, всесторонне характеризуют личность как индивидуума и как члена коллектива. Специфические модуляции тона, жестикуляция, манеры, определяющие поведение человека, представляют собой выразительные средства, корни которых очень глубоки. В них наиболее полно проявляются не только особенности языковой структуры, но и исторически обусловленные, ментально-психологические характеристики народа или определенной социальной группы. Естественно, что изменение характера непосредственной реакции на внешние впечатления человек должен воспринимать как посягательство на национальную принадлежность своей личности» [9]. Психологически обусловленные отклонения от правильного ритмико-интонационного характера русского высказывания проявляются в использовании элементов речевой мелодики, выполняющих экспрессивную функцию, но воспроизводящих иностранные интонации в нейтральном виде, т. к. «такие элементы чужой речевой мелодики касаются сокровенной сущности человека и его этнической принадлежности» [10].

Особое внимание Н. Радошевич уделяла анализу лингвистических причин трудностей, возникающих при изучении сербами русской фонетико-фонологической системы, и поиску оптимальных путей их преодоления. Основные структурные различия между двумя языками она наблюдает в разной природе системы звуков (русский — язык с развитой системой согласных звуков, а сербский — гласных; корреляционных пар по дифференциальному при-

9 Заказ 4337

знаку «твердость—мягкость» в русском языке намного больше, чем в сербском; различия имеются также в ударении, интонации предложения, характере и степени напряженности мускулатуры органов речи при произнесении звуков) [11].

Среди причин межъязыковой речевой интерференции, возникающей в условиях искусственного (учебного) билингвизма, Н. Радошевич выделяет явление так называемой гиперкоррекции, которое состоит в том, что говорящий либо акцентирует особенности, отличающие русский звук от родного, либо чрезмерно выделяет характерные признаки чужого звука. Именно этой тенденцией можно объяснить усиление лабиализации ударного **-о** и его превращение в дифтонг **-уо**, второй компонент которого носители сербского языка произносят закрыто, «вероятно, под влиянием сербского долгого **-о** и сербской артикуляции» [12]; или чересчур мягкое произношение палатализованных согласных до появления звука -j, особенно -б, -п, -м, -р, -в, -ф, -с, реже -т и -д: «Серб чувствует мягкость русского согласного, пытается правильно произнести его, усиливая при этом его палатальную артикуляцию, превращая составной элемент в особый звук, т. е. разбивает иностранную фонему на две фонемы родного языка» [13]; сюда же относится явление исчезновения -i и -j в позиции между гласными; появление у гласных **-а** и **-о** перед носовыми согласными носового призвука и т. д. Орфография также способствует возникновению фонетических ошибок: зрительные впечатления часто сталкиваются со слуховыми как на уровне иностранного языка, так и в плане навязывания ассоциаций с родной графикой и фонетико-фонологической системой. Индивидуальный характер произношения, связанный с использованием артикуляции родного языка, физиологическими особенностями (и недостатками) артикуляционной базы, интонациями, также является причиной нарушения произносительной нормы. По наблюдениям Н. Радошевич, лица с четкой напряженной артикуляцией сербских звуков, разделяющие слова на слоги, с трудом овладевают произношением русских звуков; некоторым учащимся легко даются палатализованные и палатальные согласные, хотя при этом звуки -л, -ж, -ш они произносят мягче, смешивают **-ы** и -и; в некоторых случаях под влиянием физиологических причин усиливают носовой призвук у гласных и т. д.[14].

Во многих своих статьях Н. Радошевич и П. Митропан дали полное описание автоматических артикуляционных, акцентологи-

ческих, орфографических, морфологических, синтаксических и лексико-семантических ошибок наших учащихся, которое может послужить базой для разработки когнитивного метода обучения и частных методических рекомендаций для предупреждения и коррекции данных ошибок [15]. Оба автора видят перспективу развития нашей методики и учебной практики в дальнейшем изучении русско-сербского билингвизма.

Значителен вклад этих ученых в изучение теории создания учебника иностранного (русского) языка, в частности, определение цели, места и роли учебника в процессе обучения, а также в разработку конкретных проблем дидактического составления учебного текста и упражнений. Так, Н. Радошевич достаточно полно изучила вопрос выбора и представления языкового и речевого материала для учебника русского языка начальных школ, давая при этом оценку учебникам, изданным в 60-е годы, используя дескриптивный (документальный) метод анкетирования [16]. П. Митропан предложил оригинальное решение по составлению и оформлению учебного текста для чтения (использование так называемого вопросительно-описательного текста) [17]. Эти работы появились в то время, когда у нас практически не изучалась теория создания учебника (ни теоретически, т. е. с точки зрения обоснования концепции школьного пособия, ни практически, т. е. с точки зрения анализа уже существующего учебного материала).

Научный интерес к этой проблеме появляется только в 60-е годы (Т. Проданович, Й. Букша, Н. Вученов, А. Банович, И. Фур- лан и др.), при этом, в основном преобладали работы теоретического и описательного характера, а конкретные вопросы дидактического составления учебника не затрагивались. Поэтому авторы учебной литературы были вынуждены опираться на собственную интуицию или следовать уже существующим образцам учебников. Н. Радошевич в своей монографии «Функция школьного учебника в свете современной науки. Учебник русского языка» (Белград, 1970) впервые научно обосновывает принципы разработки современного школьного учебника русского языка, определяет критерии, которым он должен соответствовать с точки зрения реализации релевантных дидактико-методических и лингвистических принципов обучения и предлагает ряд частных решений, связанных с выбором и показом языкового (фонетического, орфографического, грамматического, лексического) и речевого материала, предназначенного для чтения

и развития речевых навыков. Необходимо отметить, что интерес к теории создания учебника русского языка как иностранного в мире появляется в начале 70-х годов. Так, темой II конгресса МАПРЯЛ в Варне (1973) было научное изучение, концепция, составление и оценка школьного учебника, в то время как в России исследования по данной проблеме проводились с 20-х годов (Г. В. Гольдштейн, Е. В. Белова, Н. А. Бергман, И. В. Карпов, А. И. Монигетти, Е. П. Шубин, И. В. Рахманов и др.).

Большое внимание П. Митропан и Н. Радошевич уделяли вопросам организации учебного процесса с определенным контингентом учащихся (экспериментальное обучение языку в первом классе начальной школы, курс речевой практики в четвертом и пятом классе, цели и задачи работы на начальном этапе) [18]. Изучение этой проблематики изменило характер учебного процесса: курс речевой практики был введен до официального принятия плана и программы с методическими указаниями, организовано экспериментальное обучение языку со второго полугодия первого класса (1968/69 учебный год).

Понимая, что специализированное преподавание «нельзя предоставить только личным импровизациям не всегда опытных учителей» [19], П. Митропан подробно разработал задачи и цели обучения и представил в общих чертах образец конкретного учебного процесса с учетом его психологических особенностей. Он также начал заниматься вопросами определения лексического минимума для обучения русскому языку в начальной школе в то время, когда выбор лексических средств был полностью предоставлен инициативе и интуиции составителей учебников; в сферу его интересов входили и методические принципы обучения артикуляции, акцентологии и интонации; развитие техники чтения; методические основы обработки литературного текста и возможности использования аудиовизуальных средств [20].

Н. Радошевич изучала фундаментальные вопросы лингвистической и психологической обоснованности учебных методов, более опираясь на когнитивные, чем на интуитивные методы, а также на стратегию поведения в преподавании [21], часто обращаясь к наследию Р. Кошутича, которого глубоко уважала, идеи которого служили ей источником постоянного вдохновения [22]. «Благодаря многолетнему общению с профессором Кошутичем, сначала в качестве единственного студента, у которого русский был главным

предметом, а затем коллеги, я всегда стремилась найти новые пути в преподавании русского языка. Я всегда осознавала значение идей Кошутича. И мы, последователи его школы, должны сохранить и продолжить великое дело нашего учителя» [23],— эти слова являются своего рода кредо и завещанием Н. Радошевич.

Петр Андреевич Митропан и Наталия Дмитриевна Радошевич останутся в истории сербской филологии и педагогики как основоположники главных, теперь уже получивших признание, методик обучения родственному славянскому языку, как авторы первых монографий, посвященных преподаванию русского языка у нас, как создатели конфронтационных, экспериментальных, теоретических, исторических, компаративных и статистических лингвистических и педагогических исследований. Их научные труды стали обязательной литературой для студентов-славистов и методистов-практиков, образцом методологии и стимулом для всех, кто занимается изучением, созданием и оценкой концепций обучения русскому языку в сербской языковой среде и поиском новых путей в решении этой задачи.

Примечания

[1] Этот учебник так и остался в рукописи; первый печатный учебник русского языка появится у нас через десять лет (*Василевић А.* Учитель рускогь језика. Београд, 1862); подробнее: *Радевић М.* Почеци наставе руског језика у Србији//Настава и васпитање. 1974. Бр. 4. С. 493—505; *Радевић М.* О првом курсу руског језика при Великој школи у Београду//Историјски гласник. 1964. Бр. 2—3. С. 149—156; *Радошевић Н.* Улога уџбеника у настави страног језика и наше концепције уџбеника руског језика//Живи језици. Београд, 1973. Бр. 1—4. С. 27.

[2] Из вступительной лекции, прочитанной П. Кулаковским 10 ноября 1878 года в Высшей школе и опубликованной в «Српске новине». 1878. Бр. 71, 72; цитирую по: *Лалић Р.* Катедра за источне и западне словенске језике и књижевности//Сто година Филозофског факултета. Београд, 1963. С. 377. Кулаковский был также составителем «Книги для чтения на русском языке», изданной в 1879 году.

[3] *Терзић Б.* In memoriam Петар Митропан//Живи језици. 1989. 1—4. Бр. XXXI. С. 148—150.

[4] *Јовановић Душан Ј.* Основи теорије учења страних језика с нарочитим погледом на изговор и разумевање речи. Београд, 1935. С. 6—17.

[5] *Пипер П.* Библиографија југословенске лингвистичке русистике. Нови Сад, 1984—1990. Т. I—II.

[6] Там же.

[7] *Радошевић Н.* Процес усвајања сродног (руског) језика у српскохрватској језичкој средини. Нови Сад, 1973. С. 9—12.

[8] Там же. С. 20.

[9] Там же. С. 16.

[10] Там же. С. 160.

[11] Там же. С. 127—149.

[12] Там же. С. 67.

[13] Там же. С. 56—57.

[14] Там же. С. 48—49.

[15] *Радошевић Н.* Покушај структурног поређења руског и српскохрватског језика//Наш језик. 1967. XVI. 3. С. 159—170; Погрешне репродукције при учењу језика сродних матерњем//Гласник Српске академије наука. Београд, 1954. VI, I. С. 78—79; Неке законитости грешака у страном изговору//Живи језици. 1960. II. С. 139—149; Типичне грешке при учењу руског језика код Срба и начин њихова уклањања//Савремена школа. Београд, 1954. Бр. 1—2. С. 69—73; *Митропан П.* Трудности обучения при интерференции близкородственных языков — русского и сербохорватского//Русский язык за рубежом. 1968. № 2. С. 24—32; Влияние родного языка учащихся при изучении лексики русского языка в Югославии//Русский язык за рубежом. 1969. № 2. С. 24—32; Работа над глаголами в сербохорватских школах (о преподавании русского языка в родственной лингвистической среде)//Русский язык за рубежом. 1969. № 4. С. 95—98.

[16] *Радошевић Н.* Функција школског уџбеника у светлости савремене науке. Уџбеник руског језика. Београд, 1970. С. 95.

[17] *Митропан П.* Структура текста у уџбенику руског језика//Настава и васпитање. 1964. Бр. 1, 2. С. 43—50.

[18] *Радошевић Н.* Неколико речи о настави руског језика//Просветни преглед. 1946. Бр. 10. С. 2; *Митропан П.* Проблеми почетног течаја руског језика//Просветни преглед. 1967. Бр. 9. С. 3; Почетни течај руског језика. Рад у IV разреду основне школе//Просветни преглед. 1968. Бр. 29. С. 4; Експериментална настава страног језика у првом разреду основне школе (с посебним освртом на наставу руског језика//Настава и васпитање. 1969. Бр. 1. С. 23—29.

[19] *Митропан П.* Почетни течај руског језика. Рад у IV разреду основне школе// Просветни преглед. 1968. Бр. 29. С. 4.

[20] *Митропан П.* О лексици и речнику руског језика у основној школи//Настава и васпитање. 1966. Бр. 1. С. 30—37; Питање акцента у почетној настави руског језика//Просветни преглед. 1967. Бр. 16, 17. С. 42; Методски поступци у настави читања на руском језику//Настава и васпитање. 1962. Бр. 7, 8. С. 373—383; Коришћење магнетофона у настави руског језика//Просветни преглед. 1963. Бр. 32. С. 6.

[21] *Радошевић Н.* Лингвистички методи и нова струјања у методици наставе страних језика//Живи језици. 1975. Бр. 1—4. С. 99—106.

[22] *Радошевић Н.* Радован Кошутић и нека савремена лингвистичка схватања// Живи језици. 1966. Бр. 1—4. С. 11—14.

[23] Там же. С. 14.

Ирина Суботич

Русские художники в белградском Народном музее

Коллекция произведений иностранных художников Народного музея в Белграде насчитывает более тысячи двухсот единиц. Среди национальных школ, представленных в музее, по объему и качеству выделяются французская, итальянская, голландская, фламандская и особняком стоит — русская. Таково мнение доктора Яна Брука, известного искусствоведа, работающего в Третьяковской галерее в Москве. По его мнению, столь цельной коллекцией искусства русской эмиграции не располагает ни один российский, европейский или иной зарубежный музей. Среди примерно шестидесяти работ — полотна Рериха, Репина, Кузнецова, Кипренского, Шагала, Кандинского и почти неизвестных авторов, дополняющих представление о русском искусстве, и прежде всего — об искусстве русской диаспоры. Великий исход русской интеллигенции, особенно художников и артистов, обогатил югославское культурное пространство. Это присутствие, оказавшееся особенно благотворным в восточных областях нашей страны, требует пристального изучения.

Разумеется, Белград стал наиболее крупным центром, где жили и выставлялись русские художники. Чаще всего это были исключительно русские выставки. Однако начиная с 1928 года [1] россияне принимают участие и в крупных коллективных мероприятиях. Так, в 1930 году под высочайшим покровительством короля Александра и принца Павла прошла Большая выставка русских художников [2]; в 1937 и 1939 годах — так называемые «периодические» выставки русского искусства [3]. Народный музей (с 1936 года до конца Второй

мировой войны носивший имя принца Павла (Музей принца Павла), своего покровителя и мецената, знатока искусства, которому принадлежит инициатива создания Музея современного искусства (вошедшего тогда в состав Народного музея), именно на этих показах чаще, чем на выставках или в мастерских художников, приобретал работы для своей коллекции. Согласно нашим исследованиям, около двадцати картин русских художников вошло в коллекцию музея непосредственно с эмигрантских выставок. Этот факт, представляющий значительный интерес не только для истории музея, помогает понять тогдашние критерии отбора работ и составить представление о восприятии русского искусства в межвоенный период. Остальные работы приобретены в мастерских или попали в музей иным образом, чаще всего как полотна, приподнесенные в дар музею.

Коллекция музея не располагает работами таких популярных российских художников, живших в Сербии в межвоенный период, как Степан Колесников [4], Владимир Жедринский или Алексей Ганзен. Нет здесь и работ представителей крайне радикальных направлений — Михаила Ларионова, Натальи Гончаровой, Осипа Задкина или Хаима Сутина, хотя они и участвовали в белградских выставках.

На выставке 1930 года выставлялись работы, относящиеся к тому периоду, когда эти художники отошли от поиска новых выразительных средств, характерных для того новаторского, авангардного времени. В числе прочих Ларинов выставил «Натюрморт». С известной долей риска можно утверждать, что в 1934 году он посвятил эту работу критику Косте Страйничу, из наследия которого она в конце восьмидесятых годов и попала в коллекцию музея. Наталья Гончарова представила шесть работ, выполненных в духе тогда уже умеренного поставангарда, характерного для всего ее парижского периода. В каталоге выставки помещена репродукция картины Гончаровой «Испанки», отличающейся весьма смелой композицией с подчеркнутыми вертикалями и очевидными признаками ее творческого почерка периода рейонизма. Сегодня работа хранится не в Белграде, а в постоянной экспозиции Парижского музея современного искусства. Вероятнее всего потому, что в свое время Гончарова считалась у нас слишком новаторским, экспериментальным художником, наряду с Сутиным, Задкиным, Ланским и Поляковым [5]. Они тоже в 1930 году приезжали в Белград, но их работы также отсутствуют в коллекции нашего Народного музея. Это объясняется концепцией музейной коллекции: известно, что

принц Павел Карагеоргиевич с увлечением собирал коллекцию для только что созданного тогда Музея современного искусства. Картины присылались в дар со всего мира, прежде всего из Европы. Принц обеспечивал приобретение работ в различных галереях и мастерских, а также на аукционах во Франции, Германии, Англии, Италии и т. п. Хотя в музейном архиве мы не нашли документов, свидетельствующих о том, как поступали в коллекцию работы русских художников, можно с большой степенью вероятности считать, что выбор имен соответствует вкусу и взглядам Павла. К такому выводу приводит сравнение произведений русских художников с произведениями представителей других национальных школ двадцатого века из музейной коллекции, отражающих интернациональный дух, который нес модернизм межвоенного периода.

В тридцатые годы в отличие от двадцатых атмосфера меняется: преобладает упорядоченность, выветривается горячность поиска новых идей, происходит возврат к живописности — к пластической самоценности изображаемого. Критерии отбора вырабатывали совместно принц Павел и директор музея, известный специалист Милан Кашанин. У них были схожие взгляды на современное и модернистское искусство, во всем отличавшиеся от художественных пристрастий короля Александра, который предпочитал сочетание традиционных элементов классического и средневекового искусства, исторические реминисценции, фольклорные мотивы в православном и, шире, в общеславянском духе, выполненные в бытописательской, нравоучительной идеологизированной манере (о чем свидетельствуют, в частности, архитектоника и декор Старого дворца на Дединье, выполненные русскими художниками, разделявшими с ним эти идеи). Принц Павел и Милан Кашанин, не приняв внезапной перемены в искусстве, характерной для различных направлений исторического авангарда двадцатых годов, избегали всего, что выходило, по их мнению, за рамки эстетического, т. е. было вызывающим, экспрессивным, афишированным, отбирая и оценивая произведения искусства по принципу — без экспериментов, и без исторических сюжетов. По этим критериям отбирались и полотна российских художников.

Коллекцию их работ отличает определенная цельность, прежде всего концептуальная. Большинство принадлежащих музею работ наиболее известных художников того времени, проникнутых духом реализма и символизма (Рериха, Репина, Добужинского, Бенуа),

выполнено в характерной для 30—40-х годов живописной манере. Здесь нет ни исторических сюжетов, ни традиционных живописных приемов, но ощутимо утонченное восприятие своего времени, отмеченного интернациональным стилем Парижской школы, акцентируется интерес к пластичности формы, к согласованной цветовой гамме, к свободной композиции, учитывается опыт позднего импрессионизма с его трепетным светом, прозрачностью атмосферы, танцующими тенями, свежим взглядом, смело определяемой варьирующейся тематикой чаще пасторальных, чем городских, пейзажей. Все эти особенности, типичные для живописной манеры Европы тридцатых годов, отражены и в картинах российских художников из коллекции белградского Народного музея. Характерные пейзажи Петра Нилуса [6], Зинаиды Серебряковой, Александа Яковлева, Константина Терешковича, Бориса Григорьева, Василия Шухаева, Алексея Коровина, Константина Коровина, Сергея Виноградова, Николая Богданова-Бельского были куплены на Большой выставке русского искусства 1930 года и на периодических выставках 1937 и 1939 годов. Среди приобретенных работ лишь немногие (Рериха, Репина, Бенуа, Добужинского, Милиотти) выполнены в духе символистской, фигуративной композиции, в жанре интерьера или портрета. Следует отметить, что в музейной коллекции нет ни одной скульптурной работы российских мастеров, несмотря на то, что в Белграде выставлялись такие интересные скульпторы, правда, не самого крупного калибра, как Серафим Субботин, Акоп Гюрджан, Клеопатра Беклемишева, Вадим Андрусов, а также упоминавшийся выше Осип Задкин. По-видимому, интереса к скульптуре не было.

Среди упомянутых художников немало таких, чьи судьбы канули в лету, и восстановить их биографии сегодня не представляется возможным. Однако их наследие — весьма надежный источник информации о живописных тенденциях, характерных для художников русской эмиграции. Очень мало работ, тематически посвященных сентиментальным воспоминаниям о старой России, Москве, Петербурге, фольклорным сюжетам и т. п. Большинство из них ориентированы на европейские вкусы, демонстрируют причастность к новаторским, модернистским направлениям — от кубизма и футуризма, до экспрессионизма и даже конструктивизма,— приглушенные, впрочем, с характерной для тридцатых годов умеренностью. Словом, представлены все особенности европейской художественной атмосферы того времени, включая и югославскую.

Правда, отдельные российские художники сохраняют атмосферу русского реализма второй половины девятнадцатого века с ее световым драматизмом, театральным построением сюжета, отражающим ностальгию по ушедшим временам (полотна Бенуа «Салон царицы Марии Александровны в Гатчине» и «Будуар Настасьи Филипповны»; Добужинского «Эскиз к „Евгению Онегину“» или «Иверская Богородица в Москве». Копия часовни из тех же сентиментальных соображений воздвигнута на белградском Новом кладбище). Подобных работ в Народном музее меньше, чем работ, отличающихся современной живописной концепцией, поэтическим видением, плотностью живописуемой материи и новизной подхода к теме.

Как уже отмечалось, общий облик коллекции Народного музея формировался преимущественно под влиянием вкуса принца Павла и его помощника, директора музея, Милана Кашанина. Интересно, однако, подчеркнуть, что искусство развеянной по миру русской диаспоры отличается в целом согласованностью с живописными направлениями своего времени. Об этом свидетельствуют работы художников, принимавших участие в Большой выставке 1930 года в Белграде: в Париже жили Бенуа, Малявин, Нилус, Коровин, Серебрякова, Терешкович [7], Шухаев, Яковлев; в Нью-Йорке — Борис Григорьев и Николай Рерих; в Риге — Богданов-Бельский и Виноградов; в Ковне (Литва) — Мстислав Добужинский и в Куоккале (Финляндия) — Илья Репин. Авторы большинства работ из коллекции Народного музея — люди, разбросанные по всему миру и утратившие иллюзии относительно возможности возвращения на родину. Этим, по-видимому, объяснимо отчасти их стремление стилистически примкнуть к международным художественным кругам. Универсальный язык искусства был одним из путей к признанию [8].

Повторим, подобным собранием эмигрантской русской живописи не располагает ни одна из известных нам коллекций. Встает вопрос — почему? Один из логичных ответов — потому, что художники из России находились в среде, настроенной к ним менее доброжелательно, чем наша. Коллекционирование, являющееся прежде всего жестом эстетическим, в случае с русскими эмигрантскими художниками приобретало и политическую окраску. В других странах этот фактор сказался в меньшей мере, чем в межвоенной Югославии. Поэтому вполне понятно, что направления русской живописи зарубежья до настоящего времени недостаточно хорошо

известны даже русским специалистам, и коллекция белградского Народного музея в этом смысле заслуживает особого внимания [9].

Второй вопрос, требующий ответа,— в какой мере российские художники повлияли на наших? Редкое участие россиян на общих выставках (как правило, они выставлялись самостоятельно или в рамках исключительно русских выставок), их общение, но не слияние с местной культурной средой — лишь некоторые из причин, которые, как представляется, сказались на том, что решающего влияния не было. К этому следует также добавить, что в нашей среде в основном оказались русские художники традиционных направлений, простых живописных решений и, как правило, консервативных художественных взглядов, чем в немалой степени и объясняется тот факт, что в коллекцию Народного музея вошли работы, созданные вне Югославии.

Напрашивается вывод — в нашей культурной среде наиболее популярны стали представители классического, без примеси современных течений, модернизма. И эта популярность мешала им обратиться к истинному живописному поиску. В условиях же иной художественной среды предпосылкой к признанию художника становилась его готовность к поиску новых живописных решений. Виртуозность Степана Колесникова или атмосфера морских пейзажей Алексея Ганзена, несмотря на очевидную одаренность художников, не обеспечили их работам места в коллекции Народного музея.

Кроме того, русская живопись значительно меньше повлияла на нашу культурную жизнь, чем, скажем, русская литература или театр. Не было нужды в русском посредничестве, ибо наши художники непосредственно соприкасались с предлагаемыми Европой новыми идеями, вполне органично и естественно воспринятыми нашей поставангардной живописью.

Примечания

[1] «Русская студия искусств» работала в Белграде с 1921 года в Офицерском собрании (ныне Студенческий культурный центр), где в 1928 году была открыта Первая выставка русского изобразительного искусства. Участвовали двадцать восемь авторов, представивших триста работ. Тогда же основано и Русское общество живописи и скульптуры. За эти данные мы глубоко признательны О. Джуричу. Некоторые данные о русских художниках см. в его книге «Руска литерарна Србија 1920—1941». Горњи Милановац—Београд, 1990.

[2] Наиболее обширную рецензию на эти выставки опубликовал *М. Јовановић*. Изложба руске уметности у Београду 1930 године//Зборник Народног музеја. Бр. XIV/II (историја уметности). Београд, 1990. С. 153—160.

[3] Каталоги периодических выставок русских художников свидетельствуют о том, что все выставки, так же как Большая выставка русского искусства, объединяли художников со всего мира и были организованы на высоком профессиональном уровне.

[4] В коллекции Народного музея с недавнего времени находится одна работа С. Колесникова, которая поступила туда по завещанию инженера Воислава Джурича.

[5] Николай Поляков одно время жил в Белграде, позднее он стал секретарем художественной школы Андрея Лота в Париже и много помогал югославским художникам.

[6] Картина «Улица в Париже» П. Нилуса куплена в 1938 году у Сергея Алисова в Белграде. Вероятнее всего, эта картина выставлялась на периодической выставке, проходившей в декабре 1937 — январе 1938 годов, под названием «На окраине Парижа» или «Мокрая улица» (см. Каталог этой выставки. С. 4).

[7] Константин Терешкович, по-видимому, посетил Большую выставку русского искусства в 1930 году: на одном из экземпляров Каталога, находящегося в библиотеке Народного музея, имеется его подпись.

[8] Об «универсальном языке искусства» говорит М. Кашанин в рецензии на выставку русских художников, выделяя прежде всего художников, чьи работы находятся в коллекции музея,— Григорьева, Коровина, Виноградова, Серебрякову, Яковлева, Шухаева. См.: Време. 1930. Бр. 2951. С. 6; Бр. 2952. С. 4; Бр. 2955. С. 3; Бр. 2957. С. 4.

[9] Ко Дню русской культуры, т. е. к шестидесятилетию Русского дома в Белграде, была подготовлена выставка «Русские художники в Белграде» (21 апреля — 7 мая 1993 года). Народный музей в рамках проекта, объединяющего искусствоведов со всей страны, продолжает изучать материалы о деятельности русских художников и архитекторов в Сербии.

Александр Кадиевич

Выставки русских архитекторов в Белграде между двумя мировыми войнами

Несомненно, архитектурные выставки в межвоенной Сербии существенно влияли на развитие вкусов, создавали атмосферу терпимости к различным стилистическим направлениям: от национально окрашенного романтизма — до вненациональных акмеизма и модернизма [1]. С начала тридцатых годов выставки работ архитекторов, проходившие чаще всего в Белграде, где работали ведущие мастера, проводились как самостоятельные и в период с 1928 по 1940 годы были очень популярны. Нет, пожалуй, ни одного более или менее значительного архитектора, чьи работы не выставлялись в те годы.

Известно, что российские архитекторы-эмигранты, оказавшись в Сербии, примкнули к различным архитектурным направлениям и наряду с нашими архитекторами участвовали в коллективных тематических выставках, или выставках, приуроченных к какому-либо событию [2]. Менее известно, что они выставлялись и самостоятельно (на коллективных выставках русских художников, живущих как в Югославии, так и за рубежом, в рамках белградской группы художников «К. Р. У. Г.», выставок работ студентов архитектуры) и редко участвовали на презентациях конкурсных работ или на выставках сербских архитекторов.

Первая выставка русских архитекторов проходила в 1922 году в холле нового здания Белградского университета. Ее устроил Всероссийский земский союз, представив в широкой экспозиции разнообразную деятельность русских художников и эмигрантских

организаций в Королевстве СХС [3]. Кроме живописных работ, выставка продемонстрировала достижения российских архитекторов в промышленности, сельском хозяйстве, ремеслах, педагогике, технике и т. п. Газеты как наиболее примечательный экспонат выставки отметили огромный эскиз памятника архитектора Романа Верховского [4]. Сам памятник — конная фигура белогвардейца, который, глядя в небо, напрасно ищет помощи, был частью живописной композиции, олицетворявшей нашествия большевиков — змея на гребне огромной волны. Внизу композиции располагался поверженный лев — символ императорской России [5].

Привлекли также внимание проекты архитектора Хинда (Российское посольство в Константинополе и здание театра), много работ выставлял архитектор Васильев (среди них Геодезический институт — конкурсный проект для Министерства лесного хозяйства и полезных ископаемых — ныне дом на углу улицы Карагеоргия) [6]. Выставку посетило более ста двадцати тысяч человек [7].

На Второй русской выставке (Белград 1924), где также были представлены работы из самых разных областей, отмечены проекты здания парламента, памятника Сербской славы и побед и проект русского храма в Белграде архитектора Верховского [8]. В том же году на первом этаже нового здания Университета проводилась презентация конкурсных проектов здания Министерства финансов [9]. Среди выставленных работ был выполненный в академическом стиле и уже купленный проект архитектора Николая Краснова, по которому впоследствии и построено это представительное здание [10].

Для утверждения молодых русских зодчих, заканчивающих или недавно окончивших архитектурное отделение Технического факультета, в межвоенный период большое значение имели выставки, которые организовывал Клуб студентов архитектуры. Уже на первой выставке Клуба работы студентов из России привлекли к себе внимание [11]. В основном это были курсовые и дипломные работы, выполненные в сербско-византийском стиле. Внимание критики привлекли оригинальные работы Александра Васича и россиян Андрея Папкова и Ивана Рыка [12].

Годом позже проводилась выставка конкурсных проектов храма Святого Саввы на Врачаре. Среди многих проектов сильной современной концепцией выделялась совместная работа Милана Злоковича и А. Папкова. Их проект с воодушевлением принят студен-

ческой общественностью [13]. После столь успешного сотрудничества с молодым Злоковичем, Папков вскоре был принят в мастерскую ведущего архитектора среднего поколения Драгиши Брашована [14].

В значительно более консервативном духе архитектура храма представлена в проекте Василия Андросова (опубликован в журнале «Рашка») [15]. В отличие от Папкова, который впоследствии переключился на гражданскую архитектуру, Андросов интересно проявил себя в области церковного зодчества. По его проектам построены храмы в Лесковце, Ужичкой Пожеге, Сиеринской Бане и на Чукарице в Белграде.[16]

В мае 1928 года в ·Белграде в здании Офицерского собрания была устроена большая выставка Общества русских художников в Королевстве СХС. Помимо живописных работ, внимание общественности привлекли работы группы архитекторов [17], прежде всего Р. Верховского, представившего проекты, выполненные в академическом и романтическом стилях. О его работах в неовизантийском стиле писали, что они «свидетельствуют о сильной художественной индивидуальности, которая видна не только в проектах зданий и эскизах прекрасного интерьера величественных палат..., но и в том, как он представляет византийский стиль, показывая яркие образцы его красоты в изумительных интерьерах Королевской виллы на Дединье. Кроме того, он мастер рисунка...»[18]. Отмечен и Вильгельм (Василий) Баумгартен, «его работы относятся к наиболее интересным на выставке. Это проекты с явным ощущением монументальности и перспективы»[19]. Обратил на себя внимание и молодой Папков. Упомянут также скульптор Алисов — автор фасадной пластики на проекте здания Генерального штаба Баумгартена [20].

Интересна с точки зрения участия российских архитекторов и презентация студенческих дипломных работ, прошедшая в феврале 1929 года [21]. Ее открыл известный архитектор Никола Несторович. Среди примерно сорока талантливых работ, преимущественно следующих сербско-византийским канонам, выделялся эскиз собора Св. Марка Ивана Рыка, опубликованный газетой «Политика»[22]. Монументальный пятикупольный храм с колокольней над притвором — популярный мотив сербской сакральной архитектуры того времени, — с характерно акцентированными фронтонами боковых фасадов; здесь выбран принцип ступенчатого возвышения частей постройки, завершающихся оригинальными низкими восьмигранными крышами куполов. Отмечалось, что проект «является про-

изведением искусства по красоте архитектурных перспектив и сложности линий фасадов»[23]. Критик газеты «Правда» ставит проект Рыка на четвертое место на выставке; подробно анализируя его и высказав ряд замечаний, автор рецензии заключает, что Рыку как редко кому удалось продемонстрировать свой художественный дар [24].

Среди работ по декоративной архитектуре отмечен эскиз потолка студента Николая Месароша, который по совершенству художественной композиции и чувству колорита отнесен к лучшим работам [25]. Отмечены также работы Александра Медведева [26].

В июне 1929 года в Выставочном павильоне на Калемегдане проходил Первый салон архитектуры, организованный Группой архитекторов современного направления («Г. А. М. П.») [27]. Наряду с работами современных направлений, экспонировались работы, выполненные в сербско-византийском и академическом стилях. Р. Верховский выставил много работ в традиционном стиле, но на этот раз они были отнесены на второй план. Основное внимание критики привлекли работы группы «Г. А. М. П.», представляющие ранний сербский модерн.

В 1929 году в качестве членов организационного комитета Большой выставки русского искусства в эмиграции важную роль сыграли архитекторы В. Н. Баумгартен (председатель организационного комитета), Р. Н. Верховский, А. В. Папков и И. А. Рык (члены организационного комитета) [29]. Выставка собрала работы около ста художников российского зарубежья и открылась в марте 1930 года. Художники, жившие в Югославии, представили свои работы в отдельной части экспозиции, однако они остались в тени. Всеобщее внимание привлекли работы известных художников и скульпторов — Репина, Сутина, Билибина, Шухаева.

В апреле того же года в малом зале Павильона им. Цветы Зузорич прошла первая выставка недавно образованной группы русских художников «К. Р. У. Г.», свои работы выставили члены группы архитекторы — Иван Рык и Виктор Лукомский. Большинство группы составляли представители молодого поколения художников. Предоставляя своим членам полную свободу творчества, группа ежегодно устраивала выставки [30]. В эти годы в Белграде возникает множество различных художественных союзов и групп («Облик», «Зограф», «Г. А. М. П.» и др.).

На первой выставке были также представлены проекты Лукомского — Королевский дворец на Дединье (реализован совместно с

Ж. Николичем), гостиницы на Авале (реализован), а также зданий Генерального штаба в Белграде и Офицерского собрания в Скопле (не реализованы) [31]. Рык выставил проект мемориальной часовни и много живописных работ. Обозреватель «Политики» отмечал, что Лукомский и Рык — «авторы, которым могут быть предъявлены претензии в отсутствии оригинальности, однако их чувство монументальности неоспоримо ... Лукомский преломляет византийский стиль в практических целях; Рык демонстрирует любовь к деталям и роскоши»[32].

Симпатию ведущего нашего критика и теоретика межвоенного искусства архитектуры Милутина Борисавлевича вызвала студенческая работа молодого Григория Самойлова, которая была представлена на выставке Клуба студентов-архитекторов (1931). Критик посвящает работам Самойлова и Петра Анагности отдельную статью. Замечая, что выставке в целом не хватает оригинальности в интерпретациях византийского стиля [33], он с радостью констатирует, что в неовизантийском стиле Г. Самойлов «представил мастерский проект Югославского пантеона — лучшую работу выставки»[34]. Борисавлевич считает, что постройки Самойлова производят величественное монументальное впечатление, благодаря удачной композиции аркад нижнего этажа. В то же время критик высказывает замечание о том, что средний купол недостаточно выделен, а боковые аспиды «слишком массивны по сравнению с ним»[35], что, впрочем, почти компенсируется прекрасно выбранной сужающейся перспективой композиции. О работах Анагности говорится, что в них «виден талантливый художник. А проекту курортного отеля не хватает цельности и гармонии»[36]. К статье об этой выставке «Политика» публикует эскиз памятника Неизвестному герою Александра Чигловского [37].

Группа «К. Р. У. Г.» неоднократно выставлялась до 1938 года, неизменно демонстрируя разнообразие стилистических подходов к архитектурному сооружению. На выставке, состоявшейся в 1931 году, к группе присоединяются Папков и декоратор Павел Фроман, а в дальнейшем — Баумгартен и Павел Крат [38]. Представляя на выставках интересные проекты церковных, жилых и общественных зданий, члены группы «К. Р. У. Г.» делились результатами своего многолетнего труда в Югославии. Однако накануне Второй мировой войны влияние их идей на развитие нашей архитектуры постепенно

ослабевает, уменьшается количество реализованных проектов, становится менее интенсивной и угасает выставочная деятельность.

Стоит также упомянуть об участии Павла Крата в выставке сербских архитекторов группы «Г. А. М. П.» в феврале 1933 года. Он выставил фотографии нескольких жилых объектов и нереализованный проект Аэроклуба [39].

Обзор межвоенных выставок, в которых участвовали русские архитекторы Белграда, показывает, что среди них преобладали молодые неизвестные архитекторы или только что окончившие институт студенты. У архитекторов с именами, принадлежавших к старшему поколению, — Андросова, Ковалевского, Краснова — не было потребности афишировать свое творчество. Этот круг русских художников, связанных с академической архитектурой, находящейся под покровительством Министерства строительства и Белградской мерии, спокойно работал над многочисленными проектами, имеющими большое общественное значение. Те, кто меньше других появлялся на выставках, обсуждениях, словом, на публике, смогли сделать больше других. Этим объясняется их большое влияние на местных подрядчиков, особенно в середине тридцатых годов, когда приводились в исполнение крупные проекты Николая Краснова.

В сороковые годы это поколение российских архитекторов сделало меньше. Среди их работ особо интересны Бановина в Цетинье и усыпальница на острове Видо Н. П. Краснова, а также решение фасада Главного Почтамта в Белграде Андросова. Изначально отказавшись от эстетики современного функционализма, слишком старые, чтобы учиться заново и неготовые на идейные компромиссы, ведущие русские архитекторы, за исключением Георгия Ковалевского, остались последовательны в своем пристрастии к романтизму и эклектике. С возрастом, в конце тридцатых годов, они сходят со сцены.

Из шестидесяти архитекторов, прибывших к нам из России, в выставках межвоенного периода принимало участие лишь около пятнадцати человек [39a]. Большинство работало в тиши многочисленных частных бюро в качестве сотрудников местных подрядчиков. Такие архитекторы, как Леонид Макшеев и Валерий Сташевский, которые были авторами многочисленных реализованных проектов, не были связаны с обществами русских художников и не принимали участия в выставках.

Что российским архитекторам давало участие в выставках? Признание в профессиональных кругах, популярность, помогавшие найти заказчика. В условиях жестокой конкуренции проектов, каждое хвалебное слово в печати об архитекторе или его проекте имело непосредственное влияние на разборчивых клиентов, стремящихся во что бы то ни стало догнать Европу. Лукомский, Папков и Рык поддерживали свою репутацию благодаря частым выставкам и в конце тридцатых годов получали заказы и от Церкви, и от частных лиц, и от государственных инвесторов. Они, также, как архитекторы старшего поколения, не приняли чистый модернизм, но в своей архитектурной практике значительно модернизировали традиционную в целом концепцию своих проектов. Перед войной или сразу после, не выдержав творческой конкуренции с такими ведущими сербскими мастерами, как Драгиша Брашован, Милан Злокович, Никола Добрович, под напором молодого поколения сербских модернистов — Момчило Белобрка, Бранислава Маринковича, Миладина Прлевича, в поисках работы они были вынуждены покинуть Югославию [40].

Из тех, кто жил в Сербии, наиболее популярным в двадцатые годы был архитектор Николай Краснов, в тридцатые годы — архитектор Григорий Самойлов, прославившийся проектом Югославского пантеона (1931). Архитекторы Самойлов и Анагности впоследствии преподавали в университете, занимаясь исследованиями в области перспективы.

Павел Крат, редкий из русских архитекторов участвовавший в выставках сербских модернистов и воспринявший модернисткие идеи. В его проектах Аэроклуба (1933), реконструкции Почтамта № 2 в Белграде (1947) заметно влияние идей его учителя — мастера архитектурной композиции Драгиши Брашована [41].

Выставки русских архитекторов в межвоенном Белграде не дают полного представления о все еще недостаточно изученном вкладе их участников в развитие архитектуры в Сербии Большинство архитекторов выставлялось мало или вообще не выставлялось. В наиболее значительных выставках они принимали участие, оставаясь в рамках своей национально-художественной группы, выставляя разные по уровню проекты гражданских, сакральных и жилых построек.

Будущие исследователи творчества архитекторов — выходцев из России несомненно должны заняться систематическим изучением

их наследия и анализом архивных материалов, связанных с архитектурными объектами, которые они проектировали.

Не должна также остаться без внимания как их деятельность в России до приезда в Сербию, так их деятельность за пределами Сербии во время и после Второй мировой войны. Научная реконструкция творчества отдельных архитекторов поможет представить и выставочную деятельность межвоенного Белграда в более полном, чем сегодня, виде.

Примечания

[1] Об общественной жизни и архитектурных направлениях в межвоенном Белграде см.: *Несторовић Б.* Постакадемизам у архитектури Београда//Годишњак Музеја града Београда. Београд, 1973. XX. С. 339—381; *Маневић З.* Јучерашње градитељство, 1//Урбанизам Београда. Прилог. 9. Београд, 1979. С. 53—54;. *Марковић П. Ј.* Београд и Европа 1918—1941. Београд, 1992.

[2] Основные источники сведений об этом виде их деятельности — семейные архивы, каталоги выставок, газетные рецензии, архивные материалы, воспоминания современников. О деятельности российских архитекторов в Белграде в межвоенный период см.: *Несторовић Б.* Указ. соч.; *Шкаламера Ж.* Архитекта Никола Краснов// Свеске Друштва историчара уметности Србије. Београд, 1983. Бр. 14. С. 109—129; *Тошева С.* Дела руских архитеката у Београду између два рата. Дипломски рад одбрањен у Београду, бр. 1511, 1990.

[3] *Аноним.* Руска изложба//Политика, 18.05.1922.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] *Аноним.* Друга руска изложба у Београду//Политика. 9.4.1924. С. 3.

[8] Там же.

[9] *Аноним.* Изложба скица за нову палату Министарства финансија//Политика. 31.08.1924. С. 8.

[10] О строительстве здания Министерства финансов: *Шкаламера Ж.* Указ. соч. С. 123—126.

[11] *Аноним.* Изложба пројеката студената архитектуре//Политика. 16.02.1925. С. 6.

[12] Там же.

[13] *Кашанин М.* Скице за храм Светог Саве//Српски књижевни гласник. Београд, 1927. XXI. С. 530.

[14] О личности и творчестве архитектора Брашована: *Маневић З.* Дело архитекте Драгише Брашована (1887—1965)//Зборник за ликовне уметности Матице српске. 6. Нови Сад, 1970. С. 187—208; *Кадијевић А.* Живот и дело архитекте Драгише Брашована (1887—1965)//Годишњак Музеја града Београда. Београд, 1990. XXXVII. С. 141—172.

[15] Скице за Светосавски храм у Београду//Рашка, 1. Београд, 1929.

[16] О творчестве В. Андросова см.: Енциклопедија архитектоника//Форум. 12, Београд, 1992. С. 5.

[17] *Аноним.* Отварање изложбе руских уметника у Београду//Правда. 3.05.1928. С. 4; *Аноним.* Прва колективна изложба руских уметника//Правда. 4.05.1928. С. 5; *Аноним.* Уметничка изложба руских емиграната//Политика. 4.05.1928. С. 6.

[18] *Аноним.* Прва колективна изложба руских уметника//Правда. 04.05.1928. С. 5.

[19] Там же.

[20] Там же.

[21] *Аноним.* Наши најмлађи архитекти//Политика. 18.02.1929. С. 7.

[22] Там же.

[23] Там же.

[24] *М. Б.* Импресије са изложбе студената архитектуре//Правда. 20.02.1929. С. 3.

[25] Там же.

[26] Там же.

[27] Каталог Првог салона архитектуре. Београд, 1929.

[28] Там же; Политика. 10.06.1929. С. 5.

[29] *Аноним.* Пред великом изложбом руских уметника у Београду//Правда. 21.09.1929. С. 2; *Аноним.* Са изложбе руских уметника//Правда. 09.03.1930. С. 14; *Кашанин М.* Изложба руске уметности//Време. 14.03.1930. С. 5.

[30] *В. Д.* Изложба руске уметничке групе «К. Р. У. Г.»//Политика. 26.04.1930. С. 8.

[31] *С. С.* Изложба групе «Круг»//Политика. 30.04.1930. С. 8.

[32] *А.* Отварање изложбе уметничких радова београдске групе «Круг»//Време. 28.04.1930. С. 3.

[33] *Борисављевић М.* Импресије са изложбе студената архитектуре//Правда. 20.02.1931. С. 3.

[34] Там же.

[35] Там же.

[36] Там же.

[37] *Б. М.* Три архитектонске изложбе руских уметника//Политика. 17.02.1931. С. 7.

[38] *Аноним.* Отварање изложбе руских уметника//Време. 10.12.1934; *Аноним.* Изложба групе руских уметника//Правда. 28.12.1935. С. 13; *Аноним.* Отварање изложбе руских уметника у Београду//Време. 13.11.1938. С. 6.

[39] Каталог изложбе ГАМП. Београд, 1933; *Аноним.* Друга изложба модерне архитектуре//Политика. 20.02.1933. С. 8.

[39-а] *Максимовић Б.* Изложба групе архитеката модерног правца у Београду//БОН. Београд. 1933. Бр. 3. С. 228—230.

[40] Не совсем точно: они в военные годы были вынуждены работать в Австрии, Германии, а потом не вернулись в страну, когда к власти пришли коммунисты (*Прим. ред.*).

[41] Список составили сотрудники Института истории искусства в Белграде З. Маневич, М. Милованович и А. Кадиевич в 1993 году.

[42] *Krat P.* Rekonstrukcija zgrade Pošte 2 u Beogradu//Arhitektura. Zagreb, 1947. Nr. 7. S. 26—28.

Милан Милованович

Архитектор Григорий Самойлов

История современной сербской архитектуры знает немало имен всесторонне образованных мастеров, обогативших нашу культуру. Архитектор Григорий Самойлов по широте своих художественных воззрений и высокому профессиональному уровню, несомненно, принадлежит к таким выдающимся художникам, как Милан Злокович, Милутин Борисавлевич, Драгиша Брашован, Богдан Несторович [1].

В настоящей работе мы наметим основные контуры его жизни и деятельности, не претендуя на сколько-нибудь полное определение его места и роли в развитии сербской архитектуры XX века [2]. Это задача отдельной монографии о нем.

Григорий Иванович Самойлов родился в Таганроге в 1904 году в состоятельной семье, что позволило ему, учась в гимназии, брать уроки в средней художественной школе у художницы Серафимы Блонской-Левантовской. Исключительно одаренный в области изобразительных искусств, он уже в четырнадцать лет делает эскизы декораций к двум оперным спектаклям в театре родного города.

После октябрьских событий в России семья эмигрирует с волной беженцев 1921 года и кое-как добирается до Билечи. Здесь Самойлов оканчивает Донской императора Александра III кадетский корпус. В середине двадцатых годов он поступает на архитектурное отделение Белградского технического факультета и успешно заканчивает его в 1930 году [3]. Его дипломная работа «Югославский пантеон» на студенческой выставке 1931 года заслужила похвалу Милутина

Борисавлевича [4], известного своей скептичностью и строгостью в оценках. Он отмечал, что работа Самойлова, возможно, лучшая на выставке [5].

Самойлов начал карьеру архитектора, сотрудничая с многими архитекторами, в том числе и с Борисавлевичем. Несколько лет он работал вместе с прекрасным знатоком исторических стилей Александром-Сашей Джорджевичем [6]. Его склонность к использованию исторических стилей, приобретенная в процессе их совместной работы, будет проявляться в течение всей деятельности. По утверждению Самойлова, он с Джорджевичем вместе разрабатывал проект Белого дворца на Дединье, реализованный в 1935—1937 годах [7].

Еще в 1932 году Самойлова приглашают на архитектурное отделение технического факультета в качестве ассистента доцента Александра Дерока по предмету «Сербско-византийское зодчество» [8]. Кроме того, сдав государственный экзамен в 1933 году, он получает право заниматься частной практикой и до 1941 года проектирует и реализует несколько десятков проектов в Белграде и Сербии (среди них — жилые и общественные здания, церкви и часовни). Наряду с этим Самойлов проявил себя в нашей стране и за рубежом как талантливый художник по интерьерам. Наиболее известен среди его интерьеров межвоенного периода интерьер храма в Баня Луке, разрушенного во время Второй мировой войны.

Война застала Самойлова «на военных учениях», где он руководит работами по строительству бункера на Фрушкой горе на Дунае. После отступления сербской армии в Боснию и капитуляции «он попадает в плен под Сребреницей и проводит четыре года в немецком военном концентрационном лагере Сталаг IX-C, который находился неподалеку от печально известного Бухенвальда». В плену он не падает духом — пишет и устанавливает иконостас в лагерной часовне. «Я решил, — вспоминал Самойлов, — создать лучшую в мире часовню с иконостасом в сербско-византийском стиле». Обменивая продукты из посылок Красного Креста на материалы и инструменты, он и его помощники создали «самую красивую часовню в тогдашних немецких лагерях для военнопленных» [9]. В настоящее время этот иконостас находится в часовне в Белграде на Центральном кладбище.

Освободившись из плена, Самойлов возвращается на факультет, где преподает основы рисунка и живописи, получает звание профессора. Одновременно он занимается проектированием, делает

эскизы интерьеров, принимает участие в многочисленных конкурсах проектов, публикует научные работы по проблемам акустики, применяя научные идеи на практике[10].

Выйдя на пенсию (1974), он продолжает работать вплоть до своей кончины в 1989 году. Самойлов оставил богатое архитектурное наследие, которое, также как и многое из созданного российскими и сербскими архитекторами, остается пока в стороне от научных интересов исследователей.

*
* *

Архитектурные взгляды Григория Самойлова сформировались в конце двадцатых годов во время идейных брожений в нашей архитектуре, когда потесненный модернизмом устаревает популярный ранее сербско-византийский стиль. Вначале в подходе Самойлова к архитектуре доминирует именно этот стиль. Проектируя особняки, он использует элементы исторических стилей, в особенности неоклассицизма. Перед самой войной в некоторых его конкурсных проектах заметно влияние общих идей модернизма и неомонументализма. После Второй мировой войны он полностью принимает модернизм, и наиболее характерным воплощением его близости к актуальным направлениям мировой архитектуры становится здание Югославского внешнеторгового банка со стеклянной занавес-стеной на улице Короля Петра в Белграде.

Позднее, занимаясь реконструкцией белградских зданий, построенных в восьмидесятые—девяностые годы прошлого века (таких, как гостиницы «Москва», «Эксцельсиор» и особенно филиал бывшего Сараевского банка на бульваре им. Югославской народной армии), Самойлов возвратился к ранним стилистическим архитектурным концепциям, стараясь как можно меньше нарушать цельность оригинальной композиции. Так, он интуитивно выдвигает принцип историчности, базирующийся на уважении к архитектурному наследию, который многие считают постмодернизмом.

По-видимому, самым интересным и значительным произведением Самойлова является храм Св. Иоанна Крестителя в Вучье (1935—1938), построенный на средства промышленника Теокаревича из Лесковаца. Наряду со зданием фабрики, корпусами фабричного правления и гостиницы, жилыми корпусами для рабочих,

составляющими единую урбанистическую композицию, церковь в Вучье является истинным достижением архитектуры и свидетельством свободных от догматизма взглядов автора проекта [11]. Небольшая по размерам, воздвигнутая на остатках основания храма XV века, она идеально вписывается в природный ландшафт. Самойлов продемонстрировал здесь глубокое знание национального стилевого репертуара, соединив прошлое с настоящим.

Позднее (1937) на пожертвования Милана Вукичевича он строит церковь Архангела Гавриила на Хумской улице в Белграде. Это не менее замечательное произведение церковного зодчества, основанное на существенно иных методологических принципах, чем церковь в Вучье. Модернизировав формы и детали, характерные для сербско-византийского стиля, Самойлов примкнул к официальному направлению сербской монументальной церковной архитектуры конца тридцатых годов нашего столетия [12]. Стены, своды, арки и купола храма выполнены из кирпича и железобетона.

Самойлов является автором ряда проектов представительных жилых и общественных зданий. Среди них здание Пенсионного фонда служащих Национального банка на Теразиях в Белграде (1939—1941, ныне кинотеатр «Одеон») — едва ли не наиболее значительный образец белградского монументализма с конца тридцатых годов. Это здание соединяет два пласта: первый, основанный на классическом стилевом репертуаре, представлен решением экспозиции и композиции здания, симметрией тупого угла и классического внешнего декора, монументальными вестибюлем и лестницей кинозала; второй, модернистский, — широкими окнами мезонина и этажей зданий, строгой функциональностью и сведенными порталами из белого металла. Отсутствие стилистической чистоты нисколько не нарушает общего впечатления гармонии и изысканности всего сооружения.

Аналогично, но значительно проще, решен проект здания фонда Луки Человича-Требиньца (1939) на углу улиц Князя Милоша и Пролетарских бригад.

В проектах индивидуального жилья Самойлов демонстрирует свою разносторонность: используя исторические стили, он в каждом проекте гармонически сочетает композицию, пропорции, детали фасада и интерьеров постройки с пространственным решением. Таковы: особняк Раденковича на Пушкинской улице (1934, проект награжден в том же году премией Белграда за лучшее архитектурное

решение); особняк Джорджа Миёвича, выполненный в сербско-византийском стиле (1935); особняк Теокаревича — импровизация в стиле английского неоренессанса (1935); особняк Авзенка на Маглайской улице (1937), особняк Сарвана и Максимовича (1938—1939) на бульваре Мира и, наконец, особняк Йойкича (1940—1941) на углу Дурмиторской улицы и улицы Князя Милоша, выполненный в стиле французского неоренессанса.

В его эскизе здания Министерства просвещения на улице Князя Милоша (1935) вновь заметна склонность к монументализму, как у архитектора Димитрия Леко, построившего в том же году и на той же улице здание Министерства социальной политики [13].

После Второй мировой войны наиболее успешными работами Самойлова являются полная переделка интерьеров здания Академии наук (1949—1951), а также два капитальных проекта из области гражданской архитектуры. Один из них — Механико-технологический институт (совместно с профессором архитектуры Михайлом Радовановичем), где интерьер решен с учетом акустических условий, необходимых для научно-исследовательской работы. Второй — проект здания Югославского банка внешней торговли, где богатство внутреннего убранства, достигаемое за счет соответствующего использования материалов в сочетании с безошибочным чувством архитектурных деталей, представляет один из наиболее цельных образцов послевоенной банковской архитектуры в Белграде.

Кроме того, Григорий Самойлов — автор многочисленных интерьеров зданий самого различного назначения; представительства Королевства Югославии в Анкаре (1937, проектировали здание известные белградские архитекторы Воин Симеонович и Миладин Прлевич); старого здания Генерального штаба (1951); дома Югославской народной армии в Скопле (1953) и в Нише (1956); целого ряда гостиниц по всей Сербии; реконструкции гостиниц «Москва» и «Эксцельсиор» в Белграде (1975). Все эти интерьеры отличаются оригинальностью, безупречным вкусом, мастерским использованием цвета и материалов.

В заключение нашего очерка жизни архитектора Григория Самойлова необходимо упомянуть еще одну значительную область его деятельности — живопись. Многочисленные работы, сохранившиеся в творческом наследии архитектора, свидетельствуют о его преданности этой форме самовыражения. Не сохранилось ни одного высказывания Самойлова о занятиях живописью, за исключением

короткой записи под одним из рисунков. Приводим ее полностью: «Рисуя, я фиксирую редкие минуты отдыха, причем, не стараюсь изменить свой почерк и не думаю о существующих направлениях, ибо последователь всегда последний...»[14].

Примечания

[1] О современной сербской архитектуре см.: *Кашанин М.* Српска уметност у Војводини. Нови Сад, 1927; *Замоло Д. Т.* Градитељи Београда 1815—1914. Београд, 1981; *Јовановић М.* Српско црквено градитељство и сликарство новијег доба. Београд—Крагујевац, 1987.

[2] О личности и творчестве архитектора Самойлова до сих пор ничего не написано, за исключением кратких упоминаний в изданиях справочного характера (среди которых наиболее примечательное: *Minić O.* Grigorij Samojlov. Enciklopedija likovnih umetnosti. Zagreb, 1966. S. 157). Источниками для изучения деятельности Г. Самойлова нам послужили построенные по его проектам здания, сами проекты, эскизы, фотографии, художественные работы, архивные материалы, дневники, периодика того времени и пр. Особую благодарность автор этой работы выражает Ивану Самойлову, который как наследник хранит архив Григория Самойлова, и доктору Зорану Маневичу за любезно предоставленную возможность познакомиться с документацией Института истории искусства в Белграде.

[3] Именик дипломираних инжењера и архитеката на Техничком факултету у Београду 1919—1938. Београд, 1939. С. 59; в книге: *Млађеновић И.* Архитектура и њени приврженици. Риjека, 1982. С. 92 находим довольно грустное воспоминание Самойлова о процедуре вручения дипломов.

[4] Об архитекторе М. Борисавлевиче: *Маневић З.* Милутин Борисављевић. Наши неимари//Изградња. Београд, 1986. Бр. 12. С. 43—46; *Милетић—Абрамовић Љ.* Милутин Борисављевић. ГМГБ. Београд, 1986. XXXIII. С. 63—86.

[5] *Борисављевић М.* Импресије са изложбе студената архитектуре//Правда. 20.02.1931. С. 3.

[6] Об архитекторе Саше Джорджевиче см.: *Гордић Г.* Александар Ђорђевић (биографија)//Српска архитектура 1900—1970. Београд, 1972. С. 132.

[7] Срок этого конкурса был определен с конца 1933 до марта 1934 г. (см. *Трпковић Б.* Стари Двор на Дедињу//Свеске Друштва историчара уметности СР Србије, бр. 16. Београд, 1985. С. 103), поэтому можно предположить, что Самойлов в это время был занят у Джорджевича. В его архиве сохранилась копия чертежей фасада здания биржи в Белграде, завизированная Джорджевичем, проектировавшим эту постройку в 1932—1933 гг. Это показывает, что Григорий Самойлов уже тогда сотрудничал в бюро знаменитого архитектора, а возможно даже принимал непосредственное участие в разработке данного проекта.

[8] Об архитекторе Александре Дероко см.: *Маневић З.* Дероко (Велика награда архитектуре). Београд, 1991; *Јовановић З. М.* Александр Дероко. Београд, 1991.

[9] *Самојлов Г.* У одбрану српске културе и православља. Београд, 1986 (неопубликованный текст о проектировании и постройке сербской часовни и иконостаса

в лагере для военнопленных Сталаг IX-C, недалеко от Бухенвальда в Германии в 1944 г. Текст хранится в архиве). Воспоминания Самойлова о работе над иконостасом часовни лагеря военнопленных Сталаг IX-C хранятся в его архиве (Белград, 1986).

[10] *Самојлов Г.* Акустичко планирање//Архитектура — урбанизам, бр. 18. Београд, 1962. С. 39—42; *он же.* Акустика позоришних, оперских и концертних дворана//Там же, бр. 67. С. 42—44; и др. статьи, менее значительные, в специальных печатных изданиях.

[11] *Кадијевић А.* Прилог познавању црквене архитектуре XX века у околини Лесковца//Лесковачки зборник. Лесковац, 1993. XXXIII. С. 197—202. *Маневић З.* О вредновању градитељског наслеђа новијег доба у Лесковцу//Лесковачки зборник. Лесковац, 1989. XXIX. С. 48; *Лечић М.* Изградња и обнова цркава и манастира од 1920 до 1941//Српска православна црква 1920—1970. Београд, 1971. С. 105; Аноним. Црква Теокаровића у селу Вучју//Политика. 08.07.1938; Аноним. Освећена задужбина Теокаровића у Вучју//Време. 08.07.1938.

[12] Наиболее известные представители этой группы — архитекторы Момир Корунович, Петар и Бранко Крстич, Богдан Несторович, Василий Андросов и другие.

[13] О здании Министерства социальной политики Д. В. Леко см. *Маневић З.* Димитрије М. Леко. Наши неимари//Изградња. Београд, 1980. Бр. 5. С. 36; фотография здания Министерства просвещения (в перспективе) сохранилась в Институте истории искусств со следующей рукописной записью Самойлова: «Открытый Ю[гославский] конкурс по проектированию здания Министерства просвещения на углу [улиц] Милоша Великого и Бирчаниновой, 1935 г. Не помню, что получил, но помню, что министр просвещения Мит. Магарашевич предложил взяться за разработку проекта, на что я согласия не дал.» Сама композиция фасада обнаруживает доскональное знание неоклассицизма из учебника по архитектуре. Элементы и детали безупречно пропорциональны и составляют монументальную целостность, которая бы при реализации вполне вписалась в постройки министерства на этой улице спроектированные в конце третьего десятилетия архитектором Н. Красновым.

[14] Рисунок хранится в архиве архитектора Г. Самойлова.

Зоран Божович

Мхатовцы и восприятие в Сербии драматургии А. П. Чехова [1]

В конце XIX — начале XX века русские драматургия и театр ценились в Сербии невысоко. Среди множества французских и немецких переводных пьес переводы русской драматургии появлялись редко, словно «комета какая» [2], и только в тех случаях, если пьеса уже имела успех в западноевропейских театрах. Вот почему за время жизни Чехова в Сербии ставились только «Медведь» и «Свадьба». Триумфальные гастроли Московского Художественного театра в Берлине, Праге и Вене в 1906 году принципиально изменили отношение к русской драматургии и актерской игре. «А нам, находящимся в начале своего литературного развития, — писал из Праги П. Коневич, — и столь охотно устремляющим свой мысленный взор к далекому и чуждому нашей духовности Западу, надо бы опомниться и припасть к сему живительному источнику — встать на путь обновления, по нему ступать и здесь ума набираться [3].

Осенью 1911 года в белградский Народный театр приехали режиссер А. И. Андреев и сценограф В. В. Балузек (до Первой мировой войны Андреев поставил шестнадцать спектаклей, а Балузек оформил пять). Благодаря им в Белграде были показаны пьесы «Свадьба», «Юбилей» и «Дядя Ваня» (1913).

В начале декабря 1920 года в Белграде гастролировали актеры Московского Художественного театра во главе с В. И. Качаловым. После гастролей в Харькове эта группа, разлученная с основной московской труппой обстоятельствами Гражданской войны, некоторое время вынужденно выступала на юге России, а затем через

Константинополь и Софию прибыла в Сербию. Станислав Винавер встретил их серией статей, посвященных подробной истории Художественного театра [4].

В группу Качалова входили тридцать пять человек, среди которых были актрисы Мария Германова, Ольга Книппер-Чехова, Вера Греч, Мария Крыжановская, Евгения Краснопольская, актеры Николай Массалитинов, Поликарп Павлов и П. А. Бакшеев. В отремонтированном здании «Манежа» они дали пять спектаклей: «Вишневый сад», «На всякого мудреца довольно простоты», «Дядя Ваня», «Перед царскими вратами» и «Братья Карамазовы». Причем лишь «Вишневый сад» и «Дядя Ваня» входили в репертуар харьковских гастролей, остальные спектакли репетировались позже.

Игра московских актеров заворожила сербскую публику: «В первом акте, — писал И. Угричич в рецензии на постановку «Вишневого сада», — вам начинает казаться, что это сон. Глаза застилает сладостный туман, видимому веришь — перед вами не театральное действо, перед вами сама жизнь [5]. Подчеркивая, что мхатовцы, отталкиваясь от правды, передают жизнь без всякой театральности, С. Петрович пишет: «Судя по откликам мировой печати на гастроли театра, мы ждали знаменитых артистов, играющих что-то необыкновенное. Но вместо этого с изумлением увидели обыкновенных людей. Одушевление жизни — способность божественная, присущая великим артистам. Актеры Художественного театра одарены ею в высшей степени. Мы навсегда запомним созданные на наших глазах многочисленные человеческие типы, как помним дорогих сердцу близких [6].

Беспрецедентным успехом актеры Художественного театра пользовались у публики, которая не оставляла их и после спектаклей. «Мы ждали их, — пишет М. Techinац, — перед зданием театра и дальше несли на руках. Или всей толпой сопровождали всюду — домой, в ресторан, как молодоженов» [7].

В марте 1921 года актеры Художественного театра снова приехали в Белград. Они планировали провести здесь неделю и показать «Вишневый сад», «Дядю Ваню», «На дне», «Три сестры» и «Потоп». Однако задержались еще на неделю, повторив «Дядю Ваню», «Три сестры» и выступив с концертной программой по текстам Тургенева, Чехова, Андреева и Мопассана. Критики тогда отмечали, что в спектаклях театра отсутствуют отрицательные, вызывающие лишь антипатию персонажи. С. Винавер объяснял это сознательным

стремлением к психологическому оправданию личности. Театр предпочитает героев, размышляющих о жизни, героям действующим. Отсюда их успех в постановках Чехова, у которого «все люди созданы одной стихией, который полагал, что капля любви и внимания позволяет и осмыслить все» [8].

Когда труппа театра уже гастролировала в Вене, «Эпоха» опубликовала интервью с Качаловым и О. Книппер. Подчеркнув, что их пребывание за границей носит временный характер, Ольга Книппер сказала: «Глубочайшее наше желание, мое и Качалова, — вернуться в Москву, как можно быстрее увидеть Станиславского (...) Мы не можем жить без театра. Другое дело — молодежь. Они впервые выехали за пределы России. Я же знаю и Вену, и Прагу, подолгу жила за рубежом. Мне это не интересно» [9].

В сентябре 1922 года МХАТ во главе со Станиславским отправился в большое турне по Европе и Америке. Одной их первых остановок стал Загреб, где давали «Царя Федора Иоановича», «Вишневый сад», «Три сестры», «На дне». А дирекция белградского Народного театра подверглась критике за то, что вовремя не обеспечила гастроли московских артистов. Громче всех возмущался В. Глигорич, писавший: «Общественность требует от дирекции объяснения истинных причин случившегося, чтобы вся ее вина стала очевидна. Общественность обвиняет дирекцию в преступлении, причем, преступлении тяжком — с нанесением урона истории» [10].

В феврале 1924 года в Белград приехала группа актеров Художественного театра во главе с Германовой и Массалитиновым. Вместо объявленных шести спектаклей было показано тринадцать: «Дядя Ваня», «Село Степанчиково», «Екатерина Ивановна», «Король темного покоя» (Р. Тагора), «Вишневый сад», «Поединок жизни» (по Диккенсу), «Дочь моря» (Г. Ибсена). И эти гастроли получили восторженные отзывы, оценены как «праздник праздников». Подчеркивалось, что игра русских актеров настолько естественна, что ставит под сомнение само понятие игры. В этой связи П. Милоевич писал: «Когда они плачут или смеются, они не стремятся добиться лишь внешнего эффекта, но заставляют вас почувствовать то, что́ вызвало эти слезы или смех. Кто видел однажды, как плачут и смеются во МХАТе, не забудет их никогда» [11]. Здесь похвалы обрывались. Далее отмечалось, что игра актеров на этот раз не столь убедительна. Определеннее других высказался Винавер: «Куда исчезли из этой труппы, которая сейчас с нами, те дорогие имена,

что звучали два года тому назад? Переселились, разбежались. Прежний «Вишневый сад» был сердечнее, иллюзорнее, шел из глубины души. В теперешнем — больше реальности, болезненной подражательности. Это не настоящий «Вишневый сад». Нет! «Вишневый сад» не вырубили, но разорили, во всяком случае, нет больше прежней тихой элегии — все звучит громче, назойливее, грубее» [12].

На гастролях 1925 года Пражская группа Художественного театра показала только «Вишневый сад». А в мае 1926 года — только одноактные пьесы. В декабре же 1929 года в репертуаре труппы не было ни одной чеховской пьесы.

Тем не менее в межвоенный период в Белграде были поставлены все пьесы Чехова, если считать все спектакли Художественного театра и спектакли российских актеров-эмигрантов, среди которых были и мхатовцы. «Дядя Ваня» держался в репертуаре восемь, «Вишневый сад» семь, «Три сестры» два сезона. Эти три пьесы исполнялись более пятидесяти раз. Одноактные пьесы шли практически постоянно. Публика охотно посещала театр и прекрасно принимала спектакли. Вот свидетельство С. Петровича. Отмечая, что гипнотизм мхатовцев легко распространяется за пределы рампы, критик пишет: «Все мы, неискушенные в русском языке, могли понимать спектакль. Благодаря интеллигентно-изысканной дикции актеров происходило нечто невероятное, о чем я все же расскажу, как ни обидным это может показаться, — не владея языком персонажей, мы зачастую понимали этих людей лучше, чем своих актеров» [13].

Успех россиян обратил сербские театры к Чехову, причем ключ к постановкам его пьес искали у мхатовцев. Осенью 1922 года молодые белградские актеры основали Молодежный Академический театр. Студенты объявили войну старым представлениям и театральной рутине. Провозгласив, что новое время и новая литература требуют и новых художественных средств, они решили поставить «Чайку». Спектакль вышел 12 апреля 1923 года в постановке Юрия Ракитина. Внимательнее других к постановке отнесся В. Глигорич, написавший тогда: «Чувствуется недостаток репетиций (это основная претензия к Академистам). Иначе «Чайка» произвела бы революцию на нашей сцене и в нашей актерской игре. Двенадцатое апреля 1923 года стало днем поворота, преображения, счастливого выхода из искусственного романтизма наших кулис. Но наряду с этим,

10 Заказ 4337

игра театральной молодежи, далекая еще и от настоящего Чехова, и от Московского Художественного театра, столь же далека и от безнадежного дилетантизма. В спектакле есть желание оторваться от прошлого и стремление играть по-новому. Если «Чайку» 12 апреля 1923 года нельзя назвать успехом, то само движение к высокому славянскому искусству — безусловно успех» [14].

Попытка белградских артистов совершить переворот в сербском театре не была единственной. Осенью 1924 года в Крагуеваце также был основан Академический театр, на счету которого оказалось несколько успешных постановок.

Весной 1924 года во время белградских и новосадских гастролей Художественного театра Н. О. Массалитинов поставил в Белграде «Дядю Ваню». Интенсивно репетировали дней десять, и 29 апреля состоялась премьера. В отзыве на спектакль рецензет «Покрета» упрекнул дирекцию театра в спешке: будь, мол, больше репетиций, разница между московскими и белградскими актерами не была бы столь очевидной [15]. Винавер тогда писал, что мхатовцы полагают, будто копируют жизнь, в то время как они копируют лишь ее отдельные черты, внося в них магию своего недосягаемого искусства. «Массалитинов же, — заключает критик, — сделал шаг назад — он копирует копию, совершая тем самым двойной грех перед искусством» [16]. Однако Ж. Миличевич отмечает большой успех постановки и перерождение белградской труппы [17]. Более сдержан В. Живоинович, который в эксперименте с «Дядей Ваней» видит лишь труд, вложенный в будущее [18].

Вере Греч и Поликарпу Павлову мы прежде всего обязаны постановкой «Трех сестер» в белградском Народном театре (1937). По мнению М. Савковича, В. Греч использует опыт и режиссерские приемы Станиславского, к тому же она непоследовательна, ибо берет у прославленного режиссера лишь внешний рисунок роли, ее содержательную линию, а нюансы, составляющие сущность чеховской драматургии, очерчены недостаточно, и драматический эффект пытается извлечь за счет повышенного пафоса интонации спектакля [19]. В рецензии с характерным названием «Чехов между двумя театральными школами» Савкович соглашается, впрочем, с тем, что и белградские артисты, воспитанные на героизированном романтизме, привыкшие, с одной стороны, к декламации, с другой — к эксцентрике и фарсу, не имеют для решения поставленной задачи необходимой актерской подготовки.

Успех, которым пользовались чеховские пьесы в исполнении россиян, сказался и на развитии сербской драмы. На фоне доминирующих космических мотивов простота и жизненность чеховской драматургии побуждали сербских писателей вернуться к земным потребностям человека, обратиться к глубинам его внутреннего мира. Качество драматического текста становилось не менее важным, чем его сценичность.

Творчество российских артистов вызвало также интерес как к классической, так и к современной русской драматургии. В межвоенный период Народный театр поставил тридцать три русских пьесы, некоторые из которых пользовались большим успехом. Русскую драматургию все чаще приводили в пример сербской. В 1932 году Р. Веснич, подчеркивая, что дорога к хорошей отечественной драматургии проходит через ответственный театр, замечает: «Наше театральное искусство должно найти свой путь к утверждению в неразрывной связи с русской и другими славянскими литературами и театром» [20]. На праздновании столетия Народного театра В. Глигорич повторил свою мысль о роли Художественного театра и начале новой эры в развитии сербского театра [21]. О благотворном воздействии русского театра на сербский писали Б. Стойкович, Вельмар-Янкович, С. Шумаревич, М. Милошевич и Д. Крунич. Это воздействие не было бы столь сильным и плодотворным без соответствующей подготовленности нашей культурной среды.

Благодаря счастливому совпадению, а может быть и закономерно, мхатовцы появились именно тогда, когда сербский театр стал осознавать необходимость перемен. Этим объясняются успех российского театра в Сербии и не раз звучащие требования к нашим актерам быть похожими на них. Этим же объясняется и тот факт, что сходство действительно было достигнуто. Однако сербские актеры, режиссеры и сценографы брали у мхатовцев лишь то, что соответствовало их художественной природе и творческим стремлениям. Это процесс, развивающийся по неписаным законам, требующий терпения и многолетних усилий. Поэтому истинные результаты появились, лишь когда сербские театральные деятели освободились от подражания русским образцам и, вдохновленные ими, обратились к новым поискам.

Примечания

[1] Подробнее о гастролях МХАТа в Сербии и его влиянии на сербский театр: *Божовић З.* Чехов као драмски писац код Срба. Београд, 1985. С. 121—279; *он же.* Удео художественика у афирмацији Чеховљеве драме код Срба.//Театрон. 1979. Бр. 19. С. 5—28.

[2] Народни дневник. 1891. Бр. 262. С. 3.

[3] Нова искра. 1906. Бр. 4. С. 16.

[4] Република. 1920. Бр. 234—253.

[5] Политика. 1921. Бр. 4538. С. 3.

[6] *Петровић С.* У позоришту. Београд, 1928.

[7] *Techninac M.* Hoh дужа од снова. Београд, 1959. С. 308—309.

[8] Република. 1921. Бр. 66. С. 4.

[9] Новости. 1922. Бр. 469. С. 2.

[10] Там же.

[11] Београдске новости. 1924. Бр. 94. С. 4.

[12] Време. 1924. Бр. 788. С. 4.

[13] *Петровић С.* У позоришту. Београд, 1928.

[14] Раскрсница. 1923. Бр. 2. С. 46—47.

[15] Покрет. 1924. Бр. 37—38. С. 218.

[16] Време. 1924. Бр. 1081. С. 5.

[17] Политика. 1924. Бр. 5988. С. 5.

[18] Мисао. 1925. Књ. 19. Св. 2. С. 1231—1235.

[19] Српски књижевни гласник. 1937. Књ. LII. С. 546.

[20] Југословенски дневник. 1932. Бр. 137. С. 5.

[21] Сцена. 1969. Књ. 1. Св. 1. С. 59.

Мирка Павлович

Становлениео перы и балета в белградском Народном театре и русские артисты

Первая встреча белградского Народного театра с русским музыкально-сценическим искусством произошла за 40 лет до того, как российские деятели оперы и балета в результате Октябрьской революции прибыли в Белград. Встреча эта была заочной. Людмила Ивановна Шестакова, сестра Михаила Глинки, «отца русской музыки», передала сербскому представительству в Петербурге партитуру оперы «Жизнь за царя». Неизвестно, были ли это несколько экземпляров одной партитуры (партитура и клавир) или отдельные партитуры каждого действия. Во всяком случае ноты подарены библиотеке Высшей школы. Тогдашний премьер-министр Сербии Милан Пирочанац направил их министру образования Стояну Новаковичу, а тот передал партитуры Народному театру [1]. Здесь про этот материал забыли, и опера была исполнена лишь спустя 65 лет в 1947 году, под названием «Иван Сусанин». Будь судьба дара Л. И. Шестаковой иной, возможно, иной была бы и история сербской оперы!

Чтобы составить правильное представление о значении и роли русских в создании оперы и балета белградского Народного театра и развитии музыкально-сценического искусства Сербии, следует вернуться на несколько десятилетий назад. Как это ни покажется парадоксальным, «оперу» у нас слушали и до открытия Княжеского Сербского театра в Крагуеваце (1835) (т. е. в те годы, когда Глинка писал свою оперу!), она неизменно присутствовала на сербской сцене и до открытия Оперы в белградском Народном театре (1919).

Сначала это были отрывки из разных опер в переложении Иосифа Шлезингера для музыкантов княжеского оркестра или пьеса «Портняжка», исполненная в Крагуеваце (1835), в которой было немного музыки Шлезингера и которую «отец сербского театра» Иоаким Вуич назвал «оперой в двух действиях». Затем появляются пьесы Атанасия Николича (1840), которые, как отмечала критика, по обилию музыки «близки итальянской опере»; либретто «Ратовид и Илка» Йована Суботича (опубликовано в 1838 году, но никогда не исполнявшееся), незаконченное либретто И. Стерии-Поповича «Возникновение сербского царства» (1847—1848) [2] и некоторые другие, принадлежащие менее известным авторам; около 300 пьес с музыкальными сценами, особенно любимыми сербской театральной публикой, которые ставились до 1914 года; оперы в исполнении разных музыкальных коллективов; упрощенные музыкальные обработки одноименных опер; отрывки известных опер, исполняемые народными театрами, самодеятельными коллективами, в частности, в новосадской сербской гимназии; отрывки из опер и арий, исполняемые местными и зарубежными профессиональными певцами в антрактах между театральными действиями; оперетты отечественных и иностранных авторов, вокруг которых критики вечно «ломали копья». Этот путь, наконец, привел в начале века к созданию первых настоящих сербских опер [3].

Не будем говорить о причинах столь длительного пути, который для сербской культуры мог быть и более плодотворным. Необходимо отметить, что с появлением первых сербских опер цель не была достигнута: опера еще не стала полноправным и равноправным членом Народного театра. Подготовка к этому событию пришлась на предвоенные годы, когда в Народном театре исполнялись отдельные произведения оперного репертуара и недолго в конце первого десятилетия действовал частный оперный театр, так называемая «Опера на бульваре», где, кроме популярных зарубежных опер и двух отечественных [4], ставили оперетты и водевили. «Оперу на бульваре» основали Жарко Савич (1861—1930), концертный и оперный певец, бас, и его жена Султана Циюкова, обладательница сопрано, которые много лет исполняли ведущие партии в известных оперных театрах мира. Кроме них, в театре работали некоторые иностранные исполнители и местные «поющие артисты», кое-кто даже с хорошо поставленными голосами [5].

В Народном театре с 1906 по 1914 год также было поставлено

много известных опер[6]. Однако ни в Народном театре, ни в «Опере на бульваре» не ставилась ни одна русская опера, хотя уже с 1889 года арии из оперы Глинки в Белграде исполнялись неоднократно, а с 1894 года пел их и сам Савич. В 1906 году, говоря о планах создания оперы в Белграде, Савич упомянул, что если не будет написана новая сербская опера, то свой будущий сезон он откроет произведением Глинки «Жизнь за царя»[7]. Странно, что в тот период белградская публика не была знакома ни с одной русской оперой, тем более, что уже с 1870 года в репертуаре Народного театра часто появлялись пьесы русских авторов (Гоголя, Островского, Мясницкого, Достоевского, Толстого, Пушкина, Тургенева, Чехова, Рыжкина, Горького и др.). Неизбежно возникает вопрос: была ли на рубеже веков известна в Сербии русская музыка?

Знакомство со светской русской музыкой состоялось в конце 60-х годов прошлого века несколько необычным образом, когда в Белград приехал Дмитрий Агренев, более известный под псевдонимом Славянский. Он приобрел мировую славу благодаря своему хору, составленному из крестьян его имений. Звучание голосов, совершенство исполнения, зрительное впечатление и репертуар обеспечивали хору всюду неизменный успех. У южных славян, особенно у сербов, куда Славянский приезжал в течение 35 лет, хор вызывал бурю восторга. Это объяснялось, с одной стороны, существовавшей у сербов традицией группового и хорового пения, а с другой — тем, что программа его включала обработки русских народных песен и песни других славянских народов, в том числе и сербских. Перед нашими композиторами в то время ставили задачу создания музыки с национальным колоритом. И для многих обработки Славянского послужили образцом, хотя в самой России подход Славянского к народной музыке многими воспринимался критически, в частности Чайковским. Об успешных гастролях хора в Сербии свидетельствует и тот факт, что русские песни из его репертуара записывали по памяти и издавали, и даже Мокраняц некоторые их них переложил для Белградского певческого общества, правда, на более высоком художественном уровне. Однако роль Славянского в развитии сербской музыки заключалась не в том, что он дал первоклассные образцы хоровой интерпретации, а в том, что ему удалось открыть новые горизонты для развития сербской музыки, которая в тех исторических условиях только в хоровом пении могла достичь уровня высокого музыкального искусства.

Несомненно, что на Белградское певческое общество и другие хоровые коллективы Сербии, достигшие вершин исполнительского искусства, хор Д. Славянского, который позднее они своим мастерством даже превзошли, оказал значительное влияние.

Естественно, возникает еще один вопрос: были ли в то время и другие контакты с русской музыкой? Были, ибо нам преимущественно была известна духовная русская музыка. В концертном исполнении звучали произведения Бортнянского, Давыдова, Львова и других. Хор Мокраняца во время гастролей в Германии (1899) исполнял Псалом XXXII Бортнянского. А когда хор отправился в турне по России (1896), его репертуар включал уже и светские композиции Римского-Корсакова и Варламова. Богатый репертуар Мокраняца включал произведения Глинки. Например, духовой квартет (1889—1893), членом которого он был, исполнил в переложении фортепьянный секстет Глинки [8], а на устраиваемых им камерных вечерах играли Рубинштейна, Чайковского, Огарева, Гурилева, Даргомыжского, Варламова, Донаурова и других, представленных главным образом песнями для сольного исполнения.

Сочинения русских композиторов, в том числе и оперы, долгое время не были доступны сербской культурной общественности. Происходило это потому, что местные музыканты получали образование в основном в Германии и Австрии, реже в Чехии, с русской же музыкой знакомились через вторые и третьи руки, в Россию ездили (как, например, в начале века Христич и Манойлович) только для изучения церковной музыки. Кроме того, Европа стала открывать для себя русское музыкально-сценическое искусство в первые годы XX века, неудивительно поэтому, что к нам оно пришло только в 20-е годы. Хотя необходимо отметить, что и до первой мировой войны в Народном театре работали А. И. Андреев, первый профессиональный режиссер, приглашенный в Народный театр в 1911 году, и сценограф В. В. Балузек [9], которые участвовали в постановках «Трубадура» и «Джамили» (1913), а Андреев — «Вертера» (1914). К тому времени «Опера на бульваре» прекратила свое существование.

Возвращаясь к печальной судьбе партитуры оперы Глинки, отметим, что при иных обстоятельствах она могла бы оказать благотворное влияние на развитие оперного искусства Сербии. Эта опера имеет очень сильные хоровые партии (в I действии хор гребцов, свадебный и величественный финальный хор в III дейст-

вии), написанные в традициях русской народной музыки. Когда партитура оказалась в Белграде, музыкальной жизнью Народного театра руководил Даворин Йенко, возглавлявший театр два последующих десятилетия. Его творческие пристрастия ограничивались водевилями, для которых он писал или обрабатывал музыку, и опереттами. Если бы в конце 80-х — начале 90-х годов опера Глинки была поставлена, ее мощные хоровые партии, несомненно, привлекли бы внимание наших музыкантов. Замечательные в то время коллективы, которые уже сформировались в Сербии (прежде всего Белградское певческое общество), безусловно, исполнили бы в оркестровом или фортепьянном сопровождении отдельные хоровые партии. Хоровое пение и историческая основа сюжета могли стать стимулом для сербских композиторов, которые в начале века тяготели к опере (Бинички, Йоксимович, Конёвич, Баич, Крстич, Христич). К сожалению, замечательный образец оперного искусства, появившийся у нас в нужный момент, не был донесен до слушателя.

Опера станет полноправным членом Народного театра и поднимется на качественно новую ступень развития только после Первой мировой войны. (Напомним, и опера, и балет вошли в белградский Народный театр как бы «с черного хода» — официального открытия никогда не было). Ее появление связано с назначением на должность директора Оперы Станислава Бинички (1919). До войны он, автор первой сербской оперы «На заре», исполненной в декабре 1903 года, был инициатором многих оперных постановок в Народном театре, некоторые из которых возобновлены в театральном сезоне 1919/20 года.

Появление Оперы в Народном театре (1919), почти не изменило положение вещей. Мало того, ситуация осложнилась, ибо ответственность и требования возросли, а условия работы оставались прежними или ухудшились — из-за аварийного состояния здания театра спектакли давали в Манеже. Переход от редких самодеятельных постановок к постоянной деятельности в рамках Народного театра поистине был прыжком «и в длину, и в высоту», что подразумевало соответствующий уровень исполнения, постановку новых спектаклей, расширение прежнего репертуара и определенный численный и качественный состав творческого коллектива, улучшение организации работы, создание постоянного оперного хора, укомплектование оркестра, наличие опытных дирижеров и хормейстеров. Благодаря приливу творческих сил из России в тот кри-

тический момент, в 20-е годы, белградская опера этап становления перенесла довольно безболезненно. Практически нереальным было для Народного театра полагаться исключительно на свои скромные силы (правда, несколько пополненные после войны), и на гастролирующих зарубежных исполнителей.

Уже в первый сезон (1919/20) была приглашена Елена Ловшиньская, иностранная певица, сопрано [10], восстановлены 5 довоенных спектаклей и за несколько месяцев подготовлены 3 премьеры: 2 оперы Пуччини и «Евгений Онегин», первая русская опера в репертуаре Народного театра (8 мая 1920, режиссер М. Зацкой). В ней, помимо местных певцов, были заняты Надежда Вирен-Реиманова, Антонина Свечинская и Евгений Марьяшец [11].

Интересны и впечатляющи сведения о деятельности белградской оперы в первые годы ее основания, опубликованные в «Ежегоднике Народного театра» за 1918—1922 годы. Соответствующие данные приводит также «Музыкальный вестник», единственный в то время журнал музыкальной жизни (в 1922 году прекратил свое существование). «Музыкальный вестник» подробно освещал деятельность Оперы и концертные выступления российских артистов, постоянных членов оперной труппы. Нельзя оставить без внимания, что в одной из рецензий (№ 2. С. 7.) подчеркивалось, что Евгения Вальяни (альт) в опере «Миньон» пела на сербском языке. Вопрос о языке, «больное место русских исполнителей», более десятилетия будет в центре внимания журналистов и критиков, когда речь будет идти о русских артистах. По данным упомянутого «Ежегодника», опубликованным и в «Музыкальном вестнике» (№ 12. С. 7—8), за первых три сезона было исполнено 325 оперных спектаклей, из них 210 итальянских авторов и 115 остальных, среди которых опера Чайковского — «Евгений Онегин». Из тех же источников узнаем, в сезон 1919/20 года давали: 7 опер (3 премьеры): 4 итальянские (34 спектакля), 2 французские (15 спектаклей) и 1 русская (9 спектаклей). В 1920/21 году шло 12 опер (4 премьеры): 9 итальянских (103 спектакля), 2 французские (15 спектаклей) и 1 русская (14 спектаклей). В тот же сезон состоялось 19 гастролей, в которых участвовали российские артисты, не являющиеся членами труппы, и 9 концертов. Наконец, репертуар сезона 1921/22 года включал 14 опер (3 премьеры), из которых 9 итальянских (73 спектакля), 2 французские (21 спектакль), 2 немецкие (30 спектаклей) и 1 русская (9 спектаклей) [12]. В тот же сезон белградскую

труппу составляли 29 солистов (12 из России), 3 хормейстера (все из России), 6 артистов балета, 41 хорист[20] и 41 оркестрант, среди которых только 11 из Югославии. Всего в труппе было 126 человек, из них «57 местных и 69 иностранцев». Среди последних был 1 дирижер (Илья Слатин) и 1 оперный режиссер (Феофан Павловский), хотя спектакли ставили и другие режиссеры, например, известный режиссер Юрий Львович Ракитин. Нельзя не упомянуть также российских костюмографов и сценографов (Римму и Леонида Браиловских, Владимира Загороднюка, неподражаемого Владимира Жедринского, Павла Фромана, Николая Исаева, Анания Вербицкого)[13], некоторые из них проработали в белградском театре по 20 лет. Это были одаренные и опытные театральные работники, у которых было чему поучиться молодому поколению (Йован Бьелич, Сташа Беложански, Милица Бабич, Миомир Денич и др.). Высокий профессионализм и большие творческие возможности российских деятелей искусств способствовали созданию за рекордный срок замечательных образцов оперного искусства, отвечающих самым строгим требованиям, на которых воспитывались местные театральные деятели и публика. Лишь за один месяц в 1922 году (с 25 января по 1 марта) был исполнено 12 опер, некоторые из них по 2—4 раза! («Глума». № 5. С. 21).

Однако не все шло так гладко и легко, как может показаться. Более полное представление о проблемах, существовавших в оперном театре, можно получить из печатных материалов, которые дошли до нас. Привлекает внимание статья, озаглавленная «Развитие оперы в Народном театре в Белграде» Воислава Туринского, оперного певца и артиста, опубликованная в № 4 журнала «Глума». Он также подтверждает, что в театральном сезоне 1920/21 года в оперной труппе было 12 российских певцов, 3 хормейстера, 1 оперный режиссер и 1 дирижер[14]. Из солистов,— пишет он,— наибольшую ценность представляют К. Роговская, Г. Юреньев, П. Холодков и С. Драусаль. Одна из трудностей, по мнению Туринского,— ремонт здания Народного театра: спектакли шли в Манеже (теперешний Югославский драматический театр.— *Прим. М. П.*), «который не позволял осуществлять технически сложные постановки» и полностью задействовать все исполнительские силы. Статья затрагивает проблемы хора и оркестра. Особое внимание Туринский уделил «некоторым отрицательным явлениям» — использованию некоторыми из его русских коллег «клаки» и излишним

претензиям отдельных исполнителей, что «создает нездоровую атмосферу и тормозит правильное развитие оперы».

Хотя Туринский с похвалой говорит о режиссере Феофане Павловском, который работал в театре с осени 1921 года, тот почувствовал себя оскорбленным за своих коллег. В том же журнале (№ 6 и 7) он утверждает, что автор нарисовал необъективную картину. Очень тактично отвечая Туринскому, Павловский пытается очертить весь круг проблем материального, этического, патриотического, технического и административного характера. В частности, он высказывает убеждение, что хор только тогда достигнет уровня предъявляемых ему требований, когда хористы станут относиться к работе, как к своему призванию, а не как к способу заработать деньги; для этого людям необходимо предоставить материальную уверенность. (Пройдет много лет, прежде чем проблема оперного хора, благодаря Николаю Васильеву, который был его руководителем с 1938 по 1941 год, найдет приемлемое решение.) [15].

Павловский признает, что использование «клаки» в театре — явление нездоровое, но к ее услугам прибегают не только русские, но и местные артисты. «Большие претензии» среди прочего он объясняет тем, что ни один из русских, прибывших в Белград, в российских театрах не был «на первых ролях». Проблема состоит в «недостаточной культуре одних, нетактичности других, в их различных интересах, взглядах на жизнь и искусство, разном воспитании и образовании, боязни конкуренции». Артисты «вошли в роль „культуртрегеров“ и возмечтали о блистательной карьере и мировой славе, заболели манией величия» и «отравили театральную среду». «Мы, русские,— пишет далее Павловский,— более других страдаем от того, что происходит... Если есть здесь наша вина, то не меньшая вина и тех, кто использует удобный случай, чтобы задеть наши национальные чувства... Несомненно, оперное искусство обладает национальными признаками, однако искусство в целом — интернационально или, лучше сказать, вненационально. Для развития театра прежде всего необходимо искусство, и лишь потом искусство свое».

Павловский, в сущности, намечает принципы решения проблем создания национального театра, отметим, кстати, что, помимо благих пожеланий и некоторых знаний в этой области, театральное руководство имело весьма приблизительное представление о том, что и как нужно делать, чтобы запустить сложный механизм

оперного театра. Отвечая на некоторые нелицеприятные замечания в адрес русских, Павловский не без горечи замечает: «Дирекция все еще считает, что мы — наиболее выгодный материал для строительства, качественный, дешевый.., что не пришло еще время защищаться от нас», ибо «когда мы, русские — чужестранцы,— заложим фундамент, когда здешняя опера станет крупным художественным явлением..., тогда призовут своих, и мы уступим место вашей гордости и вашей славе». И станет ясно, что «те, кто упрекал дирекцию в филантропии и русофильстве, не правы».

Свой ответ Туринскому Феофан Павловский заканчивает картиной будущего: «Хотелось бы, чтобы сербский театр пошел по пути русского, двигаясь дорогой поиска и прогресса. Пройдет немного лет, и он путеводной звездой засверкает над европейским театром, почивающим на увядших лаврах. Неискушенная славянская душа, напоенная животворным родником народной поэзии, скажет миру новое, свежее слово».

Размышляя о судьбе сербского искусства, делясь некоторыми опасениями, рассказывая о неприятных моментах из жизни соотечественников, автор тем не менее выражает уверенность в том, что для развития и творческого подъема театра имеются все возможности.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на отдельные упреки в адрес русских солистов, реакция критики на их творческие достижения почти всегда была положительной, а порой и восторженной [16]. Появились и статьи, в которых весьма трезво и реалистично оценивались роль и значение российских деятелей искусств в развитии Белградской оперы. Одновременно со статьями Туринского и Павловского в журнале «Глума» (№ 5) под заголовком «Опера в Белграде» вышла статья Петара Крстича, композитора, дирижера, педагога и театрального деятеля. Со свойственным ему мягким юмором он подробнее раскрывает некоторые проблемы белградской жизни россиян. Адресуясь к тем, кто с момента появления Оперы ратовал за «национальные» певческие кадры, Крстич напоминает, что мы и раньше для создания тех или иных культурных учреждений вынуждены были прибегать к помощи иностранцев и нет ничего необычного в том, что, «не имея своих певцов и оркестрантов», мы столкнулись с подобной необходимостью при формировании Оперы, и добавляет: «Счастье, что эти иностранцы — русские... Белградская опера сможет повлиять на развитие музыкального

искусства у нас лишь в том случае, если сама обретет высокий художественный уровень, если будет располагать сильным коллективом (чему во многом способствуют русские). В конечном счете это отразится и на художественном вкусе публики.» «Можно услышать парадокс»,— продолжает Крстич,— что, «благодаря русским у нас есть опера» и «благодаря русским у нас нет оперы». Я не знаю, в чем согрешили бедные русские: почему им, с одной стороны, ставят в заслугу то, о чем они и не мечтали, а с другой,— почему они без всякой вины (ибо беда привела их к нам) вынуждены терпеть неприятности только потому, что у нас нет ни своих певцов, ни своей оперы. Не их вина, что нам не обойтись без их помощи... И в опере, и в драме творческий коллектив лишь воспроизводит художественное произведение. Если «Фауст» — сербская опера только потому, что в нем поют и играют сербские артисты, то давайте и «Гамлета» назовем сербской трагедией, потому что в спектакле заняты сербы! В обоих случаях сербское искусство воспроизводит, а не создает... Реорганизация на национальной почве... осуществляется годами, поступательно и подспудно. Нельзя решать национальный вопрос за счет искусства». «Следует приветствовать,— продолжает он,— когда «русские у нас поют на сербском языке, тем более что, судя по всему, они не скоро вернуться на родину, а кое-кто так и останется здесь».

Крстич оказался прав. Многие, занесенные к нам Гражданской войной артисты, воспринимали Белград как перевалочный пункт и мечтали скорее отправиться дальше. Другие же связали свою жизнь со здешней средой и, уезжая на гастроли или турне, пусть даже ненадолго, всегда возвращались. А кое-кто из них десятки лет жил в Белграде, как Лиза Попова, Софья Драусаль и Павел Холодков — привлекательнейшая личность в истории белградской оперы. Старые театралы, завсегдатаи Белградской оперы и концертного зала фонда им. Коларца, вероятно, помнят пожилого господина, громкими восклицаниями «браво» восторженно приветствовавшего любое удачное выступление. В Белграде осталась и замечательная певица Ксения Роговская, чью карьеру, к сожалению, прервало замужество — ее творческие успехи злобно приписывали тому, что она была женой директора Белградской оперы. Впрочем, были критики, признававшие, что с ее именем «связан целый период истории оперного искусства» [17].

Из приведенных рецензий очевидно, что напряженность в отношениях между русскими артистами и местными работниками театра вызывал конфликт разных культур, кроме того, он подогревался недальновидностью, незнанием, да и завистью одних, личными амбициями других и, наконец, отсутствием ясных представлений о реальности, необъективностью третьих. Со временем выявился еще один аспект: россиян использовали, как средство в закулисной борьбе с неугодными людьми, в первую очередь с директором Оперы Стеваном Христичем [18]. Многие годы его упрекали в том, что при поддержке руководства русские в театре играют все ведущие роли, что репертуар составляется односторонне, «опаздывая, по меньшей мере, на 30 лет» (полная бессмыслица!), что «русские тянут назад, к шаблону и традиции», противясь современному и «передовому», что формированию «национальных кадров» не уделяется должного внимания и т. п. [19]. Тот факт, что в первые годы становления театра россияне и другие зарубежные артисты были насущно необходимы, что развитие музыкально-сценической культуры немыслимо без освоения актерами и публикой классического репертуара, вне которого переход к репертуару современному невозможен, игнорировался. Забыли, что за короткий срок создан богатый и стилистически разнообразный репертуар, что основные партии исполнялись двумя составами, что Белградская опера поднялась на уровень, достойный лучших европейских театров. Поэтому сегодня критические замечания в адрес Оперы и Балета в период директорства Христича вызывают лишь снисходительную улыбку, особенно если вспомнить, в каком состоянии они находятся последние лет десять с точки зрения репертуара и уровня постановок. Сказанное, разумеется, не относится, к отдельным удачным спектаклям.

Как бы то ни было, благодаря прежде всего участию русских театральных деятелей, Народный театр в течение десяти лет выпустил около 80 оперных и балетных спектаклей классического репертуара и современных авторов. Помимо итальянских, французских, немецких, испанских опер, исполнялись произведения славянских, включая и отечественных, композиторов [20]. Из русских опер в период, когда директором состоял С. Т. Бинички, был поставлен «Евгений Онегин» (1920) и четыре года спустя — «Пиковая дама». Затем произведения русских композиторов многие годы регулярно появлялись в репертуаре, по одному в сезон: «Цар-

ская невеста» (1925), «Борис Годунов» (без сокращений, 1926), «Демон» (1926), «Царь Салтан» (1928), «Князь Игорь» (1929). После некоторого застоя, продолжавшегося несколько лет, в 1933 году были осуществлены постановки «Ваньки-ключника» Н. Черепнина и «Сорочинской ярмарки» Мусоргского, а в 1935 году — «Хованщины». Последней русской оперой, исполненной на сцене белградского Народного театра в довоенный период, была «Катерина Измайлова» Шостаковича (1937). Хотя публика хорошо принимала русские оперы, в репертуаре их было значительно меньше, чем итальянских и французских. Возникает вопрос, могли ли русские театральные деятели способствовать более широкому представлению русского оперного искусства или они больше тяготели к европейскому репертуару, или, быть может, все зависело от дирекции театра в лице директора Оперы? Во всяком случае русское оперное и особенно балетное искусство шире всего было представлено в репертуаре театра, когда его возглавлял С. Христич. Помимо классического балетного репертуара (Чайковский, Римский-Карсаков, Балакирев, Бородин), исполнялись также произведения современных авторов (Глазунов, Ипполитов-Иванов, Стравинский, Н. Черепнин) [21].

*
* *

Следует сказать несколько слов по поводу замечания Феофана Павловского о том, что среди русских артистов, прибывших после революции в Белград, не было первоклассных мастеров. Разумеется, это не был ранг Шаляпина или Собинова, Павловой или Карсавиной. Но это были серьезные профессионалы, мастера своего дела, многие из которых впоследствии заняли видные места на европейских театральных подмостках.

Чтобы дополнить картину первых лет деятельности белградской Оперы, приведем воспоминания очевидца — Бахрии Нури Хаджич, певицы, снискавшей мировую славу, которая в 1931 году была принята в белградскую оперную труппу. Ее рассказ записан на магнитофонную пленку в 1987—1988 годах. С 1921 года Бахрия Нури Хаджич была в курсе того, что происходило в оперной жизни театра. С 1923 по 1928 год она училась в Вене, затем до перехода в Народный театр была солисткой оперы в Берне. По ее словам, в первые годы существования Оперы в Белграде различие с Веной,

было заметно, а позже, когда она приезжала на каникулы в Белград, разница практически исчезла.

Певица особенно подчеркивает, что столь стремительный рост был достигнут благодаря русским исполнителям, «большим профессионалам и первоклассным мастерам». Белградская Опера в конце 20-х — начале 30-х годов имела «замечательный ансамбль, певцов, оркестр, прекрасного директора и управляющего, превосходных дирижеров, режиссеров, сценографов и костюмографов». Некоторые постановки могли быть полностью перенесены в Венскую государственную оперу (например, «Саломея» Р. Штрауса, в которой Нури Хаджи с триумфом выступала в Белграде и других европейских театрах).

В то время, помимо прекрасных российских певцов — постоянных членов труппы (Роговская, Попова, Волевач, Холодков и др.), в Белграде гастролировали Б. Попов, Г. Юреньев, Ада Полякова и дважды Ф. Шаляпин. Несмотря на то, что выросло поколение своих талантливых исполнителей [22], сотрудничество с выдающимися русскими артистами продолжались до конца 40-х годов.

Удивительно, что среди российских музыкантов, эмигрировавших после революции в Белград, только один дирижер — Илья Слатин. Он дирижировал оркестром в нескольких балетах, а затем ушел из театра и много лет работал преподавателем игры на фортепиано.

Интенсивная творческая деятельность Народного театра, поддерживаемая во многом благодаря русским артистам, способствовала тому, что наряду с местными дирижерами (Бинички, Христич, Србуль, Ризнич) стали активно приглашаться на постоянную работу или временный ангажемент дирижеры из других южнославянских краев (Брезовшек, Матачич, Баранович, Полич, Пордес и др.) и европейских стран (Масканьи, Недбал, Čваровски, Крипс и др.). Большое число имен не удивляет: театр к тому времени достиг такого уровня, который требовал тщательного отбора дирижеров!

*

*   *

И, наконец, нельзя обойти молчанием упрек, который чаще всего делали русским исполнителям: многие из них в профессиональном плане не владели сербским языком. Отдельные певцы сопротивлялись этому, потому что считали себя временными жи-

телями Белграда и учить роль на сербском представлялось им пустой тратой времени. С другой стороны, речь шла о двух родственных языках, а это, особенно в русских операх, являлось непреодолимым препятствием для артистов. Вопрос пения на сербском возмущал умы вплоть до 40-х годов, а поскольку в те годы в Белградской опере было много гастролирующих исполнителей, случалось, что в одной опере пели на разных языках. Виктор Новак назвал это «вавилонщиной», а Станислав Винавер высказался, что русские оперные артисты пели не на сербском, а на церковно-славянском языке [23].

*
* *

Языковая проблема не возникала, когда речь шла о другой области музыкально-сценического искусства — о балете, как и опера, занявшем свое место под кровом Народного театра в начале 20-х годов.

Если еще до появления оперы в Народном театре сербские исполнители делали попытки войти в мир оперного искусства и некоторые сумели занять определенное место на европейских оперных сценах, то в области балета до прихода русских таких попыток не было. И хотя на подмостках Народного театра в 1871 году в антрактах выступали отдельные гастролирующие артисты балета (например, балетная пара Фаня Шиллинг и Франц Вейс, предположительно, из Петербурга), или в 1913 году перед спектаклем «Чашка чая» В. Дроста состоялся «балетный вечер З. де Бонза» [24], тем не менее сербская публика к балетному искусству, мягко говоря, была подготовлена слабо. Некоторые публикации свидетельствуют о том, как принимали в Белграде в начале 20-х годов первые балетные концерты. Приведем отрывок из одной рецензии без комментария. Речь идет об успешных гастролях известной балерины Маргариты Фроман, ее коллег и учеников. В связи с первым концертом «Политика» от 11.01.1921 опубликовала за подписью «О. Ст.» такой текст: «Долгожданный русский балет вчера, наконец, представил на суд многочисленных зрителей множество мелких пьесок. Мы имели возможность насладиться художественной продукцией ног, весьма выразительных и красноречивых... Госпожа

Фроман живо и грациозно исполнила свои элегантные номера, а госпожа Бекефи, дама темпераментная, танцевала с необычайным огнем и такой стремительностью, что публика все время с замиранием ждала, что у нее вот-вот отлетит либо рука, либо нога. Лишь она была на сцене в длинной юбке, что, впрочем, не помешало ей до пояса оголить свое искусство. Испанский и цыганский танцы, а также «Вторая рапсодия» Листа в исполнении госпожи Бекефи привлекли особое внимание зрителей...»

Нельзя забывать, что с момента основания оперы (1919) дирекция Народного театра (М. Грол, М. Предич и Ст. Бинички) стремилась и к созданию балета. Первым шагом в этом направлении было введение балетных сцен в оперные спектакли. В афишах за октябрь 4, 20 и 21 октября 1920 года читаем, что в опере «Миньон», поставленной еще до войны, а затем восстановленной, выступит балерина Мария Бологовская — хореограф и исполнительница; в опере «Евгений Онегин» они вместе с балериной Татьяной Кружаловой исполнят «Русский танец»; на следующий день в драматическом спектакле «Сон в летнюю ночь» Бологовская выступит с балетным номером. Дирекция театра, с самого начала серьезно относившаяся к балету, воспользовалась приездом Клавдии Исаченко, исполнительницы пластических танцев, чтобы 1 сентября 1920 основать так называемую «Малую балетную школу». В декабре того же года Клавдия Исаченко была введена в труппу Народного театра как педагог пластического танца. Через несколько месяцев она с учениками дала вечер пластического танца. Стоит ли говорить, что это был своеобразный подвиг. «Политика» в номере от 6 февраля 1921 года писала, что «об этой попытке пока еще невозможно судить. Если принять во внимание, что танцевали малоподготовленные ученики и дети, все прошло удачно. Вечер показал, какая громадная работа была проделана по его проведению, а также большой энтузиазм воспитанников... Госпожа Исаченко заслуживает всяческих похвал как педагог и артистка... Такие вечера необходимо проводить чаще, дабы ученики быстрее приобрели артистическую форму и могли показать при этом и другие разновидности танца, где больше участвуют ноги, чем руки...» Понятно, что речь идет в данном случае о классическом балете.

Через несколько дней в печати появилось сообщение, что 19 апреля будет исполнена сказка «Белоснежка и семь гномов» на музыку П. Крстича с «балетной программой. Хореографическая часть на

этот раз составлена из номеров классического балетного репертуара, которым мы занимаемся параллельно со школой пластического танца и который впервые выходит на сцену... с широкой и конструктивной программой...» Из текста следует, что в рамках так называемой Малой балетной школы было отделение классического балета, но не упоминается, кто там преподавал, хотя, несомненно, кто-то из русских балерин. Малая балетная школа присоединилась к Актерско-балетной школе Народного театра, основанной 1 ноября 1921 года. С осени 1922 года хореографией там руководит замечательный педагог Елена Полякова (1884—1973), в свое время солистка Мариинского императорского театра в Петербурге и Русского балета Дягилева в Париже. Уже в начале 1923 года Полякова осуществляет несколько удачных хореографических постановок (отрывки из «Щелкунчика» и балеты «Шехерезада» и «Сильфиды»), в которых и сама выступает вместе с партнером Сергеем Стрешневым, русскими балеринами и ученицами балетной школы. Осенью 1923 года директором и хореографом балета Народного театра становится прекрасный танцор Александр Фортунато, будущий либреттист первого сербского балета «Охридская легенда» Стевана Христича.

После того, как в июне 1927 года за неимением средств прекращена деятельность Актерско-балетной школы, Е. Полякова открыла свою балетную студию, до сих пор самую прославленную у нас школу балета. Из стен этой студии в последующие годы выйдут наши признанные артисты балета. Однако, если в Опере, появление которой подготавливалось в течение нескольких десятилетий, уже в конце 20-х — начале 30-х годов выросла целая плеяда замечательных певцов, то в Балете, не знавшем у нас никакой традиции, пополнение кадров местными исполнителями шло очень медленно. Даже в 40-е годы на нашей сцене преобладали русские артисты, некоторые из них выросли в нашей среде (Анатолий Жуковский, Михаил Панаев, Яня Васильева, Елена Корбе и др.) и достигли значительных высот в балетном искусстве. За это время в руководстве Белградского балета или в качестве хореографов сменяли друг друга выдающиеся деятели балетного искусства: Федор Васильев (1926—1927), Маргарита Фроман (1927—1929), Антон Романовский (1930—1931), Нина Кирсанова (неоднократно), Борис Князев (1934—1935), Анатолий Жуковский (1935—1941), Борис Романов и др. и, как исключение, югославы Пия и Пино Млакар. Эта смена руководства и работы известных русских хореографов

способствовали появлению репертуара широкого диапазона: за одно первое десятилетие существования Балета поставлено около 40 балетных спектаклей, среди которых, помимо классики, были и современные произведения (Сен-Санса, Равеля, Стравинского, де Фальи, Глазунова, Н. Черепнина, Тансмана, Р. Штрауса и др., а также двух местных авторов). Это, безусловно, расширяло творческие горизонты, обогащало балетное искусство, развивало выразительные и технические возможности танцоров, в результате чего белградский балет в конце 30-х годов, так считали зарубежные специалисты [25], по своему уровню приблизился к прославленным балетам Центральной Европы, например, венскому. Особенно необходимо отметить, что некоторые российские хореографы стремились внести в свои постановки элементы национального танца (Фроман, Жуковский, отчасти Фортунато и Кирсанова) и даже создать на их основе особый балетный стиль (Жуковский).

В 40-е годы исторические события принудили некоторых российских (и местных) деятелей балета покинуть Белград (Полякова, Жуковский, Я. Васильева, Панаев и другие), а некоторые из них остались и после завершения карьеры артистов балета, работали педагогами и хореографами в течение многих послевоенных лет (Кирсанова, Оленина, Е. Беложанская-Вайс).

Творчество российских деятелей искусств на заре появления оперы и балета в Народном театре сыграло решающую роль в развитии музыкально-сценического искусства Сербии. До сих пор поражают их самоотверженная приверженность призванию, умение приспособиться к совершенно новым жизненным обстоятельствам и тяжелым условиям для творчества, профессиональная ответственность и необыкновенный энтузиазм. За короткий срок был пройден путь, на который в обычных условиях потребовалось бы десятка два лет. Благодаря их опыту, профессионализму и высоким творческим требованиям был сделан такой скачок, который позволил белградским опере и балету преодолеть вековую отсталость, вызванную историческими условиями, и всего за несколько лет на равных правах войти в русло общеевропейского музыкально-сценического искусства.

Разумеется, не следует забывать, что в те годы Народный театр, к счастью, возглавляли люди, способные в полной мере использовать творческие возможности русских мастеров. Значительные достижения белградской оперы в 30-е годы и творческий подъем в 50-е и

60-е стали возможны благодаря основам, заложенным российскими мастерами культуры. С конца 40-х и в течение 50—60-х годов российские артисты, продолжали оказывать значительное влияние, длившееся более четверти века [26], на развитие белградского балета — от становления до подъема к высотам мирового уровня (особенно это относится к хореографическим постановкам Димитрия Парлича) [27].

Пророческие слова Феофана Павловского о будущем взлете белградской Оперы и Балета, сказанные в начале 1921 года, сбылись: талант, отмеченный опытным взглядом мастера, в соединении со знаниями и искусством российских артистов позволил его предвидению осуществиться быстрее, чем можно было ожидать!

Примечания

[1] *Ковиjанић Г.* Грађа Архива Србиjе о Народном позоришту у Београду//АС, МПс, Ф XI — 24/81. С. 323.

[2] Более подробно о либретто Стерии Поповича см.: *Павловић М.* Стериjино позориште и музика//Зборник Матице српске за сценске уметности и музику. Бр. 6—7. 1990. С. 283—305 (303—304). В тексте много опечаток и пропусков, которые искажают смысл некотрых частей. О либретто этого автора см. также в журнале «Про музика». Београд, 1986. Бр. 132—3. С. 56.

[3] Йоксимович Б. «Женитьба Милоша Обилича» (1902) — не ставилась; С. Бинички «На заре» — ставилась в 1903; П. Коневич «Женитьба Милоша Обилича» (1904), ставилась под названием «Вуаль феи» в Загребе (1917), в Белграде (1923).

[4] *Turlakov S.* Opera na bulevaru//Godišnjak grada Beograda. Knj. XXXI. 1984. S. 148—149. Ставились: «Мать Йована Урбана» (4.12.1910), «Князь Иво из Семберии» Исидора Баича (6.01.1911), а также детская опера «Снегурочка и семь гномов» Петара Крстича (11.12.1910).

[5] *Grol Milan.* Iz pozorišta predratne Srbije — Glumci pevači//SKZ. 318, 1952. S. 262—293; *Stojkovič Borivoje.* Istorija srpskog pozorižta od srednjeg veka do modernog doba. Muzej pozorišne umetnosti SR Srbije. Beograd, 1979. Вместе с биографическими сведениями об отдельных исполнителях дается характеристика их вокальных данных и рассказывается о сыгранных ролях.

[6] *Cvetkovič Sava V.* Repertoar Narodnog pozorišta u Beogradu 1868—1965. Muzej pozorišne umetnosti. Beograd, 1966. По этому источнику, а также по «Репертуару Народного театра 1868—1914» Живоина Петровича, изданного тем же музеем в 1993 г., в период с 1906 по 1914 гг. были исполнены следующие оперы: «Сельская честь» (1906), «Ксения и Баяццо» (1908), «Проданная невеста» (1909), «Бастьен и Бастьенна» (1911), «Хлястики лешего» (1912), «Трубадур» и «Джамиле» (1913), «Тоска», «Волшебный стрелок», «Вертер» и «Миньон» (1914). В «Репертуаре...» Ж. Петровича сведения об исполнении этих опер идут под номерами 911, 923, 945, 947, 959, 1104, 1005, 1029, 1037, 1046, 1048, 1055 и 1058.

[7] См. работу С. Турлакова в пункте 4.

[8] *Manojlović Kosta.* Spomenica Stevanu St. Mokranjcu. Beograd, 1923. S. 53, 55—58.

[9] *Stojković B.* Istorija... (см. пункт 5). S. 410, 412, 415, 430, 431—434, 470, 584, 598, 683 и т. д.

[10] Ж. Петрович в «Репертуаре...» (см. пункт 6) упоминает, что Елена Ловщиньска и Д. Ловщиньски пели в июне 1914 г. главные партии в опере «Тоска». Имя Д. Ловшиньского, который, по всей видимости, был поляк, после войны больше не встречается («Репертуар...» № 1046. С. 174).

[11] *Turlakov S.* Dnevni repertoar beogradske opere 1920—1926//Godišnjak grada Beograda. Knj. XXXV. 1988. S. 181.

[12] Сведения из «Ежегодника Народного театра за 1918—1922», в статье С. Турлакова (см. пункт 11) и из «Репертуара...» С. Цветковича (см. пункт 6) не во всех случаях совпадают.

[13] О работе русских сценографов и костюмеров см.: *Milanović Olga.* Beogradska scenografija i kostimografija 1868—1941. Muzej pozorišne umetnosti SR Srbije i Univerzitet umetnosti u Beogradu. Beograd, 1983; *она же.* Vladimir Žedrinski. Scenograf ikostimograf. Katalog izložbe. Muzej Pozorišne umetnosti SR Srbije, Beograd, 1987; *Stojković B.* Istorija... (пункт 5).

[14] По данным, приводимым Туринским, в сезоне 1921/22 года в белградской опере были заняты следующие оперные исполнители: сопрано — Е. Ловщиньска, К. Роговская, С. Драусаль и Н. Волевач; меццосопрано — А. Свечинская и Е. Вальяни; теноры — И. Армиди, Степневский и Л. Зиновьев; баритон — Г. Юреньев, П. Холодков; бас — Е. Марьяшец. Дирижер — И. Слатин. Оперный режиссер — Феофан Павловский. Хормейстеры — В. Нелидов, Кольчевский и В. Каминский. Вскоре к ним присоединились Борис Добровольский, Петр Колпиков и Александр Руч, который работал в Народном театре с 1924 по 1944 год. Он был не только отличным музыкантом, но и прекрасным педагогом.

[15] *Dragutinović Branko.* Prolegomena za istoriju opere i baleta Narodnog pozorišta// Jedan vek Narodnog pozorišta u Beogradu. Beograd, MCMLXVIII. S. 103—157 (137).

[16] Например, критические статьи Милоя Милоевича в «Политике» за: 2.06.21, 11.06.21. 20.03.21, 24.10.29 и т. д.

[17] Милое Милоевич в «Политике» за 24.10.29.

[18] С. Христич был исполняющим обязанности директора Оперы с ноября 1924 г., а директором — с 24.07.25. по 3.01.36. с небольшим перерывом.

[19] *Dragutinović.* Prolegomena... S. 132—133; *Dimitrijević Jovan.* Anketa o stanju beogradske opere//Život i rad. Knj. XV, XVI. 1933; *Milojević Miloje.* Anketa o beogradskoj operi//Vreme. 5.12.27; *Stojković B.* Istorija... (см. пункт 5). S. 660, 701 и т. д.

[20] П. Коневич «Женитьба Милоша Обилича», или «Вуаль феи» (1923); С. Христич «Сумерки» (1925, восстановлена в 1930 г.); Петар Крстич «Насильник» (1927); П. Коневич «Князь из Зеты» (1929); П. Коневич «Коштана» (1933), а также многочисленные произведения хорватских и словенских авторов.

[21] «Щелкунчик» (1923), «Шехерезада» (1923), «Лебединое озеро» (1925), «Половецкий лагерь» (из оперы «Князь Игорь», 1925), «Спящая красавица» (1927), «Раймонда» (1928), «Жар-птица» (1928), «Петрушка» (1928), «Конек-горбунок» (1929), «Деревенские маневры» (1930), «Дон-Кихот» (1931), «Тайна пирамиды» (1932), «Человек и рок» (1934), «На Кавказе» (1937), «Клоунада» (1937), «Франческа де Римини» (1939), «Золотой петушок» (1939), «Тамара» (1939). Не все композиторы

этих балетов были русские, но многие из них годами работали в России и писали музыку к балетам для русских исполнителей (Минкус, Дрюго, Армсгеймер).

[22] М. Йованович, Ст. Янкович, Н. Цвеич, Ж. Цвеич, Вл. Попович, М. Бугаринович, Б. Нури Хаджич, Е. Пинтерович, К. Нинкович-Грозано, Катица Йованович, супруги Писаревич, Е. Эртл, З. Книтл, Й. Риявец, М. Шименц, М. Пихлер, А. Мезетова, З. Джунндженац и т. д.

[23] Време. Београд, 1931. N 3247.

[24] *Петрович Ж.* «Репертуар...» (см. пункт 6). С. 43 и под №№ 66 и 68 (С. 68) и 167 (С. 82).

[25] В статье, написанной балетным критиком Кристофером Грайером (Christopher Grier) из Шотландии по поводу выступлений белградского балета на фестивале в Эдинбурге в сентябре 1951 года и опубликованной в программе фестиваля (The Edinburgh Festival Society. S. 15)

[26] См. о российских деятелях искусств, их биографиях и работе в Народном театре: *Stojković B.* Istorija... (пункт 5) и *Dragutinović B.* Prolegomena... (пункт 15).

[27] Димитрие Парлич (1919—1986) был учеником Елены Поляковой, Наташи Бошкович, Татьяны Гзовской (дочери Клавдии Исаченко) и Ольги Преображенской.

Алексей Арсеньев

Русская эмиграция в Югославии

Избранная библиография трудов на общие темы жизни и деятельности *

Книги. Брошюры

1. Альманах Русская эмиграция 1920—1930 гг. Выпуск I-ый. Белград, 1931.
2. Альманах Русская эмиграция 1920—1931 гг. Выпуск II-й. Белград, 1931.
3. Артиллерийские «чаи-беседы»: Сборник докладов и заметок. Издание Центрального правления Общества офицеров-артиллеристов. Белград, 1930.
4. *Билимович Александр Дмитриевич.* Русская матица. Любляна, 1924.
5. *Брянский Виктор Диодорович.* Отчет о деятельности представительства Всероссийского союза городов в Королевстве С. Х. С. за 1924 год. (Белград), 1925.
6. *Волк Петар.* Хроника југословенског филма. 1896—1946. Први део. Београд, 1973.

---

* Имея возможность в течение многих лет непосредственно познакомиться с трудами, перечисленными в библиографии, ряд из которых представляет исключительную редкость, составитель принял решение указывать фамилию, имя и отчество авторов; раскрыть псевдонимы; указывать полное и наиболее точное название работ (по новой орфографии), в скобках поясняя предмет статьи; давать по возможности полную нумерацию и датировку периодических изданий; указывать географические названия по источнику.

7. (*Вязьмитинов А. М.*, отв. ред.). Русские скауты 1909—1969. (Глава 14: Отдел Национальной организации русских скаутов в Югославии). Сан Франциско, 1969.

8. *Даватц Владимир Христианович.* Годы: Очерки пятилетней борьбы. Белград, 1926.

9. *Даватц В. Х., Львов Н. Н.* Русская армия на чужбине. Белград, 1923.

10. Деяния Русского всезаграничного церковного собора, состоявшегося 8—20 ноября (21 ноября — 3 декабря) 1921 года в Сремских Карловцах в Королевстве С. Х. и С. Сремски Карловци, 1922.

11. Деяния Второго всезарубежного собора Русской православной церкви заграницей, с участием представителей клира и мирян, состоявшегося 1(14)—11(24) августа 1938 года в Сремских Карловцах в Югославии. Белград, 1939.

12. Донской Императора Александра III кадетский корпус (Новочеркасск—Стрниште—Билеча—Горажде). Мадрид, 1974.

13. Друштво за потпомагање и помоћ породица и сирочади погинулих руских ратника: Годишњи извештај Друштва 1921—1922. Београд, 1922.

14. *Ђурић Остоја.* Руска литерарна Србија 1929—1941: Писци, кружоци и издања. Горњи Милановац—Београд, 1990.

15. За Россию: Программные положения и Устав Национально-трудового союза нового поколения. Белград, 1938.

16. Задруга руских чиновника и привредника за штедњу и кредит: Завршни рачун и извештај за 1931. годину. Београд, 1932.

17. Извештај Сједињеног комитета Руског друштва Црвеног крста, Северуског земског савеза и Северуског савеза градова у Краљевини Срба, Хрвата и Словенаца. Београд, 1922.

18. *Јовановић Љуба.* Руси у нас. (Одштампано из «Новог живота» књ. VI, св. 2). Београд, 1921.

19. *Јовановић Милица.* Првих седамдесет година: Балет Народног позоришта у Београду. Београд, 1994.

20. *Jovanović Miroslav.* Doseljavanje ruskih izbeglica u Kraljevinu SHS 1919—1924. Magistarski rad, odbranjen na Odeljenju za istoriju Filozofskog fakulteta Univerziteta u Beogradu. Beograd, 1993.

21. *Јовичић Стеван.* Филмски уметници руског порекла у нашој кинематографији (Програм пројекције «Руси у предратном југословенском филму». Музеј Југословенске кинотеке, 8. април 1993.).

22. Кадетские корпуса за рубежом (в Королевстве СХС — Югославии). Нью Йорк, 1970.

23. Каталог книг Русской публичной библиотеки в Белграде. Белград, 1929. Дополнения: 1930, 1931, 1932, 1933, 1935, 1938 и 1941 гг.

24. *Katchaki J. N.* Bibliography of Russian Refugees in the Kingdom of S.H.S. (Yugoslavia) 1920—1945. Arnhem-Kampen (Holland), 1991.

25. Краткий каталог Книжного магазина «Возрождение» в Белграде. Белград, 1924.

26. Крымский кадетский корпус 1920—1929. (Стрнище 1920—1922; Белая Церковь 1922—1929). Новый Сад, 1931.

27. *Lešić Josip.* Istorija jugoslovenske moderne režije (1861—1941). Novi Sad, 1986.

28. *Маевский Владислав Альбинович.* Лесна — Хопово — Фурке: Старая женская обитель. Сан Пауло, 1962.

29. *Маевский В. А.* Русские в Югославии 1920—1945 гг.: Взаимоотношения России и Сербии. Том 2. Нью Йорк, 1966.

30. Мариинский донской институт (Новочеркасск — Белая Церковь). Нью Йорк, 1975.

31. Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом. Выпуск I-ый: 1920—1930; Выпуск II-й. Часть I-я: 1930—1940. Белград, 1931, 1941.

32. *Miladinović Dejan.* Razvoj operske režije u Beogradu i Novom Sadu od 1920. godine. Magistarski rad, odbranjen na Fakultetu dramskih umetnosti Univerziteta u Beogradu. Beograd, 1976.

33. *Milanović Olga.* Beogradska scenografija i kostimografija 1868—1941. Beograd, 1983.

34. *Milanović Olga.* Vladimir Žedrinski: Scenograf i kostimograf. Katalog izložbe. Beograd, 1987.

35. Младоросская памятка: Младоросская партия, ее идеология, программа и тактика. Белград, 1940.

36. На страже России: Десять лет Союза русских писателей и журналистов в Югославии: 1925—1935. Белград, 1935.

37. *Николаев Константин Николаевич.* Правовое положение Православной церкви народа русского в рассеянии сущего. Новый Сад, 1934.

38. О пятилетней деятельности Общества русских чиновников и торговопромышленников в Югославии. Белград, (1933).

39. Отчет Общества помощи недостаточным ученикам Русской основной школы и Детского сада в Белграде с 1932—33 учебного года по 1936—37 год. Земун, 1937.

40. *Павлов Борис Леонидович.* Русская колония в Великом Бечкереке (Петровграде — Зренянине). Зренянин, 1994.

41. «Памятка». Харьковский институт 1812—1932. Нью Йорк, 1983.

42. Панчевский госпиталь — Санаторий Р. О. К. К. в Королевстве Югославии 1929—1930. Панчево, 1930.

43. Первая русско-сербская гимназия в Белграде. 1920—1930. Белград, 1930.

44. I Русско-сербская гимназия: Памятка. Белград. 1920—1944. Нью Йорк — Вашингтон — Сан Франциско — Каракас — Буэнос Айрес, 1986.

45. Переселение праха генерала Врангеля в Белград 6 октября 1929 г. Белград, (1930).

46. *Петрович Р. (Рончевский Ростислав Петрович).* Младороссы: Материалы к истории сменовеховского движения. London, Ont. (Canada), 1973.

47. *Пио-Ульский Георгий Николаевич.* Русская эмиграция и ее значение в культурной жизни других народов. Белград, 1934.

48. Прва руско-српска девојачка гимназија у Великој Кикинди:

Извештаји за школске 1929/30 и 1930/31. године. Велика Кикинда, 1931, 1932.

49. Прва руско-српска мушка гимназија у Београду: Извештаји за школске 1930/31—1939/40. године. Београд, 1931—1941.

50. Први руски кадетски корпус «Великог кнеза Константина Константиновича» Бела Црква: Годишњи извештаји за школске 1932/33—1939/40. године. Бела Црква, 1934—1941.

51. Программы русских учебных заведений в Королевстве Югославии: 1939 год. Белград, 1939.

52. *Поляков И. Н.* Цели, задачи и идеология Русского трудового христианского движения: Доклад на съезде Русских трудящихся 26 августа 1934 г. в Белграде. Белград, 1939.

53. *Радосављевић Озрен.* Руски ликовни уметници у Белој Цркви. (Сепарат). Бела Црква, 1994.

54. *Рклицки Николај Павлович.* Преглед културно-просветног рада Института за проучавање Русије у Београду у 1939—1940. години. Београд, (1940).

55. Руси без Русије: Српски Руси (Албум). Издавачи: Душан Јанићијевић, Золтан Шлавик. Београд — Беочин, 1994.

56. Руска гимназија у Храстовцу: Извештаји за 1929/30. и 1930/31. годину. Храстовац — Марибор, (б. г.).

57. Руска емиграција у српској култури XX века: Зборник радова. Том I; Том II. Приредили: Миодраг Сибиновић (гл. и одг. уредник), Марија Межински и Алексеј Арсењев. Београд, 1994.

58. Руска уметност: Велика изложба руске уметности: Каталог. Београд, 1930.

59. Руска уметност у Средњем Банату: Каталог изложбе (мај — јуни 1995). Народни музеј Зрењанин. Зрењанин, 1995.

60. Руски девојачки институт императрице Марије Феодоровне у Белој Цркви: Извештаји за школске 1932/33—1935/36. године. Бела Црква, 1933—1937.

61. Руски уметници у Србији: Каталог изложбе у Народном музеју у Београду — април/мај 1993. Београд, 1993.

62. Руско-југословенски алманах Одбора за подизање Спомен-капеле цару-мученику Николи II. Панчево, 1934.

63. Руско-српска женска гимназија у Београду: Извештаји за школске 1930/31—1939/40. године. Београд, 1931—1940.

64. Русская армия в изгнании: 1920—1923. Новый Сад, (б. г.).

65. Русская матица (1924—1934): Отчет о деятельности. Любляна, 1935.

66. Русский дом имени Императора Николая II в Белграде. Белград, 1933.

67. Русский корпус на Балканах во время 2-й мировой войны 1941—1945 гг.: Исторический очерк и сборник воспоминаний соратников. Нью Йорк, 1963.

68. Русский народный университет в Белграде: Отчет за 1925 учебный год. Белград, (б. г.).

69. «Русский сокол» в Земуне 1922—1932. Земун, 1932.

70. *Солонский Александр Александрович.* Поликлиника Российского общества Красного креста старой организации в Белграде. 1920—1940. Новый Сад, 1940.

71. *Стојнић Мила.* Руско-српска књижевна преплитања. Београд, 1994.

72. *Топић Сања.* Деловање позоришних уметника руске емиграције у Народном позоришту у Београду 1918—1941. године. Магистарски рад, одбрањен на Катедри за организацију позоришта, радија и културе Факултета драмских уметности Универзитета уметности у Београду. Београд, 1992.

73. *Тошев Снежана.* Дела руских архитеката у Београду између два рата. Дипломски рад, одбрањен на Одељењу за историју уметности Филозофског факултета у Београду. Београд, 1990.

74. *Троицкий Сергей Викторович.* Правовое положение Русской церкви в Югославии. Белград, 1940.

75. Труды IV съезда русских академических организаций за границей, в Белграде 16—23 сентября 1928 года. Часть I; Часть II. Белград, 1929.

76. Удружење руских ратних инвалида у Краљевини Срба, Хрвата и Словенаца: Извештај о раду у 1928. години. Београд, 1929.

77. Устав Общества офицеров Российского военно-воздушного флота в Королевстве С.Х.С. Новый Сад, 1922.

78. Харковски институт — Нови Бечеј: Извештаји за школске 1929/30—1931/32. године. Нови Бечеј, 1930—1933.

79. *Шуберский Александр Николаевич.* К 25-летию со дня основания Высших военно-научных курсов профессора генерала Головина в Белграде. Ментона (Франция), 1955.

80. *Шукуљевић-Марковић Ксенија.* Јелена Дмитријевна Пољакова (1884—1972): Каталог изложбе. Музеј позоришне уметности Србије. Београд, 1995.

Статьи в периодической печати

81. *Aleksić Dragan.* Ruski studenti-emigranti na Beogradskom univerzitetu između dva svetska rata//Tokovi. Časopis Instituta za noviju istoriju Srbije. Beograd, 1993 (1992). br. 1—2.

82. *Алексић Драган.* Удружења страних студената на Београдском универзитету//Идеје и покрети на Београдском универзитету од оснивања до данас: Саопштења и прилози са симпозијума одржаног у Београду 15—17. новембра 1988. године. Књига прва. Београд, 1989.

83. *Ањичков Евгеније.* Два руска конгреса у Београду//Страни преглед. Београд, 1929. бр. 1—2.

84. *А. П.* Русский корпус в Сербии//Часовой. Брюссель, 1971. № 543.

85. *Арсеньев Алексей Борисович.* Дни русской культуры в Белграде: 60-летие Русского дома. 1933—1993//Наша страна. Буэнос Айрес. № 2240 — 10 июля 1993. (то же: Русская жизнь. Сан Франциско,— 4 июня 1993.; Единение. Сидней. № 25 (2213).— 18 июня 1993.).

86. *Arsenjev Aleksej.* Život, kulturna i izdavačka delatnost Rusa-

emigranata u Novom Sadu//Književna smotra. Zagreb, 1987. br. 65—66.

87. *Арсеньев А.* Книга Б. Л. Павлова «Русская колония в Великом Бечкереке»//Русская жизнь. Сан Франциско. № 12826.— 11 января 1995.

88. *Арсеньев А.* Молебен о спасении русского и сербского народа в Русском храме в Белграде//Православная Русь. Джорданвиль (США). № 15 (1492).— 1/14 августа 1993. (то же: Кадетская перекличка. Нью Йорк. № 53.— декабрь 1993; Императорский вестник. Рочестер, (США). № 26.— апрель 1994; Единение. Сидней. № 9 (2249).— 4 марта 1994.).

89. *Арсеньев А.* Новая книга о русской эмиграции: Борис Павлов. Русская колония в Великом Бечкереке//Единение. Сидней. № 1 (2293).— 6 января 1995.

90. *Арсењев Алексеј.* «Показаћемо да и овде, далеко иза граница отаџбине, живи моћ стварања...»: Руски уметници у Краљевини Југославији//Зборник Матице српске за сценске уметности и музику. Нови Сад, 1994. св. 15.

91. *Арсеньев А.* Праздник русской культуры: 60-летие Русского дома в Белграде. 1933—1993//Русская мысль. Париж. №3978.— 7—13 мая 1993.

92. *Арсењев Алексеј.* Руска интелигенција у Војводини (1—19)// Дневник. Нови Сад.— 6—24. април 1995.

93. *Арсеньев А.* Русский дом в Белграде//Арзамасские листки. Православный вестник. Арзамас. Специальный выпуск № 1—1995.

94. *Арсеньев А.* Сербия и Россия//Православная Русь. Джорданвиль. № 12 (1489)—15/28 июня 1993.

95. *Арсењев Алексеј.* Соко међу овдашњим Русима//Свеске за историју Новог Сада. Нови Сад, 1993. бр. 4.

96. *Арсеньев А.* Станичники на чужбине: На берегах Дуная// Казачий круг. Волгоград, 1992. № 17(29).

97. *Архимандрит Амвросий (Погодин).* Русские эмигранты у партизан 1941—1944//Русская жизнь. Сан Франциско.— 22 апреля 1989.

98. *Асеев Д. А.* Гибель русских книгохранилищ: Русская публичная библиотека в Белграде//Новое русское слово. Нью Йорк.— 20 августа 1952.

99. *Badalić Josip.* Ruski arhiv//Nova Evropa. Zagreb, 1930. knj. XXI. br. 4.

100. *Бартош Милан.* Доказивање односа руских избеглица//Архив за правне и друштвене науке. Београд, 1930. бр. 5.

101. *Б. В.* О Русском охранном корпусе (в Сербии)//Часовой. Брюссель, 1950. № 5 (297).

102. *Белавина Нонна Сергеевна.* Мариинский донской институт// Кадетская перекличка. Нью Йорк, 1974. № 10.

103. *Бондарева Елена Анатольевна.* Единственный в своем роде: Памятник русским воинам, погибшим на фронтах первой мировой войны в Сербии, воздвигнутый на белградском Новом кладбище в 1935 г.//Слово. Москва, 1995. № 7—8.

104. *Борисова Гали Евгеньевна.* Русские беженцы и югославская культура//Новое русское слово. Нью Йорк.— 5 октября 1982.

104а. (*Братић Јован*). Руско-српска гимназија у Београду// Американски Србобран. Питсбург.— 3. јуна 1987.

105. В Музее русской эмиграции (в Русском доме в Белграде)// Русский голос. Белград. № 448.— 5 ноября 1939.

106. В Донском институте//Новое время. Белград. № 163.— 8 ноября 1921.

107. В Новосадской (казачьей) станице//Новое время. Белград. № 857.— 5 марта 1924.

107а. *Вагапова Наталия Михайловна.* [рец.] Руска емиграција у српској култури XX века. Зборник радова. Т. I, II. Београд 1994//Славяноведение. М. 1995, № 4.

108. *Влаховић Јожа.* На гробовима побеђених (1—6)//Политика. Београд.— 24—29. фебруар, 1. март 1969.

109. Врангел у Београду//Политика. Београд.— 2. март 1922.

110. Врангелова изјава//Политика. Београд.— 4. март 1922.

11 Заказ 4337

111. Всероссийский земский союз//Русская газета. Белград. № 31.— 13 июня 1920.

112. *Вольников П.* Развал авиационной эмигранщины//Вестник воздушного флота. Москва, 1925. № 3.

113. Вурберг: Русская санатория для туберкулезных//Часовой. Париж, 1938. № 210.

114. *Горлов В.* Русский путь: Проложили наши соотечественники в горах Югославии (О кубанских казаках — гора Бесна Кобила)//Комсомольская правда. Москва.— 11 июля 1991.

115. *Горски Всеволод.* Руски студенти у емиграцији//Нова Европа. Загреб, 1921. књ. 1. бр. 11.

116. *Грицкат Ирена.* Запажања о билингвизму//Зборник Матице српске за књижевност и језик. Нови Сад, 1982. књ. XXX/2.

117. *Грицкат Ирена.* Први уџбеници српског језика за руске емигранте//Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. Нови Сад, 1994. бр. XXVII/1—2.

118. *Данилов Владислав Сергеевич.* Эвакуация русской белой эмиграции из Югославии//Кадетская перекличка. Нью Йорк, 1981. № 28.

119. 20-летие Русской православной церкви в Белграде//Русский голос. Белград. № 497.— 13 сентября 1940.

120. 20-летний юбилей Панчевского госпиталя Российского общества Красного креста//Русский голос. Белград. № 448.— 5 ноября 1939.

121. Десятилетие основания Буддийского храма в Белграде//Русский голос. Белград. № 452.— декабрь 1939.

122. Деятельность Державной комиссии в 1922 году//Новое время. Белград. № 517.— 14 января 1923.

123. *Dimić Ljubodrag.* Ruska emigracija u kulturnom životu građanske Jugoslavije//Istorija XX veka. Beograd, 1990. br. 1—2.

124. *Doder Milenko.* Belogardejci u Jugoslaviji kralja Aleksandra (1—11)//Intervju (izdanje «Politike»). Beograd, br. 260—270.— 24. maj — 11. oktobar 1991.

125. *Долматова (Далматова) Галина Федоровна.* А мы виноваты без вины (О русских поэтах в Королевстве Югославии)//Новый мир. Москва, 1991. № 9.

126. *Dragutinović Branko.* Prolegomena za istoriju Opere i Baleta Narodnog pozorišta: Pokušaj jedne sinteze//Jedan vek Narodnog pozorišta u Beogradu 1868—1968. Beograd, 1968.

127. *Ђурић Остоjа.* Културно наслеђе руске емиграциjе//Политика. Београд. 30. априла, 1—3. маjа 1993.

128. *Джурич Остоя.* «Никто не обесчестил русского имени...»: Первый съезд русских эмигрантских писателей и журналистов в Белграде//Русский рубеж. Специальный выпуск газеты «Литературная Россия». Москва. № 4. (19 февраля 1991 г.).

129. *Đurić Ostoja.* Ruski emigrantski književni kružoci u Beogradu (1920—1940)//Savremenik. Beograd, 1984. knj. LX, sv. 8—9.

130. *Джурич Остоя.* Шестьдесят лет Русскому дому имени Императора Николая II в Белграде (1933—1993)//сб. Культурное наследие российской эмиграции 1917—1940. Под общ. ред. академика Е. П. Челышева и профессора Д. М. Шаховского. Книга первая. Москва, 1994.

131. *Джурич Остоя, Арсеньев Алексей, Йованович Сречко.* Сохраним Русский дом в Белграде! Обращение к россиянам — выходцам из Югославии//Единение. Сидней. № 9 (2145).— 28 февраля 1992.

132. *Е. Ж. (Жуков Евгений Андреевич).* Высылка русских эмигрантов из Венгрии и Болгарии (От нашего белградского корреспондента)//Новое русское слово. Нью Йорк.— 30 июня 1954.

133. *Е. Т.* (*Таубер Екатерина Леонидовна*). Выставка русских художников в Белграде//Русское дело. Белград, 1933. № 33.

134. *Зандер Лев Александрович.* Съезд в Хопове//Путь. Париж, 1926. № 2.

135. Зарубежные военно-научные курсы генерала Головина: Краткий отчет о деятельности с 1927 по 1937 гг., прочитанный в Париже на торжественном заседании 22 марта 1937 г.// Осведомитель. Белград, 1937. № 3.

136. *Захаров Евгеније.* Живот девет хиљада Руса у Београду// Општинске новине. Београд, 1930. бр. 2.

137. *Зернов Николай Михайлович.* Юрисдикционные споры в Русской церкви заграницей и I-й всезарубежный собор в Карловцах в 1921 году//Вестник Русского христианского движения. Париж — Нью Йорк — Москва, 1974. № 114.

138. *Иванцов Дмитрий Николаевич.* Русские беженцы в Югославии в 1921 году//Русский экономический сборник. Прага, 1925. Выпуск 2.

139. Изложба «Круга» (у Београду): Уметнички павиљон 26. априла — 6. маја 1930//Мисао. Београд. 1930. књ. XXXII.

140. Изложба руских уједињених уметника//Обнова. Београд.— 22. децембар 1943.

141. *Jelačić Aleksije.* Ruska emigracija u Jugoslaviji//Nova Evropa. Zagreb. knj. XXI. br. 4.— 16. aprila 1930.

142. *Jovanović M.* Ruski pečat: Krasnov i Smirnov — graditelji predratnog Beograda//Svet. Beograd. br. 227.— 26.XII 1990.

143. *Jovanović Milica.* Balet Narodnog pozorišta između dva rata// Teatron. Beograd, 1976. br. 5.

144. *Јовановић Миодраг.* Изложба руске уметности у Београду 1930. године//Зборник Народног музеја. Београд, 1990. бр. XIV/II.

145. *Jovanović Miroslav.* «Ruski arhiv» i fašizam//Istorija XX veka. Beograd, 1989. br. 1—2.

146. *K.* i *M.* Naše ruske izbeglice//Nova Evropa. Zagreb. knj. VI. br. 8.— 11. novembra 1922.

147. *Казак Владимир Николаевич.* Участие русских эмигрантов в антифашистской борьбе народов Югославии//Советские люди в антифашистской борьбе народов Балканских стран 1941—1945 гг. Москва, 1975.

148. Казаки в Белой Церкви//Новое время. Белград. № 856.— 4 марта 1924.

149. Казачьи станицы и хутора в Сербии//Новое время. Белград. № 319.— 18 мая 1923.

150. *Казимиров-Клочков*. Донской Императора Александра III кадетский корпус//Часовой. Париж. № 101—102.— 1—15 апреля 1933.

151. *Качаки Иоанн Николаевич*. Выставка книг из фонда Библиотеки русской колонии в Панчево//Русская мысль. Париж. № 3760.— 31 марта 1989.

152. *Кастратовић-Ристић Веселинка*. Руски професори на Београдском универзитету, 1919—1925.//Идеје и покрети на Београдском универзитету од оснивања до данас: Саопштења и прилози са симпозијума одржаног у Београду 15—17. новембра 1988. године. Књига друга. Београд, 1989.

153. *Кашанин Милан*. Изложба руске уметности//Време. Београд. бр. 2951, 2952, 2955, 2957.— 14, 15, 18, 20. марта 1930. (то же в книге: *Владимир Розић*. Ликовна критика у Београду између два светска рата. Београд, 1983.).

154. *Клисић Јован*. Медицински факултет у Београду: Предавање одржано у Српском лекарском друштву на VIII. редовном састанку 5. новембра 1921. год.//Српски архив. Београд, 1922. св. 2—3.

155. *Козлитин Владимир Дмитриевич*. Российская эмиграция в Королевстве сербов, хорватов и словенцев 1919—1923.//Славяноведение. Москва, 1992. № 4.

156. *Конради Дмитрий Николаевич*. Русские эмигранты в музыкальной жизни Белграда//Новое русское слово. Нью Йорк.— 22 сентября 1982.

157. *Косик Виктор Иванович*. Русская Югославия: Фрагменты истории 1919—1944.//Славяноведение. Москва, 1992. № 4.

158. *Косик В. И.* Письмо генерала П. И. Залесского//Славяноведение. Москва, 1994. № 4.

159. Крај Конгреса руских инжењера. Колико је руска емиграција допринела култури других народа//Политика. Београд.— 14. маја 1937.

160. Краткий обзор возникновения и деятельности Общества ревнителей военных знаний в Королевстве С.Х.С.//Военный сборник. Белград. кн. I-я, август/сентябрь 1921.

161. Кружок ревнителей военных знаний в г. Кикинде//Русский военный вестник. Белград, 1927. № 76.

162. Кружок студентов-богословов имени св. Апост. и Еванг. Иоанна Богослова (основан в октябре 1923 г. в Белграде)//Странник. Белград, № 1.— январь 1924. (шапирогр.); № 1.— май 1924. (типогр. изд.).

163. *Кубуровић Мирјана.* Како сачувати Руско гробље (у Београду)//Политика. Београд.— 25. маја 1993.

164. *Лебедев Владимир Иванович.* Руска позоришта у Београду//Идеје. Београд.— 15. јуна 1935.

165. Le vernissage de I exposition du Groupe des peintures russes K.R.U.G.//La Jougoslavie. Belgrade, 1930. No. 35.

166. *Лозо Светозар.* Од двоглавог орла до кукастог крста: Руска белоемиграција у Југославији. (1—33)//Политика експрес. Београд.— 19. јануар — 20. фебруар 1976.

167. *Лозо Светозар.* Руска белоемиграција у служби окупатора (1—25)//Политика експрес. Београд.— 1—25. фебруар 1977.

168. *Lukšić Irena.* Kulturna djelatnost ruskih emigranata u Hrvatskoj između dva rata//Quorum. Zagreb, 1985. br... (dve točke).

169. *Lukšić Irena.* Pjesnici ruskog emigrantskog Beograda//Quorum. Zagreb, 1988. br. 4.

170. *Lukšić Irena.* Popis periodičnih izdanja ruske emigracije u Jugoslaviji 1920—1945//Književna smotra. Zagreb, 1987. br. 65—66.

171. *Лукшић Ирена.* Руска емигрантска периодика у Југославији између два рата//Зборник Матице српске за књижевност и језик. Нови Сад, 1989. књ. XXVII/2.

172. *Lukšić Irena.* Ruski emigranti u Jugoslaviji između dva rata: Beograd i Zagreb kao središta organizacije kulturnog života//Književna smotra. Zagreb, 1987. br. 65—66.

173. *М. Нен. (Милан Ненадић).* Руска емиграција у нашој држави//Нови живот. Београд. 1924. књ. XIX, св. 2.

174. *Маевский Владислав Альбинович.* Храбро павшим братьям

русским. (Памятник Русской Славы на белградском Новом кладбище)//Слово. Москва, 1995. № 7—8.

175. *Макљецов Александар.* Руска емиграција. Факта и мисли//Нова Европа. Загреб. књ. VI. бр. 8.— 11. новембра 1922.

176. (*Манакин Виктор Константинович*). Русские в Югославии// Краљевина Срба, Хрвата и Словенаца: Алманах 1921—1922. Свезак 1. Загреб, (б. г.).

177. *Маликовић Драги.* Насељавање руских емиграната на територији Краљевине СХС током 1920. и 1921. године//Баштина. Приштина, 1993. св. 4.

178. *Маликовић Драги.* Сеоба Руса у Југославију (1—5)//Дневник. Нови Сад.— 25. април — 29. и 30. април, 1. и 2. мај 1995.

179. Мариинский донской институт (в Белой Церкви)//Русский голос. Белград, 1939. № 452.

180. *Мариновић Никола.* Допринос руских емиграната српској култури. (1—44)//Политика. Београд.— 24. април — 11. јуни 1994.

181. *Марковић Олга, Чолић Драгана.* Александар Черепов и «Руско драмско позориште за народ»//Театрон. Београд, 1993. бр. 81/82/83.

182. *Медаковић Дејан.* Изложба руске уметности у Зрењанину: Духовно прегалаштво руске емиграције//Политика. Београд.— 3. јун 1995.

183. *Medarić-Kovačić Magdalena.* Ruska književnost u dijaspori 1918—1940.//Književna smotra. Zagreb, 1987. br. 65—66.

184. *Межински Јелена.* Прослава шездесете годишњице Руског дома у Београду и симпозијум: Допринос руске емиграције развоју српске културе XX века//Руски алманах. Земун—Сремски Карловци, 1993. бр. 03/04.

185. *Мейер Юрий Константинович.* Памяти В. Н. Штрандтмана// Новое русское слово. Нью Йорк.— 20 сентября 1964.

186. *Мейер Ю. К.* Русские беженцы в Югославии//Новое русское слово. Нью Йорк.— 11 апреля; 29 мая 1982.

187. *Месснер Евгений Эдуардович.* Ключ... (статья о русских в

Югославии)//Русская жизнь. Сан Франциско.— 14 февраля 1959.

187а. *Mikić G.* Vasilije Tarasjev. Stub ruske emigracije//Vreme. Beograd. Br. 249.—8. jun 1996.

188. *Миклашевский Олег Петрович.* Русский общедоступный театр в Белграде: Из истории русского искусства//Новое русское слово. Нью Йорк.— 18 мая 1982.

189. *Миленковић Тома.* Долазак избеглица из Русије у Војводину после Првог светског рата//Зборник Матице српске за историју. Нови Сад. 1994. св: 50.

189а. *Миленковић Тома.* Руски инжењери-емигранти у Србији 1919—1941. године//Путевима инжењерства у Србији. Записи. Београд, 1995. бр. 2.

190. *Миленкович Тома.* Союз русских инженеров в Югославии. (1920—1941)//сб. Культурное наследие российской эмиграции 1917—1940. Под общ. ред. академика Е. П. Челышева и профессора Д. М. Шаховского. Книга первая. Москва, 1994.

191. *Милићевић Огњенка.* Пролегомена за креативно памћење: Лидија Мансвјетова//Театрон. Београд, 1994. бр. 84/85/86.

192. *Мирский Марк Борисович.* Российское медицинское зарубежье//сб. Культурное наследие российской эмиграции 1917—1940. Под общ. ред. академика Е. П. Челышева и профессора Д. М. Шаховского. Книга первая. Москва, 1994.

193. *Mitković R.* Treća skupština Lige naroda (Glava: Ruske izbeglice)//Nova Evropa. Zagreb. knj. VI. br. 8.— 11. novembra 1922.

193а. *Молчанов Владимир.* Живая летопись. (50 лет Первой русско-сербской мужской гимназии в Белграде)//Единение. Сидней. № 49—50 (1821—1822).— 6—13 декабря 1985.

194. Музей русской конницы в Белграде//Часовой. Париж. № 74.— 15 февраля 1932.

195. Музей русской эмиграции в Королевстве Югославии//Русский голос. Белград. № 506.— 15 декабря 1940.

196. *Н. М. (Николай Мельников).* Донские станицы за рубежом (В Томашевце и Сакуле, Банат, Югославия)//Иллюстрированная Россия. Париж. № 41 (387).— 8 сентября 1932.

197. *Н. Р.* Как создавался НТС: Первый съезд НСРМ. 1—5 июля 1930 г. (в Белграде)//Посев. Франкфурт на Майне. № 7 (1314).— июль 1983.

198. *Накићеновић Јован.* Руски емигранти у Игалу//Политика. Београд.— 8. јун 1993.

199. *Никифоров Константин.* Руски архитекта П. Н. Краснов — градитељ Његошеве капеле на Ловћену//Стварање. Титоград, 1991. бр. 8—9.

200. *Никифоров Константин Владимирович.* Русский Белград: К вопросу о деятельности русских архитекторов-эмигрантов//Славяноведение. Москва, 1992. № 4.

201. *Николаев-Волков Дмитрий Михайлович.* Русский дом в Белграде//Бюллетень Объединения кадет Российских кадетских корпусов в Венесуэле. Каракас. № 37.— январь 1994.

202. Нове руске избеглице//Политика. Београд.— 7. децембар 1920.

203. *Новиков С.* Русская жизнь заграницей. Земгор в Белграде//Воля России. Прага, 1924. № IV.

204. Общество офицеров Российского военно-воздушного флота в Королевстве С.Х.С.//Наша стихия. Новый Сад. № 1.— март 1923.

205. Общество русских юристов//Новое время. Белград. № 528.— 30 января 1923.

206. *Осведомитель* (псевд.). Десятилетие Русского археологического общества в Югославии//Россия и Славянство. Париж.— 5 декабря 1931.

207. *Očak Ivan.* Ruski emigranti i Narodnooslobodilačka borba naroda Jugoslavije//Istorijski zbornik. Zagreb, 1987. br. 1.

208. Otvaranje ruske kazališne sezone//Novosti. Zagreb. br. 300.— 1. novembar 1938.

209. *Павленко Н.* О Русском театре в Белграде//Новое русское слово. Нью Йорк.— 24 июля 1982.

210. *Павлов Борис.* Руска колониjа у Зрењанину (1—21)//Зрењанин. Зрењанин.— 23. jуни — 17. новембар 1995.

211. *Paunković Zorislav.* Ruska inteligencija u Beogradu 1928.: Kongres predstavnika Saveza ruskih književnika i novinara u inostranstvu//Kultura. Beograd, 1988. br. 80/81.

212. Первая русско-сербская женская гимназия (в Белграде, 1930—1944)//Кадетская перекличка. Нью Йорк, 1973. № 6.

213. I-й русский Вел. Кн. Константина Константиновича кадетский корпус (в Белой Церкви)//Русский голос. Белград, 1939. № 450.

214. *Петров Михаjло.* Изложба руских уметника у Београду//Летопис Матице српске. Нови Сад, 1928. књ. 314. св. 3.

215. *Petrović Veroslava.* Drama, Opera i Balet Narodnog pozorišta u Beogradu 1918—1941.//Sto godina Narodnog pozorišta 1868—1968. Beograd, 1968.

216. *Писарев Юрий Алексеевич.* Российская эмиграция в Югославии//Новая и новейшая история. Москва, 1991. № 1.

217. *Pitamic Leonid.* Liga naroda, Rusi i Jadransko pitanje//Nova Evropa. Zagreb. knj. I. br. 9.— 25. novembra 1920.

218. *Погодин Александар.* Руска школа у Краљевини С.Х.С.//Мисао. Београд, 1927. књ. 25. св. 1—2.

218а. *Полчанинов Ростислав Владимирович.* История «Дня непримиримости»//Православная Русь. Джорданвиль (шт. Н. Йорк). № 19.— 14 октября 1993; то же: Русская мысль. Париж.— 21—27 октября 1993; Единение. Сидней. № 45 (2233).—5 ноября 1993; Страницы истории—бюллетень Сектора ГК ОРЮР. Нью Хайд Парк. (шт. Н. Йорк). № 20.— ноябрь 1993; Вестник Общества русских ветеранов Великой войны. Сан Франциско. № 272.— декабрь 1993; Кубанец. Рэд Бенк. (шт. Нью Джерси, США). № 168.— февраль/март 1994.

218б. *Полчанинов Р. В.* История работы с одиночками 1922—1992.//Страницы истории. Бюллетень Сектора ГК ОРЮР. Нью Хайд Парк (шт. Н. Йорк). № 12.— 1 марта 1992; № 22.— 22 января 1994.

219. *Полчанинов Р. В.* Кадеты в Сараеве//Новое русское слово. Нью Йорк.— 8 апреля, 15 апреля 1984.

219а. *Полчанинов Р. В.* К истории юных разведчиков — русских скаутов//Новый часовой. Санкт-Петербург (Россия), 1995. № 3.

220. *Полчанинов Р. В.* Молодежные организации Российского Зарубежья//Записки Русской академической группы в США. Нью Йорк, 1994. т. XXVI.

220а. *Полчанинов Р. В.* Основание общества «Русский сокол» в Сараеве//Пути русского сокольства. Нью Хайд Парк (шт. Нью Йорк), № 17 (49) — июнь 1994.

220б. *Полчанинов Р. В.* Первый сараевский отряд русских скаутов//Страницы истории. Бюллетень Сектора ГК ОРЮР. Нью Хайд Парк (шт. Нью Йорк). № 18.— 1 мая 1993.

221. *Полчанинов Р. В.* «Русская колония в Великом Бечкереке» (рецензия на книгу Б. Л. Павлова)//Новое русское слово. Нью Йорк.— 6 апреля 1995.

222. *Полчанинов Р. В.* Русские открытки в Югославии 1918—1941//Новое русское слово. Нью Йорк.— 22 апреля 1992.

223. *Полчанинов Р. В.* Русская школа в Сараеве//Новое русское слово. Нью Йорк.— 22 марта, 29 марта, 5 апреля 1987.

224. *Полчанинов Р. В.* Русские в Сараеве//Кадетская перекличка. Нью Йорк. № 36.— август 1984.

225. *Поповић Ђорђе.* Изложба групе руских сликара и уметника//Правда. Београд, 1935. бр. 11196.

226. *Поповић Ђорђе.* Периодична изложба руских уметника//Правда. Београд, 1938. бр. 11945.

227. *Поповић Сава.* Децембарске изложбе: Изложба руских сликара и арихтеката, Београд, 1935.//Београдске општинске новине. Београд, 1936. бр. 1.

228. Пред народни суд у Сарајеву изведени су бивши белогардејци — совјетски грађани који су у совјетској обавештајној служби радили против слободе и независности ФНРЈ//Политика. Београд.— 2—5, 7, 10. децембар 1949.

229. *Протопопов Николай Николаевич.* Белая армия за рубежом// Кадетская перекличка. Нью Йорк. № 37.— декабрь 1987.

230. *Протопопов Н. Н.* Король-рыцарь и русская эмиграция: К 60-летию убийства короля Югославии Александра I объединителя//Наши вести. Санта Роза, США. №№ 437—438 (2738—2739).— декабрь 1994 — март 1995. (то же: Бюллетень Объединения кадет российских кадетских корпусов в Сан Франциско. Сан Франциско. № 43.— октябрь/ноябрь/декабрь 1994.

231. *Пр-ов Н. (Протопопов Николай).* Полковые священники Русского корпуса//Наши вести. Санта Роза. № 438 (2739) — март 1995.

232. Профессиональные и технические курсы//Новое время. Белград. № 4.— 26 апреля 1921.

233. *Радовић Радован.* Руски стручњаци у војној индустрији Србије//Политика. Београд.— 30. мај 1993; 6. април 1995.

233а. *Радојчић Милорад.* Руси — гимназијски предавачи у Ваљеву (1—14)//Напред. Ваљево. бр. 2437—2450.— 6. октобар 1995.— 5. јануар 1996.

234. *Розенберг Владимир Владимирович.* Русская школа в Югославии//Россия и Славянство. Париж.— 30 августа 1930.

235. *Рощин Николай.* По чужим краям: Русские в Югославии//Иллюстрированная Россия. Париж. № 15 (361).— 9 апреля 1932.

236. Руси у Југославији//Епоха. Београд. Бр. 698.— 25. април 1921.

237. Руска болница у Панчеву//Политика. Београд.— 23. октобар 1925.

238. Руска емиграција и српска култура: Изводи из научних саопштења//Политика. Београд.— 15. мај 1993.

239. Руска емиграција у Сремским Карловцима: Генерал Врангел и његов штаб: Митрополит Антоније и Руски синод: Живот руске колоније//Карловци. Сремски Карловци — Нови Сад, 1930.

240. Руске избеглице//Епоха. Београд. Бр. 532. —8. новембар 1920.

241. Руске избеглице//Новости. Београд.— 1. децембар 1921.

242. Руске избеглице//Правда. Београд. Бр. 328.— 30. новембар 1921.

243. Ruski dramski studio u Zagrebu: Povijest, ciljevi, rad//Komedija. Zagreb. Br. 20 (152).— 23.V 1937.

244. Русская здравница (Санатория в Топчидере)//Перезвоны. Рига, 1925. № 4.

245. Русская эмиграция в Королевстве Югославии//Часовой. Париж. № 236—237.— 5 июня 1939.

246. Русская эмиграция в цифрах//Военный журналист. Белград. № 3.— 1 ноября 1939.

247. Русские беженцы в Сербии//Иллюстрированная Россия. Париж, 1925. № 18.

248. Русские офицеры//Новое время. Белград. № 135.— 6 октября 1921.

249. Русский научный институт (в Белграде)//Русский голос. Белград, 1939. № 452.

250. Русское общество взаимопомощи в Белграде//Русская газета. Белград. № 10.— 18 мая 1920.

251. Русское торжество: Приют Русского отдела Красного креста для стариков и старух в Вел. Кикинде//Русский голос. Белград. № 448.— 5 ноября 1939.

252. *Рыбинский Николай Захарович.* Белград//Иллюстрированная Россия. Париж. № 15 (361).— 9 апреля 1932.

253. *Рыбинский Н. З.* Двухлетие Высших военных курсов в Белграде//Часовой. Париж. № 98.— 15 февраля 1933.

254. *Рыбинский Н. З.* Под сенью Красного креста...: К юбилею В. Н. Штрандтмана//Рубеж. Харбин. № 3 (364).— 12 января 1935.

255. *Рыбинский Н. З.* Русский балет в Югославии//Рубеж. Харбин, 1934. № 27.

256. *С. А.* Петнаест година од смрти старешине Руске православне цркве у Београду протојереја Виталија Тарасјева//Православље. Београд. бр. 529.— 1. април 1989.

257. *Сазонов Ростислав.* Три школы: Русская гимназия в Херцег-Нови. «Панчевские курсы». Русская реальная гимназия в

Земуне//Кадетская перекличка. Нью Йорк. № 25.— сентябрь 1980.

258. *Семиряга Михаил Иванович.* Участие русских эмигрантов в освободительной борьбе югославских народов.— Глава из книги: Советские люди в европейском Сопротивлении. Москва, 1970.

259. *Свечникова Ариадна Игнатьевна.* Наш институт (Первая русско-сербская девичья гимназия с общежитием в Великой Кикинде)//Кадетская перекличка. Нью Йорк. № 8.— 1974.

259а. *Селинская Людмила Ростиславовна.* 70-летие первого и 60-летие последнего югославского БКС (Курсы для скаутских руководителей с участием русских)//Вестник руководителя ГК ОРЮР. Бруклин (шт. Нью Йорк), № 429 — июль/август 1995.

260. *Сибиновић Миодраг.* Руска емиграција у српској култури//Политика. Београд.— 10. април 1993.

261. *Сибинович М.* Научные чтения, посвященные русской эмиграции в Югославии//Славяноведение. Москва, 1994. № 4.

262. *Симић П., Додер М.* Руска емиграција у Југославији (1—7)//Новости (издање «Борбе»). Београд.— 9—15. мај 1994.

263. *Симовић Милорад.* Друга периодична изложба руских уметника у Београду//Београдске општинске новине. Београд, 1939. бр. 4.

264. *Солонский Александр Александрович.* Демография русской эмиграции в Белграде//Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1935. Выпуск 10.

265. Союз агрономов, ветеринаров и лесоводов//Новое время. Белград.— 21 января 1920.

266. Союз русских инженеров//Новое время. Белград. № 524.— 24 января 1923.

267. Союз русских педагогов//Новое время. Белград. № 525.— 25 января 1923.

268. *Спекторский Евгений Васильевич.* Десятилетие Русского научного института в Белграде 1928—1938)//Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1938. Выпуск 14.

269. *Спекторски Евгеније.* Руске цркве ван Русије (О русских храмах и часовнях в Королевстве Югославии)//Календар «Братство» за преступну годину 1940. Сарајево, 1939.

270. *Станимировић Милоје.* Руски емигрант донео фудбал у Пећ// Политика. Београд.— 23. мај 1994.

271. Статистика беженцев//Русская газета. Белград. № 33.— 16 июля 1920.

272. Статистика русских беженцев//Русская газета. Белград. № 25.— 6 июля 1920.

273. Статус држављанства бивших руских држављана-емиграната// Гласник. Службени лист Српске православне цркве. Београд, 1948. бр. 1—2.

274. *Стојановић Сретен.* Изложба групе «КРУГ»//Политика. Београд.— 30. април 1930.

275. *Стојановић Сретен.* Изложба уметничке групе «КРУГ»// Политика. Београд, 1931. бр. 8197.

276. *Стојановић Сретен.* Руска емиграција и уместност код нас//Мисао. Београд, 1928. бр. 1—2.

277. *Stojković Borivoje.* Istorija srpskog pozorišta od Srednjeg veka do modernog doba//Teatron. Beograd, 1979. br. 17—18.

278. *Сукк Нина Владимировна.* Харьковский институт (Новый Бечей, Югославия)//Кадетская перекличка. Нью Йорк. № 7. 1973.

279. *Сысоев Геннадий.* «Лучшее, что имела Россия»: О судьбе нашей первой эмиграции в Югославий//Новое время. Москва, 1992. № 4.

280. Съезд национальной молодежи (1—5 июля 1930 г. в Белграде)//Часовой. Париж. № 37.— 15 августа 1930.

281. *Schwarz Rikard.* Ausstellung der Kunstlergruppe «KRUG» in Beograd//Morgenblatt. Zagreb, 1931. Nr. 63.

282. *Тарановски Теодор.* Руска књижевност и наука у емиграцији// Летопис Матице српске. Нови Сад, 1930. књ. 325. св. 1—3.

283. *Тарасјев Андреј.* Блажењејши Антоније — митрополит Кијевски и Галицки (1863—1936): Поводом 50-годишњице смрти (1—7)//

Православље. Београд. бр. 467—473.— 1. септембар — 1. децембар 1986.

284. *Тарасьев Василий, прот., Рыковский Юрий.* Помогите спасти Памятник русским воинам в Белграде!: Обращение. Белград, 19 июня 1990 г.//Русская мысль. Париж. № 3848.— 5 октября 1990.

285. *Тарасьев Василий, прот.* Учите историю!: Разговор Е. Бондаревой с о. Василием Тарасьевым, настоятелем Подворья Русской Православной церкви в Белграде//Слово. Москва, 1995. № 7—8.

286. *Тарасьев Василий, прот.* Хранить память об ушедших (Русские могилы в Белграде)//Литературная Россия. Москва. № 21 (1425).— 25 мая 1990.

287. *Таубер Леонид Яковлевич.* Лига наций и юридический статус русских беженцев//Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1933.— Выпуск 9.

288. *Таубер Леонид.* Циљеви руске емиграције//Летопис Матице српске. Нови Сад, 1930. књ. 324. св. 1.

289. *Театрал* (псевд.). Русское искусство в Королевстве С.Х.С.//Призыв. Белград. № 4 — июль 1926.

290. *Тесемников Владимир Алексеевич.* Белград как один из научных центров Российского зарубежья//сб. Культурное наследие российской эмиграции 1917—1940. Под общ. ред. академика Е. П. Челышева и профессора Д. М. Шаховского. Книга первая. Москва, 1994.

291. *Тесемников В. А.* Деятельность Русского научного института в Белграде (1928—1941 гг.)//сб. Развитие общественной мысли в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Москва, 1991.

291а. *Тесемников В. А.* Российская эмиграция в Югославии (1919—1945)//Вопросы истории АН СССР. Москва, 1988. № 10.

292. *Tesemnikov V. A.* Belgrad: Die Russischen Emigranten in Jugoslawien. in: «Der grosse Exodus». Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941. München, 1994.

293. *Thaller Lujo.* K pitanju ruskih izbjeglica//Jugoslavenska njiva. Zagreb. br. 4.— 29. januara 1921.

294. *Трифуновић Драган.* Допринос Данила Михњевића парцијалним диференцијалним једначинама (главе: Руска научна емиграција. Руски научни институт)//Историја математичких и механичких наука. Математички институт — Београд. Београд, 1992. бр. 6.

295. *Троицки Сергије.* Правни положај Руске цркве у Југославији//Архив за правне и друштвене науке. Београд, 1939. књ. 39 (56). бр. 1—2.

296. *Трушнович Ярослав Рудольфович.* Почему члены НТС отказывались идти в Корпус ген. Скородумова//Посев. Франкфурт на Майне. № 4 (1395).— июль/август 1990.

297. *Турлаков Слободан.* Руски уметници у Београдској опери//Театрон. Београд. бр. 84/85/86.— март 1994.

298. «Ты дорог мне, как молодости крылья...». Подборка лирики русских поэтов «белградского круга»: Екатерины Таубер, Лидии Алексеевой, Ильи Голенищева-Кутузова, Владимира Гальского, Александра Неймирока, Юрия Бек-Софиева и Петра Евграфова//Слово. Москва, 1995. № 7—8.

299. Une exposition de l'Association des Artistes «Kroug»//La Jougoslavie. Belgrade, 1931. No. 9.

300. *Ураков Михаил Александрович.* Шестьдесят лет Русскому дому в Белграде//Славяноведение. Москва, 1994. № 4.

301. *3Fedorov Nikolaj.* Ruska emigracija: Historija — Suština — Rad.— Značenje. 1919—1939.//Hrvatska smotra. Zagreb, 1939. br. 7/8.

302. *Хакман Стеван.* Изложба «КРУГА»//Мисао. Београд, 1930. књ. 32.

303. *Хохульников Константин Николаевич.* В эмиграции//Вечерний Ростов. Ростов на Дону.— 2—5 августа 1989.

304. Цель новой регистрации//Новое время. Белград. № 2.— 23 апреля 1921.

305. *Црнић-Пејовић Марија.* 55 година од објављивања листа «Россика» у Игалу//Библиографски вјесник. Цетиње, 1985. бр. 2.

306. *Č.* Ruski emigranti//Nova Evropa. Zagreb, 1925. knj. XII. br. 6.

307. *Ćirjanić Dragan.* No, gde ste sad vi?: Knjiga «Rusi bez Rusije — srpski Rusi», koju je izdao glumac Dušan Janićijević, otkriva novim generacijama Beograđana galeriju tvoraca «beogradskog duha»//Duga. Beograd. Br. 1614.— 29. aprila — 12. maja 1995.

308. Часовня-памятник в Загребе//Иллюстрированная Россия. Париж. № 46 (549).— 9 ноября 1935.

309. *Шекшен А. Г.* Книга о «Русском Белграде». Ђурић Остоjа. Руска литерарна Србиjа 1920—1941.: Писци, кружоци и издања. Горњи Милановац — Београд 1990//Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. Москва, 1992. № 6.

310. Школа подхорунжих в Югославии (Кубанской казачьей дивизии в Белом Монастыре, Белище)//Часовой. Париж. № 90.— 15 октября 1932.

311. *Šmitek Zmago.* Kalmička zajednica u Beogradu//Kulture Istoka. Beograd. br. 25.— juli/septembar 1990.

312. *Šmitek Zmago.* Kalmiška skupnost v Beogradu 1920—1944//Traditiones. Zbornik Instituta za Slovensko narodopisje Slovanska akademija znanosti in umetnosti. Razred za filološke in literarne vede. Ljubljana, 1988. br. 17.

312а. *Шумихин Сергей.* Из истории белградского «Нового времени». Письма М. А. Суворину 1921—1930 гг.//Новое литературное обозрение. Москва, 1995, № 15.

312б. *Ю. А.* (*Юрий Константинович Амосов*). «Памятка» и Съезд бывших гимназисток и гимназистов (Первой русско-сербской гимназии в Белграде, состоялся 20 января 1963 г. в Нью Йорке)//Единение. Сидней. № 5 (1881).— 30 января 1987.

313. Югославия: Русские знамена в изгнании//Перезвоны. Рига, 1925. № 2.

314. *Юрьев Евгений.* Дипломатические превращения//Русь. София. № 290.— 14 марта 1924.

314а. *Ямпольский В. П.* (публикация). Черные дела «Белого движения». О тех, кто готовился освобождать Россию под чужими знаменами (Из спецсообщения контрразведки «СМЕРШ» 3-го

Украинского фронта №30341/3 в Военный совет фронта о выявлении и задержании активных участников белоэмигрантских организаций на территории Югославии 28 декабря 1944 г.)// Военно-исторический журнал. Москва, 1995, № 5.

Мемуарные труды

315. *Agafonow Alexander.* Erinerungen eines notorischen Deserteurs. Berlin, 1993.

316. *Алексеева Лидия (Девель-Иванникова Лидия Алексеевна).* Из воспоминаний о Белграде//Русский альманах. Париж, 1981.

317. *Архиепископ Иоанн Шаховской.* Вера и достоверность: Первое служение (Русские в Белой Церкви). Париж, 1982.

318. *Басалаев Аркадий Алексеевич.* Бой на Тисе: Внук Льва Толстого//Социалистическая индустрия. Москва.— 20 октября 1984.

319. *Башкирова Галина Борисовна, Васильев Геннадий Владимирович.* Путешествие в Русскую Америку: Рассказы о судьбах эмиграции. (Глава: Судьбы русских архивов). Москва, 1990.

320. *Бертельс-Меньшой Андрей.* Кадетский театр в Стрнище//Кадетская перекличка. Нью Йорк. № 5.— 1973.

321. *Бодиско Владимир Васильевич.* Перуанцы (Кубанские казаки ген.-май. Павличенка)//Кадетская перекличка. Нью Йорк. № 54. — сентябрь 1994.

322. *Бодиско В. В.* Понять — простить?//Бюллетень Объединения кадет российских кадетских корпусов в Венесуэле. Каракас. № 26.— март 1989.

323. *Бодиско В. В.* Русские сокола за рубежом («Русский сокол» в Земуне)//Бюллетень Объединения кадет российских кадетских корпусов в Венесуэле. Каракас. № 42.— 1995.

324. В Русском корпусе полвека назад: Из письма командира 3-его батальона 2-го полка генерала Е. В. Иванова//Наши вести. Санта Роза, Калифорния. № 437 (2738).— декабрь 1994.

325. *Ганусовский Борис Казимирович.* 10 лет за железным занавесом 1945—1955: Записки жертвы Ялты: Выдача XV казачьего корпуса. Сан Франциско, 1983.

326. *Гиљотен J. Ж.* Две моје домовине: Успомене Јелисавете Жерардовне Гиљотен. Горњи Милановац, 1991.

327. *Грицкат Ирена.* У лебдивом ходу: Сећања, Нови Сад, 1994.

328. *Грицкат-Радуловић Ирена.* Три записа о натпевавању судбине//Летопис Матице српске. Нови Сад. 1983. књ. 432. св. 5.

329. *Грицкат-Радуловић Ирена.* Цртице из београдске културне прошлости//Књижевна реч. Београд. бр. 307.— 10. X 1987.

330. *Ђокић Томислав.* Облаци и каљаче Бориса Кољчицког//Дневник. Нови Сад.— 12. октобар 1992.

331. *Ђорђевић Пуриша.* Кад се сетим... Царски Руси у Чачку//Политика. Београд.— 7. јун 1993.

332. *Еленин Марк Соломонович.* Семь смертных грехов. Роман-хроника: Кн. 1 — Изгнание; Кн. 2 — Крушение. Ленинград, 1981, 1983.

333. *Жарковић Јагода.* Три верна друга, један жив (Олга Соловјова)//Политика. Београд.— 3. септембар 1978.

334. *Жуковски Анатолиј.* Мој живот//Театрон. Београд. бр. 90.— март 1995.

335. *Жуковский Анатолий Михайлович.* Воспоминания о Короле Александре//Бюллетень Объединения кадет российских кадетских корпусов в Сан Франциско. Сан Франциско. № 43.— октябрь/ноябрь/декабрь 1994.

336. *Jovović Radmila.* Lidija Iraklidi, prvi Yu kozmetičar//Žena-85. «Reporter». Posebno izdanje. Beograd.— oktobar 1984.

337. *Казанцев Александр Степанович.* Третья сила: История одной попытки. Франкфурт на Майне, 1974.

338. *Каратеев Михаил Дмитриевич.* Эвакуация Крымского кадетского корпуса (Глава из книги: «Белогвардейцы на Балканах»)//Бюллетень Объединения кадет российских кадетских корпусов в Сан Франциско. Сан Франциско. № 45.— апрель/май/июнь 1995.

339. *Козякин Николай Васильевич.* Наше поколение//Кадетская перекличка. Нью Йорк. № 25.— сентябрь 1980.

340. *Курганский В.* Тридцать лет тому назад (Эвакуация Кадетского корпуса из Белой Церкви осенью 1944 г.)//Кадетская перекличка. Нью Йорк. № 11.— 1975.

341. *М. М.* Летние занятия русских разведчиков в Люблянах//Часовой. Париж. № 160—161.— 1 января 1936.

342. *Мальчевский Алексей.* Помните чье имя носите (О лагере Сан Сабо ок. Триеста, 1952 г.)//Кадетская перекличка. Нью Йорк. № 23.— ноябрь 1979.

342а. *Мальчевский А.* Ступенями в прошлое. Сан Франциско, 1979.

343. *Медаковић Дејан.* Сањам своје Карловце: Одломак из «Ephemeris» — Хроника једне породице. Књига 1.//Дневник. Нови Сад.— 13 децембар 1989.

344. *Микић Драшко.* Руси у Сремским Карловцима//Политика. Београд.— 29. август 1994.

345. *Милошевић Предраг.* Руси у Београдској опери — В книге: Београд у сећањима 1919—1929. Београд, 1980.

346. *Mitropan Petar.* Nakon deset godina: Iz uspomena jednog ruskog pedagoga u Jugoslaviji//Nova Evropa. Zagreb. knj. XXI. br. 4.— 16. april 1930.

346а. *Митрополит Вениамин (Федченков).* Из «Сербских дневников»: По делу устроения мужского русского монастыря в Сербии//Образ. Москва, 1995. № 4.

347. *Михаиловић Драгослав.* Голи Оток. Књига трећа. Београд, 1995.

348. *Михеев Ярополк Леонидович.* К 75-летнему юбилею основания российского разведчества//Кадетская перекличка. Нью Йорк. № 35.— апрель 1984.

349. *Николић Бранислав.* Руски емигранти у Пећи//Политика. Београд.— 14. мај 1994.

350. *Николиш Гојко.* Моје школовање у Сремским Карловцима (1926—1929)//Летопис Матице српске. Нови Сад, 1980. књ. 425. св. 2.

351. *Павлов Борис Арсеньевич.* Мы и словенцы в Стрнище// Кадетская перекличка. Нью Йорк. № 8.— 1974.

352. *Павлов Б. А.* Поездка в Белую Церковь//Кадетская перекличка. Нью Йорк. № 5.— 1973.

353. *Пауновић С.* Певачи и музичари.— В књиге: Београд у сећањима. 1930—1941. Београд, 1983.

354. *Петровић Теодора.* Сећања. Глава 41 (О русской эмиграции в Сремских Карловцах)//Зборник Матице српске за књижевност и језик. Нови Сад, 1977. књ. 25. св. 3.

355. *Полчанинов Ростислав Владимирович.* Посещение генералом Врангелем Сараева в 1922 году//Кадетская перекличка. Нью Йорк. № 54.— сентябрь 1994.

356. *Полчанинов Р. В.* Сараево, 1920-е годы//Новое русское слово. Нью Йорк.— 2 марта 1993.

357. Полчанинов Р. В. Сараевцы//Страницы истории. Бюллетень Сектора ГК ОРЮР. Нью Хайд Парк. (шт. Н. Йорк). № 28.— сентябрь 1994.

358. *Полчанинов Р. В.* Церковь Первого русского кадетского корпуса в Сараево//Кадетская перекличка. Нью Йорк. № 55—56.— декабрь 1994/март 1995.

359. *Поляков С. И.* Русские в Черногории в 1941 г.//Наши вести. Санта Роза. Калифорния. № 403—405 (2904—2906).— июль/декабрь 1986.

360. *Протић Душан.* Од Азовског мора до Рибнице. Или: Шта је све доживео Владимир Попов в својих 85 година живота// Политика. Београд.— 1. марта 1978.

361. *Прянишников Борис Витальевич.* Новопоколенцы. Silver Spring. Md., (США). 1986.

362. *Прянишников Б. В.* Светлой памяти М. А. Георгиевского// Кадетская перекличка. Нью Йорк. № 44.— апрель 1988.

363. *Ракитин Юрий Львович.* Из македонской глуши//Новое время. Белград, 1923. № ?

364. *Росселевич Анатолий Михайлович.* Первые студенты//Кадетская перекличка. Нью Йорк. № 6.— 1973.

365. *Сергеевский Борис Николаевич.* Одна из лучших страниц истории русской эмиграции (О Первой русско-сербской гимназии в г. Велика Кикинда)//Новое русское слово. Нью Йорк.— 14 июня 1959.

366. *Солодовников Александр Васильевич.* Записки рыболова. Монреаль, 1977.

367. *Sošić Mirjana.* Stoljeće jedne ljubavi: Cavtat ima neobičnu stanovnicu, 98. godišnju Lydiu Iraklidi//Večernji list. Zagreb.— 19.V 1991.

368. *Станић Славко.* Толстој из Војводине//Политика. Београд.— 2. август 1985.

369. *Taljić Islam.* Humka priča priču o ljubavi: O ruskoj grofici i bosanskoj nevesti//Praktična žena. Beograd. br. 568.— 25. mart 1978.

370. *Тарасьев Андрей Витальевич.* Дед (Из семейного архива рода Литвиновых-Массальских)//Град Китеж. Москва, 1993. № 2 (14).

371. *Тарасјев Андреј.* Писмо другу с поводом (Поводом 70. живота Никите Иљича Толстоја)//Руски алманах. Земун—Сремски Карловци, 1993. бр. 03/04.

372. *Тихонов П. П.* Вспоминая лейтенанта: Штрихи боевой страды Русского корпуса на Балканах//Наша страна. Буэнос Айрес. № 2286.— 28 мая 1994.

373. *Толстой Илья Владимирович.* Бой на Тисе: К родным березкам//Социалистическая индустрия. Москва.— 21 октября 1984.

374. *Февр Николай Михайлович.* Молодое поколение эмиграции. Глава из книги: «Солнце восходит на Западе»//Кадетская перекличка. Нью Йорк. № 25.— сентябрь 1980.

375. *Халафова Ирина Владимировна.* Свидетель истории: Автобиография. Melbourne. Australia, 1988.

376. *Хипиус Зинаида.* Писмо о Југославији//Књижевне новине. Београд. бр. 818.— 15. април 1991.

377. Хроника семьи Зерновых. Том 2.: За рубежом (Белград—Париж—Оксфорд, 1921—1972). Париж, 1973.

378. *Црнић-Пејовић Марија.* Херцег-Нови послије Првог свјетског рата по записима Тома К. Поповића//Бока. Зборник за умјетност, науку и културу. Херцег-Нови. 1983.

379. *Чванов Михаил Алексеевич.* Встречи: «Литературная Россия» в Сербии//Литературная Россия. Москва. № 46—47 (1606—1607).— 10 декабря 1993.

380. *Шаховской Иоанн, архиеп.* Биография юности (Белая Церковь, Королевство С.Х.С.). (б. м.), 1977.

381. *Ширинкина Ариадна Евгеньевна.* От Белграда до Орла//Посев. Франкфурт на Майне, 1990. № 6.

382. *Шульгин Василий Витальевич.* Возвращение Одиссея//Известия. Москва.— 7 сентября 1962.

383. *Шульгин В. В.* Письма к русским эмигрантам. Москва, 1961.

384. *Шульгин В. В.* Дни: 1920. (Дмитрий Жуков: Жизнь и книги В. В. Шульгина). Москва, 1989.

385. *Ягличич Владимир.* Родина и отечество (Беседа с А. В. Тарасьевым в Белграде)//Литературная Россия. Москва. № 18—19.— 14 мая 1993.

Литературные произведения

386. *Автамонов Игорь Александрович.* Повесть о Володе: Рассказ//Русский рубеж. Ежемесячная газета — приложение к «Литературной России». Москва. № 12.— 29 ноября 1991.

387. *Алексеев Глеб Васильевич.* Мертвый бег. Повесть зарубежных лет. Москва, 1923.

388. *Бојановић Лазар.* Времеплов душе: Исток и Запад//Дневник. Нови Сад.— 22. октобар 1995.

389. *Гинзбург Лев Владимирович.* Разбилось лишь сердце мое. Роман-эссе (Отрывок: Визит к О. П. Янчевецкой и Ю. Н. Азбукину в Белграде в 1967 г.)//Новый мир. Москва, 1981. № 8.

390. *Делианич-Степанова Ариадна Ивановна.* Туманы. Роман из жизни эмигрантов. Сан Франциско, 1981.

391. *Дорба Иван Васильевич.* Белые тени. Роман. Москва, 1981.

392. *Дорба И. А.* Под опущенным забралом. Роман. Москва, 1985.

393. *Жолтенко Владимир Семенович.* Улыбки жизни. Повести и рассказы. Первая книга. Любляна, 1935.

394. *Kiš Danilo.* Lauta i ožiljci. Pripovetka//Borba. Beograd.— 30. april — 3. maj; 8—9. maj 1993.

395. *Михаиловић-Михиз Борислав.* Аутобиографија — о другима. (Глава: Два Руса — Сергије Сластиков и проф. Александар Беликов). Београд, 1990.

396. *Огњеновић Вида.* Отровно млеко маслачка. Приповетке. Београд, 1994 (прво издање), 1996 (пето издање).

397. *Ракитин Юрий Львович.* Именинная полемика (А. М. Ренникову)//Новое время. Белград. 1924. № ?

398. *Ренников А. (Селитренников Андрей Митрофанович).* Тамо далеко. Пьеса из жизни русских в Белграде. (б. м.; б. г.).

399. *Февр Николай Михайлович.* Брызги жизни. Юмористические рассказы. Белград, 1937.

400. *Čiplić Bogdan.* Kadril. Roman (šaljivi). Novi Sad, 1964.

Коротко об участниках сборника

Аврамович Сима, доктор юридических наук, профессор юридического факультета Белградского университета.

Аксенова Елена Петровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН, специалист по истории славяноведения.

Арсеньев Алексей Борисович, инженер-теплотехник, работает на Нефтеперерабатывающем заводе в Нови Саде. Публицист, собиратель материалов и автор ряда статей о жизни и деятельности русской эмиграции в Югославии.

Божович Зоран, доктор филологических наук, литературовед, профессор кафедры славистики Белградского университета. Специалист по русской литературе второй половины XIX века. Автор ряда статей и книг о восприятии творчества А. П. Чехова в Югославии.

Булатова Римма Владимировна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН, специалист по сравнительно-исторической грамматике славянских языков, палеославистике.

Глигориевич Бранислав, доктор исторических наук, старший научный советник Научно-исследовательского института современной истории (Белград). Специалист по югославской истории XX века.

Голенищева-Кутузова Искра Вениаминовна, литературовед, историк науки, автор библиографических книг «История итальян-

ской литературы», тт. 1—2. М., 1977, фундаментального пятитомного издания «Советское литературоведение и критика» (в соавторстве с Ю. Д. Рыскиным и др.), постоянный сотрудник и издатель трудов своего учителя и мужа И. Н. Голенищева-Кутузова, автор статей о писателях русского зарубежья. До выхода на пенсию — главный библиограф Отдела литературоведения Института научной информации по общественным наукам РАН.

Гудков Владимир Павлович, филолог-славист, специалист по сербохорватскому языку. Кандидат филологических наук, доцент. Заведующий кафедрой славянской филологии филологического факультета МГУ им. Ломоносова, президент Ассоциации друзей Югославии.

Димич Любодраг, доктор исторических наук, научный советник Исторического института САНУ. Специалист по истории национальной культуры XX века.

Живоинович Мирьяна, доктор исторических наук, научный советник Института византологии САНУ. Специалист по истории сербской культуры средних веков.

Йованович Мирослав, кандидат исторических наук, преподаватель кафедры истории философского факультета Белградского университета. Исследователь истории российской эмиграции в Королевстве СХС и Югославии.

Кадиевич Александр, кандидат искусствоведения, сотрудник отделения истории искусства философского факультета Белградского университета. Специалист по архитектуре XX века. Собирает материалы и печатает статьи о творчестве архитекторов из среды русской эмиграции в Югославии.

Кириллова Ольга Леонидовна, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН, автор статей о сербской литературе XX века, монографии «Между мифом и игрой. О поэтике Андрича» (Москва, 1991; Белград, 1994) и ряда переводов на русский язык произведений сербских и югославских писателей.

Кончаревич Ксения, кандидат филологических наук, языковед, преподаватель русского языка на кафедре славистики филологиче-

ского факультета Белградского университета. Автор ряда статей по методике преподавания русского языка.

Косик Виктор Иванович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики РАН, специалист по международным отношениям Балкан и России конца XIX — начала XX вв., исследователь русской философской мысли конца XIX в., вопросов русской эмиграции в Югославии.

Миленкович Тома, доктор исторических наук, старший научный советник Научно-исследовательского института современной истории (Белград). Специалист по национальной истории XX века. Исследователь материалов и автор ряда статей о русской эмиграции в Югославии.

Милованович Милан, архитектор. Область научных интересов — историография сербской архитектуры XX века. Исследователь деятельности архитекторов из кругов русской эмиграции.

Михальчич Раде, доктор исторических наук, профессор кафедры истории философского факультета Белградского университета. Специалист по сербской истории средних веков. Автор ряда статей и книг.

Павлович Мирка, музыковед. Область научных интересов — сербская светская и церковная музыка, архивистика, а также музыкальные и театральные традиции Индии и Индонезии.

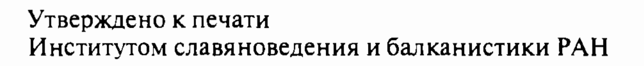
Радич Радивой, доктор исторических наук, научный сотрудник Института византологии САНУ, доцент, преподает на философском факультете Белградского университета. Автор ряда книг и статей по истории Византии.

Сибинович Миодраг, доктор филологических наук, литературовед, профессор кафедры славистики Белградского университета. Автор ряда статей и книг по русской литературе, по истории и теории художественного перевода, по сербско-русским и сербско-славянским культурным и литературным связям.

Суботич Ирина, доктор искусствоведения, профессор факультета искусств Новосадского университета, а также в течение многих лет хранитель белградского Народного музея — национального музея Сербии. Специалист по искусству XX века. Автор ряда статей, книг, тематических выставок.

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ЮГОСЛАВИИ


Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики РАН

Оригинал-макет подготовлен в типографии № 2 РАН

ЛР № 070644, выдан 26 октября 1992 г.
Формат 60×84 1/16. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
22,0 п. л. Тираж 1 000 экз. Заказ № 4337
Отпечатано в Типографии № 2 РАН
121099, Москва, Г–99, Шубинский пер., д. 6